

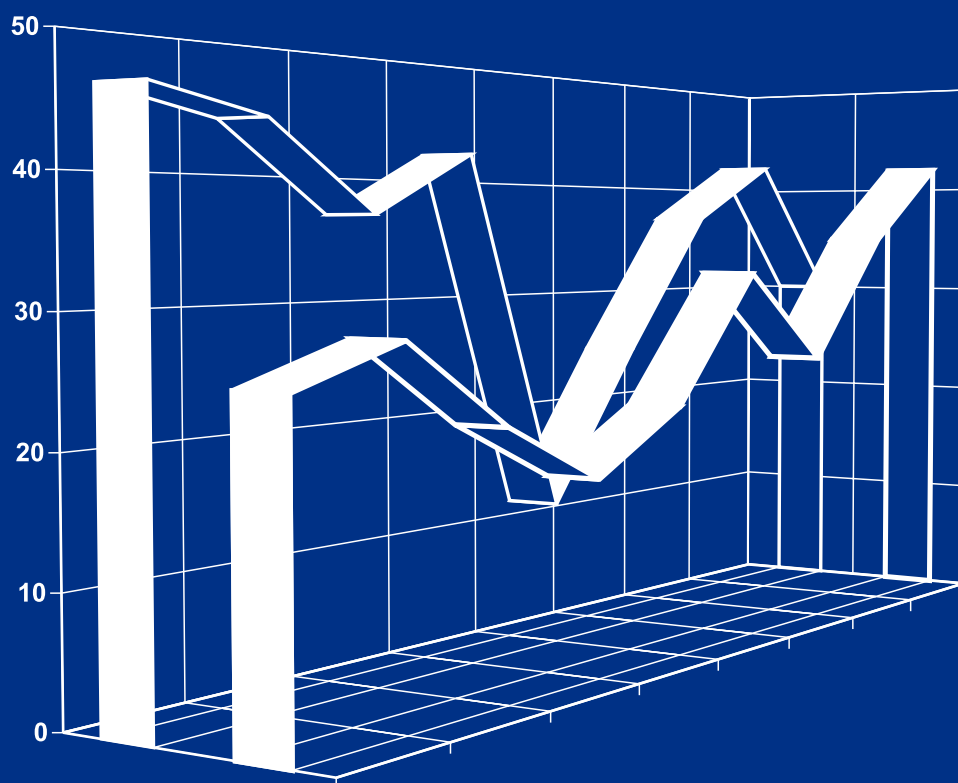
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

3—4 (131)

ИЮЛЬ — ДЕКАБРЬ 2020

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(131)

Выходит 2 раза в год. Год издания 27-й

Июль–декабрь 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	4
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ	
Абел АГАНБЕГЯН. Новой России – 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ)	29
Михаил ДМИТРИЕВ, Анастасия НИКОЛЬСКАЯ. Назад в будущее: как изменились настроения россиян под влиянием пандемии и экономического спада	74
Сергей НИКОЛЮК. В поисках разгонного блока белорусской революции	91
Светлана МАРЕЕВА, Екатерина СЛОБОДЕНЮК. Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России	100
Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Перемены в субъективном восприятии уровня жизни российским населением	116
УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: ГРУППЫ, ИНСТИТУТЫ, ДВИЖЕНИЯ	
Лев ГУДКОВ. Преемственность и изменения в поколении 2002–2020 гг.	134
Екатерина ВОСКРЕСЕНСКАЯ, Федор ВОСКРЕСЕНСКИЙ. Исследование независимости и самостоятельности прокурорских работников: на материалах социологического опроса	180
Алексей ЛЕВИНСОН. Волонтерство и протест как феномены экстраповседневности	207
IN MEMORIAM	
Алексей ЛЕВИНСОН, Любовь БОРУСЯК. Демография и социология. Памяти Анатолия Григорьевича Вишневского	218
МЕТОДИКА И ТЕХНИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
От редакции	220
Екатерина КОЗЕРЕНКО. Сравнение социально-демографических характеристик при разных методиках опроса, F2F и CATI	221
Авторы номера	230
SUMMARY	231
Список статей, опубликованный в 2020 году	236

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(131)

Twice

July–December 2020

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada–Centre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

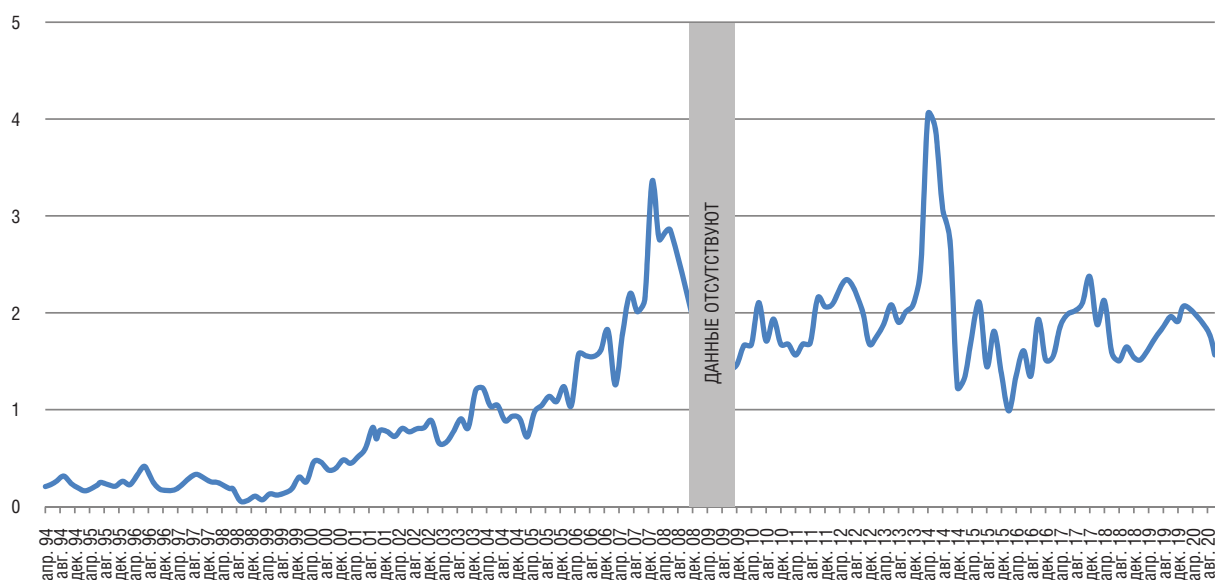
CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	4
SOCIAL PROCESSES AND MASS CONSCIOUSNESS	
The new Russia 30 years later. achievements and shortcomings (A socioeconomic analysis) (by Abel AGANBEGIAN)	29
Back to the future: how the russians' disposition changed due to the pandemic and the economic recession (by Mikhail DMINTRIEV, Anastassia NIKOLSKAYA)	74
In search of a booster for the Belarus revolution (by Sergey NIKOLYUK)	91
Stuck in poverty and preserving wealth: individual income mobility in Russia (by Svetlana MAREEVA, Ekaterina SLOBODENYUK)	100
Changes in the Russian populace's subjective perception of living standards (by Marina KRASILNIKOVA)	116
CONDITIONS OF SOCIAL REPRODUCTION: GROUPS, INSTITUTIONS, MOVEMENTS	
Generational continuity and changes 2002–2020 (by Lev GUDKOV)	134
A study of independence and self-sufficiency of prosecutors: based on a public opinion survey (by Ekaterina VOSKRESENSKAYA, Fedor VOSKRESENSKY)	180
Charity work and protest as extra-mundane phenomena (by Alexey LEVINSON)	207
IN MEMORIAM	
DEMOGRAPHY AND SOCIOLOGY. In memory of Anatoly Vishnevsky (by Alexey LEVINSON, Lyubov BORUSYAK)	218
METHODS	
Editorial note	220
Social-demographic characteristics comparison using different polling methods – F2F and CATI (by Ekaterina KOZERENKO)	221
Authors of the issue	206
SUMMARY	207
LIST OF PUBLICATIONS. 2020	236

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

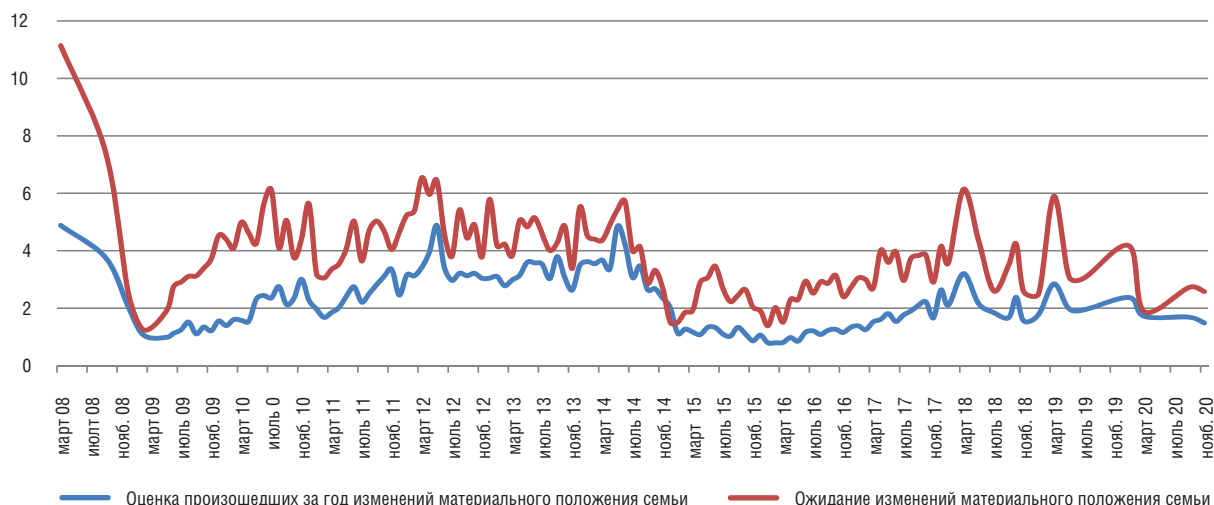
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ

1.1 «Как бы вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

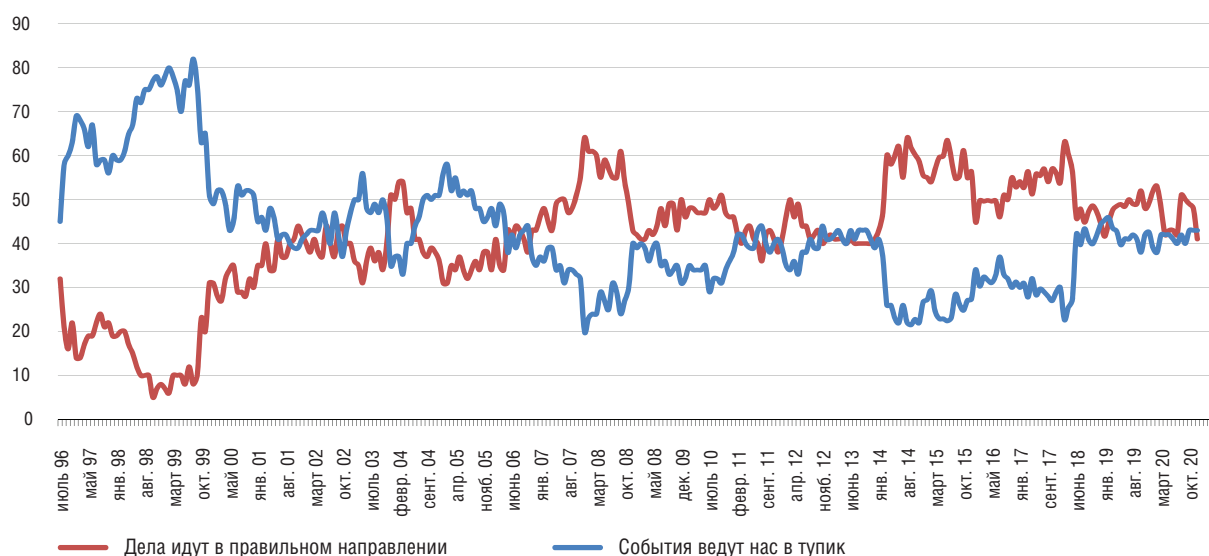
1.2. «Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?» «Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год?» (отношение положительных оценок — «улучшится» и «не изменится» к отрицательной — «ухудшится»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

2.1. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

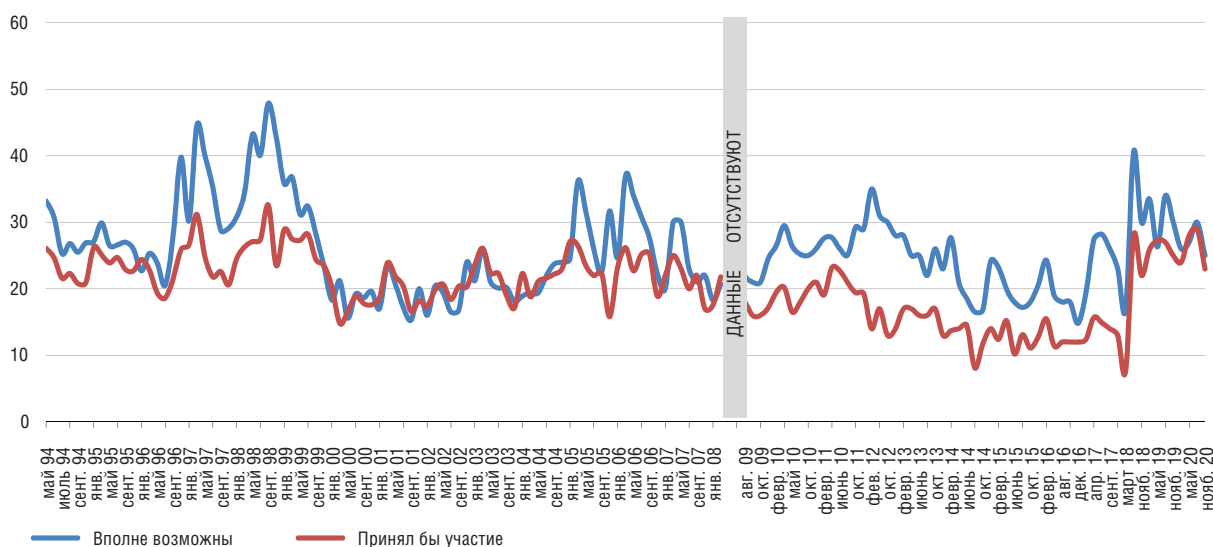
N=1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводятся методом телефонного интервью.

Негативные оценки положения дел в стране поднялись до уровня 2011–2013 годов. Однако фокус социального раздражения сместился в настоящее время на периферию, где социальные связи и возможности организации и координации гражданского протеста остаются слабыми и аморфными или вообще отсутствуют. Поэтому протесты в ближайшее время будут носить локальный характер.

3. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

3.1. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

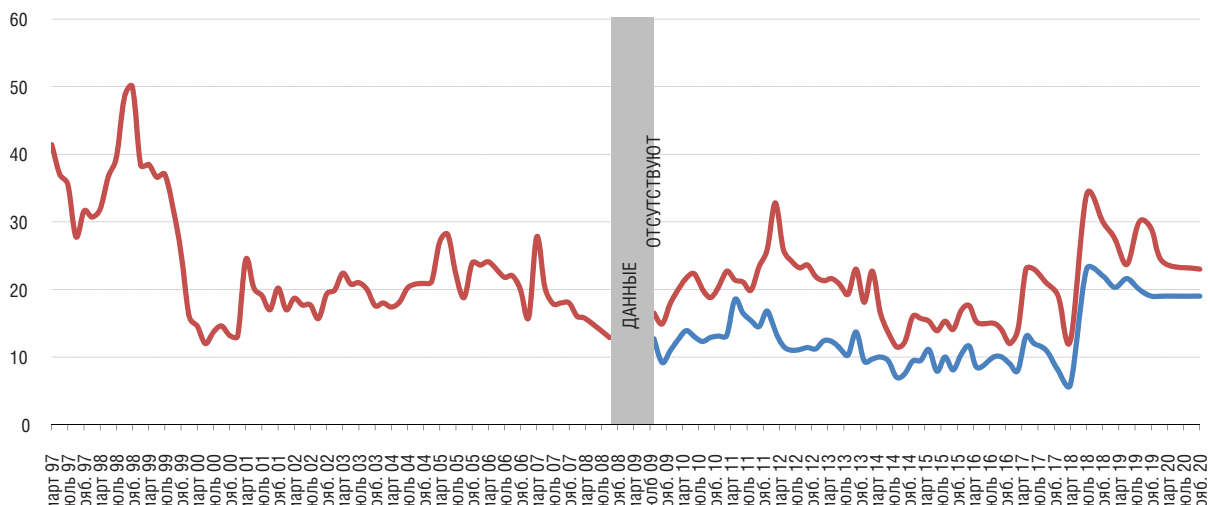
В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

В 2020 году, вновь, как и в начале 2000-х годов, декларируемая готовность участия в акциях протеста против снижения уровня жизни сравнивалась с массовыми оценками вероятности подобных акций. Разрыв между показателями двух кривых линий практически сократился, но уровень артикулируемого раздражения сегодня даже выше, чем тогда. Это заключение не относится к динамике протестов с политическими лозунгами.

3.2. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

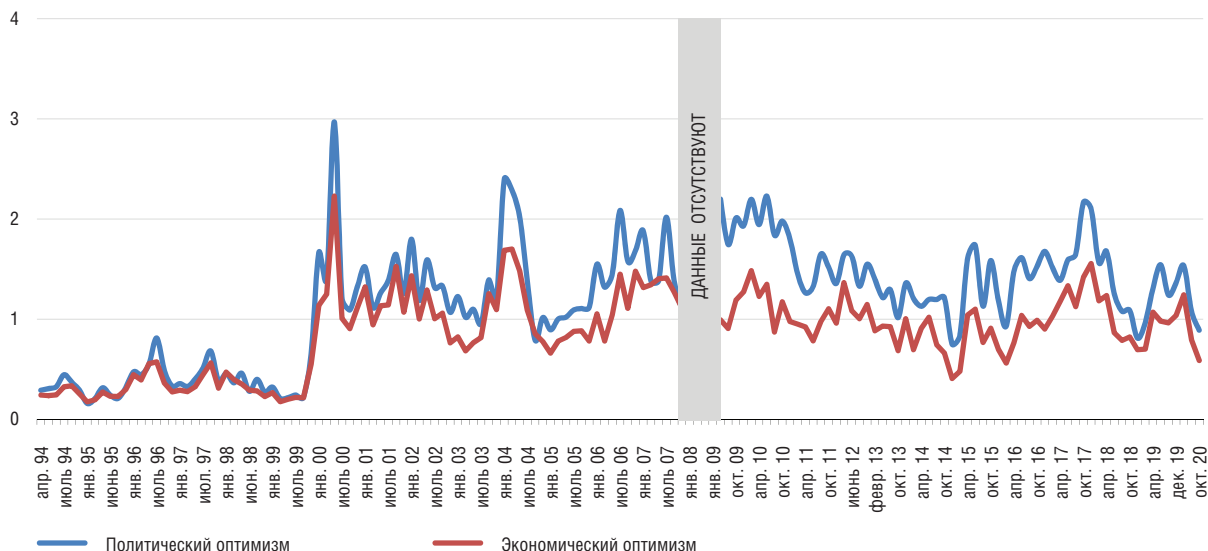
**«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*;
«Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)**

В 1997–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

4. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

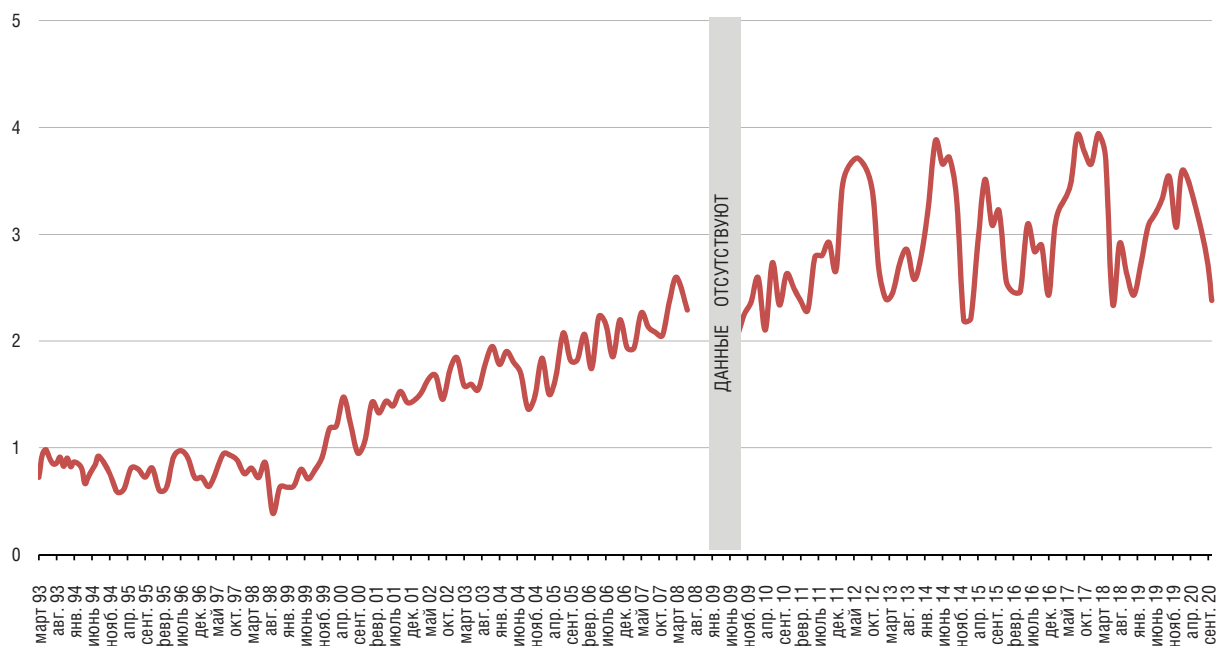
**«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»**
(отношение положительных оценок — «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным — «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

5. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

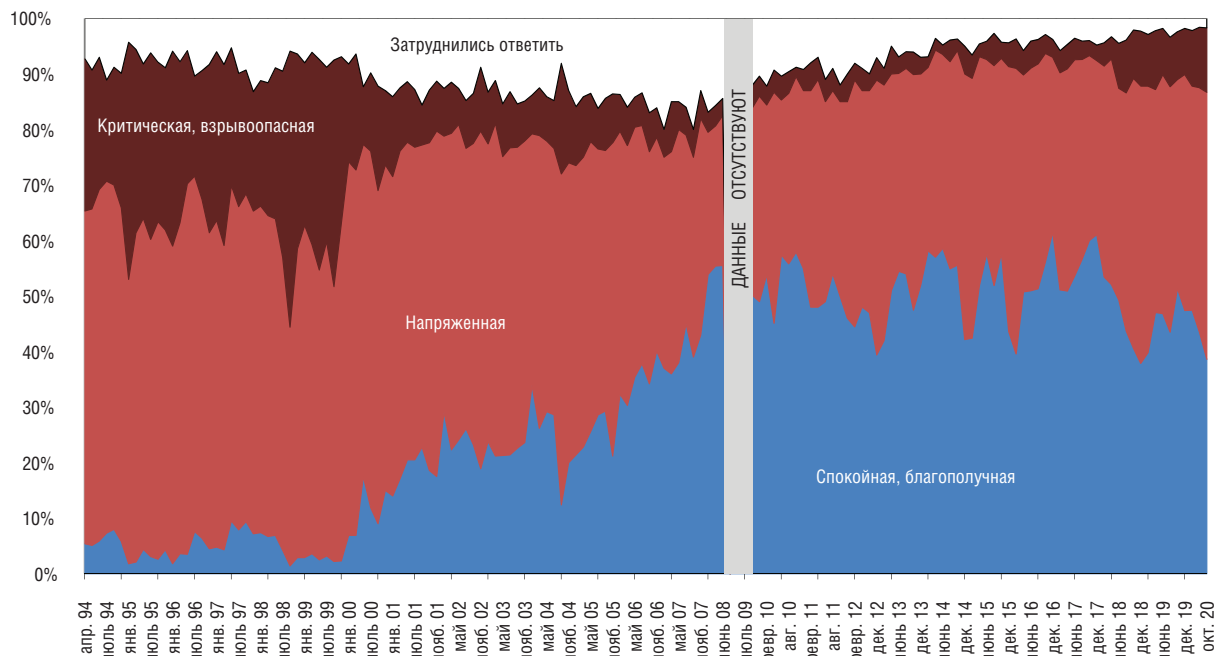
5.1. «Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

6. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

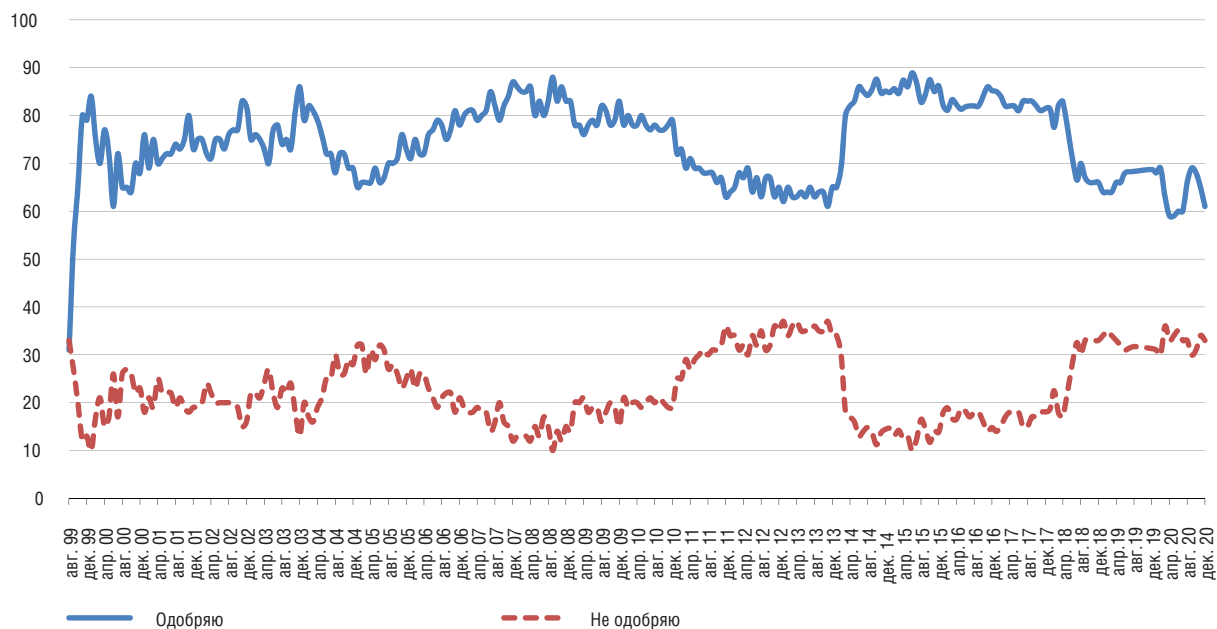
Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

7.1. «Одобряете ли Вы деятельность Владимира Путина?»

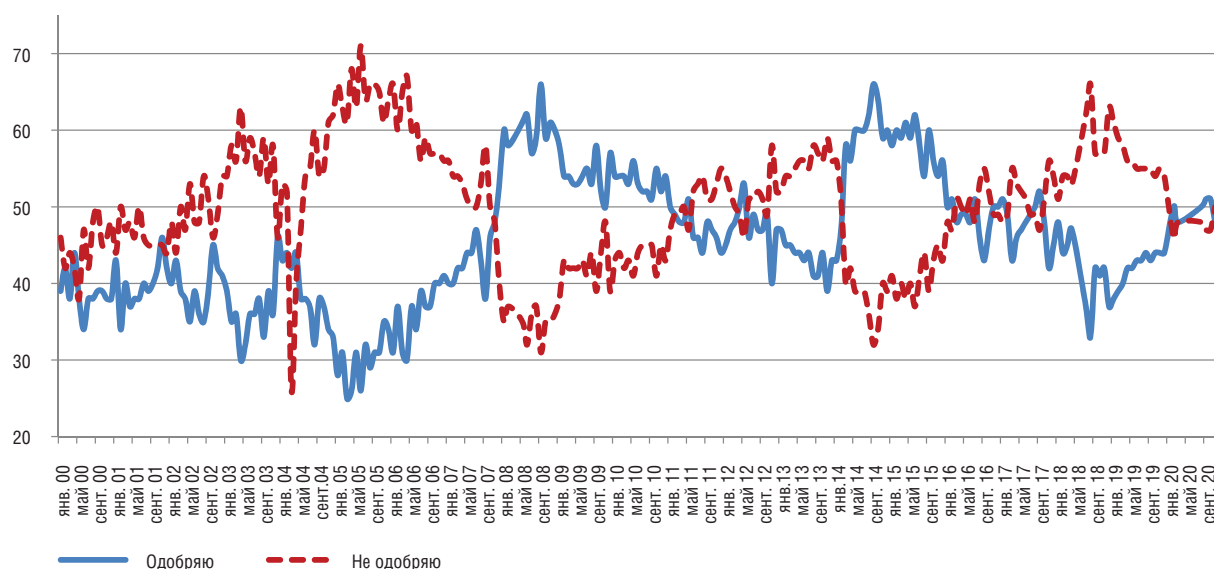
$N=1600$, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.2. «Одобряете ли вы деятельность премьер-министра России?» (с января 2020 г. — Михаила Мишустина)

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Одобрят	48	52	51	46	47	51	50	60	57	58	58
Не одобряют	37	39	39	23	29	30	27	36	38	38	39
Затруднились ответить	15	9	10	32	25	19	23	5	5	4	3

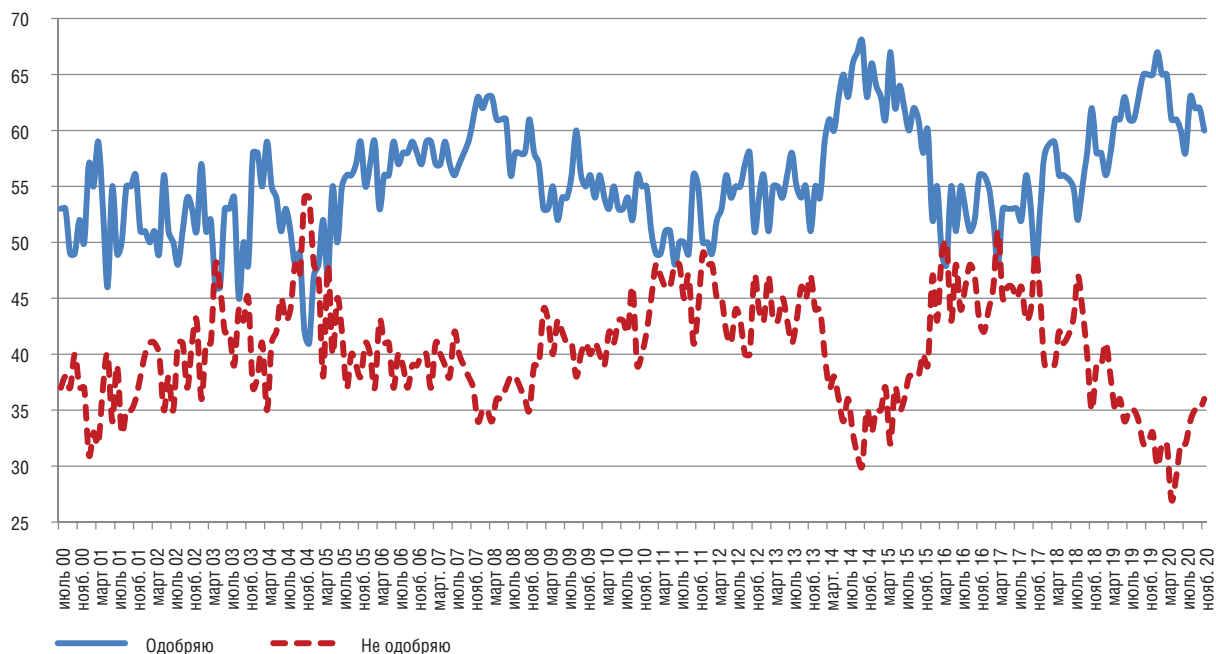
N=1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.3. «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства России?»

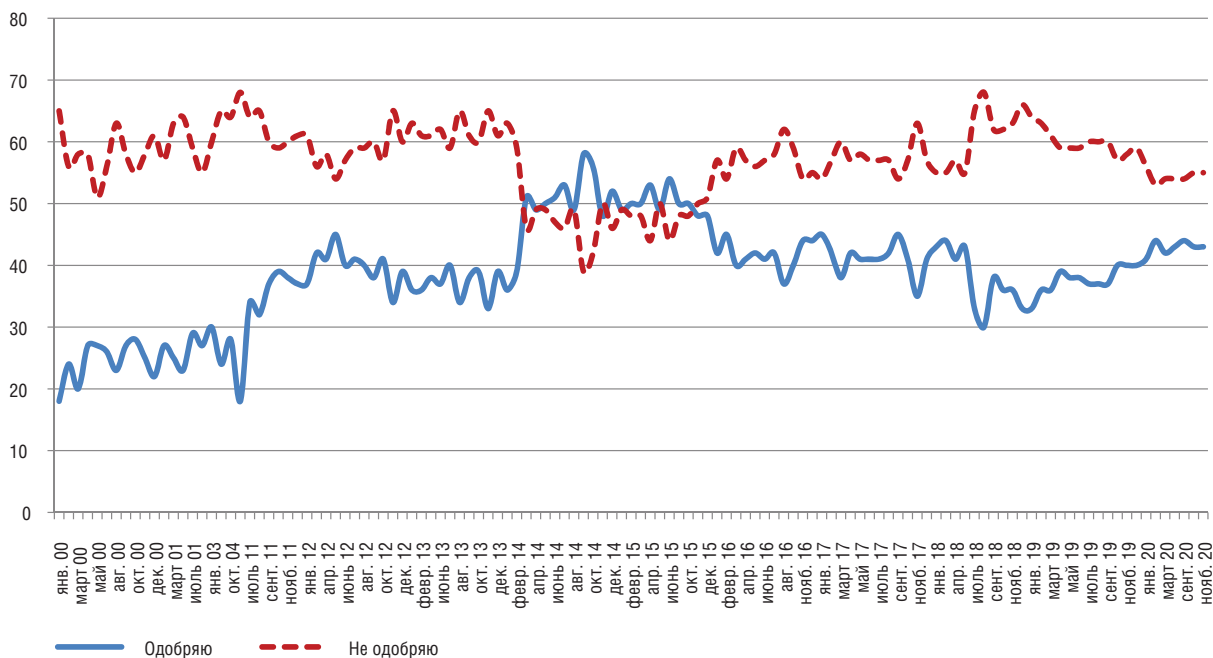
N=1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.4. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность губернатора вашей области? (президента Республики, в Москве — мэра)

N=1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

7.5. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной Думы России?

N=1600, с апреля по июль и в декабре 2020 г. опросы проводились методом телефонного интервью.

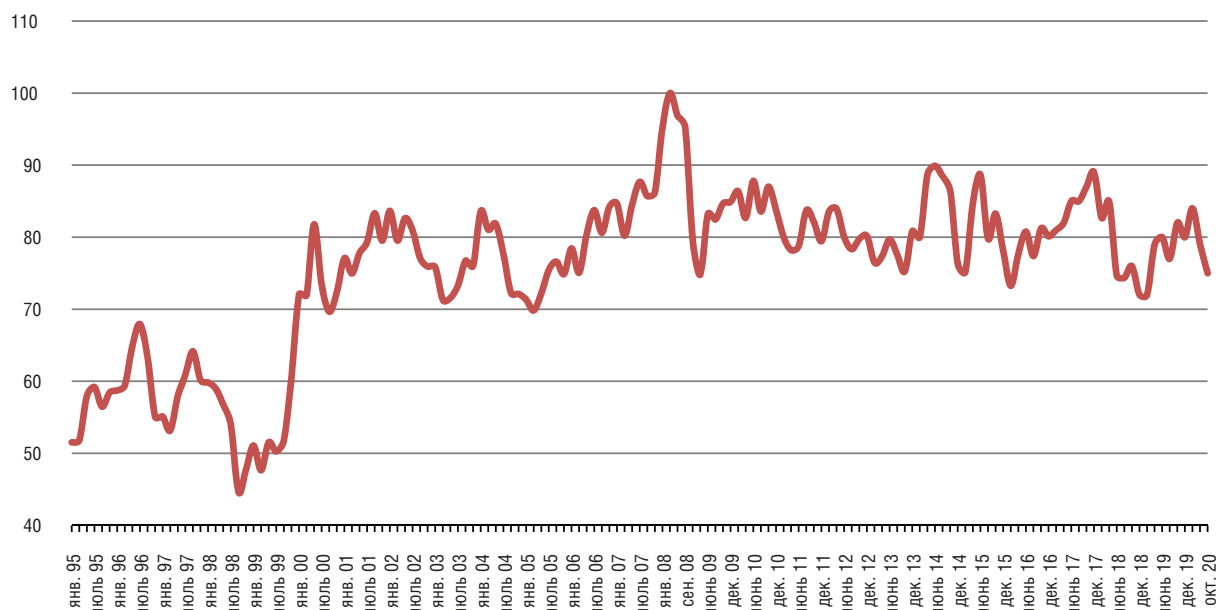
8. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

8.1. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете (приводятся данные открытого вопроса о доверии политикам, которые набрали в июне 2020 года более 1% голосов от общего числа опрошенных; данные в таблице ранжированы по убыванию по результатам июня 2020 года)

Вариант ответа	2017 2018		2019			2020									
	XI	IX	III	VII	X	I	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Владимир Путин	59	39	41	40	39	35	28	25	26	23	33	33	34	32	28
Михаил Мишустин	-	-	-	-	-	3	13	11	14	10	13	11	13	14	12
Сергей Шойгу	23	15	16	17	14	19	13	14	12	10	9	9	9	10	11
Владимир Жириновский	14	15	16	15	14	14	11	10	9	10	12	14	12	13	13
Сергей Лавров	19	10	14	13	13	17	11	9	8	6	8	8	9	7	8
Геннадий Зюганов	10	8	8	9	6	7	6	4	5	4	4	5	4	2	4
Сергей Фургал	-	-	<1	1	1	<1	<1	1	1	3	1	2	2	2	2
Дмитрий Медведев	11	10	13	11	9	-	-	-	3	2	3	2	2	2	2
Павел Грудинин	-*	4	5	3	3	2	2	3	3	3	2	1	2	1	3
Алексей Навальный	2	3	3	3	3	3	4	4	3	2	4	3	4	3	4
Сергей Собянин	3	4	4	3	2	2	4	4	3	1	2	2	2	2	2
Валентина Матвиенко	2	1	3	3	2	2	1	2	2	1	1	1	1	1	1
Сергей Миронов	4	2	2	3	2	3	1	1	2	1	1	2	2	2	2
Николай Бондоренко	-	-	-	-	-	-	1	2	2	1	<1	1	<1	1	1
Николай Платошкин	-	-	-	-	-	1	1	1	2	1	1	1	1	2	3
Сергей Глазьев	-	-	-	-	-	-	2	2	1	1	-	-	<1	-	-
Григорий Явлинский	2	1	1	1	1	1	1	4	-	1	1	<1	<1	1	1
Не интересуюсь политикой	1	1	1	1	1	<1	<1	<1	<1	<1	1	<1	1	0	0
Нет таких	14	18	17	18	24	22	12	16	16	17	21	13	19	21	23
Затрудняюсь ответить / не знаю / нет ответа	11	18	16	18	14	17	33	33	32	33	16	24	17	15	23

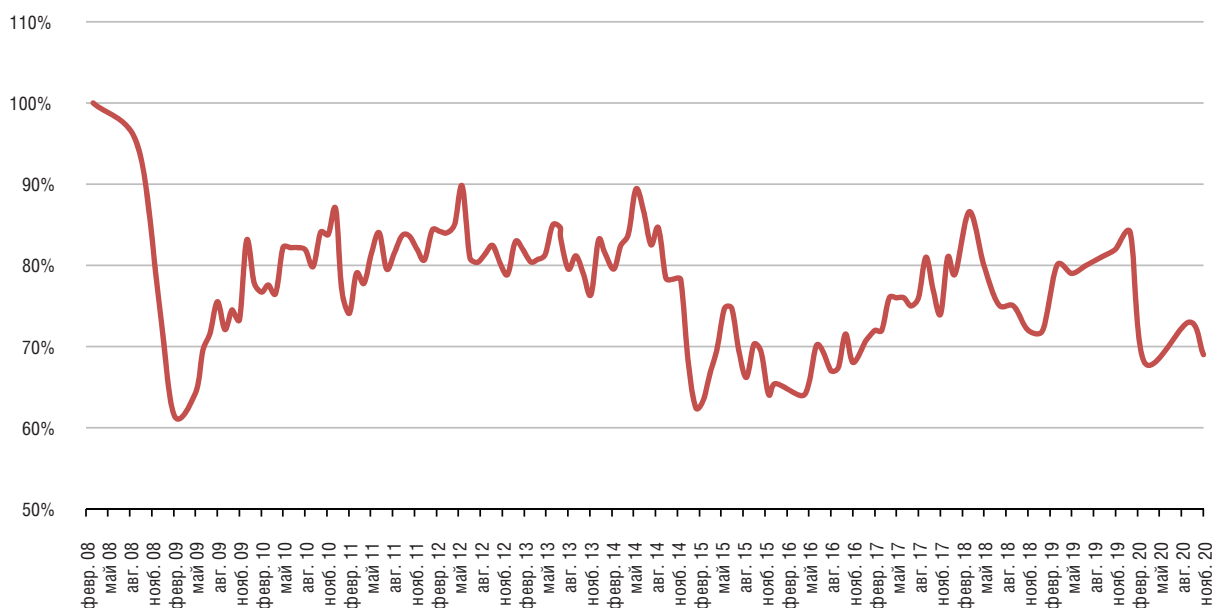
N=1600, * – вариант не был назван.

9. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (март 2008=100%)

До июня 2008 г. $N=2100$; с июня 2009 г. $N=1600$ (последние данные получены до объявления пандемии и введении в марте 2020 года режима карантина и «самоизоляции»).

10. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Последние данные получены до объявления пандемии и введении в марте 2020 года режима карантина и «самоизоляции».

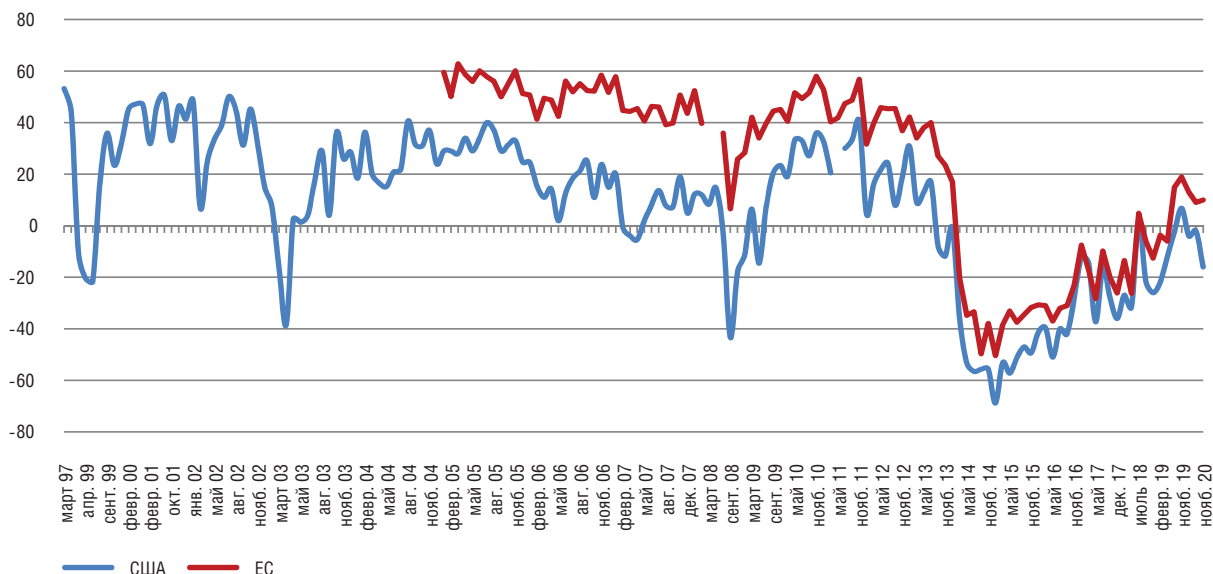
11. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

11.1. Отношение к США и Евросоюзу

«Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

«Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?»

(разница положительных и отрицательных оценок)

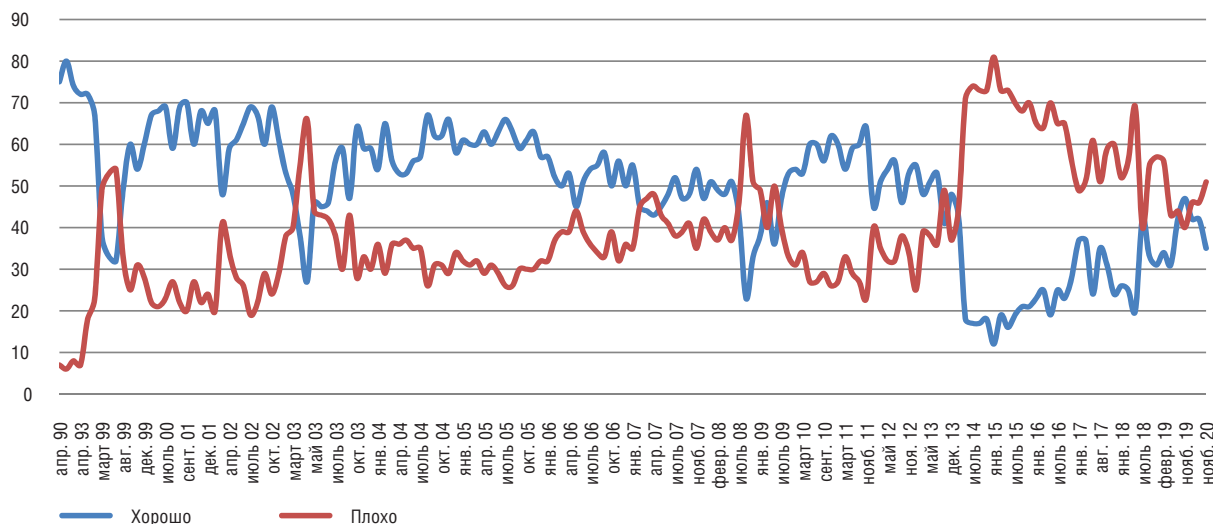

N=1600.

Несмотря на сохраняющийся агрессивный тон антизападной пропаганды, массовое отношение к США и ЕС улучшается. Это отражает рост латентного недовольства политическим курсом руководства России, смещением акцентов на внешнеполитические проблемы и расходы на армию, чиновников, полицию и госбезопасность в ущерб накопившимся внутренним проблемам, снижению доходов населения и деградации социальной сферы, в первую очередь — здравоохранения.

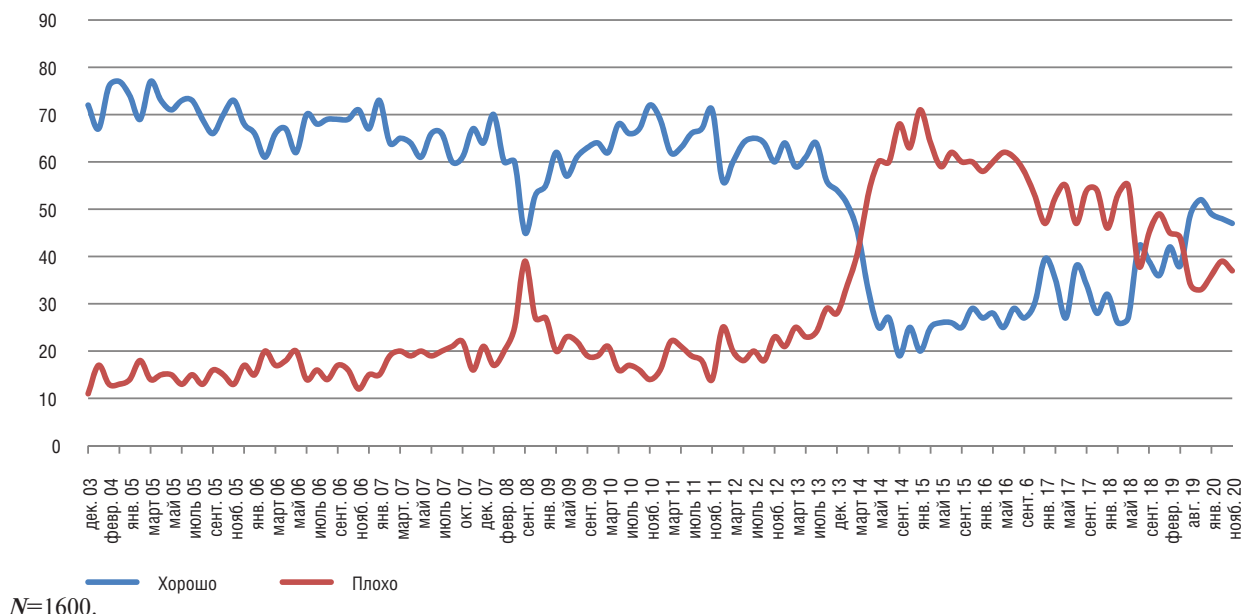
11.2. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

(отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

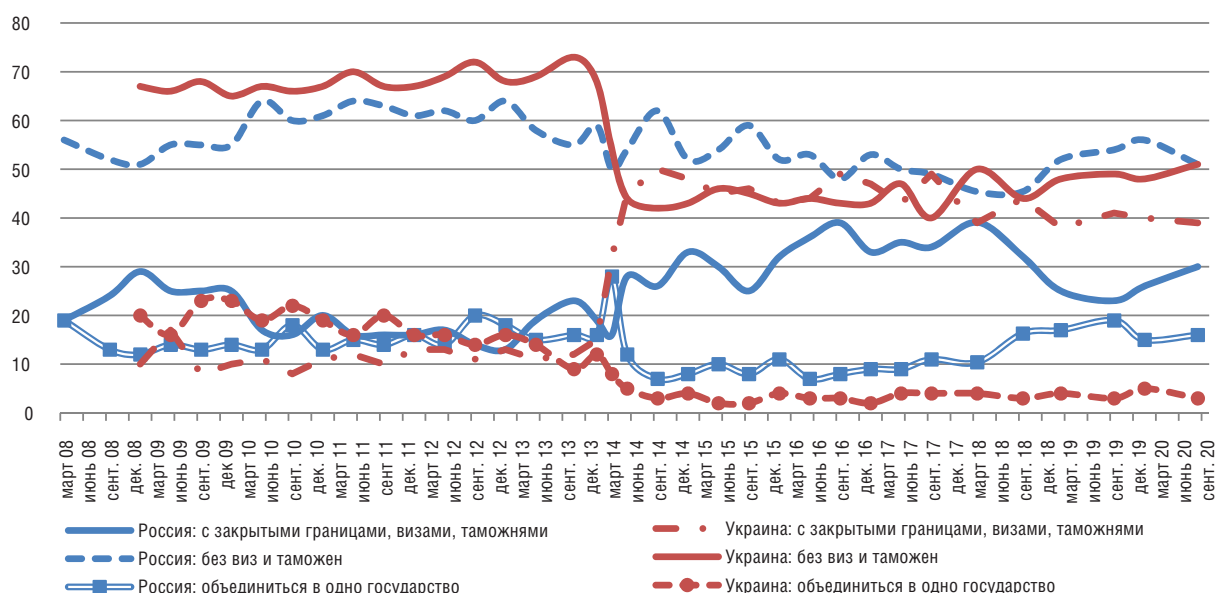

N=1600.

11.3. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

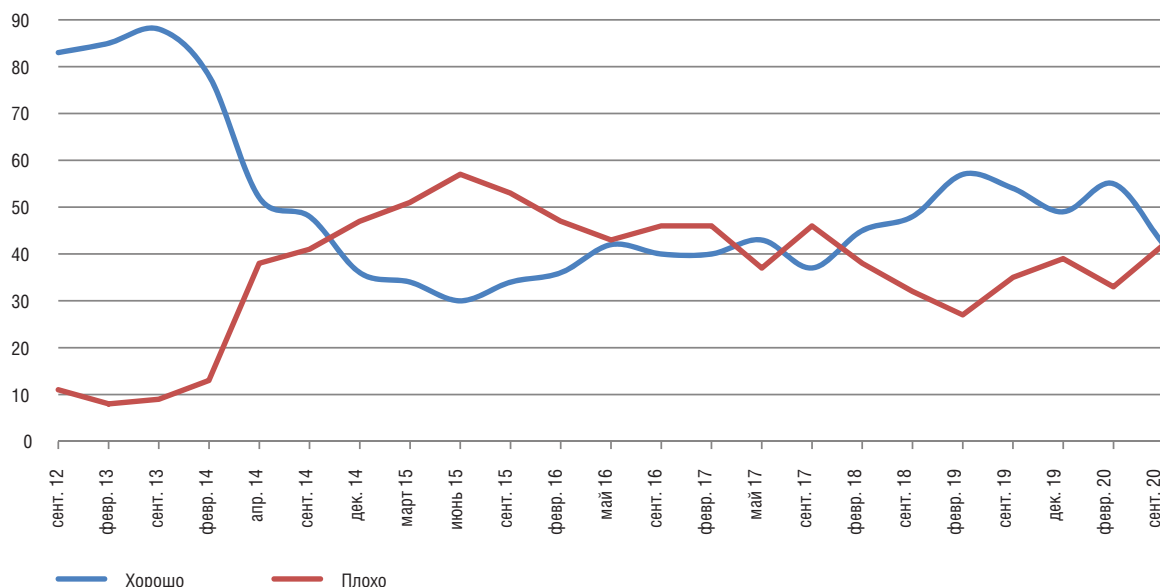

11.4. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?» (данные Левада-центра и КМИС)

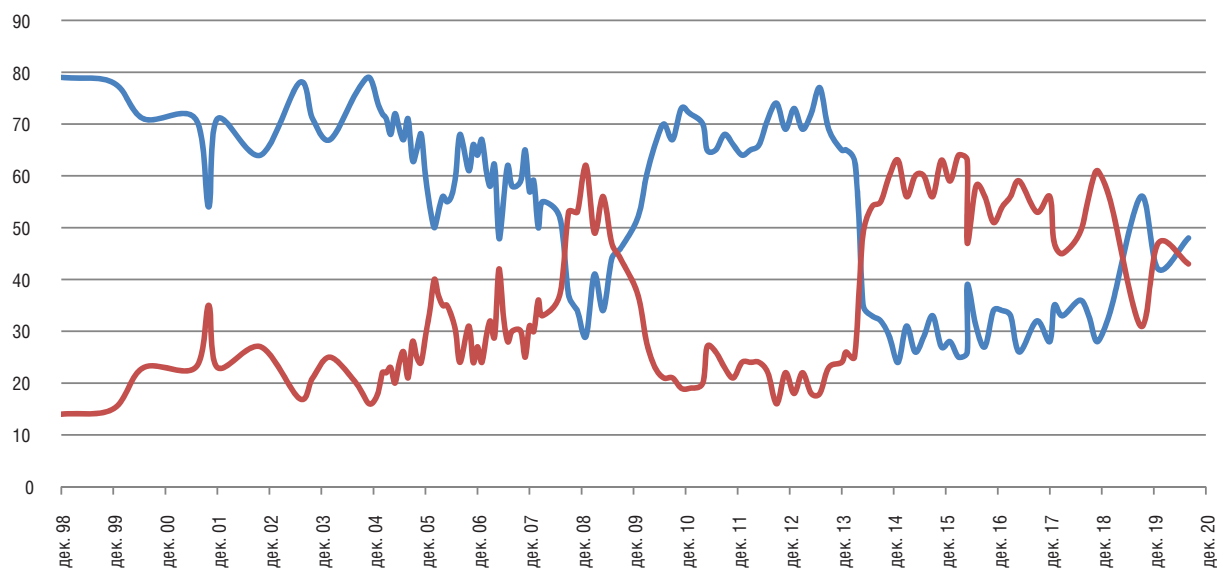
КМИС, $N = 2000$; Левада-центр, $N = 1600$.

11.5. «Как вы в целом относитесь сейчас к России?» Мнение жителей Украины – данные КМИС (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались).

КМИС, $N = 2000$; Левада-центр, $N = 1600$.

11.6. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» Мнение россиян – данные Левада-центра (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались).

КМИС, $N = 2000$; Левада-центр, $N = 1600$.

12. КОРОНАВИРУС

12.1 «Опасаетесь ли вы заразиться коронавирусом?»

	2020 II	2020 III	2020 IV	2020 VI	2020 X	2020 XII
Определенно да	11	20	26	22	31	29
Скорее да	19	24	31	27	33	28
Скорее нет	35	29	21	24	19	21
Определенно нет	33	25	20	25	15	20
Впервые слышу об этом	<1	-	-	-	-	-
Затрудняюсь ответить	1	2	2	3	2	3
Число опрошенных	1600	1600	1600	1600	1600	1600

12.2 Опасаетесь ли вы заразить других коронавирусом?»

	2020 X
Определенно да	26
Скорее да	25
Скорее нет	24
Определенно нет	23
Затрудняюсь ответить	3
Число опрошенных	1600

12.3 «Что вы делаете, чтобы уберечься от заражения?»

	2020 II
Стараетесь лишний раз не выходить на улицу, ограничить контакты с окружающими	24
Тщательней следите за личной гигиеной: чаще моете руки, пользуетесь дезинфицирующими средствами и т.п.	53
Покупаете противовирусные препараты, витаминные комплексы и т.п.	17
Отказались от покупок в китайских интернет-магазинах	16
Другое	3
Ничего не делаю	17
Затрудняюсь ответить	0
Число опрошенных	1600

12.4 «Что из перечисленного вам пришлось делать в связи с угрозой распространения коронавируса?»

	2020 III
Покупать медицинские маски	16
Покупать продукты впрок	11
Остаться дома и не посещать работу или учебу (по собственному желанию)	7
Остаться дома и не посещать работу или учебу (по решению руководства)	8
Отказаться от запланированных поездок в другие страны	12
Отказаться от запланированных поездок в другие регионы России	12
Отказаться от посещения массовых мероприятий	23
Отказаться от поездок в общественном транспорте	8
Искать возможность сдать анализ на коронавирус	2
Ничего из перечисленного	54
Число опрошенных	1600

12.5 «Делаете ли вы что-либо из перечисленного, чтобы защититься от коронавирусной инфекции?»

	2020 X
Ношу маску в общественных местах	92
Стараюсь соблюдать социальную дистанцию в общественных местах	57
Стараюсь без надобности не посещать общественные места/массовые мероприятия	45
Стараюсь ограничить передвижения на общественном транспорте	33
Работаю удаленно/сократил время работы на обычном рабочем месте (в офисе, предприятии и пр.)	8
Отказался(-лась) от поездок в другие регионы/страны	25
Стараюсь повысить иммунитет (пью витамины, биоактивные добавки и пр.)	30
Другое	3
Не делаю ничего из вышеперечисленного	4
Затрудняюсь ответить	<1
Число опрошенных	1600

12.6 «Сталкивались ли вы в последнее время с нехваткой в продаже...?»

	Сталкивались	Не сталкивались	Затрудняюсь ответить
Медицинских масок	40	55	5
Дезинфицирующих средств, санитайзеров	28	67	5
Продуктов питания / товаров первой необходимости	16	83	1

N = 1600, март 2020 г.

12.7 «Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом в России, которая распространяется в СМИ?»

	2020 III
В полной мере	16
В значительной мере	22
Доверяю лишь отчасти	35
Совершенно не доверяю	24
Затрудняюсь ответить	3
Число опрошенных	1600

12.8 «Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом в России?»

	2020 VII
В полной мере	16
В значительной мере	15
Доверяю лишь отчасти	39
Совершенно не доверяю	27
Не слежу за этой информацией	1
Затрудняюсь ответить	3
Число опрошенных	1600

12.9 «Как вы считаете, насколько вероятно, что в России начнется эпидемия коронавируса?»

	2020 III
Вполне вероятно	24
Довольно вероятно	24
Маловероятно	41
Совершенно невероятно	7
Затрудняюсь ответить	4
Число опрошенных	1600

12.10 «Как вы считаете, если в России начнется эпидемия коронавируса, готовы ли наша система здравоохранения к такому развитию событий?»

	2020 III
Определено да	13
Скорее да	34
Скорее нет	28
Определенно нет	20
Затрудняюсь ответить	5
Число опрошенных	1600

12.11 «На ваш взгляд, в ситуации эпидемии что будет происходить в отношениях между людьми в нашей стране?»

	2020 III
Люди станут больше оказывать поддержку друг другу и помощь нуждающимся в ней	17
Люди станут больше заботиться только о себе и «своих»	50
Ничего не изменится в отношениях между людьми	33
Число опрошенных	1600

12.12 «На ваш взгляд, в ситуации эпидемии что происходит в отношениях между людьми в нашей стране?»

	2020 VIII
Люди стали больше оказывать поддержку друг другу и помощь нуждающимся в ней	23
Люди стали больше заботиться только о себе и «своих»	38
Ничего не изменилось в отношениях между людьми	40
Число опрошенных	1600

12.13 «Пришлось ли вам, в связи с угрозой распространения коронавируса...»

	2020 IV
Отказаться от посещения массовых мероприятий	71
Покупать медицинские маски	45
Отказаться от запланированных поездок в другие страны/регионы России	56
Покупать продукты впрок	27
Отказаться от поездок в общественном транспорте	50
Остаться дома и не посещать работу или учебу	45
Искать возможность сдать анализ на коронавирус	11
Ничего из перечисленного	10
Число опрошенных	1600

12.14 «Как вы в целом оцениваете меры, предпринятые президентом и правительством, по борьбе с пандемией коронавируса в России?»

	2020 IV
Делается все возможное, все необходимое	46
Чрезмерные, избыточные	18
Недостаточные	30
Ничего не знаю о предпринятых мерах	1
Затрудняюсь ответить	6
Число опрошенных	1600

12.15 «Одобряете ли вы меры, принятые президентом и правительством, по борьбе с пандемией коронавируса в России?»

	2020 V
Полностью одобряю	33
Скорее одобряю	33
Скорее не одобряю	17
Совершенно не одобряю	15
затрудняюсь ответить	2
Число опрошенных	1600

12.16 «Как вы в целом оцениваете меры, предпринятые губернатором и мэром, по борьбе с пандемией коронавируса в месте вашего проживания?»

	2020 IV
Делается все возможное, все необходимое	50
Чрезмерные, избыточные	15
Недостаточные	30
Ничего не знаю о предпринятых мерах	2
Затрудняюсь ответить	4
Число опрошенных	1600

12.18 «Одобряете ли вы меры, принятые руководством вашего региона, по борьбе с пандемией коронавируса в месте вашего проживания?»

	2020 V	2020 X
Полностью одобряю	31	20
Скорее одобряю	33	42
Скорее не одобряю	17	21
Совершенно не одобряю	16	14
Затрудняюсь ответить	4	4
Число опрошенных	1600	1600

12.19 «На какие категории населения в первую очередь должны быть направлены меры социальной поддержки государства в период пандемии?»

	2020 V
Семьи с детьми	61
Малоимущие	48
Безработные, потерявшие работу	41
Работники малого и среднего бизнеса	26
Пенсионеры	52
Медицинские работники	31
Люди с ограниченными возможностями здоровья	37
Другие	3
На всех граждан без исключения	12
Затрудняюсь ответить	2
Число опрошенных	1600

12.20 «Какое чувство в первую очередь вызывает у вас новость о появлении отечественной вакцины от коронавируса?»

	2020 VIII
Гордость	18
Радость	9
Доверие	13
Безразличие	10
Недоверие	20
Сомнение	20
Страх	6
Ничего не слышал об этом	2
Затрудняюсь ответить	2
Число опрошенных	1600

12.21 «Если вакцинация населения будет бесплатной и добровольной, а не обязательной, готовы ли вы лично прививаться этой вакциной от коронавируса?»

	2020 VIII	2020 X
Да	38	36
Нет	54	59
Я против любой вакцинации / прививок	2	1
Затрудняюсь ответить	6	5
Число опрошенных	1600	1600

12.22 «В России начинается вакцинация от коронавируса отечественной вакциной спутник ви. Готовы ли вы лично сделать прививку этой вакциной, если вакцинация будет бесплатной и добровольной?»

	2020 XII
Да	38
Нет	58
Затрудняюсь ответить	4
Число опрошенных	1600

12.23 «Почему вы не готовы сделать прививку этой вакциной?» (вопрос задавался тем, кто не готов вакцинироваться)

	2020 XII
Нет смысла делать прививку от коронавируса	11
Опасаясь побочных действий этой вакцины	26
В целом против любых прививок	10
Надо дождаться окончания всех испытаний	30
Имею противопоказания	12
другое	5
Не доверяю вакцине\ вакцины нет	3
Переболел\ есть иммунитет\ антитела	1
затрудняюсь ответить	1
Число опрошенных	933

12.24 «Считаете ли вы оправданной ... , как меру по борьбе с коронавирусом, которая сейчас обсуждается в правительстве?»

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
Временную приостановку работы предприятий и организаций, кроме жизненно важных	21	27	26	22	4
Перевод школьников на дистанционное обучение	23	29	20	25	3
Ограничение на передвижение для людей старше 65 лет и людей, страдающих хроническими заболеваниями	38	37	12	12	2
Ограничение на передвижение/введение системы пропусков	15	19	29	32	6
Введение системы штрафов за нарушение установленных правил	19	20	22	37	2

N=1600, октябрь 2020 г.

12.25 «Как вы в целом оцениваете свое здоровье?»

	2020 X
очень хорошее	13
хорошее	38
среднее - ни хорошее, ни плохое	43
плохое	5
очень плохое	1
затрудняюсь ответить	<1
Число опрошенных	1600

12.26 «Обращались ли вы за медицинской помощью (по омс и/или гмс) в период действия ограничительных мер, связанных с эпидемией коронавируса?»

	2020 X
Да	18
Нет	82
затрудняюсь ответить/отказ от ответа	<1
Число опрошенных	1600

12.27 «Сталкивались ли вы с чем-то из перечисленного при обращении за медицинской помощью в связи с введенными ограничительными мерами?» (вопрос задавался тем, кто обращался за медицинской помощью)

	2020 X
Проблемы с получением лекарств	13
Проблемы с получением направлений на обследования	21
Отмены запланированных оперативных вмешательств	8
Отмены записи на прием к лечащему врачу	19
Отмены записи на плановые обследования	9
Отмены записи на внеплановые обследования	6
Требовали результаты анализов на коронавируса для допуска к обследованиям	5
Не могли добраться до врача из-за введенных ограничений (на передвижение)	11
Не смогли выехать за границу для лечения	1
Перенесли консультацию/прием врача в онлайн формат	2
Другое	3
Не сталкивался с проблемами, связанными с ограничениями	45
Затрудняюсь ответить	3
Число опрошенных	281

13. АЛЕКСЕЙ НАВАЛЬНЫЙ

13.1 «Вы одобряете, или не одобряете деятельность Алексея Навального?»

	2020 IX	2020 X	2020 XII
Одобряю	20	17	15
Не одобряю	50	41	39
Не слышали о таком/не знаете такого	18	28	29
Затрудняюсь ответить	12	15	17
Число опрошенных	1600	1600	1600

13.2 «Чем вам нравится Алексей Навальный?» (открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто что-то знает о Навальном)

	2020 IX
Говорит правду, за правду, вскрывает наболевшие вопросы, открывает глаза	8
Говорит правильные/умные вещи, альтернативная точка зрения, новый взгляд, ведет интересный блог, новаторские решения, свое мнение, грамотный	5
Оппозиционер, независимый, против власти/Путина, борется с властью	5
Борется с коррупцией, организовал ФБК, выводит воров на чистую воду, расследования, разоблачения	4
Смелый, храбрый, не боится	3
Близкий к народу, защищает народ, борется за права людей, борется за справедливость, справедливый	3
Молодой, энергичный, упорный, напористый, настойчивый, активный	2
Честный, искренний, открытый, хороший человек	2
Красивый, обаятельный, харизматичный, симпатичный мужчина, внешность	2
Другое	2
Ничем, не нравится	54
Все равно, безразлично	1
Затрудняюсь ответить	19
Число опрошенных	1311

13.3 «Чем вам не нравится Алексей Навальный?» (открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто что-то знает о Навальном)

	2020 IX
Живет на средства Запада, его хозяева на Западе, иностранное влияние, проплачен Западом, засланный казачок, агент запада/США/Германии, шпион, заложник	6
Много говорит, длинный язык, пустослов, одни слова/критика, мало дел, балабол, клоун, несет чушь, популист, болтун	5
Дерзкий, скандальный, хитрый, заносчивый, глупые выходки/акции, много шума/скандалов/суеты/пиара вокруг него, пафосный, хам, жлоб	4
Сеет смуту, беспорядки, хаос, бунт, митинги без повода, провокатор, смущает молодежь/школьников, нагнетает, вносит сумбур, будоражит народ	4
Против власти, правительства, президента, оппозиция, настраивает людей против власти, призывает к свержению власти	4
Против России, плохо говорит о России, предатель, антироссийские взгляды, не патриот, враг России, подрывает величие страны	4
Его взгляды, его политика/неправильная политика, либерал, не разделяю взгляды	4
Не внушает доверия, не нравится, не верю	4
Ложь, врет, свистит, обманщик, неподтвержденная информация, клеветник	3
Пустышка, ничего из себя не представляет, такой же как все, ни рыба ни мясо, не политик, думает только о себе, своей выгоде	2
Мутный, непонятный, темная лошадка, скользкий, пешка в чужой игре, чужие идеи, марионетка	2
Жулик, мафия, рыльце в пушку, аферист, мошенник, сам осужденный, судить его надо, нехороший человек	2
Внешность не нравится	<1
Другое	7
Ничем/всем не нравится	16
Все нравится, все устраивает	7
Безразлично, нейтрально, нет такого, ничего плохого	3
Затрудняюсь ответить	33
Число опрошенных	1311

13.4 «Какими словами вы могли бы обозначить свое отношение к Алексею Навальному?» (вопрос задавался тем, кто что-то знает о Навальном)

	2020 IX
Уважение	10
Сочувствие	8
Не могу сказать о нем ничего плохого	15
Нейтральное, безразличное	31
Не могу сказать о нем ничего хорошего	14
Раздражение	8
Неприязнь	10
Затрудняюсь ответить	3
Число опрошенных	1311

13.5 «Знаете ли вы об отравлении Алексея Навального в августе 2020 года?»

	2020 IX	2020 X	2020 XII
Внимательно за этим слежу	18	17	17
Что-то об этом слышал(а)	59	59	61
Первый раз об этом слышу	22	23	20
Затрудняюсь ответить	1	1	2
Число опрошенных	1600	1600	1600

13.6 «Какие чувства вызвало у вас сообщение об отравлении Алексея Навального?» (вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении Навального)

	2020 IX
Возмущение, гнев	9
Сочувствие, сопереживание	21
Тревогу, страх	3
Недоумение	19
Удовлетворение	2
Никаких особых чувств	45
Затрудняюсь ответить	1
Число опрошенных	1234

13.7 «Доверяете ли вы или не доверяете информации о том, что Алексей Навальный был намеренно отравлен?» (вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении Навального)

	2020 IX
Определенно доверяю	11
Скорее доверяю	22
Скорее не доверяю	26
Совершенно не доверяю	29
Затрудняюсь ответить	12
Число опрошенных	1234

14.8 «По вашему мнению, кто скорее всего стоит за отравлением Алексея Навального?» (открытый вопрос; вопрос задавался тем, кто доверяет информации о том, что Навальный был отравлен)

	2020 IX
Путин, кремль, правительство, действующая власть, госдума, Единая Россия, российские спецслужбы, ФСБ	30
Фигуранты его расследований, кому он мешал, насолил, перешел дорогу, его недоброжелатели	8
США, Запад, западные спецслужбы	8
Конкуренты, завистники, соперники и проч.	6
Другое	1
Не знаю, затрудняюсь/ нет ответа	47
Число опрошенных	410

14.9 «Какая из версий отравления Алексея Навального кажется вам наиболее правдоподобной?» (вопрос задавался тем, кто слышал об этом)

	2020 X	2020 XII
Это попытка власти устранить политического оппонента	19	15
Это личная месть кого-то из фигурантов его расследований	7	7
Это провокация западных спецслужб	24	19
Это борьба внутри российской оппозиции	9	6
Никакого отравления вообще не было, это инсценировка	25	30
Проблемы со здоровьем, случайное отравление, обычное отравление	-	1
Другое	2	4
Затрудняюсь ответить	16	19
Число опрошенных	1211	1258

14.10 «По вашему мнению, насколько обвинения Алексея Навального в причастности Владимира Путина в его отравлении соответствуют действительности?» (вопрос задавался тем, кто слышал об отравлении и считает, что это «попытка власти устранить политического оппонента»)

	2020 X
Определенно, так оно и есть	21
Вполне может быть	52
Этого не может быть	22
Затрудняюсь ответить	6
Число опрошенных	227

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Абел АГАНБЕГЯН

Новой России — 30 лет. Достижения и упущения

(Социально-экономический анализ)

В 2021 г. исполняется 30 лет новой России, организованной на базе основной республики Советского Союза — РСФСР. В 1991 г. был провозглашен суверенитет Российской Федерации, выбран новый парламент и президент России — Б.Н. Ельцин, организовано самоуправление, во многом независимое от распадающегося Советского Союза. И, хотя формальное прекращение деятельности Советского государства, объединяющего 15 республик, произошло в декабре 1991 г., реально они превратились в суверенные государства до этого.

По численности населения, объему валового внутреннего продукта и промышленности Россия составляла около 60% от показателей всего Советского Союза. Немного меньше доля России была в сельском хозяйстве, но республика была значительно больше по территории и богаче природными ресурсами.

За тридцатилетний период в своем социально-экономическом развитии Россия прошла три этапа, каждый из которых имел продолжительность примерно по 10 лет: период трансформационного кризиса (1991–1998/1999 гг.), второй период — восстановительный подъем (1999–2008 гг.), третий — от кризиса 2009 г. и стагнации к кризису 2020–2021 гг. Ключевые социально-экономические показатели приведены в табл. 1.

Десятилетний **трансформационный кризис** новой России явился продолжением возникшего кризиса дефицита и внешнего долга последних двух лет существования Советского Союза. Он завершился двухлетним финансово-

экономическим и социальным кризисом 1998–1999 гг. Причем нижняя точка по экономике была пройдена в 1998 г., а по социальным показателям — в 1999 г. Валовый внутренний продукт России сократился в 1,8 раза, а реальные располагаемые доходы населения — в 1,9 раза. Возникла крупная депопуляция населения и безработица.

Восстановительный подъем (1999–2008 гг.) начался во многом благодаря четырехкратной девальвации рубля по отношению к доллару, что привело к сокращению импорта и подъему импортозамещающих отраслей. Дальнейший рост был подхвачен ежегодным значительным повышением цен на нефть и природный газ, составляющим 70% отечественного экспорта. Валовый внутренний продукт России в этот период увеличился в 1,9 раза, а реальные располагаемые доходы населения — в 2,3 раза. Втрое сократилась безработица и размер депопуляции населения.

Этот подъем был прерван с четвертого квартала 2008 г. глобальным циклическим кризисом, поразившим и Россию. Начался третий период — **период кризисов и стагнации**, продолжающийся до настоящего времени. В 2010–2012 гг. основные докризисные социально-экономические показатели удалось восстановить. С 2013 г. в России наступила семилетняя стагнация с рецессией в основном по социальным показателям в 2015 г. Стагнация переросла в глубокий структурный кризис 2020–2021 гг., связанный с глобальной коронавирусной пандемией, а также с нефтегазовым кризисом.

Таблица 1

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОССИИ

Показатель	1-й период (1991–1998 гг.)	2-й период (1999–2008 гг.)	3-й период (2009–2019 гг.)
Изменения по периодам в % к начальному году периода, принятому за 100%			
Валовый внутренний продукт	56	190	109
Промышленность	48	180	111
Сельское хозяйство	54	150	130
Инвестиции в основной капитал	21	280	110
Реальные доходы	54	230	106
Процент безработных (в конце периода)	13	5	4,6
Депопуляция населения (в конце периода) (тыс. чел.)	–930	–380	–316
Изменения в % к начальному году			
Валовый внутренний продукт	56	106	115
Промышленность	48	86	96
Сельское хозяйство	54	82	105
Инвестиции в основной капитал	21	48	52
Реальные доходы	54	124	132

В целом за тридцатилетний период валовый внутренний продукт увеличивается на 15% (2019 г. в процентах к 1990 г.) Для сравнения: за эти годы экономика Евросоюза увеличилась в 2 раза, США — в 2,5, а развивающихся стран во главе с Китаем — в 7. В связи с этим рейтинг России по уровню экономического и социально-го развития сократился. По размеру ВВП Россия в составе СССР в 1980 г. уступала только США, опережая Японию, а потом стала опускаться. Приведем данные Всемирного банка (табл. 2).

Если сравнивать размер валового внутреннего продукта России по рыночным ценам, то в 2019 г., по данным Всемирного банка, она среди стран занимает 11-е место, уступая также Великобритании, Франции, Италии, Бразилии и Канаде. Вплотную за Россией расположились Южная Корея, Мексика и Австралия.

В составе ВВП резко сократилась доля фондов накопления и вооружения и, соответственно, увеличилась доля фонда потребления населения. В связи с этим средний уровень ре-

Таблица 2

РАНЖИРОВКА ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА ПО ОБЪЕМУ ВАЛОВОГО ВНУТРЕННЕГО ПРОДУКТА (по паритету покупательной способности)

№ п/п	1970 г.	1989 г.	1998 г.	2008 г.	2019 г.
1	США	США	США	США	США
2	РОССИЯ	Япония	Китай	Китай	Китай
3	Япония	РОССИЯ	Япония	Япония	Индия
4	Германия	Германия	Германия	Индия	Япония
5	Франция	Китай	Индия	Германия	Германия
6	Великобритания	Франция	Франция	РОССИЯ	РОССИЯ
7	Италия	Италия	Италия	Великобритания	Индонезия
8	Китай	Великобритания	Великобритания	Франция	Бразилия
9	Индия	Индия	Бразилия	Италия	Великобритания
10	Украина	Бразилия	РОССИЯ	Бразилия	Франция

альных располагаемых доходов населения вырос за 30 лет примерно на 35%. В подавляющей части этот рост был связан со значительным увеличением доходов 20% относительно богатых людей. При этом примерно у половины семей реальные доходы не повысились, а численность бедных, чей доход ниже прожиточного минимума, возросла до 20 млн человек. Социальное неравенство по доходам (коэффициент фондов) намного возросло — с 3 до 15 раз, а коэффициент неравенства Джини повысился с 0,2 до 0,4. После преодоления депопуляции населения, которая продолжалась 20 лет (1992–2012 гг.), наблюдался небольшой естественный прирост населения в 2013–2016 гг. С 2017 г. начался второй демографический кризис с увеличивающейся депопуляцией и начавшимся значительным сокращением населения страны.

В заключение этой небольшой вводной части подчеркнем, что **жизнь большинства россиян существенно изменилась в лучшую сторону** — был ликвидирован дефицит и предоставлен обширный выбор платных товаров и услуг, даны широкие возможности для проявления своих способностей, поездок и жизни за рубежом и многого другого. Заметно улучшились жилищные условия.

1. Трансформационный кризис (1991–1998/1999 гг.)

Суверенная Россия, как подчеркивалось, сформировалась на базе РСФСР в составе Советского Союза. К 1991 г. в результате брежневского застоя, который длился более десятилетия (с начала 1970-х гг.), а затем после кратковременного периода руководства страной Ю. Андроповым и К. Черненко экономика и социальная сфера были ослаблены в результате неудачно проведенной перестройки при М. Горбачеве. Лучшими годами с наивысшим международным рейтингом СССР и России среди стран мира были конец 1950-х и 1960-е гг. В середине 1950-х, после смерти И. Сталина, под руководством Н. Хрущева и г. Маленкова был осуществлен подъем сельского хозяйства и серьезный поворот экономики России к приоритетному производству продовольствия и потребительских товаров в промышленности. Началось также массовое жилищное строительство и поквартирное расселение миллионов россиян в панельные дома.

Огромный рывок страна сделала с конца 1940-х после **прорыва в решении атомной проблемы и освоения космоса** — запуск первого спутни-

ка в конце 1950-х, а человека в начале 1960-х — в космос. Все это стало возможным благодаря мощному подъему научно-технологического комплекса и системы образования. Президент США Дж. Кеннеди тогда сказал: «Россия решила первой проблему космоса за школьной партой», оценив тем самым первенство России перед США по системе образования. В те годы в международном рейтинге образования Россия занимала 3-е место. Она тратила в те годы на образование 11% национального дохода, а США — только 4%.

В 1964–1965 гг. Россия вошла также в первую десятку ведущих стран по ожидаемой продолжительности жизни, превзойдя по среднему показателю 70-летний рубеж. На один-два года в это время отличалась Россия по ожидаемой продолжительности жизни от Японии, США и самых передовых стран Европы.

Мало мы уступали в те годы США и не уступали больше никому по развитию полупроводников, компьютерной техники, программированию — самым передовым технологиям того времени.

Лучшей стала восьмая пятилетка 1966–1970 гг. со средним годовым ростом экономики в 7%, удвоением темпов роста реальных доходов, сельского хозяйства, производительности труда. Этому способствовал мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г., принявший стимулирующие меры для нового подъема сельского хозяйства, и сентябрьский Пленум 1965 г., одоббивший косыгинскую реформу с предоставлением значительной самостоятельности промышленным предприятиям, что привело к ускоренному росту и повышению эффективности.

В начале 1970-х эта самостоятельность постепенно стала отбираться, административные методы возобладали над экономическими, парткомы КПСС получили право контролировать дирекцию, и **темпы социально-экономического роста в начавшемся периоде брежневского застоя начали угасать**. Девятая пятилетка — уже 5-процентный рост экономики, 10-я — 4-процентный, 11-я пятилетка — 3-процентный, а реально, по мнению многих исследователей, близкий к нулю.

По образованию расходы стали сокращаться в составе национального дохода, и СССР начал опускаться в международном рейтинге. Стал снижаться и показатель ожидаемой продолжительности жизни, поскольку страна все больше отставала в развитии здравоохранения, которое недофинансировалось. В мире нача-

лось производство и использование высоко-технологичных методов лечения, быстро развивалась биотехнология, появились качественно новые, более эффективные лекарственные препараты. СССР прошел мимо этого. Ожидаемая продолжительность жизни, спустившись до 67–68 лет, стагнировала, а страны мира поднимались вверх и по образованию, в том числе подхлестнутые примером СССР, и по здравоохранению. Н. Хрущев провел реформу Академии наук, отобрав у нее многие институты технологического профиля и передав их в подчинение отраслевым министерствам. Академики смещались с должностей директоров отраслевых институтов, научный состав институтов ухудшался, у министерств возникло желание копировать западные достижения по компьютерной технике, перенимать западные программы, и страна стала прогрессивно отставать и по этому важнейшему технологическому направлению. Отдельные предприятия и коллективы пытались угнаться за Западом, и некоторым это удавалось. Но их достижения растворялись среди многих все более отстающих предприятий. Так что высокие рейтинги России и по экономическому потенциалу, и по общему индексу социального развития ООН, когда отечественные показатели максимально приблизились к показателям США и передовых стран Европы, были потеряны. По рейтингам здравоохранения и образования, по ожидаемой продолжительности жизни СССР также с каждым годом терял позиции, достигнутые ранее.

Ряд руководителей это осознавал, и время от времени совершались попытки активизировать научно-технологическое развитие. Ю. Андропов стал готовить Пленум по научно-технологическому развитию страны и перестройке управления, но вскоре умер. М. Горбачев провел совещание, равнозначное Пленуму ЦК, с обсуждением программы научно-технического развития. Но без стимулов и перестройки экономических отношений, с попытки решить эти проблемы административным путем серьезного результата мы добиться не смогли.

После некоторого всплеска в темпах социально-экономического развития страны в 1985–1987 гг., благодаря смене старых руководящих кадров более энергичными молодыми, дополнительным финансовым вложениям в отдельные отрасли был достигнут определенный эффект. **Начавшаяся непродуманная экономическая реформа в период перестройки ухудшила положение.** Был потерян контроль над зарпла-

той, сохранено материально-техническое снабжение и централизованные цены, стал нарастать дефицит, и все это привело к кризисным явлениям. Пытаясь погасить дефицит, правительство распродало около 800 т золота (осталось 80 т) и начало брать крупные внешнеэкономические кредиты, увеличив долги с 35 до 135 млрд долларов.

В 1989–1990 гг. начался полномасштабный кризис — с всеобщим дефицитом потребительских товаров, чрезмерным государственным долгом, возрастающим бюджетным дефицитом и обесценением рубля. Повсюду возникли «черные» рынки с увеличивающимися ценами, снизился уровень жизни, возникли массовая спекуляция, мафия и организованная преступность. Стихия «свободы», а точнее вседозволенности, захлестнула страну. Пропаганда дискредитировала за прошлые преступления и свела на нет действенность силовых органов. Растущие политические разногласия, особенно между республиками и общесоюзным центром, ослабили государство. Началось падение экономики и социальной сферы. Таков безрадостный последний период существования СССР, который вскоре развалился. Так что первому правительству новой России, которое фактически сформировал и возглавил Е. Гайдар, досталось плохое наследие.

Крестьяне, недовольные низкой ценой на зерно, получив неплохой урожай в 1991 г., не повезли его на элеваторы, как это делалось в предшествующие годы, а стали складировать в свои непригодные помещения, не имея оборудования для массовой сушки зерна и его очистки. Зерно стало портиться. Централизованные системы птицепрома и свинопрома, которые кормились с элеваторов, остались без кормов и стали забивать птицу и свиней. Нас ждала голодная зима.

Она могла стать и холодной, поскольку шахтеры уже третий год не работали по настоящему, а больше бастовали, все время выдвигая новые требования. А между тем большинство электростанций и котельных страны работали на угле, а не на газе, как сейчас, и их склады были пусты перед надвигающейся зимой.

В печати новое правительство Е. Гайдара называли «правительством камикадзе». Пресса писала: зиму люди как-то переживут впроголодь и в холоде, а когда погода потеплеет, они, возмущенные, выйдут на улицы и сметут власть.

К счастью, ничего этого не произошло. Е. Гайдар и его команда — первое и, вероятно, единственное **правительство единомышленников** в 30-летней истории России — знало, что делать. Члены правительства в основном были выходцами из созданного Е. Гайдаром в 1990 г. Института экономической политики в Академии народного хозяйства при Совете министров СССР. Институт полтора года изучал опыт стран по переходу к рыночной экономике и исследовало пути перехода к рынку в наших конкретных условиях. Эти люди имели достаточно четкую программу перехода к рынку, которую незамедлительно пытались осуществить. Это давалось с трудом, потому что председатель правительства Б. Ельцин не давал несколько месяцев добро на либерализацию цен, первую и основополагающую реформу, с которой начинается переход к рынку. Е. Гайдару, который пришел в правительство осенью, удалось это осуществить только 2 января 1992 г. Тут же повысились цены на зерно, его сразу стали сдавать на элеваторы, большую часть зерна удалось сохранить. Скота порезали не так много, как могло бы быть, и корм ему был обеспечен с заводов по производству кормов при элеваторах. Все забыли про шахтеров, поскольку полки магазинов наполнялись товарами, деньги приобретали цену и на них можно было что-то купить. Цены на уголь поднялись, стало крайне выгодным его добывать, шахтеры ударно трудились, чтобы возместить потерянные доходы, и сумели с колес обеспечить и котельные, и электростанции углем, и зима не была холодной.

После «парада суверенитетов» республик, который начался в 1990 г., отдельные автономные республики тоже потребовали самостоятельности, выдвинув идею заключения договора между руководством республик и России. Они потребовали оставить им часть налогов, дать дополнительные права, разрешить в рамках посольств России иметь своих представителей за рубежом и многое другое. Но все это было в период, когда центральная власть была им не особенно нужна, поскольку деньги обесценились, и важно было иметь натуральный продукт, который можно было менять на другие продукты. Деньгам вернули цену, и автономным республикам и другим субъектам Федерации стало необходимо платить своим пенсионерам, оплачивать деньгами коммунальные услуги и т.д., таким образом, эти субъекты, пришедшие к федеральной власти за деньгами, попали в зависимость от нее. «Спесь самостоя-

тельности» довольно быстро сошла, и уже мало кто вспоминал о том, что уральские области хотели создать свою Уральскую республику, дальневосточные области и края — возратить бывшую в 1920-е гг. Дальневосточную республику и т.д. Все это было забыто. Так что либерализация цен укрепила ослабевшую государственную власть, которая была лишена возможности применить карательные меры к тем, кто не исполняет указания.

Но все это далось дорогой ценой, поскольку никто никогда не осуществлял либерализации цен в условиях всеобщего дефицита. Цены взлетели сначала в разы, а потом и на порядки, пока удалось сбалансировать спрос и предложение. При таком росте цен обесценились все сбережения граждан, предприятий и организаций, хранящиеся в банках в рублях. Правительство не стало индексировать эти сбережения. Е. Гайдар считал, что это трудно сделать, так как реальных средств в Сбербанке и других банках, где население хранило деньги, не было. Они все были потрачены в предшествующий период. Но поскольку Россия — законный преемник РСФСР, индексацию, на мой взгляд, надо было осуществить, как это сделал другой реформатор, можно сказать, самый знаменитый и самый первый из реформаторов, — Людвиг Эрхард, с именем которого связано возрождение Западной Германии после войны. Во время денежной реформы он провел такую индексацию, но не разрешил во избежание гиперинфляции сразу использовать эти счета. А вначале дал возможность снимать, к примеру, 10–20%, если нужно, но не больше. И только через несколько лет, когда экономика поднялась, счета были разблокированы. Дело не только в том, что колоссальная несправедливость — лишить людей своих сбережений. Дело в том, что из-за отсутствия сбережений вся последующая жизнь, вся приватизация не могла быть удачно проведена. Пришлось ее делать полубесплатной.

Чтобы избежать экономической катастрофы, правительство жестко регулировало объем денежного обращения, и деньги стали дефицитом. Это позволило за три-четыре месяца наполнить полки магазинов и резко снизить месячную инфляцию. Но пришлось сдерживать рост зарплат, пенсий, строго следить за расходованием бюджета и т.п. Из-за дефицита денег возникли трудности с выплатой зарплаты на предприятиях. Обесцененных денег на счетах предприятий не хватало на оплату материалов, поставляемых узлов и деталей, и значительная

часть предприятий остановилась. Стали бастовать учителя — не было денег, чтобы им выплатить средства за летний отпуск, зарплаты врачей не хватало на жизнь. Ситуация требовала существенного реформирования, которое в летние месяцы осуществило правительство Е. Гайдара. Были зачтены и списаны взаимные долги предприятий, выданы минимальные денежные суммы, которых хватало для начала работы, были повышены зарплаты врачей и учителей, пенсии. И к осени реальные доходы, которые упали почти вдвое за первые полгода 1992 г., частично восстановились. Предприятия начали работать, а инфляция с каждым месяцем снижалась.

Егор Гайдар решил 1993 г. объявить безинфляционным, видя своей главной задачей сдерживание инфляции. И это было правильно. Так поступали соцстраны Европы, которые раньше России начали переходить к рыночной экономике. Им было намного легче, потому что многие из них, например Польша или Венгрия, не имели системы материально-технического снабжения, которая стояла между производством и потребителем. У них цены частично были либерализованы, а не все централизованы, как в России в госторговле. У них не было такого глубокого кризиса, всеобщего дефицита, как в России. У них во многом сохранилась еще частная собственность в сфере услуг, в ряде случаев — в сельском хозяйстве. И, естественно, доля оборонной продукции в составе валового продукта у них была намного меньше, чем в России. Так что вслед за годом либерализации цен постсоциалистические страны и страны Прибалтики, к ним примкнувшие, начали сдерживать инфляцию, прикрепив национальные деньги к конвертируемым валютам. Это был тяжелый, малоинфляционный год у всех стран с переходной экономикой. Увеличилась безработица, экономика, естественно, не выросла. Но она прекратила падать, как это было в первом году. И постепенно созрели предпосылки, чтобы с третьего или четвертого года реформ началось бы оживление и развитие. Наиболее успешно это прошло в Польше и Чехословакии. Кстати, Польша в 2,5 раза увеличила валовый внутренний продукт в сравнении с 1990 г., быстрее всех в Европе.

Но в России все пошло вопреки планам Е. Гайдара. Его правительство просуществовало 11 месяцев и было заменено правительством опытных хозяйственников во главе с В. Черномырдиным, возглавлявшим газовую промыш-

ленность, а потом назначенным заместителем Е. Гайдара, который исполнял обязанность премьер-министра в последние месяцы перед отставкой. В отличие от Е. Гайдара и его команды, которая изучала рынок, на практике научилась его регулировать, команда В. Черномырдина при всей опытности, умении управлять и организовывать не знала условий функционирования рыночного хозяйства. В. Черномырдин с самого начала заявил, что правительство Гайдара — это правительство завлабов, которое на первый план выдвинуло монетаризм и занималось не производством, а регулированием финансовых потоков, дефицитом бюджета, сдерживанием зарплаты. Новое правительство провозгласило: если наладить производство, остальное само придет в норму. Члены правительства стали ездить по регионам и разбираться с проблемами на местах. На запуск каждого предприятий требовались деньги, и их стали печатать. Месячная инфляция подскочила, и вместо 5%, как при Е. Гайдаре в последние месяцы, она поднялась до 15%. Но предприятия заработали, неплохо провели весну и лето 1993 г. Внезапно к осени промышленность встала. Правительство было в замешательстве и обратилось к Б. Ельцину с вопросом, что делать. Б. Ельцин ответил: «Звать Гайдара, он понимает, а вы не понимаете». Е. Гайдару дали пост первого заместителя председателя правительства и обязались не вмешиваться в то, что он делает. И он вместе с министром финансов, в прошлом сотрудником его института Б. Федоровым, быстро запустил промышленность, проведя взаимозачет задолженности, и т.д. И многие руководители поняли, что с рынком надо считаться. Условия изменились и нельзя так управлять, как в советское время.

Еще одно ключевое дело, которое начал Е. Гайдар, — массовая приватизация, которую возглавил его близкий соратник, сопредседатель их общего семинара в советское время — А. Чубайс, человек выдающихся организаторских способностей и энергии. Приватизация — главное средство против возможности возврата к старой советской системе, на которой в то время во многом настаивали коммунисты и поддерживающие их «левые» партии, мечтая о национализации значительной части промышленности. Это окончательно привело бы нашу страну к катастрофе в условиях слабого государства.

По моему мнению, Е. Гайдар допустил немало ошибок, главную из которых я назвал.

Можно было также не доводить до остановки промышленность перед летом 1992 г., обойтись меньшим повышением цен. Ведь правительство тогда считало, что цены повысятся максимум в 5 раз, а на деле они увеличились в 26,1 раза. В бывших соцстранах Европы они выросли в 4 раза, а в отдельных странах, например в Венгрии и Чехословакии, менее чем в 2 раза.

Но если оценивать деятельность Е. Гайдара и его команды по «гамбургскому счету», то стоит отметить, что они предотвратили грозящую экономическую катастрофу, не поддающуюся регулированию гиперинфляцию, а главное — не допустили распад страны в связи с центробежными трендами.

Критикуя Е. Гайдара, многие отмечают поспешность его действий, осуждают «шоковую терапию», на которой он настаивал. Думаю, критики неправы. Решать нужно было немедленно. Есть противоположный эксперимент — Украина, где не провели столь стремительных рыночных реформ. И вот результат: Украина намного отстала от России по экономике и социальному уровню, хотя в советское время ее опережала и имела благоприятные условия для осуществления реформ.

Егор Гайдар ответствен за первые 11 месяцев. То, что произошло в 1993–1998 гг. под руководством правительством В. Черномырдина, к этому Е. Гайдар отношения не имеет. Кроме того, что за несколько месяцев он запустил остановленные промышленные предприятия. Дальше в правительстве он не работал.

В самом трудном, 1992 г. промышленность сократилась на 22%, а при новом правительстве за 1993–1994 гг. рухнула на 32%. При этом инфляция выросла в 9,4 раза в 1993 г. и еще в 3,2 раза в 1994-м. Трансформационный кризис продолжался после Е. Гайдара еще семь лет.

Уверен, что, если бы во главе правительства оставался Е. Гайдар, экономический рост начался бы в 1994-м, максимум в 1995 г., как это было в Казахстане при Н. Назарбаеве, которого я знаю как хорошего экономиста. Е. Гайдар, по моей оценке, был выдающимся экономистом и реформатором.

Постепенно В. Черномырдин понял необходимость поддерживать баланс в области рыночных отношений, стал привлекать экономистов в свою команду, и с 1995 г. кризис стал затухать. Наверное, с 1996 г. можно было бы выйти на экономический рост. Но экономику, увы, как это было в СССР не раз и не два, и в этот раз принесли в жертву политике.

Борис Ельцин растерял авторитет в ходе своего президентства, коммунисты же, которые остро его критиковали, этот авторитет набирали. Была избрана Дума, где значительная часть депутатов не поддерживала ельцинскую политику и скорее симпатизировала коммунистам. Рейтинг Б. Ельцина сильно упал, и без крупных денежных средств и энергичных действий он не смог бы избраться на следующий срок. Государственная дума не дала средств на избирательную кампанию. Пришлось прибегнуть к ГКО (государственным краткосрочным облигациям), распространяемым Минфином. Они стали раскупаться банками и крупными организациями, которым предоставлялись определенные льготы. И эти средства, минуя бюджет, штаб Б. Ельцина использовал в своей избирательной кампании. К этому времени стали появляться большие банковско-экономические группы во главе с олигархами, близкими к власти. Они объединились вокруг Ельцина и его команды, поскольку не могли согласиться с национализацией, продвигаемой коммунистами.

Борис Ельцин провел энергичную избирательную кампанию, раздавая направо и налево льготы и преференции крупным компаниям, где работали десятки и сотни тысяч его будущих избирателей. На службу выборам была поставлена пресса. Огромную роль в этом сыграл А. Чубайс, который возглавил ельцинский избирательный штаб. В результате Б. Ельцину удалось получить большинство голосов в первом туре. На второй тур вышел еще г. Зюганов, третье место занимал генерал А. Лебедь, который свои голоса отдал Б. Ельцину, обратившись к своим избирателям. И Ельцин во втором туре победил Зюганова и вновь был избран президентом.

Будучи нездоровым, с пораженной сердечно-сосудистой системой, в ходе напряженной избирательной кампании Ельцин серьезно заболел, потребовалась срочная операция — шунтирование на открытом сердце. Такую операцию провели, и несколько часов вместо него руководителем страны был В. Черномырдин.

Очнувшись после операции, Ельцин «не узнал» страну: несколько месяцев не выплачивалась зарплата бюджетникам, до полугода отдельные регионы задерживали выплаты пенсий, недофинансировались социальные пособия, здравоохранение и образование. Причина — не выполняются доходы бюджета, поскольку во время избирательной кампании Б. Ельцин сокращал налоги одним компани-

ям, освобождал от пошлин по импорту другие, давал деньги третьим, что и подорвало государственную финансовую систему.

После выздоровления Б. Ельцин в марте 1997 г. обратился к Федеральному собранию России с посланием «**Порядок во власти — порядок в стране**», которое подготовили А. Чубайс и Е. Гайдар. Ельцин призвал предприятия и организации, которые не полностью заплатили налоги или таможенные пошлины, вернуть средства в бюджет. Он также объявил о реорганизации правительства и назначении двух первых заместителей председателя правительства — молодых реформаторов, как их называли тогда: А. Чубайса — министром финансов и Б. Немцова — министром топлива и энергетики. Чубайс возглавил комиссию по возвращению долгов и, действуя жестко при поддержке президента, в короткий срок заставил Газпром, крупные олигархические структуры и другие компании вернуть долги государству, пусть даже путем заимствования этих средств в кредит у иностранных инвесторов. В результате бюджет пополнился, были выплачены все задолженности и по зарплатам, и по пенсиям.

В итоге 1997 г. был первым успешным годом новой России. Увеличились валовый внутренний продукт и объем промышленности, значительно поднялись и реальные доходы населения. Единственный показатель, который немного снизился, — объем инвестиций. Фактически это был первый год стагнации после кризисных годов с падением основных социально-экономических показателей. Была достигнута минимальная инфляция в размере 11% в год. Столь благоприятные условия позволили разработать бюджет подъема экономики и социальной сферы на 1998 г.

Однако Государственная дума по инициативе коммунистов заблокировала принятие бюджета и потребовала от Ельцина освобождения от должностей новых реформаторов, обвинив их в ошибочной приватизации и самообогащении за счет получения гонорара от изданной ими книги с положительной оценкой переходного периода, в том числе приватизации. Их протесты были поддержаны значительной частью прессы, во многом оплаченной государственными и олигархическими структурами, недовольными изъятием у них средств для затыкания дыр в бюджете.

Страна вступила в 1998 г. впервые без утвержденного бюджета и должна была ориентироваться в государственных затратах на низкие

показатели бюджета первого квартала 1997 г. Это опять привело к недофинансированию бюджетников и пенсионеров, в котором депутаты снова обвинили не себя за непринятие нового бюджета, а молодых реформаторов. В качестве протеста против действий президента, который их поддерживал, Дума начала процедуру импичмента, обвиняя президента в развале экономики, Вооруженных сил и т.п. Ельцин был вынужден освободить от министерских обязанностей Чубайса и Немцова. Через некоторое время президент назначил новое правительство во главе с С. Кириенко.

Между тем социально-экономическое положение страны с каждым месяцем ухудшалось, так как к трудностям бюджетирования прибавилась массовая продажа ГКО со стороны иностранных инвесторов. Им было разрешено купить 29% общего объема ГКО, но реально они скупили, по-видимому, более 40%, используя предоставление кредита российским банкам. Причина массовой продажи ГКО — потери 5 трлн долларов крупнейшими банковскими и инвестиционными компаниями США, Великобритании, Германии и ряда других стран в связи с обвалом быстро растущих бирж Японии, Южной Кореи, Индонезии и других юго-восточных стран, где разразился глубокий финансовый кризис. ГКО, как внутренние российские ценные бумаги, котировались в рублях, и, получив от их продажи миллиарды рублей, иностранные компании на валютном рынке России обменивали эти рубли на доллары, поскольку должны были переводить деньги в свои центральные офисы для возмещения потерь. В то время размер золотовалютных резервов России был равен 17 млрд долларов, а цены на главный экспортный товар, нефть, были на низком уровне (12 долларов за баррель). На валютный рынок были направлены и валютные ресурсы с бюджетных статей, но этого оказалось недостаточно, ведь курс рубля был заниженным (6 рублей 20 копеек за доллар). Он жестко поддерживался правительством и Центробанком, которые считали это залогом устойчивого социально-экономического развития и не допускали и мысли о девальвации рубля. Это было, на мой взгляд, трагической ошибкой. Чубайс был послан в Международный валютный фонд, где он занял крупную сумму, но она тоже была растратчена. **В результате государство потеряло способность оплачивать ГКО, поддерживать валютный курс рубля и 19 августа объявило дефолт — отказ от своих обязательств.**

Это уникальный случай в мировой финансовой практике, чтобы из-за внутренних государственных облигаций, номинированных в национальной валюте, объявлялся государственный дефолт. Ведь этого дефолта можно было избежать — нужно лишь было девальвировать курс. Если бы в первой половине 1998 г., когда стали катастрофически расти суммы предъявляемых к оплате ГКО, курс был бы девальвирован даже до 10 рублей, золотовалютных резервов в стране хватило бы на оплату этих ГКО, продаваемых иностранными фирмами. Последствия девальвации, естественно, привели бы к соответствующему повышению импортных цен и увеличению общей инфляции, но это было бы намного легче, чем после объявления дефолта в условиях острой нехватки валюты и перехода к свободному плавающему валютному курсу рубля. Этот курс к концу 1998 г. увеличился в 4 раза, до 25 рублей за доллар. Соответственно, цены на импортные товары тоже повысились примерно в 4 раза, а за ними поднялись и цены на наши товары, и инфляция (потребительские цены) увеличилась на 84% в 1998 г., еще на 37% в 1999-м и на 20% в 2000-м. Вдвое в 1998–1999 гг. повысились и производственные цены промышленности.

Опять, как и в 1992 г., была допущена крупнейшая ошибка — не были индексированы банковские вклады населения и предприятий, не говоря уже о зарплате и доходах граждан. Поэтому реальные располагаемые доходы населения сократились в 1998 г. на 16% и в 1999 г. — еще на 12%, достигнув дна за десятилетний период новой России. В целом же за 1998–2001 гг. розничные цены увеличились в 3,6 раза, и более чем втрое обесценились все сбережения россиян, а также суммы финансовых средств на банковских счетах предприятий и организаций страны в рублевом выражении.

Государственный дефолт, естественно, распространился и на российские банки, которые поощрялись до этого в приобретении ГКО и скупили их на миллиарды рублей. К тому же, пытаясь дополнительно заработать, ведущие банки застраховали ГКО многих зарубежных фирм, будучи уверенными, что государство выполнит свои финансовые обязательства. Все крупнейшие банки, кроме Альфа-банка, в результате обанкротились. Кто теперь помнит Инкомбанк, банк «Менатеп», Онэксим-банк, банк «Империял», Столичный банк сбережений, Мост-банк, Мосбизнесбанк, Автобанк? Все эти банки имели активы от миллиарда долларов и выше. На их счетах сберегались средства миллионов человек и десятков тысяч предприятий и организаций, которым они не могли возратить средства. В подавляющем большинстве случаев никакой компенсации от потерянных средств не было, поскольку вклады не были застрахованы. Начался финансово-экономический и социальный кризис. ВВП и промышленность снизились на 5–6%, еще ниже упали инвестиции в основной капитал. Самым глубоким был кризис по доходам населения. Основные социально-экономические показатели кризиса 1998–1999 гг. приведены в табл. 3.

Как видно, нижняя точка трансформационного кризиса по экономике пройдена в 1998 г. **С 1999 г. в связи с импортозамещением начался экономический подъем.** При этом социальные показатели сильно ухудшались и в 1999 г. Не только снизились реальные доходы, но и до рекордного в истории новой России уровня поднялась безработица — до 13% (9,1 млн человек).

Также максимальных значений достигла депопуляция населения, превышение смертности над рождаемостью в 1999 г., она возросла до 930 тысяч человек в год. В целом в

Таблица 3

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРИЗИСА 1998/1999 ГГ.

Показатели	1998/1999 в % к 1990	В % к предыдущему году		
		1997	1998	1999
Валовый внутренний продукт	56	0,9	- 4,9	5,4
Промышленность	48	2	-5,2	11
Сельское хозяйство	54	1,5	-12	5,3
Инвестиции в основной капитал	21	-5	-3,2	4,1
Реальные доходы	54	6	-16	-12
Процент безработных (в конце периода)	13	11,8	13,3	13
Депопуляция населения (в конце периода) (тыс. человек)	- 930	-756	-705	-930

трансформационный кризис в связи с депопуляцией население сократилось со 148,2 млн человек в 1990 г. до 145,6 млн человек в 1999-м. Суммарная депопуляция за 1993–1999 гг. была выше, но она частично компенсировалась притоком миграции из бывших союзных республик, ставших ныне самостоятельными государствами.

Так безрадостно завершился длительный трансформационный кризис. **Вероятно, это самый глубокий и продолжительный кризис крупных мировых держав за всю историю мирного времени.** Ведь объем валового продукта за кризисное десятилетие сократился в 1,8 раза, промышленности — в 2,2, сельского хозяйства — в 1,9, инвестиций в основной капитал — в 4,8, вдвое сократилось финансирование науки, образования, здравоохранения, развалилась военная мощь страны, а самые квалифицированные кадры во многом были растрочены.

Реальные располагаемые доходы населения снизились в 1,9 раза, возникло вопиющее социальное неравенство. 10% богатых имели средний душевой доход в 13–15 раз выше, чем 10% бедного населения, в то время как в 1980-е этот разрыв был равен трем, а к 1990 г. — уже четырем. Около 45 млн человек (30%) пребывали в абсолютной бедности, имея доходы ниже прожиточного минимума. Богатая страна стала страной с преимущественно бедным населением.

Больше половины высокотехнологических предприятий страны по тем или иным причинам были закрыты или куплены иностранными компаниями, прежде всего в машиностроении и особенно в приборостроении, фармацевтике, авиационной промышленности, кораблестроении, подорвано машиностроение. Страна перешла на преимущественный импорт зарубежной техники. Значительная часть интеллектуальной элиты уехала за рубеж. Особенно это коснулось высококвалифицированных специалистов в естественных науках и технологиях. И уехали не столько потому, что вдвое упал уровень жизни, а прежде всего потому, что не были сохранены условия для эффективной работы. Подавляющая часть отраслевых институтов и крупных конструкторских бюро были закрыты или резко сокращены. Не обновлялось оборудование, не приобретались современные материалы для опытных работ. А главное — не было востребованности таких специалистов. Поэтому мы сильно отстали даже в самых наших передовых отраслях,

в частности в космической сфере. Фактически на нет была сведена полупроводниковая промышленность и производство компьютерной техники — все стало завозиться из-за рубежа. Практически прекращено было производство собственных гражданских самолетов, современных кораблей и др.

В то же время возник слой сверхбогатых людей, в основном близких к власти, которым власть передала общенародные недра и природные богатства — землю, лесные угодья, наиболее крупные предприятия, и все за бесценок.

Хуже всего, что в первом десятилетии усилия больше направлялись на разрушение созданного в годы советской власти, а не на преобразование экономики в направлении инновационного развития, эффективности, социальной направленности. Эти прогрессивные тренды были заторможены.

Переход к рынку в первое десятилетие не был полным и цивилизованным, а, напротив, заложил основы его некомплектности, незавершенности, неэффективности. В результате приватизации не был обеспечен обещанный взлет страны. Не произошел переход к эффективному public company. С одной стороны, их место во многом заняли вертикально интегрированные монополистические компании олигархического типа, подавляющие конкуренцию. С другой — не было сколь-нибудь заметного развития малого и среднего бизнеса, ими были заняты не 50–60% работающих, как в развитых странах, а 10–15%, преимущественно в торговле, а не в реальном секторе.

Главное — не был создан рыночный механизм, нацеленный на социально-экономический рост. **За 10 лет не были сформированы рынок капитала, нормальный фондовый рынок, не создана система воспроизводства «длинных» денег, не сформирована конкурентная среда.** Даже в банковской сфере подавляющую часть заняло краткосрочное кредитование, и совершенно не была развита система инвестиционного кредитования в основной капитал. Кредитование человеческого капитала попросту отсутствовало, даже для профобразования граждан. Ряд важных отраслей и секторов экономики находился под гнетом государственных и олигархических монополий.

Закончить хочется на оптимистической ноте. Сохранилась страна с большой территорией, самыми крупными в мире природными богатствами, со значительным населением, причем весьма образованным и квалифицированным.

2. Восстановительный подъем экономики и социальной сферы (1999–2008 гг.)

Кризис 1998–1999 гг. был структурный, финансовый по происхождению, связанный с крупной девальвацией национальной валюты — рубля. Благодаря этому были созданы условия и сильные стимулы для восстановления и развития экономики. Увеличение вчетверо импортных цен в связи с девальвацией валютного курса рубля привело к значительному сокращению импорта: с 72 млрд долларов в 1997 г. он упал до 58 млрд в 1998-м и 40 млрд в 1999-м. Потом немного вырос в 2000-м (до 45 млрд) и только после этого стал более быстро восстанавливаться. С 2003 г. он достиг уровня 1997 г. и превысил его.

Сокращение импорта в 1,8 раза освободило ниши в ряде ключевых отраслей промышленности, где импорт доминировал. Эти ниши заняли российские предприятия с неиспользованными мощностями. В кризис предприятия обнищали, у них не было средств приобретать импортную продукцию по сверхвысоким ценам. Они были вынуждены покупать отечественную — менее качественную — продукцию по заниженным вдвое ценам (в среднем). Внутренние цены в годы кризиса поднялись не в 4 раза, как на импортные товары, а примерно в 2,5 по потребительским ценам за 1998–1999 гг.

и почти вдвое по производственно-промышленным. И эта **разница в импортных и внутренних ценах сильно стимулировала импортозамещающую деятельность** наших предприятий.

Рассмотрим основные сдвиги по отраслям импортозамещения (табл. 4).

В черной металлургии мы приобретали качественный прокат, тонкий лист, стальные трубы, прежде всего для нефтегазовой промышленности, у ведущих мировых производителей в развитых странах. Теперь после их подорожания пришлось перейти на российскую продукцию. Черная металлургия сократилась на 8% в 1998 г., но в связи с импортозамещением сразу увеличилась более чем на 14% в 1999-м и почти на 16% в 2000-м. Это относится и к цветным металлам: с минус 5% объем производства в 1999 г. поднялся на 8,5%, а потом и более чем на 11%. Огромный рост наблюдался и по химической, и по нефтехимической отраслям — с минус 7,5% до 22% и 14% соответственно. Так же и в машиностроении: с минус 7,5% до 16% и 15,5% соответственно. Страна приобретала много изделий глубокой переработки древесины. В частности, публикации осуществлялись преимущественно на более качественной финской бумаге. Отрасль немного просела в 1998 г., взлетела до 17% в 1999-м и прибавила еще 9,5% в 2000-м. Наиболее ярко импортозамещение

Таблица 4

ТЕМПЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЪЕМА ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (в % к предыдущему году)

	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Промышленность — всего, в том числе по отраслям:	–5,2	11,0	11,9	4,9	3,7	7,0	6,0	4,0
Электроэнергетика	–2,5	0,2	1,8	1,6	–0,7	2,5	0,1	1,5
Топливная, из нее:	–2,5	2,4	5,0	6,1	7,0	9,4	7,5	1,6
— нефтедобывающая;	–1,0	0,4	5,9	7,7	8,8	11,3	9,0	2,2
— газовая;	0,8	4,1	4,8	0,4	2,4	5,4	3,0	0,5
— угольная	5,0	8,8	4,0	5,4	–6,0	8,7	5,0	3,0
Черная металлургия	–8,1	14,4	15,6	–0,2	3,0	8,9	5,0	3,0
Цветная металлургия	–5	8,5	11,3	4,9	6,0	6,1	6,0	5,0
Химическая и нефтехимическая	–7,5	21,7	14,3	6,5	1,6	3,9	6,0	4,0
Машиностроение и металлообработка	–7,5	15,9	15,5	7,2	2,0	8,5	10,0	5,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	–0,4	17,2	9,5	2,6	2,4	1,2	3,0	3,0
Промышленность строительных материалов	–5,8	7,7	7,6	5,5	3,0	5,7	5,0	4,0
Легкая	–11,5	20,1	22,0	5,0	–3,4	–2,5	–7,0	–2,0
Пищевая	–1,9	7,5	7,1	8,4	6,5	5,0	4,0	5,2

проявилось в легкой промышленности. Вот ряд цифр ее динамики по годам: минус 11,5%, а следующие годы — плюс 20% и 22%. Более умеренно сократилась пищевая промышленность — на 2%, а в следующие годы увеличилась на 7,5% и 7% в соответствии со спросом обедневшего населения.

Промышленность после падения в кризис на 5,2% в 1999 г. резко увеличилась — на целых 11%, а в 2000-м поднялась на 11,9% до рекордного показателя за 30 лет новой России. Вряд ли когда-нибудь снова произойдет подобное. Прирост импортозамещения, как видно, в 2000 г. в среднем по объемам был примерно таким же, как и в 1999-м. Общий рост промышленности в 2000-м вырос главным образом из-за повышения цен на нефть и нефтепродукты примерно вдвое, что вызвало значительное увеличение объемов нефтедобычи и нефтепереработки. С минус 1% в 1998 г. нефтедобыча немного возросла на 0,4% в 1999-м и на 5,9% в 2000-м. В связи со столь значительным ростом производства в 1999–2000 гг. намного увеличились доходы предприятий и организаций и улучшились социально-экономические показатели (табл. 5).

Валовый внутренний продукт, который сократился на 5% в 1998 г., восстановился уже в 1999-м, а в 2000-м увеличение достигло рекорд-

ных цифр — плюс 10%. Никогда ни до, ни после 2000 г. прирост валового внутреннего продукта не был столь высок. Стали увеличиваться и инвестиции в основной капитал.

Такое увеличение доходов позволило предприятиям и организациям значительно поднять заработную плату, в то время как индекс потребительских цен (инфляция) с 37% в 1999 г. стал расти намного медленнее: 20% — в 2000-м, 18,6% — в 2001-м, 15% — в 2002-м и 12% — в 2003-м. В результате реальные доходы с 2000 г. стали быстро увеличиваться: 12% в 2000-м, 9% — в 2001-м, 11% — в 2002, компенсировав падение на 27% за 1998–1999 гг. и существенно превысив максимальный их уровень, достигнутый в 1997-м. Развитие промышленности и всего народного хозяйства позволило уже к 2001 г. значительно сократить безработицу. С 2000 г. стал прирастать и ввод жилья в эксплуатацию, что позволило наращивать продажу жилья населению.

Заоблачный курс доллара — 25 рубля за доллар, — взлетевший в 1998–1999 гг., был чрезмерным и в дальнейшем постепенно снижался до 2008 г. А внутренние потребительские и промышленные цены ежегодно увеличивались и в 2002-м достигли импортных, увеличившись в сравнении с 1997 г. в 4 раза. Поэтому импорт с 2001 г. стал возвращаться к докризисному уровню с 40–45 млрд долларов в 1999–2000 гг.,

Таблица 5
ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	Прирост за 10 лет 1999–2008 гг.	
													Всего	В среднем в год
Валовый внутренний продукт	0,9	–4,9	5,4	10	5,1	4,7	7,3	7,1	6,2	6,7	8,1	5,6	90	6,6
Объем промышленной продукции	2	–5,2	11	11,9	4,9	3,7	7	6,1	4	3,9	6	2,1	80	6,1
Инвестиции в основной капитал	–5	–12	5,3	17,4	10	2,8	12,5	10,9	10,5	11	21,1	9,8	183	11,1
Продукция сельского хозяйства	1,5	–3,2	4,1	7,7	7,5	1,5	1,3	1,6	2	2,4	3	10,8	47	4,2
Реальные денежные доходы населения	6	–16	–12	12	8,7	11,1	15,1	8,4	8,8	9	10,4	2,7	12*	9,6*
Индекс потребительских цен (инфляция) прирост декабрь к декабрю	11	84,4	36,5	20,2	18,6	15,1	12	11,7	10,9	9	11,9	13,3	429	15,9

*За 9 лет (с 2000 по 2008 г.)

61 млрд — в 2002-м и 76 млрд — в 2003-м. Рост импорта стал вытеснять менее качественные российские товары с рынка, особенно интенсивно это происходило с 2001 г. По черной металлургии после ее увеличения на 15,6% в 2000 г. с возвращением крупного импорта в 2001-м отрасль погрузилась в стагнацию и сократила объем производства на 0,2%, а в 2002-м немного приподнялась до 3%. Сказанное относится и к химической промышленности, которая с 14,3% в 2000 г. сократила прирост до 6,5% в 2001-м и до 1,6% в 2002-м. Машиностроение с 15,5% в эти же годы снизило темп до 7,2 и 2% соответственно. Еще сильнее упали приросты в лесопромышленном комплексе — с 9,5% до 2,6 и 2,4%. Заметнее всего темпы сократились в легкой промышленности — с 22% в 2000 г. до 5% в 2001-м, а затем на четыре года темпы стали отрицательными: в 2002 г. — минус 3,4%, а в последующие годы — минус 2,5%, минус 7% и минус 2%. И только пищевая промышленность, которая в отличие от других отраслей технологически перевооружилась в эти годы, сохранила нормальные темпы экономического роста после 7,1% в 2000 г. Производство продовольствия увеличилось на 8,4% в 2001 г. в связи со значительным ростом денежных доходов населения и в следующие годы сохранило этот темп — 6,5% в 2002-м, 5% — в 2003-м. Импорт все эти годы продолжал нарастать повышенным образом. Впрочем, как и экспорт, который стал увеличиваться с 2003 г. в связи с ежегодным все более значительным повышением цен на нефть, газ и другие виды сырья. В табл. 6 по-

казана динамика внешней торговли России в 1997–2008 гг.

Возрастающий импорт замедлил в 2–3 раза темпы роста промышленности и ее отраслей, которые сыграли столь важную импортозамещающую роль для подъема экономики в 1999–2000 гг. Их средние темпы после 2000 г. были относительно невелики. Черная металлургия росла в среднем на 4–5% в год, цветная металлургия — на 5–6%, химическая промышленность — на 4–5%, сократился прирост в машиностроении до 6% в год, лесной промышленности — до 2–3%, легкая промышленность сократила объем производства, и только пищевая устойчиво развивалась — плюс 5–6% в год. И в среднем темпы роста промышленности за 2002–2008 гг. были ниже 5%.

Объем валового внутреннего продукта увеличивался в 2001–2002 гг. примерно на 5% год, поскольку в эти годы сокращалось импортозамещение и немного снижались цены на нефть после их удвоения в 2000 г. Поэтому объем экспорта тогда практически не увеличился. Экспорт в 2000 г. составил 105 млрд долларов, поднявшись с 75–76 млрд в 1998–1999 гг., а потом стагнировал два года: в 2001-м — 102 млрд, в 2002-м — 107 млрд. С 2003 г. экспортные цены на нефть ежегодно стали увеличиваться на 20% и более, поэтому объемы экспорта росли по экспоненте: 2003 г. — 136 млрд долларов, 2004-й — 183, 2005-й — 245, 2006-й — 305, 2007-й — 354 млрд долларов. В 2008 г. цена на нефть взлетела выше чем на 40%, и объем экспорта достиг 472 млрд долларов. Как видно,

Таблица 6
ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ (в млрд долларов)

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо
1997	89	72	17
1998	75	58	17
1999	76	40	26
2000	105	45	60
2001	102	54	48
2002	107	61	46
2003	136	76	60
2004	183	97	86
2005	245	125	120
2006	305	175	130
2007	354	233	121
2008	472	292	180

с 1998 до 2008 г. цены на нефть выросли примерно в 8 раз. В результате положительное сальдо внешней торговли (превышение экспорта над импортом) с 17 млрд в 1998 г. увеличилось до 180 млрд долларов — в 10,5 раза.

Увеличение объемов экспорта за годы подъема более чем в 6 раз принесло стране огромную суммарную выручку — более 2 трлн долларов. Из них **около 1,5 трлн были «даровыми»**, связанными не с увеличением физического объема экспорта, а в основном с повышением цен на нефть, газ и другие виды сырья и материалов. Около 1,1 трлн долларов из этой «даровой» суммы поступили на счета государства в виде налогов и сборов. 180 млрд пошли на обслуживание огромного внешнего долга России, который нам оставил бывший президент Б. Ельцин (158 млрд долларов, превышающие объем ВВП того времени). Эта выплата процентов и тела долга сократила его до 38 млрд долларов. Золотовалютные резервы в кризисные годы достигли минимума в 10 млрд долларов и ежегодно пополнялись, достигнув максимума в 597 млрд в августе 2008 г. Динамика золотовалютных резервов представлена в табл. 7.

Оставшиеся средства от экспортной выручки, доставшиеся государству, в основном пополняли доходы расширенного консолидированного бюджета, включая внебюджетные государственные фонды — пенсионный, страхования, здравоохранения и социальный. В связи с этим бюджет рос в среднем на 11% в год. Его доля в валовом внутреннем продукте повысилась с 25% в кризисные годы до 40% к концу восстановительного периода. При этом в период подъема бюджет был все время профицитным, опять-таки за счет валютных поступлений. В 2008 г. этот профицит составил 60 млрд долларов (более 1,4 трлн рублей).

Другим главным драйвером социально-экономического роста в это время был прирост торговли — розничной, оптовой и внешней, а также рост продаж платных услуг и жилья населению. Ведь значительная часть экспортной выручки в конечном счете и по линии государства, и по линии экспортных компаний пошла на зарплату, пенсии, пособия и другие выплаты населению. Скажем, те 900 млрд долларов, которые получили в годы подъема экспортные компании, пошли на зарплату собственным работникам, а также на оплату услуг транспортникам, строителям, поставщикам оборудования, труб и материалов, сервисным компаниям, которые, в свою очередь, из этих средств повышали доходы своим работникам и акционерам. Нефтедолларами, которые поступили в бюджет, правительство рассчитывалось с учителями, врачами, госслужащими, военными. И все эти деньги тратились на покупки в сфере розничной торговли, платных услуг, для покупки жилья. При этом доля торговли, платных услуг и покупки жилья в валовом продукте составляет около 30%. Ее стремительный рост тянул за собой ВВП. ВВП за эти годы увеличился на 90%, а эта сфера возросла в 2,5 раза.

Нужно также учесть, что большие валютные поступления, по крайней мере наполовину, а скорее всего на 2/3, были источником быстро растущих инвестиций. Инвестиции в период восстановительного подъема, как известно, увеличились в 2,8 раза и тоже явились важным драйвером социально-экономического развития.

С учетом всего этого **Всемирный банк рассчитал, что общеэкономический рост страны в 1999–2008 гг. (рост ВВП) был наполовину обеспечен за счет восьмикратного повышения цен на**

Таблица 7

ЗОЛОТОВАЛЮТНЫЕ РЕЗЕРВЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ

Дата	Резерв, долл.
1998 г.	17 млрд
2000 г.	12 млрд
1 января 2003 г.	47,8 млрд
15 мая 2005 г.	149,8 млрд
15 февраля 2006 г.	190 млрд
1 января 2007 г.	300 млрд
1 августа 2007 г.	400 млрд
Август 2008 г. (достигнутый максимум)	597 млрд

нефть и увеличения цен на другие виды сырья и материалов в рассматриваемом периоде. В целом за 10 восстановительных лет среднегодовой темп ВВП составил 6,6%. Так что 3–3,5-процентный рост ежегодно, особенно в 2003–2008 гг., был связан с повышением этих экспортных цен, другая половина прироста определялась внутренними факторами социально-экономического развития.

В наибольшей мере в составе валового внутреннего продукта увеличилась сфера услуг, прежде всего бюджетных (до 40%), затем торговых (до 20%) и в третью очередь операций с недвижимостью (до 11%). Повысился удельный вес здравоохранения и образования, которые суммарно поднялись с 5 до 6% ВВП. Это касается произведенного валового внутреннего продукта. Если рассмотреть его использование, то в наибольшей мере увеличилась доля валового накопления основного капитала — с 18 до 22%.

Социально-экономический потенциал страны за десятилетие восстановительного роста увеличился вдвое. Устойчивость этого роста многократно возросла в связи с накоплением огромных резервов, по объему которых мы опередили США и крупные европейские страны, а уступали только Китаю и Японии. Эта увеличенная мощь страны позволила относительно безболезненно преодолеть глубокий циклический кризис 2008–2009 гг.

Особенность восстановительного подъема экономики состоит в основном в его **социальной направленности**. Реальные располагаемые доходы населения за 9 лет выросли в 2,3 раза,

т.е. больше, чем валовый внутренний продукт. Кардинально сокращена численность бедных. Абсолютная бедность (доходы ниже прожиточного минимума) сократилась с 44 до 15 млн человек (считая ко всему населению, с 30 до примерно 10%). Но социальное неравенство при этом практически не сократилось. Коэффициент фондов в 2008 г. составил около 15 раз: это в полтора раза выше социального неравенства в Европейском союзе и в 2–3 раза выше, чем в странах социал-демократической направленности и Японии. При наличии столь избыточного финансирования можно было бы существенно сократить социальное неравенство хотя бы до уровня Западной Европы, а еще лучше — до уровня Германии, где коэффициент фондов — около 8. Я не говорю здесь об уровне Японии — там 4,6. Для нас он пока недостижим.

В социальной сфере особенно важно отметить крупные успехи в устранении депопуляции за счет снижения смертности и повышения рождаемости. Значительно повысилась ожидаемая продолжительность жизни. Все это было осуществлено благодаря провозглашенным целевым национальным программам «Демография» и «Здоровье населения», которые начали осуществляться с 2006 г. Эти программы завершились к 2014 г., и уже к 2008-му были получены впечатляющие результаты (они представлены на рис. 1 и в табл. 8).

На осуществление этих программ было направлено примерно 20% всех расходов на здравоохранение, но использовались они весьма эффективно, так как эти расходы в отличие от

Рисунок 1
ДЕПОПУЛЯЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

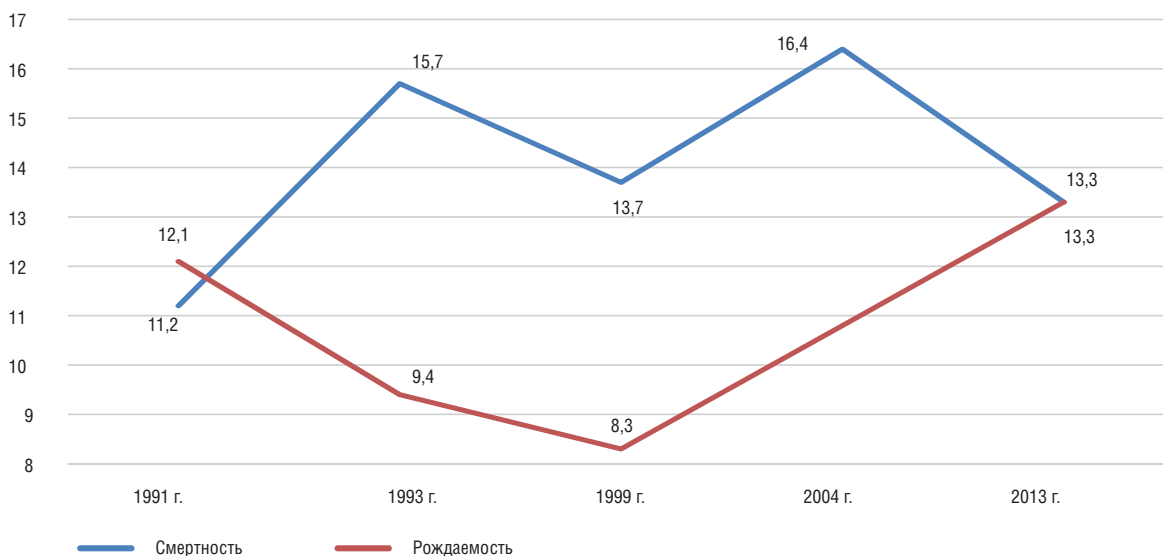

Таблица 8

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ «ДЕМОГРАФИЯ» И «ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ» (2006–2014 гг., в тыс. чел.)

Показатель	2005 г.	2014 г.	Изменения
Рождаемость	1 457	1 947	+490
Смертность	2 304	1 914	–390
Депопуляция	–847	+33	
Смертность в трудоспособном возрасте	740	470	–270
Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний	1 299	954	–345
Смертность от новообразований	288	294	+6
Смертность от внешних причин	316	176	–140
Ожидаемая продолжительность жизни населения (число лет),	65,5	71	+5,5
в том числе:			
— мужчины;	59	65	+6
— женщины	72	77	+5

других были целевыми и направлены на достижение конкретных результатов. Было построено 10 крупнейших кардиологических центров федерального значения, несколько больших онкологических и травматологических и около сотни перинатальных (если считать до настоящего времени) центров. Поэтому число больных, которым была оказана высокотехнологичная помощь, с 50 тысяч в 2005 г. увеличилась до 1,8 млн к концу срока этих программ. Эти программы были запущены только с 2006 г. — на седьмом году начавшегося подъема экономики. Если бы они были начаты в 2000–2001 гг., результаты были бы выше. Улучшились результаты демографии и здравоохранения, но отставание было столь катастрофическим, что, несмотря на успех, Россия по-прежнему намного отстает по показателям здоровья и ожидаемой продолжительности жизни не только от развитых, но и от постсоциалистических стран Европы и продвинутых развивающихся стран. К сожалению, при этом общее недофинансирование здравоохранения в сравнении с другими странами не было преодолено. Оно было несколько смягчено, но все же оставалось еще очень большим. И нужна одна, а может быть, две подобные программы в предстоящем будущем, чтобы поднять показатели жизни сначала до уровня новых членов европейского сообщества — постсоциалистических стран, которые достигли средней продолжительности жизни 77 лет (а не 73,6 года, как в России в 2019 г.), а затем до уровня развитых стран мира, где средняя ожидаемая продолжительность жизни превы-

сила 80 лет. Пока же по ожидаемой продолжительности жизни мы поднялись в международном рейтинге стран мира до 90–100-го места, что показано в табл. 9.

Меньше, чем в здравоохранении, было сделано в образовании. Здесь не было существенных программ и мало что восстановилось. В значительной мере образование в этот период переходило на платную основу. Без радикального улучшения качества прирастали количественные показатели — численность населения, получающего высшее и среднее профессиональное образование. Планы подъема НИОКР и удвоения его финансирования с повышением доли в ВВП в этот период не были выполнены. Финансирование составило около 1% ВВП, вдвое ниже, чем в Китае, и втрое ниже, чем в США и других развитых странах. В советское время наука развивалась приоритетно, и ее доля в национальном доходе достигала 3%, правда, в значительной мере за счет затрат на оборону. Не были восстановлены отраслевые прикладные институты, опытные производства, конструкторские и проектные организации, которые были упразднены в тяжелые 1990-е. Фундаментальная наука, финансирование которой сократилось в 3–5 раз, не может из-за этого успешно продвигать полученные инновационные результаты в хозяйственную практику.

Другая позитивная особенность восстановительного подъема — отмеченный выше **приоритетный рост инвестиций в основной капитал** в 2,8 раза. Это увеличение инвестиций больше

Таблица 9

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕЙ И ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ ПРИ РОЖДЕНИИ В 2018 Г.

Страна	Общая продолжительность жизни	Продолжительность здоровой жизни, лет
Япония	84	74,5
Франция	83	73,1
Испания	82	72,8
Швейцария	83	72,5
Великобритания	81	71,7
США	79	70,0
Китай	75	64
Россия*	73	63

*Из 187 стран по ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении Россия занимает 97-е место.

всего было направлено на расширение добычи нефти и газа — 13% от общего объема всех инвестиций в народное хозяйство, что почти равно инвестициям во все отрасли обрабатывающей промышленности. Было построено несколько крупных заводов обрабатывающей промышленности и инфраструктурных объектов, прежде всего трубопроводный и другие виды транспорта.

К сожалению, имея огромные финансовые средства, мы **не приступили к массовому технологическому перевооружению** устаревших и отставших действующих производств прежде всего по базовым отраслям, не возродили потерянную авиапромышленность гражданского назначения, полупроводниковую промышленность, поздно и неэффективно занялись фармацевтикой, еще меньше — биотехнологией, не восстановили потерянные отрасли машиностроения. Наши инвестиции базировались в значительной мере на импортном оборудовании, доля которого выросла до половины при огромном увеличении общего размера импорта. Так что производственные фонды, к сожалению, существенно не обновились, коэффициенты выбытия и обновления этих фондов, в том числе машин и оборудования, остаются крайне низкими.

За счет притока валютных средств нам удалось к середине восстановительного периода преодолеть банковский кризис 1998–1999 гг. Но во многом это сделано за счет постепенного огосударствления банковской системы, которая целиком посвятила себя не задачам социально-экономического развития страны, а самообогащению за счет высокопроцентных коротких кредитов и широкого кредитования

населения и малого бизнеса фактически под ростовщически высокие проценты. Особенно это касается быстро развивающихся микрофинансовых организаций. Доля инвестиционных кредитов в основной капитал в России осталась самой низкой в мире — со стороны отечественных банков 1–1,5% от банковских активов и до 5% от общей суммы инвестиций. Благодаря притоку огромных средств мы не смогли реформировать финансовую систему, создать в ней фонды «длинных» денег, рынок капитала, нормальную фондовую биржу за счет долговременных взносов и приобретения акций. Биржа осталась спекулятивной, мало влияющей на социально-экономическое развитие. Мы так и **не создали механизм экономического роста на рыночной основе** — не организовали рынок капитала и не преодолели монополизацию многих сфер деятельности, не воссоздали конкурентную цивилизованную среду.

Олигархический капитал намного вырос и окреп на фоне огосударствления экономики в этот период, приобретая за выгодные кредиты, которые предоставляют олигархам прежде всего государственные банки, новые и новые объекты. Огосударствление началось со значительного увеличения доли госбюджета, затем стали создаваться корпорации под госконтролем — Роснефть, Ростех. К ним присоединились многочисленные государственные институты типа Роснано и многие другие. Федеральная власть стала контролировать все большую часть крупных компаний, ранее принадлежавших частному бизнесу. На этот путь встали также регионы и муниципалитеты. В итоге предприятия и организации, подчиненные государству или им контролируемые, стали производить не 35%

ВВП, как в 2003 г., а до 70% (по оценке Всемирного банка). При этом большая часть государственных предприятий и организаций не выполняет никаких государственных функций (оборонных, инфраструктурных, социальных и др.), а занимается самообогащением на базе обычной коммерческой деятельности во многом благодаря монопольному государственно-му или полугосударственному статусу, зачастую получая к тому же помощь из бюджета. Особенно это касалось РЖД, которые начали реформирование, но остановились на полпути и стали полугосударственной организацией.

Главный недостаток восстановительного подъема — **отсутствие структурных реформ**, которые к 2003 г. завершились принятием Налогового кодекса, бюджетных правил, выстраиванию вертикали власти по инициативе нового президента В. Путина.

В деятельности Министерства финансов, которое подмяло под себя правительство, **восторжествовал фискальный подход**, были потеряны стимулирующая и распределительная функции налогов. Постепенно **развилось накопительство**. Увеличивающиеся резервы не использовались даже на возвратных условиях на внутреннем рынке, а вкладывались в надежные зарубежные ценные бумаги, прежде всего США, но вкладывались частично, а частично обесценивались — до 20 млрд в год, поскольку лежали втуне. В стране **возобладало авторитарное управление**, которое на первых порах — после полуразвала страны в трансформационный кризис — было, по нашему мнению, необходимо, но лишь для того, чтобы более тщательно подготовить структурные реформы по развитию, движению страны к цивилизованному рынку и социальному государству с сильной демократической властью. Этого не произошло. **Мы не завершили рыночных реформ**, поскольку ограничились частичной либерализацией цен и приватизацией, неудачно проведенной и породившей слой сверхбогатых собственников и возрастающее социальное неравенство.

В итоге при удвоенной мощи экономики, накопленных золотовалютных резервах, значительном повышении уровня жизни, радикальном сокращении безработицы и преодолении депопуляции **возможности подъема во многом не были использованы** — сохранилось чрезмерное социальное неравенство, усилилась монополизация, произошло крупное огосударствление. Не удалось преодолеть сильное отставание всей сферы «экономики знаний» — это НИ-

ОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. Сохранилась по международным меркам отсталая финансовая система, не воспроизводящая «длинные» деньги. Центральный банк вместе со всей банковской системой отвернулись от задач социально-экономического развития и тоже занялись самообогащением, как и значительная часть коммерческих структур, подконтрольных государству. У страны появились «черные дыры», которые ярко выявились в наступившем глобальном циклическом кризисе, обрушившемся на Россию в 2008–2009 гг., кризисе, который стал самым глубоким среди держав, представленных на мировом саммите.

3. Период кризисов и стагнации (2009–2021 гг.)

Восстановительный подъем завершился в третьем квартале 2008 г. Четвертый квартал 2008-го и весь 2009-й были годами глубокого финансово-экономического и социально-го кризисов. Его показатели представлены в табл. 10.

Наш кризис стал частью циклического общемирового. Подобный предшествующий кризис общемирового значения был в 1970 г., но он был менее глубоким, затронул меньшее число стран и не привел к падению общемирового ВВП. Так что кризис 2007–2009 гг. является вторым по глубине и обширности после самого глубокого в истории кризиса 1929–1933 гг., начавшегося с Великой депрессии в США.

Этот кризис стартовал в 2007 г. в США с ипотечного кризиса. Ипотека в 2000-х гг. в США была высокоприбыльным делом и значительно расширилась. Ипотечные банки, конкурируя между собой, постоянно смягчали условия ипотеки, сокращали обязательный вступительный взнос для клиентов, снижали процентную ставку. Спрос на жилье увеличивался, и строители вводили в строй рекордные объемы жилья, соревнуясь по объему продаж. В 2007 г. ввод жилья превысил платежеспособные потребности населения. Избыточное жилье привело к снижению цен. С другой стороны, приобретая на выгодных условиях жилье, все большее число семей стали задерживать платежи, и ипотечные банки столкнулись с трудностями, пытаясь отобрать жилье у тех, кто не смог его оплачивать и желали перекредитоваться на убыточных для банка условиях. Эти трудности нарастали, ипотечные, относительно небольшие банки стали

Таблица 10

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРИЗИСА В РОССИИ

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Валовый внутренний продукт	8,1	5,6	-7,9
Промышленность	6	2,1	-10,8
Сельское хозяйство	3	10,8	1,2
Инвестиции в основной капитал	21,1	9	-17,0
Строительство	18,2	12,8	-16,0
Грузооборот транспорта	2,3	0,7	-10,2
Розничная торговля	16,0	13,5	-5,5
Реальные доходы населения	10,4	2,1	1,9
Численность безработных в 2009 г. (млн. чел.), в % к экономически активному населению	4,2 5,6	4,8 6,4	6,3 8,41
Инфляция (изменение потребительских цен в декабре 2009 г. к декабрю 2008 г.)	11,9	13,3	8,82
Индекс цен производителей (декабрь 2009 г. к декабрю 2008 г.)	25,1	-7,0	13,93

1. На 1 февраля 2010 г. безработица увеличилась на 0,6 млн чел. и составила 6,8 млн чел., или 9,2%.

2. Прирост индекса потребительских цен в 2009 г. по отношению к 2008 г. составил 11,7%.

3. Прирост индекса цен производителей в 2009 г. по отношению к 2008 г. составил 4,3%.

банкротиться. Под залог жилья они выпускали сертификаты, которые приобретали крупные банки, выпуская свои более авторитетные жилищные сертификаты. Эти сертификаты стали падать в цене, убытки охватывали все более значительную часть банковской системы и инвестиционные фонды, занятые продажей жилищных сертификатов. Разразился глубокий ипотечный кризис, на продажу выставлялось все больше, с одной стороны, достраиваемого жилья, а с другой — жилье, владельцы которого не могли оплачивать ипотечный кредит.

Значимым событием стало банкротство в 2008 г. одной из крупнейших инвестиционных компаний мира Lehman Brothers, которая имела филиалы во многих странах мира. Ее долги, в основном по ипотечным сертификатам, составляли около 613 млрд долларов и привели к банкротству. Правительство США при этом отказалось помогать. Финансовый кризис США нанес ущерб мировому финансовому рынку, от чего пострадала прежде всего Великобритания. В других странах также начался кризис. Он стал захватывать все больше отраслей, сокращалась экономика, в США и Европе удвоилась безработица, и кризис приобрел социальный характер. Обрушилась внешнеэкономическая торговля, население резко сократило приобретение автомобилей, предметов длительного пользования, а предприятия и организации ста-

ли воздерживаться от кредитования, вложения средств в приобретение акций и облигаций. Таким образом кризис стал всеобщим.

Экономические связи России с другими странами были не так крепки. Россия имела в мировом ВВП более 3%, а доля ее внешнеэкономического оборота в мире составляла около 2%. Активы западных банков в составе банковской системы России были относительно невелики, впрочем, как и доля западных производителей. Поэтому кризис в Россию пришел позже. Он начался с обвала российского фондового рынка, значительная часть акций которого приобретали западные инвесторы, наживаясь на растущих акциях этого рынка. В условиях кризиса они стали в массовом масштабе продавать эти акции. Рынок стал падать, особенно после того, как и российские участники этого рынка, вложившие, как правило, «короткие» спекулятивные деньги в фондовый рынок, тоже стали реализовывать свои акции. В результате с 1,5 трлн долларов этот рынок обвалился примерно в 4 раза. Стал резко сокращаться экспорт, который в четвертом квартале 2008 г. упал сразу на 9%, а в первом квартале 2009 г. — на 15%. За экспортом последовал импорт, который в первом квартале снизился на 34%. Предприятия и организации с четвертого квартала стали сокращать накопления (минус 6%), а в первом и втором кварталах оно снизилось более чем вдвое.

За этим последовало уменьшение валового внутреннего продукта, он снизился на 1,3% в четвертом квартале 2008 г. и более чем на 9% в первом квартале 2009 г. Конечное потребление домашних хозяйств по инерции еще росло в четвертом квартале 2008 г., и его падение началось с первого квартала 2009-го, второй квартал — минус 5, а третий квартал — минус 8. Валовый продукт в первом квартале снизился на 9%, а во втором — на 11%.

Из 20 крупнейших стран мира кризис в России стал самым глубоким. Больше, чем в других странах, сократился ВВП — на 7,8%, внешне-экономический оборот упал на 40% во многом из-за снижения экспортной цены на нефть — с 95 до 65 долларов за баррель. Мировая же внешнеэкономическая торговля упала лишь на 20%.

Мировой валовый продукт сократился на десятки доли процента, в том числе в развитых странах — на 3%, в Японии — на 6% (прежде всего из-за цунами и катастрофы АЭС), в Великобритании — на 5%, в ЕС — на 4%, в США — на 3%. В развивающихся странах сокращения валового продукта не произошло, но темпы его ежегодного роста упали с 6 до 2%. Бразилия прошла кризис на нулевой отметке. Меньше всего из крупных стран в кризис снизились темпы в Китае и Индии, оставаясь довольно высокими (6–8%) в самом кризисном, 2009 г. Из стран СНГ наибольшее падение наблюдалось на Украине и в Армении — около 15%. Беларусь и Казахстан прошли кризис без сокращения ВВП.

Сильнее всего **на первом этапе кризиса пострадала банковская система.** Довольно высокий курс рубля, который почти не менялся с 2000 г., несмотря на высокую двухзначную инфляцию в России, достигнув 24 рублей за доллар в 2008 г., вначале снизился до 36 рублей. Это вызвало в октябре 2008 г. панику среди населения. Люди бросились в банки изымать рублевые счета, стали скупать доллары, у банков не хватало денег в связи с растущими суммами возврата вкладов. Очереди росли. Вмешалось государство, которое выбросило доллары на валютный рынок. В результате курс поднялся до 31 рубля за доллар. Те, кто раньше скупал доллары, частично потеряли средства. Это отрезвляло, и паника прекратилась.

В кризис банки понесли большие убытки из-за падения акций, невозврата кредита, сокращения операционной деятельности. Государство пришло на помощь. Оно дало льготный кредит под 8% годовых Сбербанку, ВТБ

и другим госбанкам. На короткий срок был введен беззалоговый кредит банкам со стороны Центробанка. И в отличие от 1998 г., когда крупнейшие российские банки обанкротились, на этот раз банковская система уцелела. Финансовую ситуацию в стране удалось удержать. Из золотовалютных резервов были потрачены 211 млрд долларов, всего же в банковскую сферу было вложено до 5 трлн рублей.

Во главе правительства в это время находился В. Путин, и в целом **правительство действовало умело, в отличие от кризиса 1998–1999 гг.,** когда не была разработана даже антикризисная программа. В этот кризис такая программа была разработана и утверждена Госдумой. При этом правительство в 2008 г. наметило серьезные меры по увеличению доходов населения, обещая повысить пенсии, индексировать заработную плату госслужащим, ввести ряд пособий. Свои обязательства правительство выполнило в кризисном, 2009 г. Ни в России, ни в других странах ни до, ни после такого не наблюдалось. Реальные доходы населения в этот кризис не снизились, а даже возросли на 2%, что также было необычно. Но население в кризисный период сократило объем покупок и увеличило сбережения. Поэтому конечное потребление домашних хозяйств снизилось на 5%, как и объем розничного товарооборота и особенно платных услуг населению.

Специальные меры правительство приняло, чтобы не допустить крупной безработицы, поразившей все развитые страны. Чтобы строители не увольнялись, правительство профинансировало значительное увеличение капитального ремонта жилья. Поэтому удалось ограничить прирост безработных в размере 1,9 млн человек, доведя ее уровень до 8,2% в сравнении с 5,7% в 2007 г. Уровень безработицы при этом был ниже, чем в США и Европейском союзе. Он во многом сдерживался административным путем. Предприятия не увольняли рабочих, а снижали им зарплату, отправляли в принудительный отпуск с оплатой по пониженной ставке, а не с учетом фактически сдельной, более высокой зарплаты. Автомобильные заводы перевели конвейерные производства на двух-, трехразовое использование в неделю с соответствующим снижением зарплаты. Многие предприятия просто повесили замок и отправили своих работников по домам до лучших времен, когда возобновится спрос. Так что, если безработицу в России считать с учетом частичной безработицы, то она, веро-

ятно, превысит 10-процентный уровень, как во многих развитых странах. За рубежом невыгодно держать рабочих, в которых нет нужды, на предприятиях, потому что уровень зарплаты в развитых странах при том же уровне потребления втрое выше, так как налоги составляют 25–30%, а не 13%, как в России. Все уплачивают 10% в пенсионный фонд, 6–7% — на обязательную страховку по здравоохранению, около 5% ежегодно откладывают на будущее высшее образование детей, поскольку эти средства не облагаются налогом. Кроме того, на оплату жилья, включая ипотеку, налог на недвижимость и участок, обязательную страховку и жилищно-коммунальные услуги затрачивается 25–30% зарплаты. Так что на потребление товаров и услуг, включая оплату автомобиля, его страховку и налогообложение, и накопление средств на отпуск, а также на сбережение остается около 30% в Западной Европе и 25% в США. В России на покупку товаров и услуг идет около 75% от начисляемой зарплаты, поскольку социальные взносы на пенсии и здравоохранение осуществляются за счет средств предприятий и организаций. А жилищно-коммунальные расходы у нас в 2–3 раза меньше из-за отсутствия крупного налога на недвижимость и необязательности ее страхования, а также из-за вдвое меньшей площади комфортного жилья на душу населения (17 кв. м против 35).

Была оказана помощь крупным промышленным предприятиям, а также тем, кто имел большой внешнеэкономический долг. Например, была оказана большая помощь Магнитогорскому комбинату, который накануне кризиса приобрел два уникальных прокатных стана. Стан 6000 производил толстый лист для газопроводных труб большого диаметра при повышенном давлении, а стан 3000 четвертого поколения — высококачественный тонкий лист для изготовления легковых автомобилей, включая зарубежные модели.

При высокой позитивной оценке действий правительства нельзя пройти мимо часто необоснованно преувеличенного финансирования близких правительству олигархических структур. А ведь перед нами был предшествующий опыт подобного финансирования в США, где такое финансирование компаниям осуществляет Конгресс. Он потребовал, например, от General Motors, которая объявила себя банкротом в этот кризис, не выплачивать дивиденды, снизить зарплаты руководителям в размерах, не превышающих зарплату президента, про-

дать персональный самолет, на 20% сократить персонал и впредь проводить финансирование под надзором Минфина США, представитель которого должен визировать каждый расход средств компании. Руководители компании Форда тоже обратились за помощью, но, увидев жесткие условия этой помощи, отказались от нее. В свою очередь, General Motors сделала все, чтобы досрочно, буквально через несколько лет, расплатиться с государством и вернуться к условиям нормального функционирования частной компании.

Наше правительство выдавало средства без каких-то жестких обязательств для получателей. Например, Сбербанк, которому дали длительный кредит под 8% годовых, через несколько лет вернул значительную его часть, не выплатив полностью проценты. Крупная сумма кредита была предоставлена Р. Абрамовичу, хотя он и просил больше. Но он тоже, по-видимому, не сильно нуждался, поскольку ничего не продал из своей частной эскадрильи во главе с головным личным самолетом Boeing-767, в середине 2009 г. купил самую крупную яхту в мире, предположительно за 400 млн долларов, а несколько месяцев спустя, опять-таки в кризисном, 2009 г., подарил Д. Жуковой дом за 54 млн фунтов стерлингов на острове миллиардеров в Карибском море.

Суммарно российское правительство затратило на антикризисную программу 10,9% валового внутреннего продукта 2009 г. Эта значительная сумма во многом позволила уже с четвертого квартала 2009 г. поднимать экономику, а с первого квартала 2010 г. возобновить социально-экономический рост. Если в третьем квартале 2009 г. объем ВВП составлял 91,4% к соответствующему уровню прошлого года, то в четвертом этот показатель поднялся до 97,4%, в первом квартале 2010 г. — до 104,1%, а во втором 2011-го — до 105%. Соответственно, конечное потребление домашних хозяйств с 94,1% увеличилось до 102,0 и даже до 106% во втором квартале 2010 г. Валовые накопления с 80,1% в четвертом квартале поднялись до 101,9% в первом и 131,8% во втором кварталах. В эти накопления входит не только прирост основного капитала, он приподнялся меньше, но и прирост резервов сырья и материалов. **В целом уровень 2008 г. по основным социально-экономическим показателям был достигнут за 1,5–2 года — в 2010–2011 гг.** Третий год потребовался только для восстановления сократившихся на 16% инвестиций в основной капитал, объема

строительно-монтажных работ, а также полного восстановления занятости.

Что касается реальных доходов населения, которые в 2008 г. увеличились на 2,1%, а в 2009 г. еще на 1,9%, в 2010 г. они выросли сразу на 5,1%, превзойдя увеличение валового внутреннего продукта. В целом за три года подъема они повысились более чем на 10%. Правительство, судя по всему, крайне внимательно отслеживало этот показатель и принимало меры, чтобы обеспечить столь значимый рост. Это было непросто, поскольку среднегодовой рост потребительских цен в 2008 г. составил 13,3%, а в 2009 г. — 11,7% и нужно было обеспечить двузначный рост зарплаты и денежных доходов, чтобы увеличивать их реальные размеры. Я специально подчеркиваю этот факт, поскольку в последующие годы закономерное внимание к динамике реальных доходов населения было утрачено. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, составившая в 2009 г. 18,5 млн человек, сократилась к 2011 г. до минимума — 15,6 млн человек (с 13,2 до 10,9% населения). К сожалению, это не сопровождалось снижением социального неравенства. Доходы богатых возросли, и коэффициент фондов в эти годы не снизился, составив 16,4 раза к 2012 г.

Численность безработных уменьшалась в 2010–2011 гг. на 11% в год, а в 2012 г. — сразу на 15%, достигнув уровня занятости в докризисный период.

В табл. 11 даны основные экономические и социальные показатели развития России за трехлетний восстановительный период после кризиса 2009 г. (2010–2012 гг.) и в последующие семь лет, вплоть до 2019 г.

Из таблицы видна скорость восстановления. Валовый внутренний продукт в кризис снизился на 7,8%, в первый год подъема увеличился на 4,5%, а в 2011 г. еще на 4,3%, и, таким образом, был превышен уровень 2008 г. Яркая картина по промышленности. Она сократилась в кризис на 10,8%, а в 2010 г. сразу поднялась на 8,2%, и в 2011 г. бывший уровень был превзойден. Хуже всего дела обстояли со строительством: оно сократилось на 16%, по 5% повышалось в первые два года и на 2,4% в 2012 г. И, таким образом, за три года не хватило 3%, чтобы полностью подняться. После кризиса оно так и не восстановилось. Грузооборот транспорта, который сократился на 10,2%, в первый год увеличился на 6,9%, во второй — на 3,4% и стал выше уровня 2008 г. Лучше всего обстояло дело с восстановлением

Таблица 11

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ (в % к предыдущему году)

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Валовый внутренний продукт	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6	97,2	99,8	101,8	102,5	101,3
Индекс промышленного производства	108,2	104,7	102,6	100,3	101,7	96,6	101,1	103,7	103,5	103,3
Продукция сельского хозяйства	88,7	122,1	95,3	106,2	103,7	103,0	104,8	102,9	99,8	104,3
Строительство	105,0	105,1	102,4	101,4	95,5	93,0	95,7	98,9	106,3	100,6
Грузооборот транспорта	106,9	103,4	101,7	100,5	99,9	100,2	101,8	105,6	102,7	100,6
Оборот розничной торговли	106,3	107,2	105,9	103,9	102,5	90,2	94,8	101,3	102,8	101,9
Внешнеторговый оборот, в т.ч.:	131,9	131,9	102,7	100,2	94,9	67,1	88,6	125,0	117,2	97,4
— экспорт;	132,9	131,8	102,1	98,8	96,9	69,0	82,5	125,3	125,8	94,6
— импорт	130,3	132,0	103,7	102,3	91,7	63,7	99,2	124,5	104,4	102,5
Ввод в действие основных фондов	93,4	129,0	108,7	101,1	97,3	94,5	116,8	100,0	114,6	110,1
Инвестиции в основной капитал	106,3	110,8	106,7	99,7	97,3	91,6	98,6	104,8	105,4	101,7
Индекс потребительских цен	106,9	108,4	105,1	106,8	107,8	115,5	107,1	105,0	102,2	105,0
Индекс цен промышленных производителей	114,9	117,3	106,8	103,4	106,1	112,4	104,0	108,4	111,7	95,7
Реальные располагаемые денежные доходы	105,1	100,8	104,2	103,3	99,0	96,0	94,1	99,8	101,1	101,7
Общая численность безработных	88,9	89,1	85,3	100,2	94,0	107,4	99,5	93,5	92,2	94,7

объема розничной торговли. Он сократился на 5,5%, и в первый же год вырос на 6,3%, а затем за следующие два года превзошел уровень 2008 г. на 14%. Внешнеэкономический оборот упал в наибольшей мере — на 40%. Но в 2010–2011 гг. он увеличивался на 32% в год, причем и экспорт, и импорт примерно одинаково. Так что внешнеэкономическая торговля восстановилась за полтора года. Единственный показатель, который продолжал сокращаться в 2010 г., — это ввод в действие основных фондов, 93,4% к уровню 2009 г. Но в 2011 г. этот показатель поднялся на необыкновенную высоту — прирастил 29%, а в 2012 г. увеличился еще на 9% и существенно превзошел показатель 2008 г. Сложнее восстанавливались инвестиции в основной капитал. Они снизились на 16,2%, а потом увеличились на 6,3% в 2010 г., на 10,8% — в 2011 г. и на 6,6% — в 2012 г., превысив докризисный уровень.

Индекс потребительских цен, как ни странно, в период подъема сократился почти вдвое: в 2010 г. — 6,9%. Потом ускорился до 8,4% в 2011 г. и снизился до минимума за все годы новой России — до 5,1% в 2012 г. Цена на нефть в 2010 г. поднялась до 90 долларов за баррель, а в 2011–2012 гг. поставила рекорд, достигнув 110–115 долларов. Поднялись и цены на другое сырье и материалы. Поэтому индекс промышленных цен вырос почти на 15% в 2010 г. и еще

на 17% в 2011 г. И только после этого стал расти умеренно — 6,8% в 2012 г.

Как видно, в среднем в год валовый внутренний продукт России увеличивался по 4%. И если в 2010 г. он не достиг мирового показателя 5,4%, то в следующие два года Россия увеличивала ВВП немного больше, чем мир в целом. Среднегодовые темпы в России в это трехлетие составили около 4%, а развитых стран — 2%. Среднегодовой темп США немного превысил 2%, а Германия немного меньше, чем 3%. Другие европейские страны развивались медленнее: Великобритания — по 1% в год, Франция — по 1,5%, Италия практически была на нуле. В целом Еврозона в 2010 г. увеличила ВВП на 2%, в 2011 г. — на 1,6%, а в 2012–2013 гг. сократила экономику на 0,7 и 0,4%. Страны — члены ОЭСР увеличивали ВВП сниженными темпами: 3,0, 1,9 и 1,4%. Развивающиеся страны тоже сократили темп социально-экономического роста, но при весьма высоком исходном уровне — 7,5% в 2012 г., а затем — 6,2 и 5,1%. Китай с 10,4% к концу трехлетнего периода снизил темпы до 7,7%, Индия — с 10,3 до 4,7%, Бразилия — с 7,5 до 1,0%. Более детальные сведения по показателям динамики в крупнейших странах мира представлены в табл. 12.

В России трехлетний восстановительный подъем превзошел докризисный уровень, что создало благоприятные условия для развития. В

Таблица 12

ТЕМПЫ ПРИРОСТА ВВП В КРУПНЕЙШИХ СТРАНАХ (прирост в %)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Мир в целом	5,4	4,1	3,4	3,3	3,3	3,3	3,0
Развитые страны	3,1	1,7	1,2	1,4	1,8	1,9	1,6
G-7	2,9	1,5	1,4	1,5	1,7	1,8	1,5
США	2,5	1,6	2,3	2,2	2,2	2,4	1,6
Япония	4,7	–0,5	1,5	1,5	0,9	0,6	1,0
Германия	3,9	3,4	0,9	0,5	1,4	1,7	1,9
Великобритания	1,7	1,1	0,3	1,7	3,2	2,2	2,0
Франция	2,0	2,1	0,3	0,3	0,4	1,1	1,2
Италия	1,7	0,5	–2,4	1,9	–0,2	0,8	0,9
Канада	3,4	2,5	1,7	2,0	2,3	1,0	1,2
Еврозона	2,0	1,6	–0,7	–0,4	0,8	0,9	0,8
Страны — члены ОЭСР	3,0	1,9	1,4	1,4	1,9	2,0	1,6
Развивающиеся страны	7,5	6,2	5,1	4,7	4,4	4,3	4,1
BRICS	9,1	7,2	5,6	5,6	5,3	5,1	4,9
Китай	10,4	9,3	7,7	7,7	7,4	6,9	6,7
Индия	10,3	6,6	4,7	5,0	5,6	7,3	7,6
Россия	4,5	4,3	3,4	1,3	0,6	–3,7	–3,3
Бразилия	7,5	2,7	1,0	2,5	0,3	–3,0	–5,5
ЮАР	3,1	3,6	2,5	1,9	1,4	1,4	0,1

конце срока своего премьерства В. Путин поручил Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации и Высшей школе экономики совместно с министерствами и ведомствами разработать стратегию социально-экономического развития страны до 2020 г. Было выделено 23 основных направления и по каждому из них созданы рабочие группы, которые подготовили серьезные обоснованные доклады объемом около 300 страниц. Темы докладов — по топливно-энергетическому комплексу, здравоохранению, образованию, инвестициям, бюджету, разным аспектам повышения уровня жизни, жилищному строительству и другим вопросам. На этой основе был подготовлен обобщающий развернутый прогноз с предложениями и рекомендациями, исходя из которого готовились доклады и записки для президента, правительства, Минэкономразвития, Министерства финансов. Эти материалы использовались при подготовке целой серии указов вновь избранного президента РФ В. Путина, которые он подписал 7 мая 2012 г. Они были нацелены на достижение 5-процентного социально-экономического ежегодного роста при форсированном увеличении инвестиций в основной капитал. Норму этих инвестиций в ВВП, составляющую 21% в 2012 г., по Указу президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» намечено было поднять до 25% к 2015 г. и 27% к 2018 г. Увеличение удельного веса инвестиций до предусмотренных размеров могло быть достигнуто при их среднегодовом росте по 12,5%.

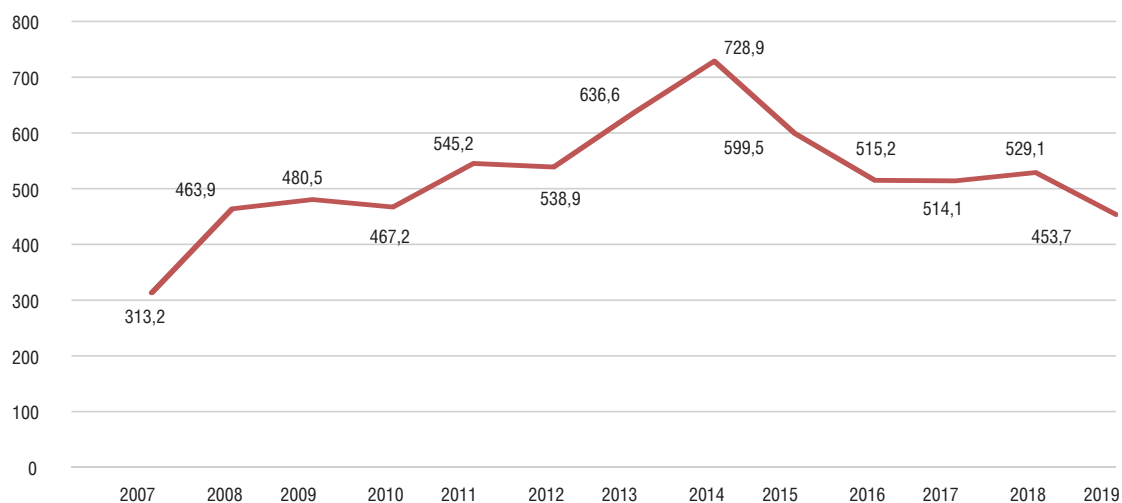
Высокие показатели развития предусмотрены по здравоохранению, образованию, жилищному строительству, уровню жизни, развитию международных связей.

На наш взгляд, это были обоснованные и реальные показатели. Ведь мы разогнали в предшествующие годы главный драйвер нашего развития — инвестиции в основной капитал. Его среднегодовой темп в 2010–2012 гг. превысил 8%, а в 2011 г. инвестиции увеличились на 10,8%. В эти годы страна нарастила золотовалютные резервы с 383 млрд долларов их минимального размера в мае 2009 г. после крупных затрат в кризисный период до 529 млрд долларов на 1 января 2013 г.

Это был период, когда страна активно использовала мировой финансовый рынок для привлечения иностранных вложений по дешевым процентным ставкам. В частности, предприятия, организации и банки страны привлекли с мирового рынка в 2010 г. около 78 млрд долларов, подняв общий долг России зарубежным инвесторам с 467 на 1 января 2010 г. до 545 на 1 января 2011 г. Дополнительно Россия заняла крупные средства на мировом финансовом рынке в 2012 г. — 98 млрд долларов и добавила к ним еще 92 млрд долларов в 2013 г. Таким образом, за эти годы было привлечено 262 млрд долларов. На приводимом графике (рис. 2) показан внешний долг России (всех предприятий, организации и банков, включая госдолг) в 2007–2019 гг.

Как видно, с 1 января 2010 г. по 1 января 2014 г. долг увеличился с 467 до 729 млрд долларов. При этом в связи с заметным повыше-

Рисунок 2
ВНЕШНИЙ ДОЛГ РОССИИ НА НАЧАЛО КАЖДОГО ГОДА (по данным Центрального банка России, млрд долл. США)

нием цен на нефть, газ и другие виды сырья на 57 млрд долларов увеличился экспорт страны, достигнув в 2012 г. объема в 529 млрд в сравнении с 472 млрд в 2008 г. При столь значительном приросте валютных ресурсов в дополнение к возросшим золотовалютным резервам это давало возможность вкладывать необходимые средства в инвестиции в основной капитал, во вложения в человеческий капитал (в «экономику знаний»), в жилищное строительство и в развитие экспортных производств — главные источники социально-экономического роста.

Подъему экономики способствовала рекордно низкая инфляция — 5,1% и минимальная для России ключевая ставка Центрального банка, которая в 2012 г. была на уровне 5,5%. Так что кредитование предприятий и организаций в отличие от прошлых лет осуществлялось по однозначной (в пределах 10) процентной ставке. Банки не просто выжили в кризисные годы благодаря небывалой поддержке со стороны правительства и Центробанка, но и серьезно нарастили свои активы за три года подъема. Этот главный «денежный мешок» в стране достиг на 1 января 2013 г. 49,5 трлн рублей, из которых инвестиционный кредит в основной капитал составил 0,8 трлн и мог быть увеличен в разы, если бы это потребовалось. Намного увеличились доходы и расходы государственного бюджета за эти годы. Доходы федерального бюджета выросли с 9,3 трлн в 2008 г. до 12,9 трлн в 2012 г., а доходы консолидированного бюджета страны — с 16,2 до 23,4 трлн рублей.

И вдруг с первого квартала 2012 г. по отношению к соответствующему периоду года прошлого квартальные показатели валового внутреннего продукта стали катастрофически снижаться. С 4,7% прироста в первом квартале они сократились до 2,0 в четвертом квартале и даже 0,7% в первом квартале 2013 г. То есть за год — почти в 7 раз. **Началась стагнация.** Как видно из данных табл. 11, ВВП в 2013 г. увеличивается всего на 1,3%, вдвое меньше среднегодового роста предшествующих трех лет. Это увеличение было связано во многом с хорошим урожайным годом при 6-процентном росте объема сельского хозяйства и за счет продолжающегося по инерции после 2012 г. увеличения оборота розничной торговли на 4% и реальных располагаемых денежных доходов на 3,3%. Промышленность практически остановилась. Транспорт приподнялся на 0,5%, строительство — на 1,4%, остановился внешнеэкономический оборот, а экспорт даже

снизился на 1,2%. Совсем не увеличились инвестиции в основной капитал после столь высоких темпов роста в предшествующие годы. Как ни странно, выросла среднегодовая инфляция с 5,1% в последний год подъема до 6,8% в год стагнации. Подчеркну удивительную особенность нашей экономики с точки зрения динамики инфляции: в глубокий кризис 2009 г. при падении спроса она вдруг выросла в 1,5 раза. При переходе к стагнации, когда экономика практически встала, мы снова видим заметное увеличение инфляции. А ведь считается, что Центробанк таргетирует инфляцию. Он считает это своей главной задачей. И как же он ее таргетирует в противоположном направлении от динамики спроса?

Интересно, что это коренное изменение динамики страны, когда социально-экономический рост остановился вопреки всем планам, составленному бюджету, рассчитанному на подъем экономики, вопреки невыполнению задач, поставленных в указах президента, все это не стало предметом анализа на высоком уровне. Во всяком случае этот вопрос не обсуждался на уровне президента, правительства, в Государственной думе, даже на официальных общероссийских форумах, в том числе на ежегодном Санкт-Петербургском Международном форуме в 2013- г., на инвестиционном форуме в Сочи и др. Не было и публикаций в общероссийской прессе с вопросом о том, почему на «пустом месте» остановилась экономика огромной страны, ведь она — наша экономика — обладает, как и в других крупных странах, значительной инерцией развития? На какое препятствие натолкнулось успешное, растущее народное хозяйство страны, когда перестали расти промышленность, инвестиции, внешнеэкономический оборот? Казалось бы, выяви эти препятствия, вложи крупные ресурсы, которыми запаслись предприятия, организации и банки страны с мирового финансового рынка, и исправь ситуацию, прими антистагнационный план... Но ничего сделано не было. Чем «заболела» экономическая система, окрепшая, обладающая нетронутыми резервами, запасами золота и валюты, хорошим человеческим капиталом? Нельзя вылечить болезнь, тем более такую серьезную, не поставив диагноз. Официально он не был поставлен даже спустя годы. К этой теме почти никто не возвращается. Для человека, занимающегося макроэкономикой, как я, это удивительно и непонятно. Возможно, руководители страны предполагали, что это случайность, тем более что, снизившись

до прироста 0,7%, ВВП в первом квартале 2013 г. в процентах к соответствующему периоду прошлого года поднялся — до 1,25% во втором квартале, до 1,3% — в третьем и даже до 2,15 — в четвертом. Если и были надежды на случайность, они обрушились после первого квартала 2014 г., когда прирост к первому кварталу 2013 г. оказался 0,6%. Да и за весь 2014 г. прирост ВВП был вдвое ниже, чем в 2013 г.

Заметьте, **стагнация возникла за полтора года до присоединения Крыма, до санкций, до последующего снижения цен на нефть** со второй половины 2014 г. И все это при благоприятных внешнеэкономических и политических связях страны с другими странами, при допуске страны к мировому финансовому рынку, где в год стагнации, в 2013 г., мы заняли более 90 млрд долларов. Темпы роста других стран остались такими же, как и в 2012 г. Причем по развитым странам, включая страны G-7, они даже несколько ускорились. В Китае остались на одном уровне 7,7% за год, в Индии и Бразилии темпы возросли с 4,7 до 5% и с 1 до 2,5%. То есть внешние условия были весьма благоприятны, как и в предшествующие годы подъема.

В конце первого квартала 2014 г. к России был присоединен Крым, в ответ последовали **санкции**. Сначала они касались отдельных лиц и организаций и не влияли на общее социально-экономическое развитие страны, а с августа 2014 г. санкции стали системными. Был ограничен допуск российских предприятий и организаций к мировому финансовому рынку, не

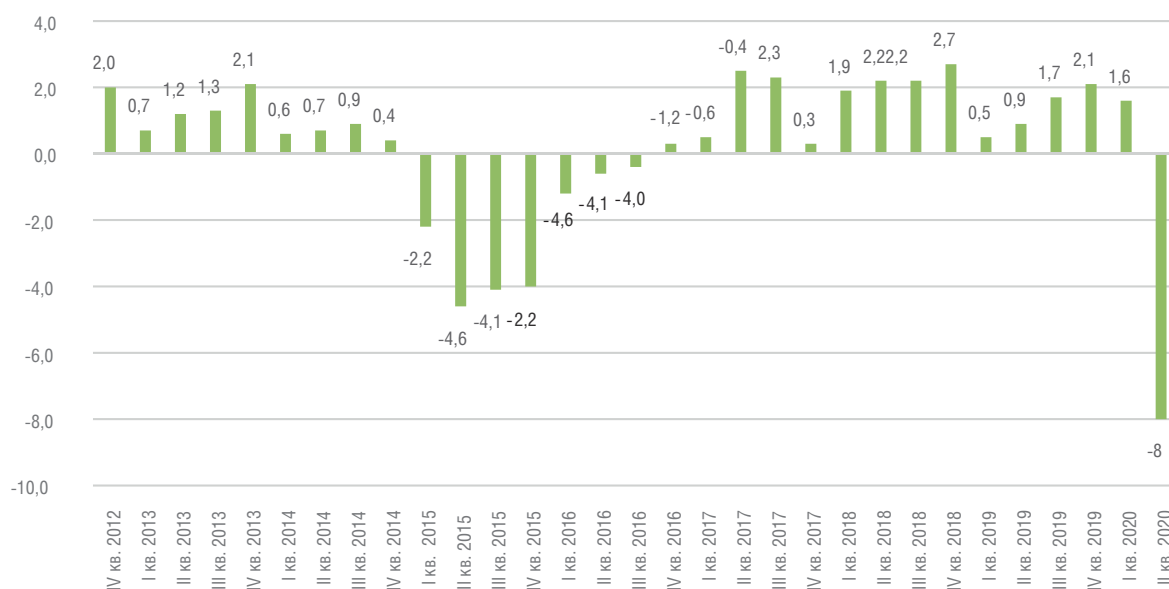
рекомендовано поставлять России товары, которые могли иметь двойное назначение (гражданское и военное), был дан запрет на продажу России нефтегазового оборудования и оказание услуг при добыче на шельфе, разработке сланцевых пород и других трудных месторождений.

В результате прирост валового продукта в четвертом квартале 2014 г. сократился вдвое по сравнению с третьим кварталом, до минимума — 0,4% к соответствующему периоду 2013 г. А с первого квартала 2015 г. санкции, наряду с негативными трендами развития самой российской экономики, привели к **рецессии с сокращением валового внутреннего продукта**, что показано графике (рис. 3).

С третьего и особенно с четвертого квартала 2014 г. наряду с санкциями негативное воздействие на объем валового продукта и его динамику стало оказывать **сокращение нефтяных цен** почти вдвое, спровоцированное Саудовской Аравией и странами ОПЕК, чтобы сбить быстро растущую добычу в США нефти из сланцевых пород (за год она увеличилась на 171 млн тонн), которая значительно сокращала размеры импорта этих стран. Ведь США до этого времени были главной страной, которая завозила до полумиллиарда тонн нефти главным образом из Саудовской Аравии и стран ОПЕК. Сланцевая нефть, естественно, стоила дороже, поскольку для ее добычи требовалось развить более сложное горизонтальное бурение вдоль пласта, воздействовать на пласт, закачивая воду с давлением в тысячу атмосфер для

Рисунок 3

ПРИРОСТ ВАЛОВОГО ВНУТРЕННЕГО ПРОДУКТА РОССИИ (ВВП в % к соответствующему периоду прошлого года)

образования трещиноватости сланцевых пород и т.д. Снизив цену нефти до 60 долларов, Саудовская Аравия и страны ОПЕК убедились, что это мало помогает. Бурение на сланец и добыча сланцевой нефти продолжались. Тогда в конце 2015 г. — начале 2016 г. эти поставщики нефти дополнительно увеличили ее добычу, создали значительный переизбыток нефти на мировом рынке, и цены снизились до 20–30 долларов за баррель. Это сделало убыточной сланцевую добычу. Америка стала демонтировать буровые вышки на сланцевых месторождениях.

Казалось, Саудовская Аравия и страны ОПЕК победили. Но не тут-то было. Ведь бюджеты этих стран формировались в значительной мере за счет доходов от продажи сырой нефти. И такое небывалое снижение цены в 3–4 раза привело к рекордным дефицитам в бюджетах этих стран. В частности, годовой дефицит Саудовской Аравии увеличился до 95 млрд долларов и сразу «съел» четверть ее нефтедолларовых запасов. Пришлось искать компромисс. Саудовская Аравия и страны ОПЕК заключили соглашения с Россией, Ираном и рядом других нефтедобывающих стран о заморозке и даже о сокращении нефтедобычи с тем, чтобы приподнять цены на нефть до приемлемого уровня. Россия в этом была заинтересована, поскольку как нефтедобывающая страна понесла огромные убытки из-за непредвиденного падения цен на нефть, которое усугубило инфляцию и рецессию в стране. К концу 2016 г. и в 2017 г. цены на нефть поднялись до 60–65 долларов и держались на этом уровне до первого квартала 2020 г. США умили темпы добычи нефти из сланцевых пород, но все же продолжали ее увеличивать. Вскоре США все равно вышли на первое место в мире по объему добываемой нефти. До этого, как известно, они, обойдя Россию, так же поднялись на первое место благодаря сланцевой добыче природного газа.

В годы рецессии валовый внутренний продукт снизился менее чем на 3%, в 2016-м вышел на нулевой уровень, в 2017-м был превзойден уровень предшествующих лет. В то же время валовое накопление основного капитала сократилось в 2014 г. на 2,1%, а в 2015-м еще на 10,6%. Падение этого показателя было столь значительным, что он не смог восстановиться до уровня 2013 г. даже за четыре года — до 2019 г. включительно.

Вместе с тем **рецессия обвалила реальную зарплату и доходы населения**, сократила розничную торговлю и конечное потребление домашних

хозяйств. Реальные доходы начали снижаться еще с 2014 г. — на 1%, в 2015-м они упали еще на 6%, в 2016-м — на 5,9%, в 2017-м — на 0,2%. А всего, как видим, они снизились на 11%. Реальная зарплата упала только в 2015 г., правда, сразу на 9,5%. Это произошло из-за того, что прирост средней зарплаты в годы стагнации все время падал: с 12% в 2013 г. до 9% в 2014-м и до 4,6% в 2015-м. В то же время потребительские цены увеличились с 6,8% в 2013 г. до 7,8% в 2014-м и до 15,5% в 2015-м из-за резкой девальвации рубля вдвое (с 31 до 60–65 рублей за доллар) и значительного повышения из-за этого импортных цен, за которым последовало и увеличение цен внутренних. Динамика средней заработной платы и инфляции в 2012–2015 гг. показана на рис. 4.

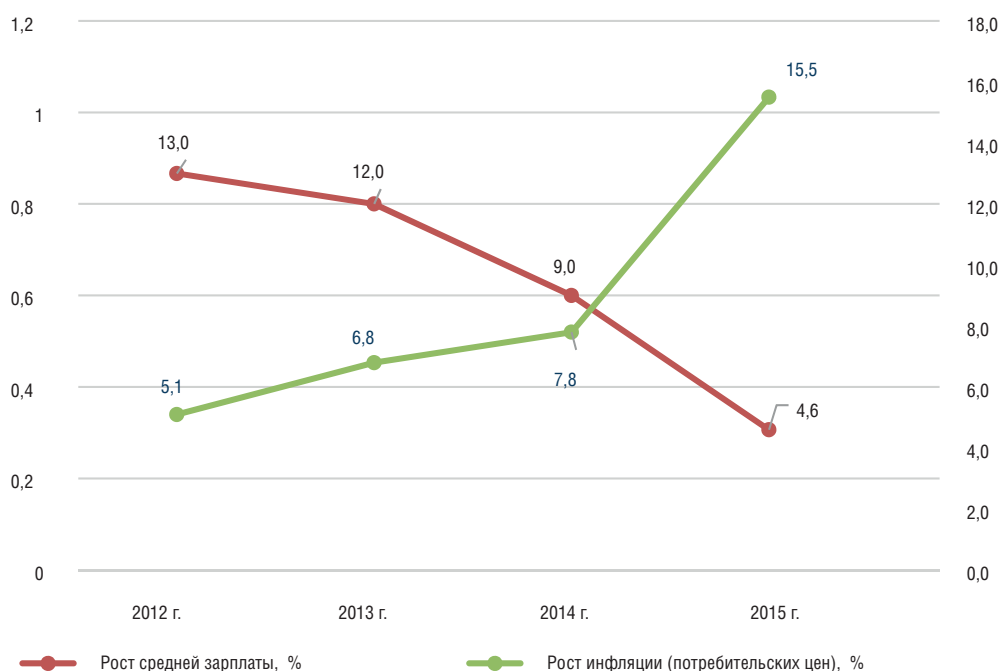
В 2017–2018 гг. цены на нефть стали расти, рубль немного укрепился, инфляция значительно сократилась. Возросли и темпы денежной заработной платы, так что реальная зарплата с 2016 г. продолжила рост, постепенно восстанавливаясь до наивысшего уровня 2014 г.

В 2015 г. намного снизилась розничная торговля — почти на 10%, в 2016-м — еще более чем на 5%. Также рекордно упал показатель конечного потребления домашних хозяйств. В 2015 г. этот показатель сократился на 9,5%, в 2016-м еще на 2,6%, в целом — на 12%.

В 2017 г. ВВП вырос на 1,8%, промышленность ускорила до 3,7%, грузовой транспорт в связи с экспортом угля скакнул до 5,6% — наивысший рост в период стагнации. Сильно ускорились инвестиции в основной капитал — они возросли до 4,8%, в то время как в предыдущие три года значительно снизились. Заметнее всего вырос внешнеэкономический оборот из-за значительного повышения цен на нефть: в 2017 г. на 25%, в 2018-м на 17%. А в предыдущие годы он сократился. Экспорт поднялся еще заметнее — в 2017 г. на 25%, а в 2018-м на 26%, всего за два года — на 56%. Импорт вырос так же, как и экспорт, только в 2017 г., а в 2018 г. его рост составил всего 4%.

Лучшим годом стагнации стал 2018-й — валовый продукт впервые за годы стагнации поднялся на 2,5%, а инвестиции — на 5,4%, рекордно увеличился объем экспорта. Казалось, еще небольшой рывок, и мы перейдем к социально-экономическому росту хотя бы в размере 3–4% в год. Но этого не случилось. Мало того, в 2017–2018 гг. не был создан даже задел для более успешного развития в 2019 г., который стал провальным.

Рисунок 4
РОСТ СРЕДНЕЙ ЗАРПЛАТЫ И ИНФЛЯЦИИ

Все еще раз убедились, насколько **трудно выйти из стагнации**. Даже увеличение нефтяных цен в 2–3 раза, небывалый рост экспорта, значительный прирост инвестиций, минимальная инфляция в 2017 г. (2,5%) и 2018 г. (4,2%) не смогли преодолеть стагнацию и вернуться даже к минимальному социально-экономическому росту. Нужно более крутые меры, переход к форсированным инвестициям в основной и человеческий капиталы, а также в жилищное строительство — главные факторы экономического роста.

Похожая ситуация с начала 1970-х сложилась в США в сочетании стагнации со stagflation и продолжалась целое десятилетие. Мероприятия, которые проводил президент г. Форд, не улучшили ситуацию, и, проснувшись утром после выборов, Форд не сразу поверил, что его не переизбрали на второй срок, что бывает нечасто. Победил Дж. Картер, выдвинув обширную программу преодоления стагнации. Эта была фактически антикризисная программа, и она не сработала, потому что стагнация намного хуже кризиса, и его тоже не выбрали на второй срок. В 1980 г. президентом США стал Р. Рейган, который подобрал выдающуюся группу советников, разработавших знаменитую программу «**рейганомики**» с серьезными стимулами для перехода к инновационному развитию за счет технологического перевооружения при сокращении вдвое сроков амортизации. В этот

период американской депрессии Япония, Южная Корея и Тайвань сделали крупный рывок вперед и технологически обошли США. Благодаря «рейганомике» США удалось вернуть лидирующую роль, и страна успешно развивалась без значительных кризисов с повышением уровня жизни населения в течение целых 25 лет, вплоть до кризиса 2007 г.

В 2019 г. прирост ВВП России упал почти вдвое. Хотя промышленность продолжала развиваться, увеличиваясь на 3,3% в год, прирост сельского хозяйства поднялся до 4,3%, но вот прирост строительства упал с 6,3% в 2018 г. до 0,6% в связи с тем, что вместо 5,4% в 2018 г. инвестиции в основной капитал увеличились только на 1,7%. Главное — перестал расти внешнеэкономический оборот: он снизился на 2,6%, а экспорт даже на 5,4% при увеличении импорта на 2,5%. Первый квартал 2020 г. был последним кварталом стагнации, и он продолжил низкие тренды развития 2019-го. Одним словом, 2019-й стал одним из худших за семь лет стагнации.

Рассмотрев ход семилетней стагнации России, в заключение остановимся на ее причинах и экономических последствиях. Главная причина неожиданного начала стагнации в 2013 г. и ее усугубления в последующие годы — **значительное сокращение государственных инвести-**

ций. Государственные инвестиции (включая бюджеты всех уровней) в 2013–2015 гг. снизились на 31%, а крупные корпорации (Газпром, Роснефть, РЖД, Ростех и Росатом) сократили инвестиции в это время на 30%. На 26% уменьшился инвестиционный кредит в основной капитал со стороны государственных банков, занимающих доминирующее положение в банковской системе. Как видно, все ветви государственной власти на рекордную сумму, словно сговорившись, более чем на четверть снизили объем инвестиций в основной капитал. Суммарно эти инвестиции составляли в те годы около половины от их общего размера в России. И, хотя частные инвестиции в это время возросли на 10%, их общий объем упал на 11%.

Столь значительное снижение общих инвестиций наложилось на сокращение ввода в действие основных фондов. Основные фонды в 2013 г. снизили свой предшествующий рост по 10–15% за год до 1%, в 2014 г. сократились на 2,7%, а в 2015-м — еще на 5,5%. Это было связано с тем, что инвестиции на ввод в действие фондов осуществлялись в значительной мере в период кризиса 2008–2009 гг., когда они уменьшились на 16%, а через ряд лет, когда стали вводиться фонды, на которые шли эти инвестиции, ввод фондов был уже минимальным. Сокращающийся размер вводимых фондов уже в 2012 г. вызвал значительное снижение темпов роста промышленности — она увеличилась

только на 2%, и ВВП, который вырос на 3,4%, в то время как за два предшествующих года он прибавлял по 4,3–4,5% за год. Объем общественного продукта сократился и из-за того, что перестали расти основные фонды, и из-за того, что одновременно снизились инвестиции в основной капитал, которые являлись главным драйвером социально-экономического роста в России. В табл. 13 в развернутой форме представлена динамика инвестиций по их видам за 2013–2015 гг.

Но беда не приходит одна. Сказался и значительный отток капитала из России, толчок которому дал кризис 2008–2009 гг. Этот отток начался в 2008 г. со 133 млрд долларов, потом несколько снизился, но в 2011 г. опять подскочил до минус 80,5 млрд из-за неопределенности в кандидатуре президента РФ, который должен был быть выбран в 2012 г. В целом за 2008–2013 гг. суммарный отток капитала из России составил 419 млрд долларов, что сократило ресурсы России для социально-экономического развития. При этом накопленные золотовалютные резервы государство при обвале темпов роста, который, как мы показали, начался в первом квартале 2012 г., не вложило их в инвестиционный рост. Только с 2014 г. и особенно в 2015 г. эти резервы стали использоваться (размер использования — 142 млрд долларов за два года).

Предприятия и организации, которые, как было показано, заняли 272 млрд долларов с ми-

Таблица 13

ДИНАМИКА ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ В 2013–2015 ГГ. (в постоянных ценах, прирост в % 2015 г. к 2012 г.)

Показатель	Прирост в %	Примечание
Частные инвестиции	+10	Частные инвестиции выросли с 5897 млрд руб. в 2012 г. до 8 368 млрд руб. в 2015 г., или на 40% в номинале и 10% в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 до 58%
Государственные инвестиции (без инвестиционного кредита)	–31	По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2 155 млрд руб. в 2012 г. до 1 863 млрд руб., в реальном выражении — на 31%
Инвестиции крупных государственных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростех)	–30	Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составляли 20% от общих инвестиций и снизились до 6%. Снизился объем инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростеха. Так что увеличение инвестиций Роснефти не смогло перекрыть убыль их от Газпрома
Инвестиции в консолидированном бюджете	–22	Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1 713 млрд руб. в 2012 г. до 1 690 млрд руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013–2015 гг. — 127%
Инвестиционный кредит	–27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2% в 2012 г. до 5,9% — в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	–11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7% и в 2015 г. — на 8,4%

рового рынка в 2010–2013 гг., тоже инвестировали лишь небольшую часть в экономическое развитие, а в основном, опасаясь дальнейшей девальвации рубля, вложили эти средства на счета отечественных, но больше зарубежных банков, особенно в офшоры. Никаких мер, противостоящих переходу к стагнации и ее усугублению в 2013–2015 гг., правительство не предпринимало. Только в 2015 г., когда на дальнейшее снижение стали оказывать все большее воздействие санкции и падение цен на нефть, государство использовало значительную часть золотовалютных резервов, тем самым смягчив экономический спад в рецессию в 2015 г. Именно поэтому ВВП упал менее чем на 3%, а промышленность — только на 3,4%. Без использования этих средств падение экономики могло быть значительно большим. Однако, к сожалению, эти средства не использовались для поддержки социальных показателей и прежде всего доходов населения. Поэтому в период 2014–2017 гг. снижение реальных располагаемых доходов, розничной торговли и конечного потребления домашних хозяйств было катастрофически высоким — 12–15%, впятеро больше, чем сокращение ВВП и промышленности.

Выйти из стагнации намного труднее, чем из кризиса, внутри которого возникают движущие силы «отскока от дна» (послекризисного подъема). Поэтому мудрые китайцы кризис называют двумя иероглифами, первый из которых означает «Бед», а второй — «Шанс». У стагнации такого механизма нет. Напротив, **стагнация всегда вызывает негативные тренды.** И с каждым

дополнительным годом выйти из нее становится все труднее.

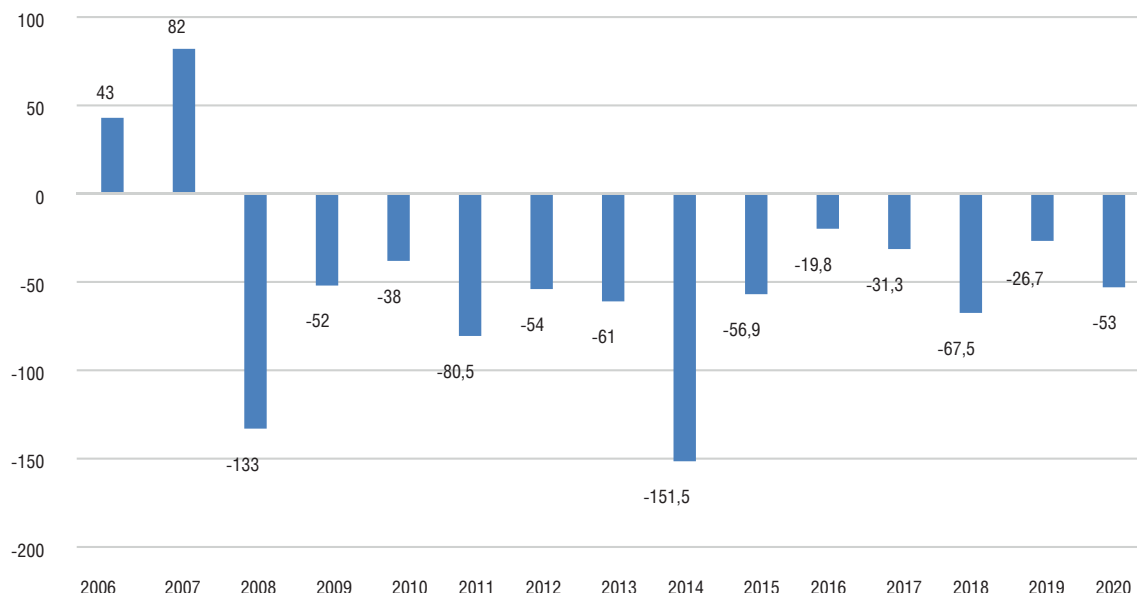
Первый тренд мы назвали **сокращением инвестиций в основной капитал.** В России из-за специфической системы налогов (наибольшая их часть взимается с нефтегазовой промышленности) в 2014–2019 гг., когда цены на нефть стали снижаться со 115 до 60–65 долларов за баррель, доходы федерального и консолидированного бюджетов уменьшились. Из-за этого упало финансирование образования — важной составной части человеческого капитала, который тоже стал уменьшаться. А ведь это один из главных драйверов социально-экономического роста. К тому же падение цен на нефть и газ сократило экспортную выручку, что тоже затормозило рост экономики.

До 2015 г. включительно объем строительства и ввода в действие жилья увеличивался, но, как только объявили о реформе финансирования строительства и прекращении предварительной оплаты жилья со стороны населения, объем жилищного строительства сразу рухнул на 10 млн кв. м за год. Жилищное строительство, которое поддерживало рост экономики, тоже стало его тормозить.

Отток капитала, как говорилось, начался с 2008 г. (рис. 5). В 2006 г. наблюдался приток капитала в Россию (43 млрд долларов, в 2007 г. — 82 млрд), как показано на диаграмме. Отток же капитала происходит каждый год уже в течение 13 лет и суммарно составил более 800 млрд долларов. Самый большой отток — 151,5 млрд долларов за год — пришелся на 2014-й, год вво-

Рисунок 5

ПРИТОК И ОТТОК КАПИТАЛА ИЗ РОССИИ (млрд долл.)

да санкций. Сокращение инвестиций в основной капитал, с одной стороны, и нарастающий дефицит валютных ресурсов в связи с оттоком капитала — с другой, привели к недофинансированию основных фондов. В связи с этим их выбытие и обновление снизились до минимума, они стали устаревать и отставать технологически от соответствующих показателей других стран.

Коэффициент выбытия основных фондов у нас составляет 0,6–0,7% в год, так что за 10 лет выбывает только 6–7% фондов, а 93%, среди которых значительная часть машин и оборудования, устаревает на 10 лет. Износ фондов приближается к 50%, а фонды транспорта и здравоохранения, например, имеют износ 60–70%. 23% машин и оборудования работают свыше сроков их амортизации, которые в России одни из самых длительных в мире. Отсталые технологии, устаревшие фонды, полупригодные машины и оборудование снижают уровень производительности труда, эффективность производства, качество продукции, не дают возможность осваивать новые изделия, требуют повышенных затрат, непрерывных ремонтов, замены запчастей (в значительной мере иностранных). Старые машины и оборудование больше простаивают, чем работают. Все это тянет экономику вниз.

Последний негативный тренд — **развивающийся демографический кризис**. Из-за снижения рождаемости в период трансформационного кризиса спустя два десятилетия численность трудоспособных за последние пять лет сократилась на 5 млн человек. Уменьшилось и число фертильных женщин. Из-за этого с 2015 г. перестала увеличиваться рождаемость, которая в 2016-м сравнялась со смертностью, а в следующие годы стала падать на 100 тысяч в год. Это вызвало увеличение депопуляции населения —

превышение смертности над рождаемостью. До 2017 г. положительное сальдо миграции в Россию в основном из стран бывших союзных республик превышало размеры депопуляции, и численность населения страны понемногу возрастала. С 2018 г. размер депопуляции стал выше притока мигрантов, и население России начало сокращаться со 146,75 млн до 146, 24 млн. Это показано в табл. 14. В 2020 г. население сократилось на 510 тыс.

В 2020 г., в отличие от предшествующих лет, когда в среднем в год смертность сокращалась на 30 тысяч человек, она значительно выросла. **Демографический кризис перерос в катастрофу**, которую мы будем анализировать при рассмотрении кризиса 2020–2021 гг.

Эти негативные тренды усугубляются **незаинтересованностью частного бизнеса, который осуществляет 60% инвестиций** в основной капитал в России, увеличивать свой вклад в социально-экономическое развитие страны. Заработанные средства частные компании стараются присвоить в качестве предпринимательской прибыли, раздать акционерам или вложить на счета отечественных и особенно иностранных банков (включая офшоры), приобрести акции и облигации зарубежных компаний. Поэтому, если в целом оценить инвестиционную активность за семь лет стагнации, валовые накопления основного капитала (расширенные инвестиции, включая теневой сектор) сократились на 5,6%. Инвестиции в основной капитал, а также объемы строительства в связи с этим тоже немного снизились. Кстати, в 2019 г. объем строительно-монтажных работ все еще был ниже, чем в 2008-м.

В годы стагнации валовый внутренний продукт в расчете на душу населения, значительно выросшего из-за присоединения Крыма и

Таблица 14
ПОКАЗАТЕЛИ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Показатели	Тыс. чел.				
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Родившихся	1889	1690	1599	1485	1436
Умерших	1891	1824	1818	1801	2125
Депопуляция (превышение числа умерших над родившимися)	–2	–134	–219	–316	–689
Сальдо миграции	262	212	125	286	179 (Оценка)
Население России: прирост (+); убыль (–)	260	78	–94	–30	–510

высокого сальдо миграции в Россию, увеличился на 2%. Немного выше поднялся индекс промышленного производства и грузооборота. Пожалуй, впервые в новой России столь значительно (на 25% за 2013–2019 гг.) приросло сельское хозяйство.

Самое плохое: сокращение реальных располагаемых доходов населения на 10%, а розничного товарооборота на душу населения за семь лет стагнации — на 9%. Численность абсолютного бедных, чей доход ниже прожиточного минимума, повысился в годы стагнации на 3 млн человек и достиг в 2019 г. примерно 18,6 млн. На графике (рис. 6) представлена динамика основных социально-экономических показателей страны в период стагнации.

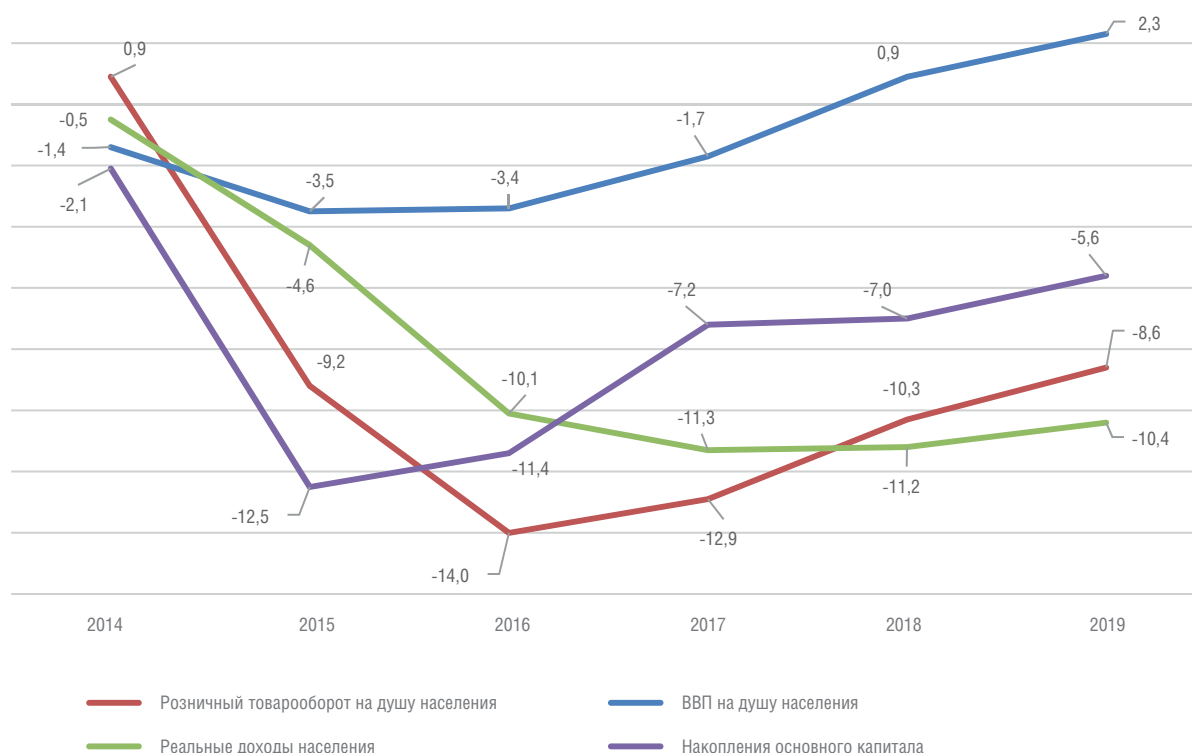
Со второго квартала 2020 г. на базе стагнации возник **новый структурный кризис, связанный с пандемией коронавируса**. Первые случаи заболевания в России были зарегистрированы в марте. Первый пик волны, когда численность зараженных за месяц достигла 300 тысяч, случился в мае. Были приняты невиданные ранее меры по массовой самоизоляции жителей — локдаун. При строгих карантинных мероприятиях были закрыты непродовольственные магазины, подавляющая часть организаций, оказывающих платные услуги, значительная

часть ресторанов и кафе, прекращено авиационное сообщение с большинством стран, а также запрещены массовые мероприятия. Все это сразу сбило волну заражаемости, и она стала снижаться в июне и июле, достигнув минимума в 150 тысяч человек в августе. При этом ежедневная смертность в России после максимума в 200 человек снизилась до 50. Еще большее сокращение этих показателей произошло в центре заболевания — в Москве.

С 1 сентября, на наш взгляд, ошибочно и преждевременно школьников и студентов допустили к посещению учебных заведений. И одновременно в массовом масштабе снимались запреты на торговлю товарами и услугами, в общественном питании, разрешили в ограниченных масштабах проводить киносеансы, зрелищные мероприятия, отменили пропуска, сквозь пальцы стали смотреть на масочный режим и т.д. **Это сразу вызвало мощную вторую волну пандемии**, которая началась со второй половины сентября. Уже в октябре число зараженных увеличилось до 450 тысяч человек, в ноябре — до 640, а в декабре 860 тысяч. Максимальная суточная смертность увеличилась втрое — до 600. В ответ стали ужесточаться карантинные меры, но они уже не были связаны с локдауном, введением про-

Рисунок 6

ДИНАМИКА ВВП, РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ, РОЗНИЧНОГО ТОВАРООБОРОТА И НАКОПЛЕНИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА (в %)

пусков, комендантского часа, объявлением чрезвычайных ситуаций, как это произошло на Западе, когда и там возникла вторая волна. Поэтому верхняя планка пандемии, достигшая 25–30 тысяч зараженных в сутки, держится уже больше месяца (на момент написания материала); число умерших — 500–600 человек в день. С большой вероятностью высокий уровень зараженности, в отличие от первой волны, будет сокращаться медленнее, как это происходит в ряде регионов.

Основная надежда сейчас на начавшуюся вакцинацию граждан страны вакциной «Спутник V», разработанной медицинским центром им. Гамалеи. На подходе — начало массовой вакцинации второй готовой вакцины, разработанной компанией «Вектор» (г. Кольцово, вблизи Новосибирского академгородка). Третью вакцину, которая проходит испытание в институте им. Чумакова, собираются запускать с февраля 2021 г. Чтобы сбить показатели зараженности и смертности, нужно вакцинировать до 60% населения. В лучшем случае это будет осуществлено к лету 2021 г. (по заявлению А. Поповой, руководителя Роспотребнадзора). Большинство экспертов считают, что вакцинация продлится весь 2021 г., и мы сможем вернуться полностью к нормальной жизни только в 2022 г.

Ясно, что вторая волна продлится намного дольше, чем первая, потому что она в 2–3 раза выше и потому что принятые меры мягче. К тому же уставшая от самоизоляции и использования масок часть населения, особенно молодежь, недостаточно строго придерживается карантинных мер. Не исключено, что пока не будет привита значительная часть населения страны, уровень зараженности и смертности

будет удерживаться на высоком уровне и не спадет так сильно, как это было после первой волны из-за принятых мер по самоизоляции и закрытию значительного числа предприятий и организаций. На приводимом графике (рис. 7) изображены обе волны с оценкой прогноза снижения заболеваемости в 2021 г.

Вторая волна поразила и страны Европы, где суточная зараженность поднялась до 40–80 тысяч при максимальной ежедневной смертности свыше тысячи в крупных странах с населением в 2–3 раза меньшим, чем в России. В США с населением в 2,5 раза большим, чем в России, суточная зараженность достигла 250 тысяч человек, а смертность — 3 тысяч человек. Так что Россия выглядит здесь лучше.

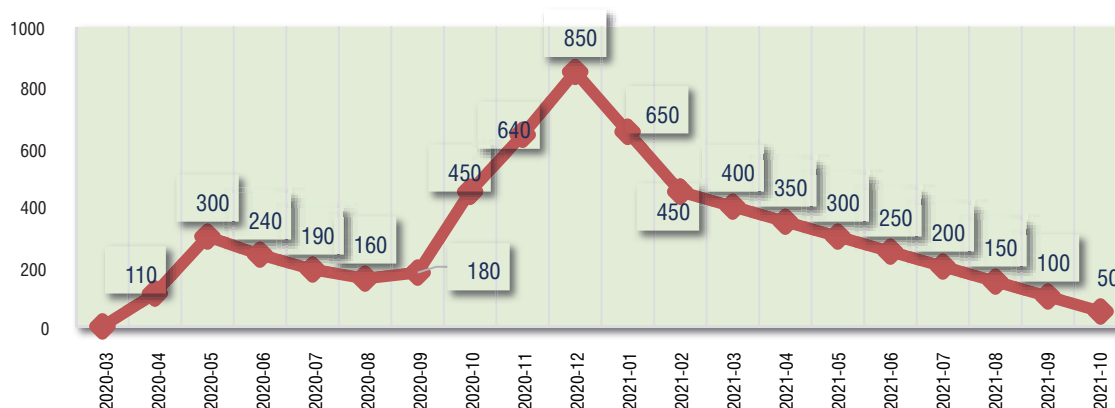
Но в США и в Европе приняты намного более строгие меры в сравнении с Россией. В ряде стран объявлен локдаун, не работают кинотеатры и другие зрелищные заведения, крайне ограничено общественное питание, оказание услуг, введен комендантский час, объявлено состояние чрезвычайной ситуации, растут штрафы. К тому же на борьбу с коронавирусом и повышением смертности от других причин выделяется в разы больше средств по отношению к объему валового внутреннего продукта в сравнении с нашей страной.

В целом же пандемия коронавируса в России протекает легче, чем в Европе, не говоря о США и Бразилии. Лучше России выглядит Китай, Япония, Южная Корея и некоторые другие азиатские страны, у которых нет такой второй волны.

По зараженности, если использовать ежедневно публикуемые показатели, Россия занимает примерно 50-е место в расчете на тысячу

Рисунок 7

КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ В РОССИИ — ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ВОЛНА МЕСЯЧНОЙ ЗАРАЖЕННОСТИ В 2020 Г. (ФАКТИЧЕСКАЯ) И В 2021 Г. (ПРОГНОЗ) (тыс. чел.)

человек населения. Но, если взять всех умерших, которые были заражены коронавирусом, но умерли от других причин, их число вдвое выше, чем публикуемые показатели смерти от коронавируса в России. При этом в России наблюдается значительный рост смертности лиц, не больных коронавирусом. Прежде всего от сердечно-сосудистых заболеваний, где смертность повысилась на 16% за прошедшие месяцы 2020 г., в то время как в последние 15 лет она ежегодно сокращалась. А ведь от сердечно-сосудистых патологий умирает 47% россиян — втрое больше (на 100 тысяч населения), чем в развитых странах, и вдвое больше, чем в постсоциалистических странах Европы. Примерно в 25 странах смертность от сердечно-сосудистых заболеваний снизилась настолько, что стала меньше, чем смертность от злокачественных новообразований. В России от рака умирают втрое меньше, чем от сердечно-сосудистых заболеваний.

По общему показателю увеличения смертности в 2020 г. по сравнению с предшествующим годом Россия лидирует среди крупных стран мира наряду с США. В 2020 г. прирост общей смертности составил 324 тысячи человек, в то время как в последние годы у нас смертность ежегодно снижалась по 30 тысяч человек. Размер упущенной смертности, таким образом, — около 324 тысяч человек. В Германии, Японии, Южной Корее, Израиле, Швейцарии и некоторых других странах смертность практически не повысилась, в то время как в предшествующие годы она, естественно, снижалась.

Очевидно, что увеличение смертности в 2020 г. прямо или косвенно связано с коронавирусной пандемией, которая стянула на себя значительную часть ресурсов из кардиологических и других клиник. Это касается и скорой помощи, которая не столь оперативно доставляет в клиники тяжелобольных с другими заболеваниями. Наше здравоохранение оказалось неспособно работать на два фронта, борясь с коронавирусной пандемией и другими заболеваниями. Общий рост смертности в России столь значителен, что позволяет сделать вывод о **провале здравоохранения**. По нашему мнению, иначе и быть не могло, поскольку оно финансируется хуже всех других отраслей. По международному рейтингу по финансированию здравоохранения в процентах к ВВП, в котором учитываются все виды финансирования, и государственные, и частные, с 5% от ВВП Россия в рейтинге из 189 стран занимала в 2019 г. 140-е место.

В 2020 г. были выделены дополнительные государственные средства на борьбу с пандемией. И эта доля повысилась до 5,6% ВВП. Так что Россия поднялась до 112-го места. В принятом федеральном бюджете на 2021–2023 гг. предусматривается примерно 15-процентное сокращение номинальных затрат по статье «Здравоохранение», а при пересчете на постоянные цены по физическому объему это падение финансирования составит к 2020 г. более 25%. Явно ошибочным является значительное падение финансирования здравоохранения на 2021 г., когда число зараженных в связи с переходящей второй волной пандемии увеличивается. И, кроме того, ожидается третья волна. Это обоснованное предсказание, поскольку в пандемию «испанки», при азиатском гриппе в 1962 г. и при современных гриппозных эпидемиях (по птичьему гриппу и др.) всегда наблюдалось три волны.

Коронавирусный кризис 2020–2021 гг. усугубляется начавшимся в марте 2020 г. значительным **падением цен на нефть и сокращением объемов ее экспорта**. Сократились также цены и объемы экспорта природного газа и угля, прежде всего в связи со снижением спроса на углеводороды в мире в кризисный период и из-за значительного увеличения добычи нефти и газа из сланцевых пород в США и обострившейся в связи с этим конкурентной борьбы за рынки сбыта углеводородов.

В марте Россия в резкой форме отказалась подписывать соглашение с Саудовской Аравией и странами ОПЕК об объемах добычи и экспорта нефти. В ответ в одностороннем порядке Саудовская Аравия увеличила поставки, стала снижать цены, заключать выгодные соглашения с потребителями, предлагая им не только нефть по более низкой цене, но и предоставляя выгодный заем. Цены на нефть снизились в 2–3 раза. В частности, цена на нефть Urals, которая в 2019 г. поддерживалась на уровне 63,4 доллара за баррель, опустилась до 18,2 доллара в апреле 2020 г. По инициативе США был достигнут компромисс и подписан договор между Россией, Саудовской Аравией и странами ОПЕК об ограничении и о сокращении объемов добычи нефти для поддержания умеренных цен. В результате цены пошли вверх, в августе достигли 44,5 доллара по российской нефти, а в ноябре — 43 доллара. В целом средняя цена нефти в 2020 г. составила 41,3 доллара. Эксперты предсказывают, что в перспективе 2021 и 2022 гг. цены будут колебаться на рос-

сийскую марку от 50 до 60 долларов. Это связано и с предельно большими запасами нефти, которые сформировались в марте — апреле при предельно низких ценах, и со сниженным спросом на нефть из-за кризиса и его последствий, и из-за климатических ограничений, увеличения возобновляемых источников электроэнергии и электрификации транспорта. Фактическая динамика цен на нефть в 2019–2020 гг. и ожидаемая динамика на 2021 г., по мнению экспертов, представлена на предлагаемом графике (рис. 8).

На Россию также влияет санкционное давление США по газу и нефти и возникшие трудности с поставкой и переработкой газа в Китай, где наметилось серьезное отставание от заявленных показателей, с отсрочкой ввода газопровода по «Северному потоку-2», с новым введенным крупным газопроводом из Азербайджана в Турцию для снабжения Греции, Италии и других стран. Саудовская Аравия пытается увеличить экспорт дешевой нефти в Китай, а США заключают соглашение с Китаем о крупной поставке сжиженного газа с Аляски. Конкурентами России выступают Туркменистан и Узбекистан, которые транспортируют все больше газа в Китай по давно построенному газопроводу. Острая конкуренция развернулась в Европе, куда США тоже поставляют сжиженный газ при увеличении его поставок арабскими странами и Норвегией в наиболее эффективной форме сжиженного газа, продающегося по более гибкой, в отличие от трубопроводного

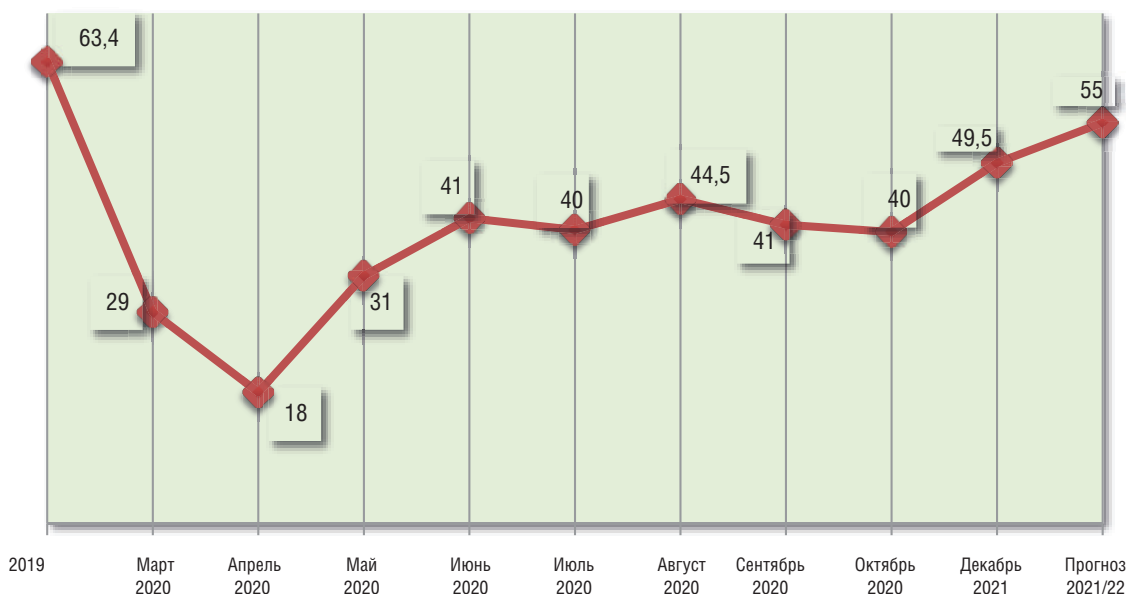
газа, цене. Снизились цены и объемы поставки каменного угля с месторождений России через тихоокеанские порты.

В целом в 2020 г. экспорт нефти и нефтепродуктов России снижается на 40%, природного газа — на 50%, угля — на 30%. Доля нефти в доходах федерального бюджета сокращается с 46% в 2018 г. до 41% в 2019-м и 30% в 2020-м и в ближайшей перспективе. В целом в расчете на год страна недополучит доходов от нефти, газа и угля в размере 7,5 трлн рублей.

Кризис в России 2020–2021 гг. формируется не только за счет коронавирусной пандемии и нефтегазового кризиса, но также за счет переходящих негативных трендов в связи с предшествующей кризису семилетней стагнации. В стагнацию снизилось валовое накопление основного капитала на 5,6%. Еще на 11% этот показатель сократился во втором квартале 2020 г. по отношению к соответствующему кварталу 2019-го. В третьем квартале он снизится, возможно, до –6. Но вместе с сокращением валового накопления за шесть лет стагнации по отношению к уровню 2012–2013 гг. этот ключевой показатель, от которого в наибольшей мере зависит послекризисный подъем, уменьшится на 10%. И нужен форсированный рост инвестиций в основной капитал, чтобы сначала достичь исходного уровня этого показателя и только потом двинуться вверх.

Намного хуже обстоит дело с реальными располагаемыми доходами населения, которые в период стагнации снизились на 10,6%

Рисунок 8
СКОЛЬКО БУДЕТ СТОИТЬ НЕФТЬ

и за год кризиса снизятся еще на 5%, а в итоге они окажутся ниже уровня 2012–2013 гг. на 16%. Их восстановление, по-видимому, в лучшем случае займет три года. Сказанное относится и к розничному товарообороту. Особый разговор — о падении конечного потребления домашних хозяйств. Они буквально рухнули во втором квартале 2020 г. — на 22,2% к соответствующему периоду 2019 г., когда были на несколько процентов ниже, чем в 2012 г. Вероятно, в третьем квартале они тоже поднимутся, может быть, до минус 8,4%, судя по динамике реальных доходов. В любом случае этот показатель придется повышать минимум на 14%, чтобы достичь предшествующего максимума. А без этого нельзя говорить о выходе на социально-экономический рост, о подъеме экономики и социальной сферы.

Не менее значимо увеличение численности абсолютно бедного населения, получающего душевой доход ниже прожиточного минимума в период стагнации. Их число увеличилось на 3 млн человек. В годы кризиса оно официально увеличится еще на 1,2 млн, а с учетом неформально занятых и нелегальных мигрантов — намного больше, как считают эксперты. Предстоит восстановить минимальную численность абсолютно бедных, достигнутую в 2012 г., — около 15 млн, немного больше 10% населения страны. Сегодня эта численность превысила 20 млн человек.

Так что социально-экономические последствия кризиса 2020–2021 гг. намного хуже, чем мы их представляем. Ведь этот кризис только наполовину обусловлен в России коронавирусной пандемией. На треть он связан с кризисом нефтегазовой и угольной отраслей и почти на 20% — это переходящие негативные тренды предшествующей семилетней стагнации.

И еще одна особенность оценки социально-экономических последствий этого кризиса: если считать по итогам 2020 г., сокращение экономических и социальных показателей к уровню 2019 г. не очень большое — 3–6%, потому что первый квартал 2020 г. был весьма позитивным. Так что они подправят показатели неполного кризисного года.

Между тем кризис продолжится и в 2021 г., и его острая фаза в связи с более мощной и продолжительной второй фазой кризиса продлится весь первый квартал 2021 г. Поэтому правильнее год кризиса считать, начиная со второго квартала 2020 г. и заканчивая первым кварталом 2021 г. включительно. Понятно, что соци-

ально-экономические результаты будут существенно хуже.

Главное — не учитываются основные потери страны в кризис 2020 г. от катастрофического роста смертности населения, который 324 тыс. человек (выше показатель только в нескольких странах Латинской Америки) вместо обычного снижения смертности за последние годы в России по 30 тысяч человек в год. 14-процентный рост смертности в России в сравнении с 2019 г. — самый высокий среди крупных стран мира.

Если эту дополнительную смертность оценить по стоимости человеческого капитала на душу населения в России, рассчитанную Всемирным банком, то сумма убытка от дополнительной смертности за 2020 г. составит около 5 трлн рублей. При этом Финансовый университет, который специально занимается детальным исследованием стоимости жизни в России, дает более высокую оценку.

Вряд ли за один год нам удастся преодолеть столь высокий показатель упущенной смертности (354 тысячи человек). Потребуется минимум еще два года при крупных вложениях в здравоохранение. Придется вносить серьезные поправки в финансирование здравоохранения по линии федерального и региональных бюджетов.

4. С 2023–2024 гг. возможно начало нового, четвертого, периода в развитии России — ускоренный социально-экономический рост, нацеленный на повышение уровня жизни и сохранность народа

Антикризисная программа правительства и федеральный бюджет на 2021–2023 гг. составлялись после первой волны кризиса в августе — сентябре 2020 г. Тогда месячная зараженность населения составляла 150–180 тысяч человек. В октябре она увеличилась до 450 тысяч, в ноябре — до 640 тысяч, а в декабре ожидалась в размере 800 тысяч человек. Это намного выше первой волны в мае (300 тысяч). Соответственно, с октября — ноября почти все социально-экономические показатели, которые серьезно возросли в третьем квартале (по сравнению с их минимальным значением во втором) в последнем, четвертом, квартале 2020 г. опять стали заметно ухудшаться. По-видимому, они будут снижаться и в первом квартале 2021 г.

Помесячная динамика социально-экономических показателей, которая практически улучшалась в июне — августе по сравнению с

минимальными значениями в мае, по большинству показателей немного ухудшились в сентябре и более серьезно в октябре. Как ни странно, в ноябре, когда зараженность коронавирусом увеличилась на 200 тысяч по сравнению с октябрем, показатели ВВП и промышленности по данным Росстата вдруг улучшились, а численность безработных осталась примерно на том же уровне. Продолжали ухудшаться показатели розничной торговли и предоставления платных услуг. Декабрь будет еще хуже по зараженности, и пока неясно, как они себя поведут. На приводимой табл. 15 показана фактическая динамика показателей за второй и третий кварталы 2020 г. и ожидаемая за четвертый квартал этого года и первый квартал 2021-го.

Таким образом, условия кризиса коренным образом изменились, продолжительность его увеличилась, и мы возобновим возвращение к прошлой жизни только в конце 2021 г., когда вакцинации подвергнутся 60–70 млн человек (оценка вирусологов). Более существенно, что в период составления антикризисной программы и бюджета ничто не предвещало столь катастрофического роста смертности (в ноябре умерло на 78 тысяч человек больше, чем в октябре). Сегодня ясно, что, даже если не будет предсказываемой третьей волны коронавируса, следовало бы удвоить, а лучше утроить объ-

ем финансирования антикризисных мероприятий. Без этого восстановление до уровня 2019 г., а тем более 2012–2013 гг., будет продолжаться более длительный срок. А мы нуждаемся в приросте по 3–4%. По нашим расчетам, для этого намеченное ранее финансирование в размере 5–6 трлн рублей недостаточно. На 2021 г. следовало бы выделить как минимум 12 трлн, на 2022 г. — 14 трлн рублей. Значительная часть этих средств может быть выделена в виде низкопроцентных инвестиционных кредитов.

Только в этом случае при «отскоке от дна», свойственном выходу из кризиса, можно будет приумножить этот «отскок», «перепрыгнуть» **через стагнацию и сразу перейти к социально-экономическому росту.** В противном случае нас опять ждет стагнация, из которой выйти следующие годы будет намного труднее, в чем мы убедились за прошедшие годы. Стагнация, в отличие от кризиса, не имеет внутреннего механизма «отскока» — послекризисного подъема.

Напротив, как было показано, она порождает негативные тренды, тянущие экономику и социальную сферу вниз, к рецессии, как это было в 2014–2016 гг.

К счастью, в России в избытке есть **финансовые ресурсы для крупной антикризисной программы, обеспечивающей переход к ускоренному социально-экономическому росту.**

Таблица 15

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 2020–2021 ГГ. (в % к соответствующему периоду прошлого года)

Показатель	I квартал 2020 г.	II квартал 2020 г.	III квартал 2020 г.	IV квартал 2020 г.	I квартал 2021 г. Прогноз	2020 г.	В целом за год (Со II кв. 2020 г. по I кв. 2021 г. (включительно) Прогноз
Валовый внутренний продукт	101,6	92	96,4	95	97	96,9	96
Промышленность	102,9	92,1	95,8	94	97	97,1	96
Валовое накопление основного капитала	101,8	78,3	94,0	94	94	94,0	94
Внешняя торговля	91,8	75,6	83,6	82	85	85	83
Розничная торговля	104,4	76,6	98,3	95	96	95,9	94
Платные услуги	98,1	61,1	88	84	86	82,7	81
Реальные располагаемые доходы населения	100,7	98	95	93	96	96,5	95
Конечное потребление домашних хозяйств	103,3	77,8	90	85	91	91,4	90

Во-первых, в 2020 г. **активы банковской системы** возрастают на 16%, до 110 трлн рублей, больше объема ВВП. Из них отечественные банки вкладывают в инвестиции в основной капитал около 1 трлн рублей из 18 трлн, немногим более 5%. Развитые страны направляют в 6–10 раз больше — 30–50%, а развивающиеся страны во главе с Китаем — в 4–6 раз больше, имея долю инвестиций в основной капитал в ВВП не 17%, как Россия, а 30–35%, что обеспечивает им ежегодный прирост ВВП 4–6%. Доля вложений в «экономику знаний», главную составную часть человеческого капитала, в России составляет 14% ВВП, в Китае — 22%, в ЕС — 30%, а в США — 40%. А ведь эти вложения — важный и все более значимый драйвер экономического роста.

Во-вторых, Россия вышла на третье место в мире после Китая и Японии по размеру **золотовалютных резервов** после приобретения за 14,6 трлн рублей золота и конвертируемой валюты за период 2017–2020 гг. в августе 2020 г. впервые превысил 600 млрд долларов, а в январе 2021 — 590 млрд долларов. Эти золотовалютные резервы сегодня больше, чем в США, и превосходят резервы Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых. Целесообразно из 13 трлн рублей Фонда народного благосостояния в 2021–2023 гг. направить 2/3 на повышение доходов населения. Еще 150 млрд долларов следовало бы использовать взаимнообразно в виде низкопроцентного инвестиционного кредита (под 3–5%) на цели технологического прорыва. При этом оставшиеся 300 млрд будут обеспечивать безопасность финансовой системы.

В-третьих, **заинтересовать крупный бизнес, предприятия и организации в инвестировании в основной и человеческий капиталы**, ведь на их долю приходится до 60% всех инвестиций в стране. Это может быть сделано в виде предоставления им низкопроцентных кредитов при господдержке, **освобождения от налогов части прибыли**, идущей на инвестиции, увеличения амортизационного фонда, из которого также черпаются инвестиции, путем сокращения в 1,5–2 раза сроков амортизации и предоставления **налоговой паузы** в период технического перевооружения. Предприятиям и организациям страны принадлежит 20 трлн рублей в банковских активах и значительные средства в иностранных банках, в том числе 400 млрд долларов (по расследованию Boston Consulting Group) в офшорах. Кроме того, в 2018–2019 гг. их финансовый результат увеличился на 72%.

В-четвертых, до 1 трлн рублей ежегодно государство может получить, если начнет **массовую приватизацию предприятий и организаций, контролируемых государством**. В 2003 г. 35% ВВП создавалось в госсекторе, а в настоящее время — 71% (по расчетам Всемирного банка), из них 35% — доля расширенного консолидированного бюджета в ВВП, 30% — доля крупных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Ростех, Росатом), институтов развития, объединений в оборонной промышленности и других отраслях («Аэрофлот», «Связьинвест», ВАЗ и др.), остальное — госбанки и банки под контролем государства (73% общих активов) и другие предприятия и организации в подчинении госорганов. Значительная часть этих организаций не выполняет никаких государственных функций, поэтому в подчинении государства можно было бы оставить структуры, которые производят до 45% ВВП. Из подобных структур наибольшая доля у Китая — около 30%, а в развитых странах доля государства (без госбюджета) составляет 5–10%.

В-пятых, привлечь на взаимовыгодных для населения, бизнеса и государства условиях **облигационный заем у граждан**, нуждающихся в улучшении жилищных условий, приобретении легкового автомобиля или участка земли на льготных условиях. У населения России средства есть: 30 трлн рублей в банках, 12 трлн — в «кубышках» плюс сбережения за рубежом.

В-шестых, привлечение средств за счет **наращивания государственного долга**. У России минимальный долг по внешним и внутренним займам — 15%, его собираются увеличить до 21% ВВП. У европейских стран этот долг до кризиса превышал 80%, у США — 100%, у Японии — 250%, у Китая — 260%. Безопасным, по мировым рекомендациям, считается долг до 60% ВВП. Наше государство вполне может к 2025 г. размер долга довести до 30%, а к 2030 г. — до 45% ВВП. Источники инвестиций в основной капитал и вложений в «экономику знаний» представлены в таблице 16.

Как видно, суммарно средств за счет перечисленных источников более чем достаточно. При этом наибольшую часть может составить инвестиционный кредит.

В первую очередь **жизненно важной задачей является повышение уровня жизни населения и сохранность народа России**. Для восстановления доходов и потребления населения сначала до уровня 2019 г., а потом до уровня 2012–2013 гг. недостаточно частичных мер по

Таблица 16

ИСТОЧНИКИ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ВЛОЖЕНИЙ В «ЭКОНОМИКУ ЗНАНИЙ»

Показатель	Объем заимствования в виде инвестиционного кредита в год		Примечание
	в основной капитал	в «экономику знаний»	
Активы банков:			
— в 2018–2020 гг.;	1,5–2,0 трлн руб.	1,5–2,5 трлн руб.	В 2020 г. активы банков превысят ВВП и составят 110 трлн руб.
— в 2020–2025 гг.	2,5–3,0 трлн руб.	3,0–3,5 трлн руб.	
Международные золотовалютные резервы — взаимобразно при окупаемости 5–10 лет	15–20 млрд долл. в год	из них до 5 млрд долл.	Объем этих резервов на середину октября 2020 г. составил 585 млрд долл., из которых могут быть заимствованы средства Фонда народного благосостояния — 13 трлн руб. и на возвратных условиях до 140 из оставшихся 285 млрд долл. 300 млрд долл. — неприкосновенны
Доходы от приватизации		до 1 трлн руб.	
Облигационные займы населения для строительства жилья и приобретения автомобиля	1,5–2,0 трлн руб.		Население сберегает до 40 трлн. руб. в России и до 700 млрд долл. — за рубежом
Прибыль и амортизационный фонд предприятий	1,5–2,0 трлн руб.	в т.ч. 0,5 трлн руб.	При освобождении от налогов части прибыли, направленной на инвестиции, и перехода на ускоренную амортизацию
Займы государства за рубежом	по 20–30 млрд долл.	в т.ч. 3–5 млрд долл.	Внешний долг государства РФ — 3% ВВП, а с внутренним — менее 15%. Его можно довести до 30–40%

отсрочке налогов, займов и оказания помощи отдельным группам населения (мелкому бизнесу, многодетным семьям и др.), хотя это крайне важно и нужно. Ведь эти доходы необходимо повысить на целых 15%. Поэтому следовало бы осуществить всеобъемлющие крупные меры:

а) **увеличение минимальных размеров заработной платы** в 2021 г. с 12 до 20 тысяч рублей (с подвижкой зарплат от 20 до 30 тысяч), а с 2024 г. — до 25 тысяч. На 2/3 это можно осуществить за счет средств внебюджетных предприятий и организаций. От бюджета потребуется до 1 трлн рублей в год для повышения минимума зарплаты на первом этапе для бюджетников;

б) **увеличить пособия по безработице** в 2021 г. с 4,5–12 тысяч рублей в месяц до 20–35 тысяч, а с 2025 г. — до 25–45 тысяч. На первом этапе это потребует до 2 трлн рублей;

в) **повысить размеры пенсий** из расчета увеличения их среднего размера до 22 тысяч рублей в 2022 г. и до 27 тысяч — в 2025 г. Это потребует до 3 трлн рублей на первом этапе. При этом следовало бы разрешить выходить на пенсию досрочно, с 55–60 лет, с пониженным размером пенсий. Ведь Россия — одна из немногих стран, где ожи-

даемая продолжительность здоровой жизни мужчин 61 год, что ниже пенсионного возраста.

Заметим, что по уровню минимальной заработной платы, пособиям по безработице и размеру пенсий Россия в 2–3 раза отстает от постсоциалистических стран Европы и развивающихся стран с примерно таким же уровнем социально-экономического развития. Россией не выполняются также рекомендации МОТ по минимальному уровню заработной платы, пособий, пенсий;

г) **сократить часть задолженности населения по банковским кредитам**, объем которых — 21 трлн рублей (40% всех доходов за год), а число должников — 42 млн человек. Целесообразно пересчитать эту задолженность по 8-процентной годовой ставке, в то время как значительная часть этих средств выдавалась под 15–20%. И впредь следовало бы запретить выдавать подобные займы по процентной ставке, более чем вдвое превышающей ключевую ставку ЦБ;

д) **создать условия для улучшения уровня жизни наиболее многочисленной группы относительно бедного населения, проживающего в селах и малых городах** (около 50 млн человек). Их душевой доход около 20 тысяч рублей

в сравнении с 35 тысячами в среднем по России и 45 тысячами в крупных городах. Предлагается в течение трех-четырех лет организовать массовый переход в фермерство сотен тысяч относительно продвинутых подсобных хозяйств при наличии трудоспособных членов семьи, оказав им всестороннюю помощь. Фермерские хозяйства следует объединить в промысловые кооперативы, которые будут помогать фермерам, создадут тысячи мелких предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в малых городах и селах. Эти кооперативы в рамках единой организации могли бы создать общероссийскую сеть продовольственных магазинов КООП, как во многих других странах. Для всего этого следовало бы предоставить льготы фермерским хозяйствам и промысловой кооперации в размере 2–3 трлн рублей ежегодно. Надо поставить задачу — за пять лет увеличить средние доходы жителей села и малых городов на этой базе до 30 тысяч рублей. Конкретные предложения по этим вопросам разработаны в ассоциации «Федеральный сельсовет»;

е) в 2022 г. **реформировать подоходный налог, отменив его с низких доходов и введя прогрессивный налог на доходы свыше 100 тысяч рублей в месяц** в размере 20–30%. При этом надо освободить от налогообложения все полученные средства, которые вкладываются в развитие производства и фонды, из которых черпаются инвестиции. Одновременно снизить налоги для предприятий и организаций, предоставляющих товары и услуги, которые доступны бедному населению и среднему классу, и, напротив, повысить их на производство товаров и услуг для богатых.

Все эти мероприятия позволят **вдвое сократить абсолютную бедность** (в соответствии с указом президента РФ от 7 мая 2018 г.) и снизить коэффициент фондов — разницу в среднедушевых доходах 10% бедных (8 тысяч рублей) и 10% богатых (120 тысяч рублей) с 15,4 раза в 2019 г. до 8–10 раз (как в Германии и странах ЕС) к 2025 г. и до 5–6 раз к 2030 г., как в странах социал-демократической направленности (Скандинавия) и Японии. При этом в СССР в 1980 г. эта разница составляла 3 раза. **Коэффициент социального неравенства Джини по доходам сократится** с 0,4 вначале до 0,3, а потом до 0,2.

Подъем жилищного строительства необходим не только с позиции улучшения жизни населения, но и как важный драйвер социально-экономического развития. Жилищное

строительство обладает серьезным мультипликативным эффектом. Его увеличение тянет за собой развитие стройиндустрии, коммунальное и инфраструктурное строительство, порождает крупные денежные потоки. По расчетам, при 10-процентном увеличении ввода жилья прирост ВВП в стране возрастет на 2%. Следовало бы поставить задачу ввода 120 млн кв. м жилья (задание В. Путина в указе от 7 мая 2018 г.) в 2025 г. и 170 млн кв. м к 2030 г. Для этого целесообразно сделать ставку на массовое строительство малоэтажного жилья (до 70%). Следовало бы создать сотни домостроительных баз для подготовки готовых блоков такого жилья. Целесообразно снизить до минимальных размеров налоги при постройке малоэтажного жилья с относительно низкой стоимостью.

Самое сложное, но крайне принципиальное дело — обеспечить **сохранность народа**. Это, на наш взгляд, можно обеспечить к 2030 г. за счет принятия экстраординарных мер, прежде всего по демографии и здравоохранению, включив их в соответствующие национальные проекты, которые надо доработать, удвоив финансирование не только за счет государственных средств, но и подключив к этому делу крупные корпорации и частные предприятия и организации. Реально увеличить рождаемость за счет повышения его суммарного коэффициента с 1,504 в 2019 г. до 1,6 в 2025-м и 1,75 к 2030-му (максимум в 2015 г. — 1,777). Способствовать этому будет дополнительное увеличение пособий для семей с детьми.

Сохранность народа в России в наибольшей степени зависит от коэффициента смертности, который в среднем на 35–40% выше, чем в Европейском союзе. Особенно велика смертность в России у трудоспособного населения от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин — примерно вдвое выше, чем в постсоциалистических странах Европы, и втрое, чем в развитых странах. За счет перехода на программно-целевое управление при увеличении финансирования эту разницу с развитыми странами можно снизить к 2025 г. до 2 раз, а к 2030-му приблизиться к показателям развитых стран (12,4 на 1000 человек населения в 2019 г., 11,5 — в 2025-м, 10 — в 2030-м). Это можно сделать при повышении ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет к 2025 г. и 78 лет — к 2030-му. При обеспечении надлежащей миграции, близкой к уровню 2019 г. (не менее 200 тысяч человек в год),

из ближайших государств (Украины и членов СНГ), можно было бы остановить сокращение населения в 2028–2030 гг., а затем двинуться вверх.

Основное, что позволит нам в короткий срок (2022 г.) преодолеть кризис, превысить показатели 2019 г. и возобновить 3-процентный социально-экономический рост с 2023 г., — **форсированное увеличение (10–15% ежегодно) инвестиций в основной и человеческий капиталы («экономика знаний»)**, а также **подъем жилищного строительства**. Непременное условие для этого — рост платежеспособного спроса и восстановление доходов и потребления населения. Для перехода к форсированным инвестициям и вложениям ежегодно потребуется 4,5–5 трлн рублей, 2/3 из которых мог бы дать низкопроцентный инвестиционный кредит из активов банков, золотовалютных резервов и за счет госзаймов. 1/30 этих кредитов целесообразно возмещать банкам-кредиторам за счет бюджета. В консолидированном бюджете на окупаемые проекты по статье «Национальная экономика» и некоторым другим финансируется безвозвратно 5 трлн рублей. Если оплату

этих проектов перевести на низкопроцентный инвестиционный кредит, можно высвободить более 4,5 трлн рублей. Эти средства могли бы быть направлены на финансирование сферы «экономика знаний», прежде всего НИОКР, образования, биотехнологий и здравоохранения. В следующей табл. 17 показано сравнение показателей развития сферы «экономики знаний» в России, Китае и развитых странах.

Нужно поставить задачу — за 15 лет выйти на технологический уровень развитых стран и их показатели развития сферы экономики знаний. В первую очередь должны быть обеспечены подъем и техническая реконструкция машиностроительных предприятий, чтобы техническое перевооружение во многом базировалось на отечественном оборудовании мирового уровня. При этом особую значимость приобретает использование информационных технологий. В России доля цифровой экономики низкая — всего 3,9% ВВП. В указе президента РФ от 7 мая 2008 г. поставлена задача втрое увеличить эту долю и войти в число мировых лидеров. Доля цифровой экономики и ее составляющих в России и других странах мира показана в табл. 18.

Таблица 17

СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СФЕРЫ «ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ» В РОССИИ, КИТАЕ И РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

	Россия	Китай	Страны Западной Европы	США
Доля отдельных отраслей и сфер «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте (в %):				
— НИОКР;	1,2	2,1	2,5	2,74
— образование;	4	4	8	5,7
— здравоохранение и биотехнологии;	5	6	10	19
— информационно-коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес «экономики знаний» в целом в валовом внутреннем продукте (в %)	14	22	30	40

Таблица 18

ДОЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ В ВВП, 2017 Г.

Показатель	США	Китай	Пять стран За- падной Европы	Индия	Бразилия	Чехия	Россия
Расходы домохозяйств на цифро- вые продукты и услуги	5,3	4,8	3,7	3,2	2,7	2,2	2,6
Инвестиции компаний в цифро- визацию	5	1,8	3,9	2,7	3,6	2	2,2
Госрасходы на цифровизацию	1,3	0,4	1	0,6	0,8	0,5	0,5
Экспорт ИКТ	1,4	5,8	2,5	5,9	0,1	2,9	0,5
Импорт ИКТ	-2,1	-2,7	-2,9	-6,1	-1	-2,1	-1,8
Итоговая доля цифровой экономики	10,9	10	8,2	6,3	6,2	5,5	3,9

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП составляет 17%, а доля «экономики знаний» — 14% (2019 г.), которые обрекают страну на стагнацию. Возрастающее значение для социально-экономического роста имеет сфера «экономики знаний», доля которой в ВВП в России предельно низка.

В такой индустриальной стране, как Россия, экономический рост может начаться при достижении доли инвестиций в размере 22%, а «экономики знаний» — 20%. О зависимости темпов социально-экономического роста от доли инвестиций в основной капитал и сферы «экономики знаний» в ВВП можно судить по данным приводимой табл. 19.

Таблица 19

ДОЛЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ДОЛЯ «ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ» В ВАЛОВОМ ВНУТРЕННЕМ ПРОДУКТЕ И ТЕМПЫ РОСТА ЭКОНОМИКИ

Страна	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	около 20	30–40	1,5–2,0
Развивающиеся страны	30–35	15–20	4–6
Китай	45–50	22	7
Россия – 2019 г.	17 ¹		
	20 ²	14	0,4
Предложения на 2025 г.	25	25	3–4
Предложения на 2030 г.	30	30–35	5–6

¹ Инвестиции в основной капитал по статистике.

² Накопление основного капитала в системе национальных счетов.

При ежегодном росте инвестиций в основной капитал и сферу «экономики знаний» в 10–15% их доли в ВВП поднимутся до указанных выше значений, что обеспечит ускоренный социально-экономический рост сначала по 3%, потом по 4%, а ближе к 2030 г. — и по 5%. В этом случае к 2025 г. Россия опередит Германию по экономическому потенциалу, а к 2030 г. и Японию, поднявшись с 6-го на 4-е место в мире. Это повысит международный рейтинг России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В табл. 20 показан международный рейтинг России.

Чтобы стимулировать и снять препятствия с пути инвестирования и социально-экономического роста, создать благоприятные условия, необходимо **провести ряд структурных реформ**, которые можно начать, когда будет достигнут устойчивый подъем. В первую очередь предстоит, на наш взгляд, **провести коренную реформу собственности**, покончить с чрезмерным огосударствлением, осуществить массовую при-

ватизацию, объявив частную собственность основной экономикой страны, священной и неприкосновенной, на страже которой стоят все государственные органы. Понятия «частный» должно быть столь же значимо и почетно, как в любой цивилизованной рыночной стране понятие private.

Другая крайне необходимая и срочная реформа — **реформа финансовой системы**, в международных рейтингах занимающей низкое, 95-е место. Москвы как значимого финансового центра мирового уровня почти незаметно — 62-е место в мире среди городов. Активы наших банков в 2–3 раза ниже, чем в Китае и европейских странах. Внебанковские фонды «длинных»

денег в России почти отсутствуют, занимая 15% ВВП, а не превышая его, как в развитых странах. В разы больше эти фонды и в развивающихся странах. В России нет сколь-нибудь полного воспроизводства «длинных» денег, в основном используются «короткие». Поэтому фондовый рынок носит спекулятивный характер и норма инвестиций («длинные» деньги) крайне низка. Президент РФ дважды в Посланиях к Федеральному собранию в 2012 и 2020 гг. обращал внимание на особую роль «длинных» денег, каждый раз призывая Центробанк заняться этим. Результата нет.

Система банков России, пожалуй, единственная, которая отвернулась от задач социально-экономического развития страны. Только в последние несколько лет Банк России что-то сделал за 30-летний период, снизив ключевую ставку, но и тут не добился реального снижения процентных ставок. Предстоит превратить Центробанк в банк социально-экономического развития. Надо создать в стране

Таблица 20

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ РОССИИ СРЕДИ 150 ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ МИРА ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ (место среди стран)

Показатель	2018 г.	2025 г.	2030 г.
ВВП — объем:			
— по ППС;	6	5	4
— по рыночному валютному курсу	14	10	4
ВВП на душу населения (уровень экономического развития):			
— по ППС;	45	35	15
— по рыночному валютному курсу	80	45	20
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	120	30	10
Доля «экономики знаний» в ВВП	110	40	15
Индекс социального развития	70	45	25
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	90	50	25
Реальные доходы на душу населения:			
— по ППС;	55	40	20
— по рыночному валютному курсу	90	50	25
Обеспечение комфортным жильем	80	50	25
Образование	30	20	10
Здравоохранение	120	60	25
Уровень жизни пенсионеров	80	50	25

рынок капитала, конкурирующую среду, чтобы рыночная система толкала вперед экономику, а не замедляла ее, как сегодня. Из всех центральных банков Банк России меньше других вложил средств в борьбу с кризисом. А ведь в кризис 2020 г. он увеличил активы на 16%, нарастив их до 110 трлн рублей, — выше объемов ВВП и втрое больше расширенного консолидированного бюджета страны. Сбербанк и ряд других крупных банков имеют рентабельность в кризисное время 10–15%. Без коренного изменения банковской системы, у которых в руках главный «денежный мешок» страны, нельзя добиться сколь-нибудь значимого социально-экономического роста, а значит, и улучшения благосостояния людей.

Целесообразно внебанковские фонды «длинных» денег вывести из подчинения Центробанка, увеличив их вдвое к 2025 г. и в 5 раз к 2030 г.

Нужна и **всесторонняя налоговая реформа**, которую президент России В. Путин предложил провести еще в 2016 г. Следовало бы перейти на европейскую методику НДС, что позволило бы снизить процентную ставку до 15% при увеличенной массе НДС. Давно пора изъять недра у производителей, сделав их государственной собственностью по примеру Саудовской Аравии, стран ОПЕК, Норвегии и

ряда других стран. Коренным образом следует изменить функции налоговой системы. Кроме фискальной ей нужно придать функции стимулирования и распределения. В налоговых льготах нуждается импортозамещение и развитие экспортных производств, особенно высокотехнологичных изделий с высокой добавленной стоимостью. Что касается распределительной функции налогов, она особенно важна для снижения социального неравенства.

В коренной реформе нуждается управление региональным развитием. Подавляющая часть регионов переведена на самую дестимулирующую систему финансирования — дотационную. Между тем большинство регионов со своих предприятий и организаций отчисляют в федеральный бюджет намного больше налогов, чем регион получает трансферов из центра. Эти регионы могут после тщательной подготовки перейти на систему **самоокупаемости, самофинансирования, самоуправления**, на которых зиждется федеральная система в других государствах. Лучше всего она организована, на наш взгляд, в Германии и Канаде. Надо постепенно отказаться от чрезмерной концентрации финансовых и интеллектуальных ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге, чего нет в других странах. В России подавляющая часть регионов лишена возможности расширенного воспроиз-

водства из-за дефицита этих ресурсов и скорее выживает, чем развивается. Необоснован разрыв в доходах, в размерах бюджетирования, жилищных условиях, развитии здравоохранения и образования и во многом другом между субъектами Федерации. В других странах федерального устройства такого нет.

Из-за высокой по отношению к уровню доходов стоимости жилья и дороговизны заемных средств большинство семей и граждан не имеют реальной возможности поменять регион, место работы, поехать на учебу в лучший университет в крупном центре, выбрать для лечения известную медицинскую клинику в другом месте и т.д. Формальная свобода есть, реально же ее нет. И это социальное неравенства, к сожалению, возрастает.

Одна из причин — неправильное система управления регионами, с одной стороны, и практическое отсутствие стратегии пространственного развития, которой на верхнем уровне специально никто не занимается, — с другой. Опыт СССР по размещению и развитию производительных сил в стране, которым занимались крупные коллективы во главе с СОПСом при Госплане СССР, стратегическому сдвигу на восток, где создавалась главная нефтегазовая провинция, горно-металлургическая база, развитые лесопромышленные комплексы, полностью утерян. Эти важные стратегические тренды в новой России повернулись вспять. За последние 30 лет Дальний Восток потерял 20% населения, а огромная Сибирь — 9%. Стихийно, шаг за шагом, их экономический и социальный уровни, благосостояние граждан, транспортная система стали отставать от значительной части густонаселенных регионов европейской части страны. Нужно разработать не только по Дальнему Востоку, но и по Сибири и другим крупным регионам действенную стратегию развития с позиции вклада в экономику и социальную сферу страны. Следовало бы заняться коренным реформированием регионального управления и перехода к новой административно-экономической системе, потому что существующая система, основанная в 20-ых—30-ых годах прошлого века, безнадежно устарела.

Где выход в решении крупнейших задач, стоящих перед страной? **Выход в переходе к народнохозяйственному планированию, к составлению первого пятилетнего плана России на 2021—2025 г. с ключевыми показателями на период до 2030 г.** Этот план должен строиться

на взаимосвязанной системе целевых национальных проектов, работа над которыми, как известно, ведется. Надо дополнить систему проектов, прежде всего с позиции технического перевооружения базовых отраслей, в первую очередь электроники и машиностроения, финансирование национальных проектов в этой связи нужно удвоить и утроить с учетом их продления за счет привлечения частных инвестиций и инвестиционных кредитных средств. Применительно к предприятиям и организациям, контролируемым государством, нужен директивный план, а для частного бизнеса — индикативные задания. У нас отсутствует рыночный двигатель экономики, и потребуются определенный срок для его формирования. Давайте превратим планирование в механизм развития. Анализ 39 стран, где было применено или сегодня применяется планирование, показывает высокую эффективность планового управления. Китай завершает 13-ю пятилетку и на недавнем пленуме ЦК компартии утвердил задания на 14-й пятилетний план. Индия несколько лет назад завершила 12-ю пятилетку, Турция выполняет 11-ю. Успешно на базе планов развивается Малайзия. Послевоенная Франция и Италия быстро восстановили разрушенное войной хозяйство и подняли экономику и социальную сферу тоже благодаря пятилетним планам, а Япония и Южная Корея совершили заметный рывок вверх на основе пятилетних планов.

В 2026—2030 гг., когда заметными темпами станет расти уровень жизни, следовало бы провести ряд **важных социальных реформ** — перейти на накопительную систему пенсий (по образцу Германии) с установлением обязательного взноса в пенсионный фонд не только из средств предприятий, но и за счет платежа из зарплаты (плюс добровольный пенсионный взнос, освобожденный от налога и поощряемый государством и предприятием); реформу здравоохранения, также с обязательным взносом из зарплат; провести приватизацию ЖКХ; перейти к нормальному налогу на недвижимость для граждан, направляемому в бюджет муниципалитетов как финансовой основе формирования гражданского общества на местном уровне. В реорганизации нуждается и система социальных пособий и различных льгот, которая недостаточно ориентирована на помощь малообеспеченным. Эти реформы должны быть тщательно подготовлены и проведены без снижения реальных доходов населения, что может быть осуществлено

при соответствующей индексации зарплаты и других доходов.

В заключение подчеркнем: Россия — страна огромных неиспользованных возможностей с высоким образовательным уровнем населения, с колоссальными, лежащими втуне финансовыми ресурсами. Пора наконец вдохнуть новую жизнь в будущее развитие нашей страны.

**Список книг автора, использованных
в тексте**

1. Социально-экономическое развитие России. М., Дело. 2005.
2. Кризис: беда и шанс для России. М. АСТ. 2009.
3. Экономика России на перепутье...Выбор посткризисного пространства. М. АСТ. 2010.
4. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. М., Дело. 2016.
5. Финансы, бюджеты, банки в новой России. М., Дело. 2018
6. Приоритеты социальной политики. М., Дело. 2018

Михаил ДМИТРИЕВ
Анастасия НИКОЛЬСКАЯ

НАЗАД В БУДУЩЕЕ: КАК ИЗМЕНИЛИСЬ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА

Введение

В статье рассматриваются изменения общественно-политических настроений населения России в условиях пандемии COVID-19. Исследование основывается на данных фокус-групп и количественного опроса (вопросы из омнибуса «Левада-центра»), проведенных в сентябре — октябре 2020 г., а также на материалах предыдущих раундов аналогичных исследований, проведенных с участием авторов доклада в течение 2018—2020 гг.

В данном исследовании мы используем традиционную для нашей работы методологию, основанную на сочетании качественных (фокус-группы) и количественных (репрезентативные социологические опросы) методов сбора социологической информации. Эта методология хорошо себя зарекомендовала для раннего выявления существенных изменений настроений населения в тех случаях, когда возникают признаки перелома трендов, когда эти изменения несут новизну и позволяют спрогнозировать дальнейшие тенденции. В прошлом наши данные иногда позволяли оценить не только краткосрочные тенденции, но и возможные сценарии на долгосрочную перспективу. Однако в связи с возросшей волатильностью общественных настроений по мере эрозии крымского консенсуса прогнозирование долгосрочных трендов стало проблематичным.

В рамках последнего раунда социологических исследований нами в сентябре 2020 г. были проведены 10 фокус-групп в Москве, Екатеринбурге, Владимире, Гусь-Хрустальном, из них: две фокус-группы с молодежью (18—29 лет) в Москве и Екатеринбурге, четыре с людьми среднего возраста (35—50 лет) и четыре с людьми пенсионного возраста (60+). Общая численность респондентов составила 100 человек.

По результатам анализа материалов фокус-групп нами были сформулированы вопросы для включения в количественный опрос («Левада-центр», октябрьский омнибус) по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведенный с 22 по 28 октября 2020 г. Эти вопросы были нацелены на проверку предварительных гипотез, выявленных на материалах фокус-групп.

Проведенный анализ указывает на существенную корректировку направления изменений общественного мнения осенью 2020 г. по сравнению с результатами предыдущих раундов исследований. Эта корректировка отчасти носит реверсивный характер и отражает последствия накопления стресса и усталости от кризиса и пандемии. На фоне усилившейся тревожности и агрессии в адрес властей наблюдаются признаки ослабления гражданского активизма, выгорания, что является типичной реакцией в условиях острой фазы экономического кризиса. Происходит также вполне предсказуемая в таких условиях реактивация традиционных ценностей и ценностей выживания в противовес постматериалистическим ценностям, роль которых усиливалась в предыдущие два года. Запрос на изменения в стране остается интенсивным, однако реализация изменений, в отличие от тенденций предыдущих двух лет, вновь начинает ассоциироваться не столько с активностью самих граждан, сколько с появлением сильного политического лидера, способного взять на себя роль «идейного вдохновителя масс».

Наблюдаемые изменения не являются полностью неожиданными. Еще осенью 2018 г.¹ мы

¹ Дмитриев М.Э., Никольская А.В., Белановский С.А., Черепанова Е.В. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 19–34.

сделали сценарный прогноз, согласно которому в случае очередного экономического кризиса можно ожидать реверсивного ослабления постматериалистических ценностей в пользу приоритетов выживания и базовых материальных запросов. Этот прогноз начинает сбываться, что указывает на переходный характер постматериалистических ценностных ориентаций, которые у части населения остаются слишком непрочными, чтобы выдержать испытание тяжелым экономическим кризисом.

Тенденции изменения настроений до начала пандемии

После относительно протяженного периода стабилизации общественных настроений с момента присоединения Крыма в 2014 г. и до президентских выборов в начале 2018 г., который теперь принято называть периодом «крымского консенсуса», российское общество вступило в полосу быстрых изменений. Усталость от кризиса и снижения уровня жизни привело к ослаблению надежды на сильного лидера и убедило многих в необходимости решать накопившиеся проблемы собственными силами. Эти настроения указывали на активацию внутреннего локуса контроля. Согласно нашим исследованиям, внутренний локус контроля укрепился в массовом сознании еще весной 2018 г. и с тех пор оставался преобладающей установкой. В последние три года резкие изменения общественных настроений мы регистрировали примерно раз в полгода. За время, прошедшее с весны 2018 г., наши исследования позволили выявить как минимум шесть существенных поворотов

общественных настроений (рис. 1). В связи с этим мы полагали, что наши данные, хотя и свидетельствуют о быстром изменении настроений, из-за высокой волатильности общественных настроений позволяют оценить лишь краткосрочные тенденции, а не долгосрочные тренды.

Не стало исключением и наше последнее исследование, проведенное в сентябре — октябре 2020 г. при финансовой поддержке Фонда развития гражданских инициатив «Диалог». Полученные в рамках этого исследования результаты примечательны тем, что общественное мнение по ряду параметров сделало почти полный круг, приблизившись к состоянию, от которого стартует череда быстрых изменений, начавшихся весной 2018 г.

Как правило, при наступлении кризиса население демонстрирует нарастающий пессимизм в отношении экономических перспектив (рис. 2). Но в свете новых изменений, которые мы коротко рассмотрим далее, этот умеренный пессимизм выглядит скорее как проявление избыточного оптимизма. Население пока сильно недооценивает, насколько неблагоприятными могут оказаться новые долгосрочные тренды, особенно с учетом перспектив ускорения декарбонизации мировой экономики и связанного с этим ухудшения возможностей экспорта российских углеводородов. На среднесрочном горизонте экономике может ждать медленное восстановление. Но в дальнейшем экономика России может столкнуться со следующим кризисом, вызванным дальнейшим ухудшением конъюнктуры на рынках углеводородного сы-

Рисунок 1

КЛЮЧЕВЫЕ ФАЗЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ, ВЫЯВЛЕННЫЕ В НАШИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ЗА 2018–2020 ГГ.

рия. При этом доходы российского населения, по меньшей мере до середины 2020-х гг., останутся намного ниже исторических максимумов 2013 г., поскольку в предыдущий кризис и в этом году они упали гораздо глубже, чем экономика в целом.

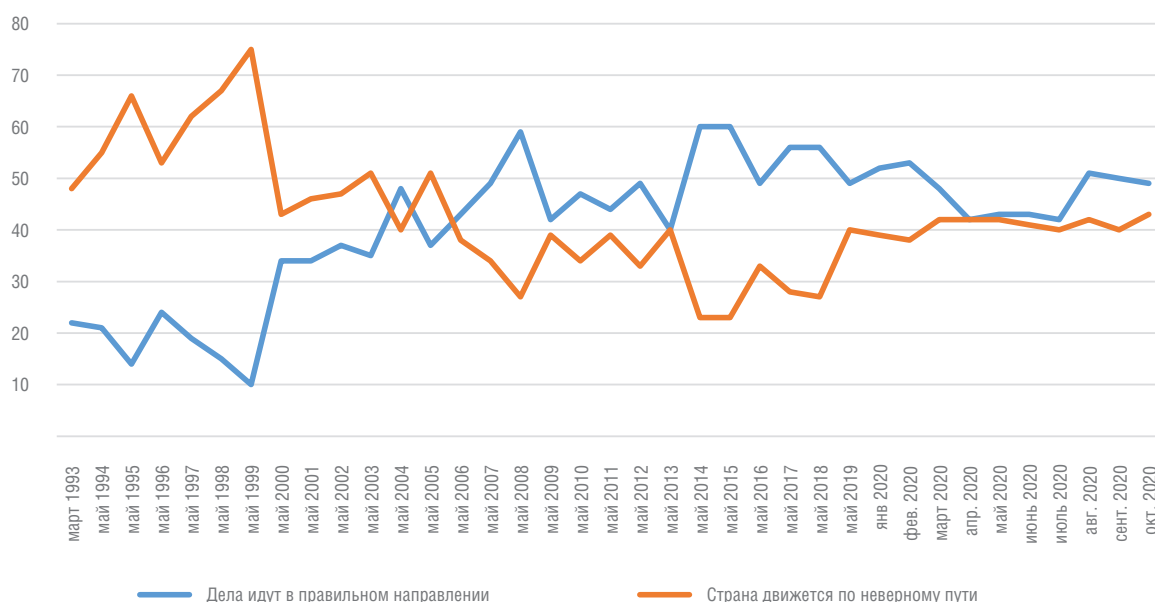
Но, по нашим октябрьским данным, население заметно утратило интерес к долгосрочным перспективам развития, сосредоточившись на текущих проблемах. Возможно, это препятствует нарастанию пессимизма, поскольку риски долгосрочного развития выходят далеко за рамки текущего горизонта планирования респондентов.

что вплоть до первой половины 2019 г. это недовольство не сопровождалось ростом агрессивности по отношению к властям. Пандемия послужила переломным моментом. Она привела к тому, что недовольство стало сочетаться с выраженными проявлениями агрессии респондентов в адрес власти.

В мае текущего года Группа Белановского проводила исследование массовых настроений россиян. Опрос проводился при помощи гугл-опросника. В опросе приняли участие 3177 человек в возрасте от 18 до 73 лет, средний возраст опрошенных — 39,1 года, проживающие в Москве, региональных центрах, малых го-

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?»

Источник: «Левада-центр».

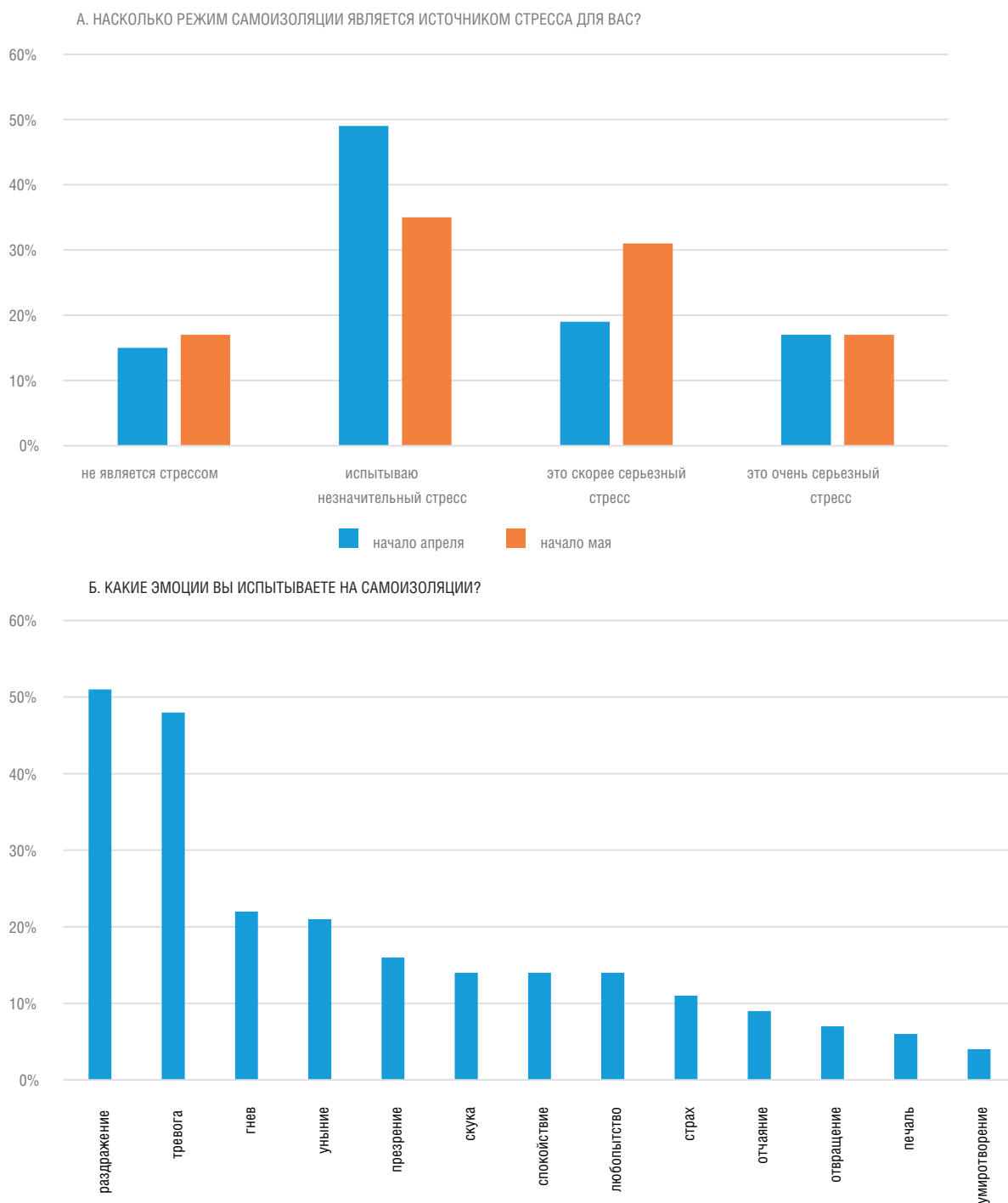
Психологические аспекты адаптации к пандемии

Существенным фактором изменения настроений населения в условиях пандемии оказалось даже не столько ухудшение экономического положения, сколько социальные последствия карантина и самоизоляции. Это вызвало усиление стрессовых эмоций, основными из которых, по нашим данным, были гнев, раздражение и тревога (рис. 3).

Это, судя по всему, начало сказываться и на проявлениях недовольства властями. Недовольство властями стало нарастать начиная с весны 2018 г., сразу после президентских выборов и особенно после повышения пенсионного возраста. Но наши исследования показывали,

родах и сельской местности. Полученные данные свидетельствовали, что вера в способность как федеральных, так и региональных властей эффективно справляться со вспышкой коронавируса падала. При этом вера в способность федеральных властей и президента справиться с пандемией падала заметнее, в то время как уверенность в региональных властях снижалась не так резко. На фоне стресса, вызванного периодом самоизоляции, преобладающими эмоциями являлись раздражение и тревога, обусловленные опасениями, что сложившаяся ситуация приведет к серьезным социально-политическим потрясениям в стране, нарушению планов и ухудшению экономического положения.

Рисунок 3

СТРЕСС И ЭМОЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ В ПЕРИОД КАРАНТИНА, КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ОПРОС, АПРЕЛЬ — МАЙ 2020 Г.

Источник: Группа Белановского.

Интересно при этом, что, несмотря на стресс, адаптация людей к условиям пандемии проходила не столько в психоэмоциональной, сколько в рациональной, когнитивной плоскости. В табл. 1 представлены результаты исследования Группы Белановского, относящиеся к периоду карантина. Согласно этим данным,

многие респонденты воспользовались тем, что у них появилось свободное время, чтобы потратить его на сбор и изучение информации о происходящем. В частности, заметно усилился интерес к потреблению политических новостей. Данную информацию люди пытались осмыслить по возможности рационально. В этом

заклучалась важная особенность настроений, распространившихся в период карантина: они сочетали сильные эмоции агрессивного характера с попытками переосмысления ситуации на основе поступающей информации.

В июне 2020 г. Группа Белановского провела схожее исследование по заказу фонда ОМФ в соответствии со следующей структурой: у респондентов спрашивали, какая из перечисленных эмоций (страх, надежда, унижение, раздражение, разочарование) преобладает в их жизни

на момент опроса, а затем, в зависимости от указанной эмоции, им предстояло выбрать вариант, наиболее точно соответствующий ответу на вопрос, почему именно они испытывают названную эмоцию. Исследование проводилось с 16 по 24 июня 2020 г. методом телефонного опроса. В исследовании приняли участие 1673 человека в возрастном диапазоне от 18 до 61+ лет, проживающие в Центральном (27% опрошенных), Северо-Западном (10% опрошенных), Южном (11% опрошенных), Северо-Кав-

Таблица 1

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ПАНДЕМИИ В ПЕРИОД КАРАНТИНА (МАЙ 2020 Г.)

Копинг-стратегия	Тип стратегии	Респонденты, %
Обращаюсь к юмору	Когнитивная	24
Изменил/а ближайшие цели	Когнитивная	15
Признал/а, что в сложившейся ситуации от меня мало что зависит, и сохраняю самообладание	Когнитивная	48
Считаю, что проблема раздута СМИ, поэтому не испытываю особой тревоги	Когнитивная	10
Ищу наиболее достоверную информацию о ситуации от источников, которым доверяю	Когнитивная	51
Занимаюсь самообразованием, повышением квалификации	Когнитивная	24
Планирую, что буду делать сразу же после окончания периода самоизоляции	Когнитивная	12
Снизил/а свои ожидания от ближайшего будущего	Когнитивная	32
Занимаюсь спортом	Поведенческая	16
Занимаюсь йогой, медитацией, релаксацией	Поведенческая	6
Прошу других о помощи	Поведенческая	1
Помогаю тем, кому сейчас тяжелее, чем мне	Поведенческая	9
Перестал/а смотреть новости о коронавирусе	Поведенческая	13
Употребляю больше алкоголя	Поведенческая	14
Больше ем	Поведенческая	13
Больше сплю	Поведенческая	19
Стараюсь каждый день организовывать что-нибудь (просмотр фильмов всей семьей, семейные трапезы, онлайн-встречи с друзьями и пр.)	Поведенческая	11
Занимаюсь своим здоровьем (лечением)	Поведенческая	5
Стараюсь максимально посвятить себя работе (умственной и физической)	Поведенческая	16
Обращаюсь к религии	Поведенческая / эмоционально-ориентированная	3
Поддерживаю эмоционально близкие отношения	Эмоционально-ориентированная	16
Открыто выражаю свои эмоции	Эмоционально-ориентированная	26
Ничего из перечисленного мне не помогает	Эмоционально-ориентированная	2
Я вообще не испытываю стресса		11

Источник: Группа Белановского.

казском (7% опрошенных), Приволжском (20% опрошенных), Уральском (8% опрошенных), Сибирском (11% опрошенных), Дальневосточном (6% опрошенных) округах. Из них в Москве — 9%, областном / краевом центре — 25%, других городах — 41%, в сельской местности — 25%. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2
КАКАЯ ЭМОЦИЯ ПРЕОБЛАДАЕТ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ В СВЯЗИ С СИТУАЦИЕЙ В СТРАНЕ?

Всего	100%
Надежда на завтрашний день	32
Страх перед завтрашним днем	19
Унижение из-за условий, в которых я живу	19
Раздражение на сложившуюся ситуацию	37
Разочарование, связанное с ситуацией в стране	38

Можно видеть, что ведущими эмоциями являлись раздражение и разочарование. Основная причина разочарования, названная тогда респондентами, — действия власти, которая допускает обнищание населения (67% респондентов, выбравших разочарование в качестве доминирующей эмоции), не пытается строить демократическую страну (40%). А вот третья причина разочарования — само население, которое продолжает терпеть эту власть (35%).

Разочарование — чувство, вызванное несбывшимися ожиданиями или надеждами, чувство неудовлетворенности по поводу чего-то, не оправдавшего себя, неудавшегося. Население ожидало от власти, что она будет способствовать экономическому процветанию страны, но попытки власти построить государство всеобщего благосостояния не оправдали этих ожиданий. Отчасти разочарование является разновидностью фрустрации, однако отличается от нее тем, что при фрустрации люди продолжают борьбу за получение желаемого, а при разочаровании продолжение борьбы является для человека бессмысленным, т.е. дальнейшие ожидания чего-либо от действующей власти для многих респондентов оказались лишены субъективных оснований. Таким образом, уже тогда стали проявляться признаки возможного ослабления активизма граждан, который до пандемии имел тенденцию к усилению, что является довольно типичным для острой фазы

экономического кризиса.

Доминирующие причины раздражения ассоциировались с действиями властей (поправки в Конституцию — 44%, работа на интересы олигархов — 39%), следующей причиной раздражения было терпение народа («Я не понимаю, почему народ продолжает терпеть все, что творят власти», 37%). Таким образом, выбор вариантов, объясняющих причины раздражения, был весьма схож с выбором вариантов, объясняющих причины разочарования. Большинство респондентов, выбравших эмоцию раздражения, в качестве второй доминирующей эмоции называли эмоцию разочарования, и наоборот. При этом 17% испытывающих раздражение называли в качестве второй ведущей эмоции надежду на то, что люди начнут массово протестовать, что составляет 6% от общего числа опрошенных. То есть можно говорить, что в период проведения обследования протестный потенциал в обществе мог быть оценен в 6%, поскольку именно раздражение вкупе с надеждой является эмоцией, мотивирующей протесты.

Наше последнее исследование, показывает, что в октябре 2020 г. наблюдалось заметное усиление негативных эмоций в отношении власти. Создается впечатление, что возмущение у примерно 2/3 респондентов провоцировали уже не какие-то отдельные конкретные действия власти, а практически любые ее значимые действия, возможно, далеко не только те, которые вошли в наш количественный опросник (рис. 4), но и вообще практически любые значимые действия власти, попадающие в поле зрения массовых слоев населения. При этом на вопрос: «Как вы считаете, действия властей, которые вызывают у вас возмущение, являются ошибочными (недостаточно продуманными) или намеренными?» — 51,8% респондентов ответили, что считают их намеренными, и только 36,1% — ошибочными (недостаточно продуманными).

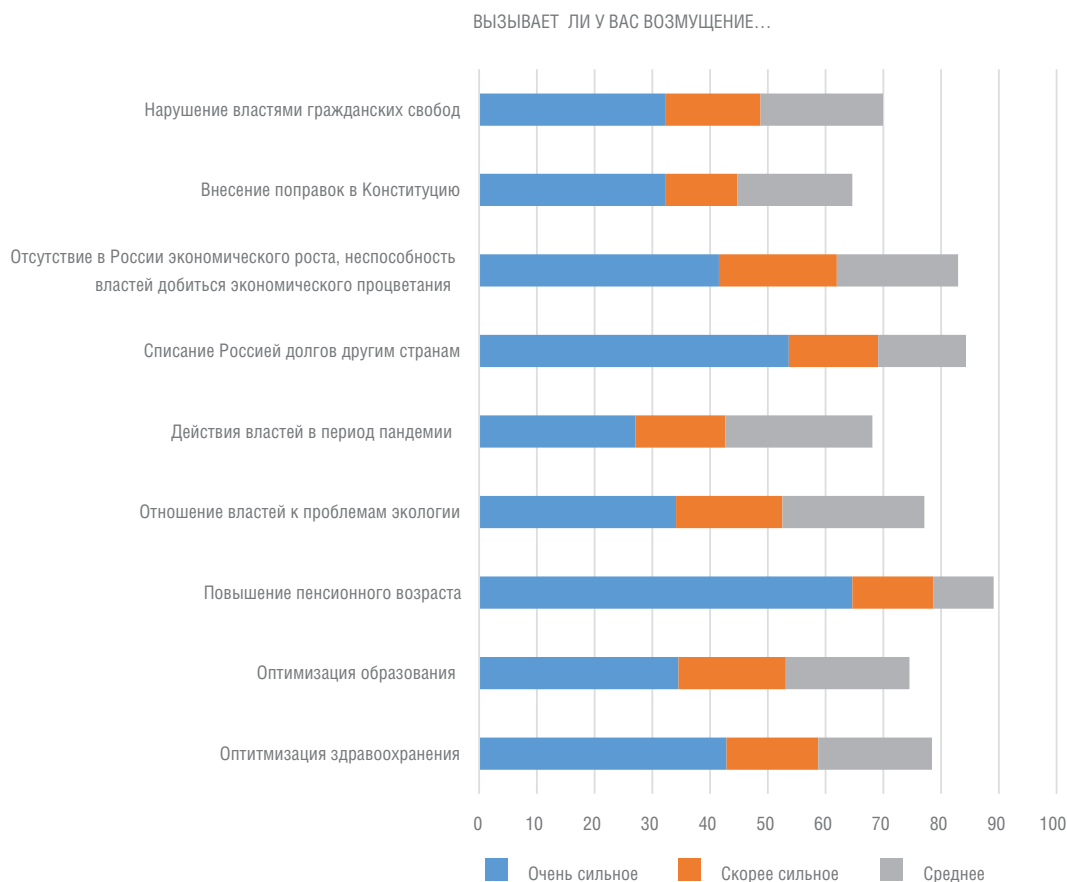
Это указывает на то, что в условиях продолжающегося экономического спада и пандемии происходит нарастание негативной эмоциональной, в чем-то близкой к почти параноидальной, реакции на действия власти. При этом по сравнению с первой волной пандемии, когда преобладали рациональные когнитивные копинговые стратегии, в начале второй волны наблюдалось ослабление способности большинства респондентов рационально оценивать положение дел и действия власти. Более того, если учесть, что сбор информации прово-

дился практически накануне нового всплеска числа инфицированных COVID-19, который пришелся на ноябрь — декабрь 2020 г., можно ожидать в период обострения эпидемиологической обстановки дальнейшего нарастания иррациональных реакций, тревожности, стресса и агрессии населения, включая агрессию, направленную в адрес властей.

лась и с более широким процессом: в условиях карантина большинство не только личных, но и деловых взаимодействий ушло в онлайн. По сути дела, значительная часть населения в период карантина могла ощутить ослабление влияние административной иерархии на свое поведение. А это могло, в свою очередь, усиливать желание дистанцироваться от власти.

Рисунок 4

ДОЛЯ ВОЗМУЩЕННЫХ В ОТВЕТАХ НА ВОПРОСЫ ОБ ОТНОШЕНИИ К РАЗЛИЧНЫМ ДЕЙСТВИЯМ ВЛАСТЕЙ

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

Влияние официальных СМИ

Еще одна особенность пандемии связана с источниками информации. На рис. 5 представлены данные опроса «Левада-центра», проведенного накануне пандемии. Он свидетельствует о продолжении тенденции перехода населения от телевидения к сетевым каналам распространения новостей. В связи с этим традиционный репертуар властей в плане информационных каналов влияния на общественное мнение в последние годы терял это влияние.

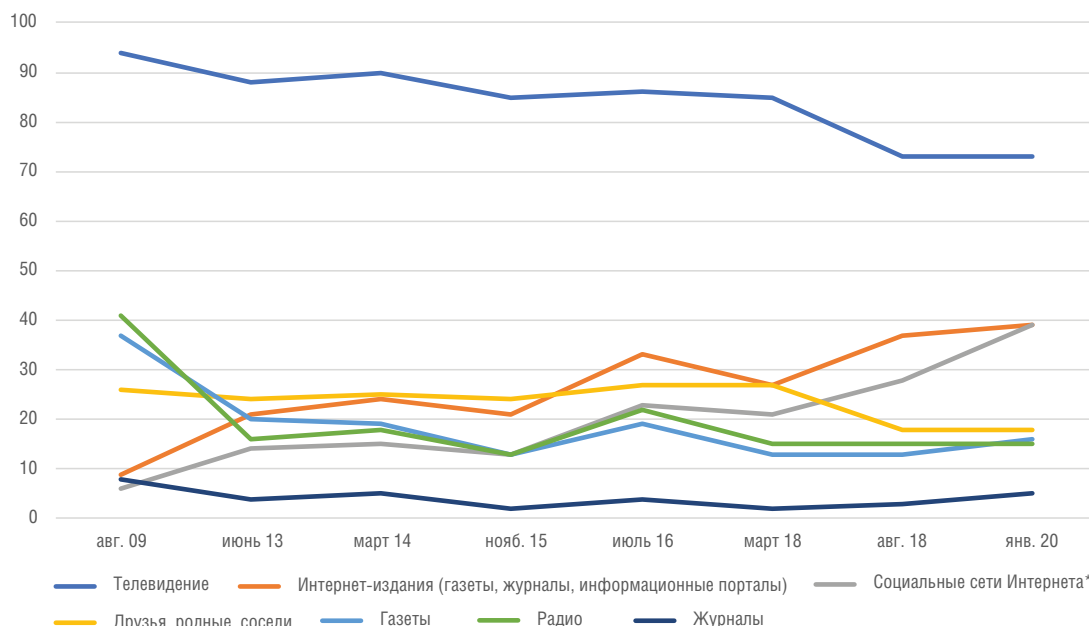
До середины 2020 г. тенденция к ослаблению влияния официальных СМИ переплеталась

Однако фокус-группы, проведенные нами в сентябре — октябре 2020 г., свидетельствуют о признаках очередного усиления влияния официальных телеканалов, что отчасти напоминает период крымского консенсуса. В фокус-группах многие респонденты пожилого и часть респондентов среднего возрастов, сами того не замечая, при обсуждении вопросов внутренней и внешней политики почти буквально воспроизводили клише, звучавшие в тот период с телеэкранов на рейтинговых программах.

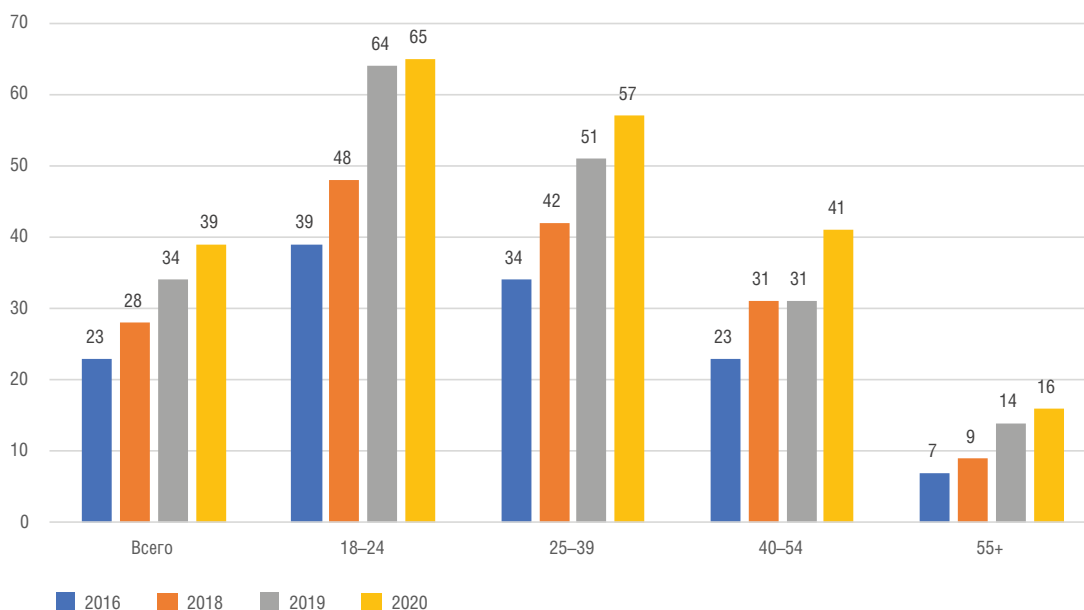
Влияние официальных СМИ могло внести определенный вклад и в реактивацию традиционных ценностей, на которую указывают наши

Рисунок 5
ВЛИЯНИЕ СМИ

А. ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ? (респондентам предлагалась карточка, и они могли выбрать более одного ответа и/или назвать свой; ранжировано по убыванию по январю 2020 г.)

Б. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ - ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ? (%)

Источник: «Левада-центр».

октябрьские данные 2020 г. Но возможно и обратное влияние. Поскольку в условиях кризиса происходит усиление субъективной зависимости от государства, это естественным образом способствует усилению влияния официальных СМИ. Также с повесткой официальных СМИ хорошо резонирует возвратное движение обще-

ственных настроений к ценностям патриотизма и верности традициям, которое отчасти является адаптивной реакцией на затяжной кризис и пандемию, а отчасти обусловлено тем, что в обществе не представлена никакая альтернативная идея, которая способствовала бы сплочению населения.

Ожидания от власти

В наших последних опросах люди, разочарованные недостаточной помощью государства в кризис, высказывались таким образом, что от власти они уже ничего не ждут. В 2018 г., после президентских выборов, напротив, от власти ждали очень многого и были недовольны в основном тем, что результат не совпал с повышенными ожиданиями. В 2019-м это вылилось в рост интереса к политике и соблюдению политических прав граждан на фоне того, что власть так и не смогла обеспечить того, что нее ждали люди. В первом полугодии 2020 г. политизация массового сознания продолжилась. Согласно нашим опросам, проводившимся в первой половине 2020 г., интерес к политике вырос у более чем половины респондентов. А главным источником несправедливости называли уже не правовую несправедливость в смысле неравенства людей перед законом, как это было в 2019 г., а политическое неравенство между элитой и населением.

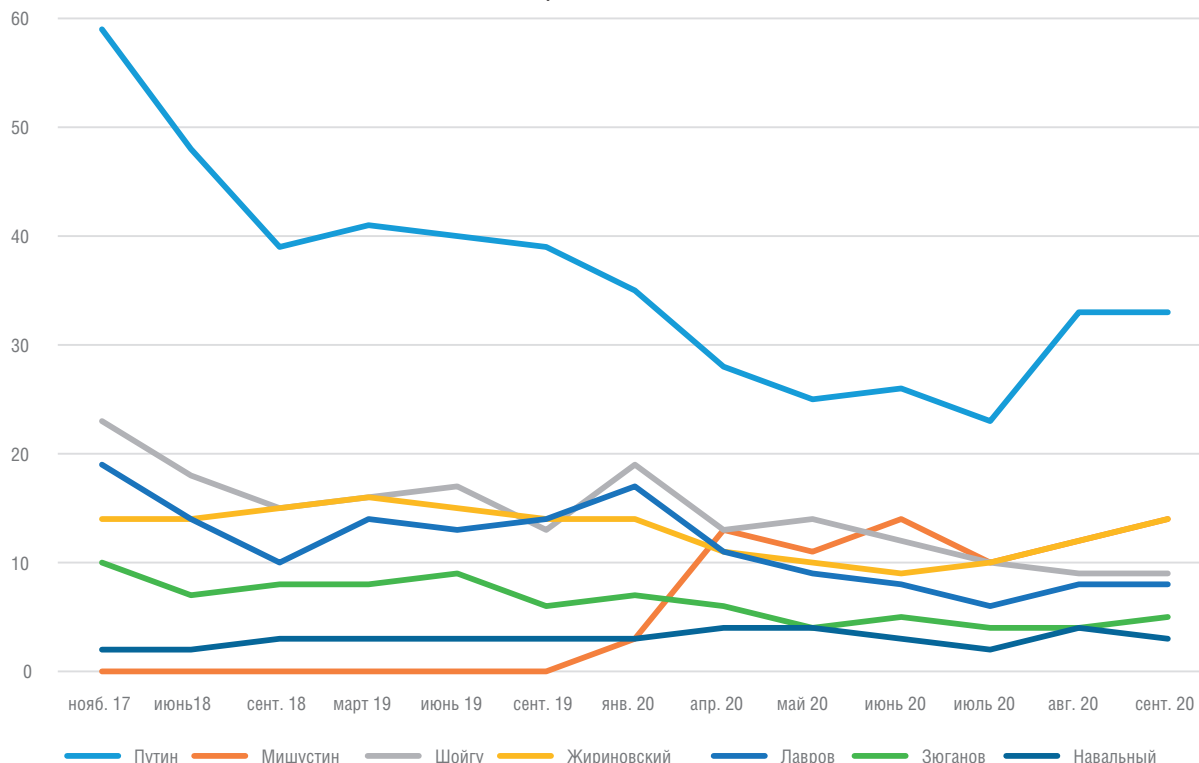
Качественные исследования того периода указывали на усиление отчуждения и дистанцирования от власти, от которой больше ничего не ждут и ничего не хотят требовать. Это

сопровождалось и усилением негативизма по отношению к политикам. В частности, по данным наших телефонных опросов, в период карантина усилились сомнения респондентов по поводу того, что федеральная власть и лично президент способны справиться с последствиями коронавируса.

По данным «Левада-центра», одобрение деятельности президента к лету 2020 г. упало до самого низкого уровня с момента первого избрания В. Путина на пост президента в 2000 г. (рис. 6), что сопоставимо с теми уровнями одобрения, которые были у В. Путина, когда он впервые стал премьером и еще только формировался как общенациональный политический лидер. Доверие снижалось и к большинству политиков, в том числе и к оппозиционным. Но в дальнейшем этот процесс замедлился, и к осени показатели доверия частично восстановились и стабилизировались. В то же время наш последний, октябрьский, опрос указывает, что дальнейшего роста интереса к политике во втором полугодии 2020 г. уже не наблюдалось, т.е. в целом он стабилизировался, хотя и на более высоком уровне, чем было характерно до 2019 г.

Рисунок 6

ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ (ОТВЕТЫ НА ВОПРОС: «НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5-6 ПОЛИТИКОВ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ»)

Источник: «Левада-центр».

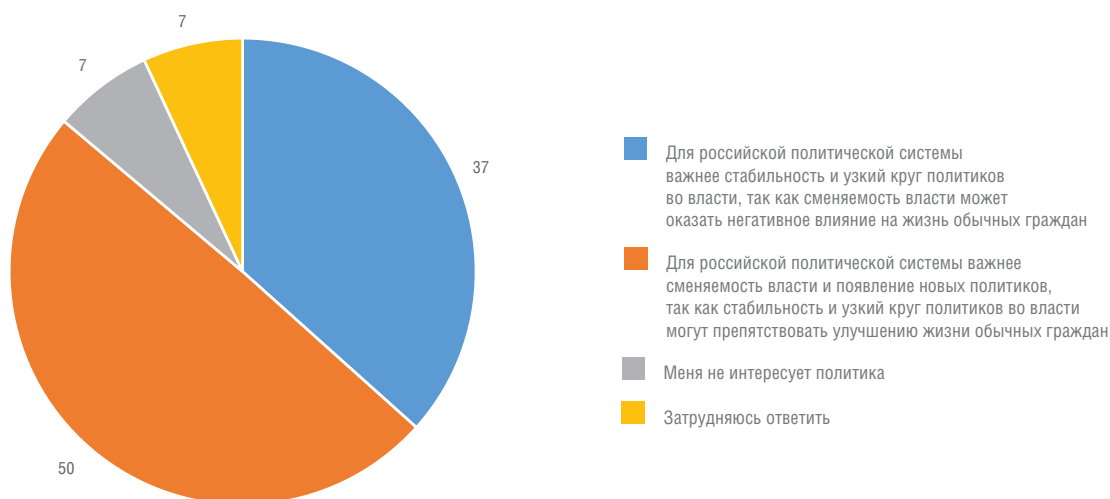
На это вплоть до середины 2020 г. вполне предсказуемо накладывалось и возросшее неприятие единоличной формы правления в сочетании с отсутствием надежды на сильного лидера (рис. 7).

Однако в нашем октябрьском количественном исследовании запрос на сильного лидера снова активизировался. При ответе на вопрос о том, что способно привести к изменениям в стране (рис. 8), наибольшее число голосов

(39%) получил вариант «Появление нового сильного лидера, за которым могут последовать люди». При этом второй по распространенности вариант («Наличие сильного желания и самоорганизация людей») получил в полтора с лишним раза меньше голосов (24%). Этот феномен в сочетании с преобладающими в обществе эмоциями раздражения и разочарования как действиями властей, так и бездействием населения может быть связан с тем, что общество

Рисунок 7

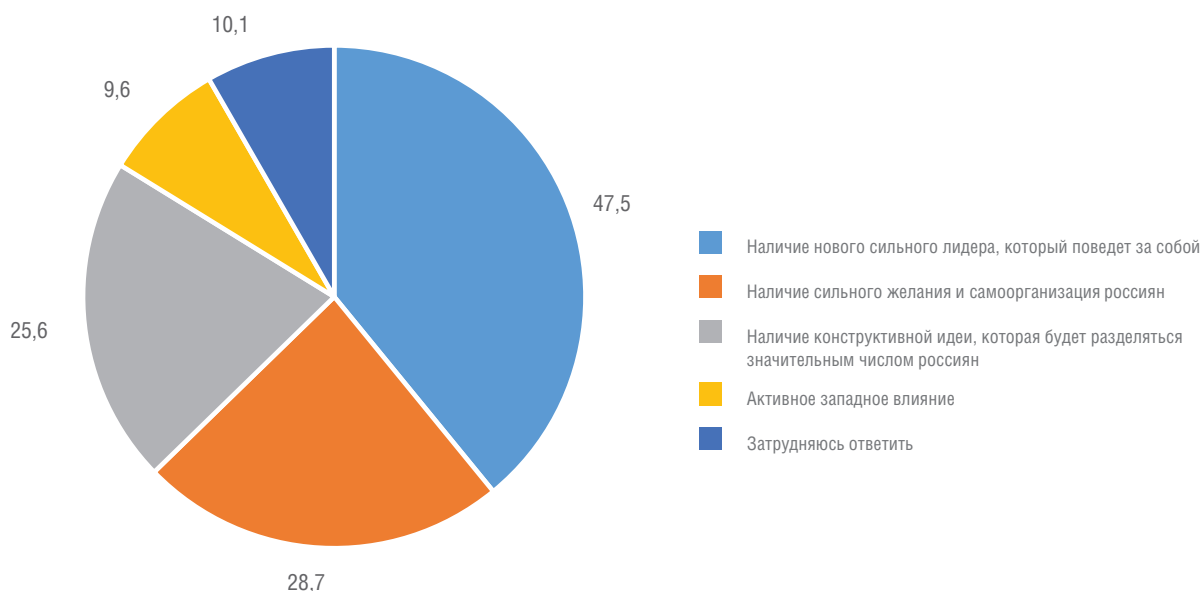
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ДВУХ УТВЕРЖДЕНИЙ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕМУ ЛИЧНОМУ МНЕНИЮ О ЖЕЛАЕМОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ?»

Источник: «Левада-центр».

Рисунок 8

ОТВЕТЫ НА ВОПРОС: «ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ИЗМЕНЕНИЯМ В СТРАНЕ?»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

нуждается в предъявлении некоторой новой идеи развития страны. Более того, ожидается, что эта идея будет представлена некоей фигурой, способной преподнести ее так, чтобы она нашла отклик среди разных социальных групп. Именно в отсутствие разделяемой большинством россиян указанной выше идеи сильное желание и самоорганизация россиян не представляются респондентам способом выхода из экзистенциального тупика, в котором общество не видит картины будущего страны.

Реверсивные ценностные изменения

Возвратная динамика наблюдалась и в отношении ценностных изменений. Во втором полугодии 2019 г. Группа Белановского провела в рамках проектов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ уже не только традиционные для нашей работы качественные исследования в рамках фокус-групп, но и полноценные количественные опросы, направленные на выяснение ценностных изменений в духе методологии Р. Инглхарта, использующей всемирное обследование ценностей². Полученные результаты показали, что происходят заметные ценностные подвижки. В частности, к началу пандемии население подошло с усилившимся запросом на правовое государство и правовую справедливость и с осознанием того, что современное российское государство не в состоянии

удовлетворить этот запрос на практике. Таким образом, усилению запроса на соблюдение политических прав добавился еще и ценностный разрыв между политическими элитами и населением, которого ранее не наблюдалось. Все это в совокупности с усилившимся внутренним локусом контроля и активизацией горизонтальных онлайн-взаимодействий сопровождалось усилением интереса к политике и стремлением своими действиями внести личный вклад в развитие страны.

Но результаты опроса в октябре 2020 г., как и по ряду других аспектов общественного мнения, свидетельствуют о заметном ослаблении этих тенденций и об откате предпочтений в направлении того состояния, которое сложилось до начала быстрых изменений общественного мнения в 2018 г. Последствия затяжной пандемии и нового экономического кризиса привели к новому витку усиления внимания к традиционным ценностям (патриотизм, верность традициям) и к ценностям выживания в противовес предшествующему росту постматериалистических запросов на самореализацию, развитие, усиление прав и свобод. Это хорошо видно из распределения ответов на вопрос: «Какая группа ценностей, на ваш взгляд, наиболее важна для современной России?» (рис. 9). Почти 2/3 респондентов выбрали патриотизм, верность традициям, сохранение духовного опыта / веры, а не гражданские права, терпимость к инакомыслящим, равенство возможностей.

Рисунок 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКАЯ ГРУППА ЦЕННОСТЕЙ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НАИБОЛЕЕ ВАЖНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

² Nikolskaya A., Dmitriev M. The End of the Crimean Consensus: How Sustainable Are the New Trends in Russian Public Opinion? Russian Politics 5 (2020). P. 354–374.

мость к инакомыслящим и равенство возможностей.

Об усилении повестки выживания и связанных с этим базовых материалистических ценностей свидетельствуют и ответы на вопрос: «Что сильнее всего беспокоит вас на сегодняшний день относительно ближайшего будущего страны?» (рис. 10). Среди ответов с большим отрывом лидировали: «Дальнейшее обнищание самых бедных слоев населения» и «Усиление коррупции во всех сферах», которые тесно ассоциируются с базовыми ценностями выживания, в то время как постматериалистические запросы (права и свободы, международная открытость, запрос на достижения) уступали по популярности в 2–3 раза. Это разительно контрастирует с распределением ответов на аналогичный вопрос в нашем исследовании 2019 г., когда проблемы обнищания отошли на второй план, а в качестве первоочередной проблемы подавляющее большинство респондентов указали вопросы политических прав и свобод.

Кластерный анализ на базе нашего количественного опроса в октябре 2020 г. позволил выделить три группы населения по их идеологическим предпочтениям: хранители статус-кво (сохранение существующего положения вещей под руководством В. Путина или назначенного им преемника) — 20%; псевдоаполитичные (демократическое устройство с сильной социальной поддержкой уязвимых слоев населения со стороны государства и высокими налога-

ми) — 38%; пассионарные (социалистическое устройство государства с национализацией всех предприятий и плановой экономикой либо демократическое устройство с минимальной социальной поддержкой уязвимых слоев населения со стороны государства и низкими налогами, когда социальная поддержка осуществляется частными фондами, религиозными организациями) — 42%. Это также указывает на то, что респонденты, которые в большей мере склонны поддерживать постматериалистические ценности (группа псевдоаполитичных), оказались в меньшинстве, и даже для них характерно весьма слабое представление, какие шаги должны быть предприняты страной (властью и гражданами), чтобы началось движение в сторону экономического развития, а не застоя и регресса.

Таким образом, в условиях острой фазы экономического кризиса мы наблюдаем признаки некоторого ценностного регресса, который выражается как в частичной реактивации ценностей выживания, так и в нарастании пассивности в противовес недавнему всплеску гражданского активизма. Это может указывать на то, что интенсивность ценностного конфликта между политической элитой и обществом, усилившегося к началу 2020 г., снова стала ослабевать, а напряженность между обществом и политической элитой перешла из ценностной в психоэмоциональную плоскость, что скорее было характерно для периода кризиса конца 1990-х гг.

Рисунок 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЧТО СИЛЬНЕЕ ВСЕГО БЕСПОКОИТ ВАС НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ОТНОСИТЕЛЬНО БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО СТРАНЫ? (ВЫБЕРИТЕ НЕ БОЛЕЕ ДВУХ ВАРИАНТОВ)»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

Склонность к протестам

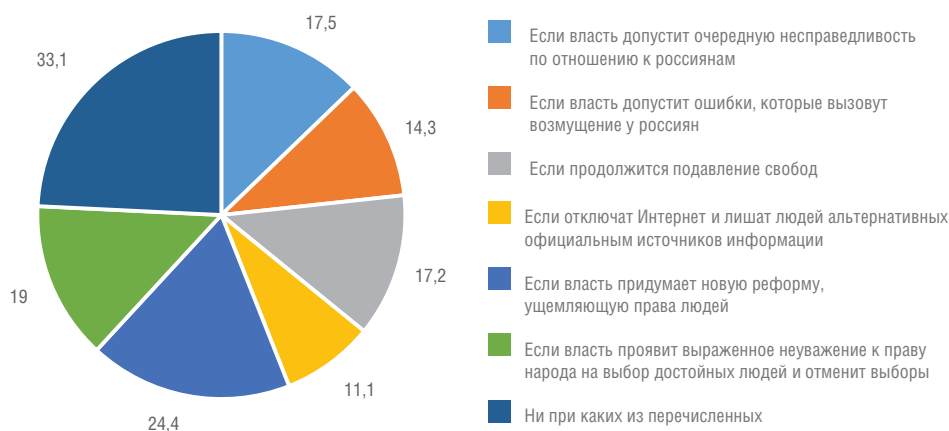
Заметное усиление недовольства властями и обострение эмоциональной агрессии в их адрес сопровождаются высокой декларативной склонностью к протестам (рис. 11). Только треть респондентов не готовы участвовать в протестах ни при каких обстоятельствах. Остальные две трети (что примерно соответствует доле респондентов, испытывающих возмущение различными действиями властей) отмечают те или иные потенциальные поводы, которые подтолкнули их к участию в акциях протеста. Сам перечень этих поводов заметно пересекается с перечнем тех действий властей, которые вызывают возмущение респондентов. Это ошибки властей, действия, несправедливые по отношению к гражданам, реформы, ущемляю-

щие интересы населения, подавление свобод и отключение Интернета, лишаящее людей альтернативной информации.

Но ответы на вопрос о причинах, почему люди все-таки массово не протестуют, заставляют предположить, что декларативная готовность протестовать отражает в основном психоэмоциональное напряжение, обострившееся под влиянием стресса, вызванного кризисом и пандемией. Реальная же готовность протестовать наталкивается на барьеры, которые сами респонденты определяют под влиянием не столько эмоциональных, сколько рациональных факторов (рис. 12). Две трети респондентов (опять примерно та же доля, которая испытывает возмущение различными действиями властей и декларирует готовность протестовать в ответ

Рисунок 11

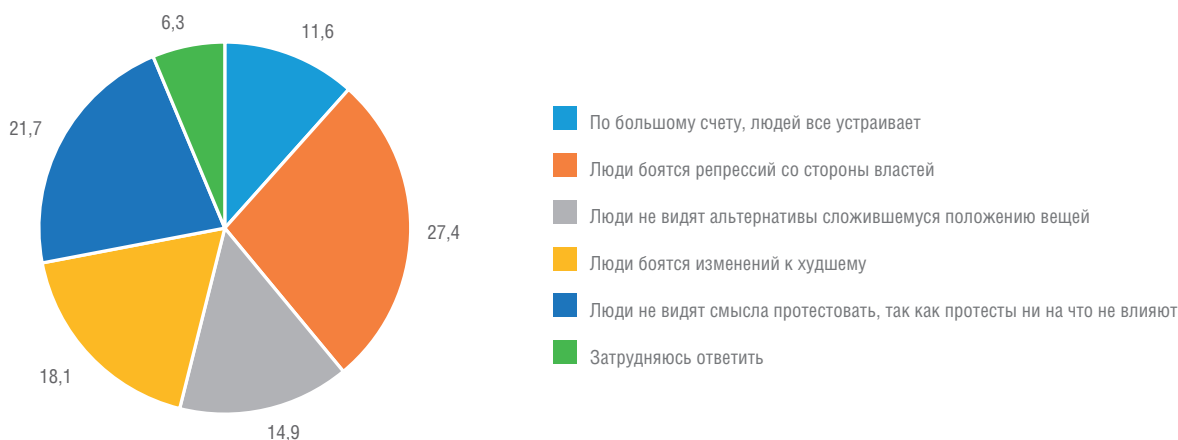
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЛИЧНО ВЫ БУДЕТЕ ПРОТЕСТОВАТЬ?»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

Рисунок 12

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЧЕМУ, НЕСМОТРЯ НА РОСТ НЕДОВОЛЬСТВА ПРОИСХОДЯЩИМ В СТРАНЕ, ЛЮДИ МАССОВО НЕ ПРОТЕСТУЮТ?»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

на эти действия) отмечают, что люди массово не протестуют по вполне рациональным причинам, хотя эмоциональные реакции — возмущение действиями властей — к протестам явно подталкивают. Рациональные причины отказа от протестов, которые указывают в совокупности 2/3 респондентов, сводятся к тому, что протесты ни на что не повлияют и даже изменят ситуацию к худшему либо сложившемуся положению вещей вообще нет реальной альтернативы, а возможно, часть людей все, по большому счету, устраивает, несмотря на обостренные эмоциональные реакции. Кроме того, более четверти респондентов указали, что опасения репрессий со стороны властей тоже являются барьером для участия в протестах.

Таким образом, рациональные мотивы, в отличие от эмоциональных, заставляют граждан занимать гораздо более пассивную позицию, поддерживая тем самым достаточно низкий уровень протестного активизма. Сочетание возросшего недовольства с относительно невысокой реальной готовностью протестовать характерно для острой фазы экономического кризиса, когда основные силы и внимание людей поглощаются непосредственно борьбой за выживание в ухудшившейся ситуации.

Примечательна в этом контексте ярко выраженная скептическая и дистанцированная реакция большинства респондентов на протесты в Беларуси (рис. 13). Большинство респондентов (53,9%) считают, что протесты в Беларуси никак не влияют на настрой россиян. Еще 20% отмечают, что эти протесты вызывают у них опасения и страх. И только 16,2% отметили, что

эти протесты дают надежду на возможность изменений (к лучшему).

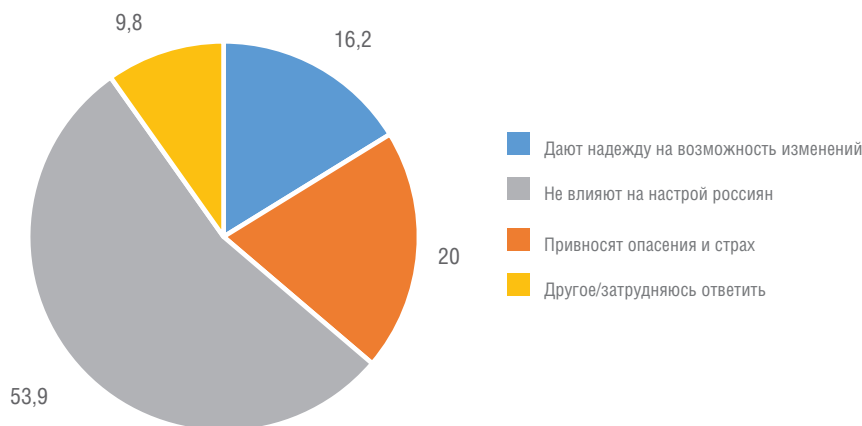
Несмотря на явную готовность декларировать высокую склонность к протестам, реальный протестный потенциал остается, по видимому, более умеренным. По сути, такое расхождение между эмоциональными и рациональными мотивами можно рассматривать как признак психологического выгорания россиян в тяжелых кризисных условиях, когда постепенно угасает вера в возможность изменений к лучшему и тем более готовность действовать ради этих улучшений (не только в форме протестов, но и путем личного участия в гражданских инициативах). Декларации готовности протестовать по разным поводам скорее служат способом психологической разрядки, чем демонстрацией реальных намерений.

Гражданская активность и запрос на изменения

Готовность проявлять гражданскую активность ради изменений к лучшему в стране резко возросла в 2018–2019 гг., но теперь, под гнетом нового кризиса и пандемии, несколько ослабевает. В значительной степени это объясняется тем, что, во-первых, несмотря на всплеск гражданской активности, люди все равно не могут добиться изменений (в частности, на примере протестов в Хабаровском крае), а во-вторых, необходимость адаптироваться к жизни в условиях пандемии вынуждает население тратить на это весьма существенный энергетический ресурс. Возможно, это говорит не столько о переключении внутреннего локуса контроля во внешний,

Рисунок 13

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, КАК ВЛИЯЮТ ПРОТЕСТЫ В БЕЛАРУСИ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ?»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

сколько о предпочтительности менее проактивных стратегий адаптации к неблагоприятным социально-экономическим условиям.

Феномен выгорания перекликается и с той трансформацией, которую претерпел в последнее время сам запрос на изменения. Мы неоднократно отмечали высокую интенсивность подобного запроса начиная с весны 2018 г., когда затянувшийся выход из экономического кризиса выраженно ослабил эффект крымского консенсуса. Усиливающееся разочарование в действиях властей также способствует распространению подобного запроса. Запрос на изменения по-прежнему остается весьма интенсивным: в октябре 2020 г., согласно опросу «Левада-центра», стремление к изменениям в той или иной мере разделяли 80% респондентов.

Но в октябре 2020 г. бремя обострившихся текущих проблем привело к заметному ослаблению интереса к долгосрочной повестке развития, который, наоборот, усиливался в 2018–2019 гг. Как было показано выше на рис. 12, широко распространилось неверие в возможность изменений к лучшему и опасения, что

изменения либо ни к чему не приведут, либо усугубят ситуацию. Это заставляет многих респондентов довольствоваться статус-кво, несмотря на декларируемый запрос на изменения.

Представления о долгосрочных перспективах в октябре 2020 г. обозначались главным образом «через зеркало заднего вида», т.е. потенциальная новизна будущего подменялась узнаваемыми стереотипами из советского или постсоветского прошлого. Ответы на вопрос о видении перспектив развития России сравнительно равномерно распределились между сохранением статус-кво под руководством В. Путина, социалистической моделью и демократической моделью с высокими налогами и сильной социальной поддержкой (рис. 14).

В рамках нашего последнего раунда фокус-групп мы не уделяли большого внимания выяснению предпочтений респондентов относительно долгосрочных перспектив страны. Но параллельно с нами такое исследование было проведено в Московском центре Карнеги³. Его результаты хорошо согласуются с нашими выводами. Это исследование основывалось на ма-

Рисунок 14

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКАЯ ИЗ ИДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ВАС ПРИВЛЕКАЕТ СИЛЬНЕЕ ВСЕГО?»

Омнибус «Левада-центра», октябрь 2020 г.

³ Волков Д., Колесников А., Левинсон А. Альтернативы для России: каким видят будущее страны сторонники и противники перемен // Московский центр Карнеги. 2020. 9 нояб.

териалах фокус-групп, проходивших практически в то же время, что и наши. В нем показано, что декларируемое респондентами восприятие будущего слабо перекликается с реальными альтернативами будущего развития России. Отношение респондентов к будущему формулируется по принципу «назад в будущее» и основывается на стереотипах, позаимствованных из прошлого, как правило, весьма далекого от современных реалий и тем более от возможных перспективных траекторий развития страны.

Это ретроспективное стереотипное восприятие будущего через «зеркало заднего вида» можно назвать «синдромом конца истории». Оно перекликается с характерным для традиционных обществ восприятием будущего как циклического повторения прошлого, не несущего ничего принципиально нового по сравнению с тем, что когда-то уже случалось. Это свидетельствует об ослаблении на фоне обостряющейся пандемии интереса к долгосрочной повестке развития и об утрате готовности всерьез обсуждать какие-либо принципиально новые возможности развития, открывающиеся в результате кризиса и выходящие за рамки инерционной траектории или прецедентов, позаимствованных из прошлого.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ указывает на существенную корректировку направления изменений общественного мнения осенью 2020 г. по сравнению с результатами предыдущих раундов исследований. Эта корректировка отчасти носит реверсивный характер и отражает последствия накопления стресса и усталости от кризиса и пандемии. На фоне усилившейся тревожности и агрессии в адрес властей наблюдаются признаки ослабления гражданского активизма, выгорания, усиления зависимости от государства и реактивации ценностей выживания в противовес постматериалистическим ценностям, роль которых росла в предыдущие два года.

Запрос на изменения в стране остается интенсивным, однако реализация изменений, в отличие от тенденций предыдущих двух лет, вновь начинает ассоциироваться не столько с активностью самих граждан, сколько с появлением сильного политического лидера, способного предложить привлекательную модель развития страны.

Политизация массового сознания остается высокой, но, во отличие от предыдущих

раундов исследований, не наблюдается ее дальнейшего быстрого роста. Под влиянием усилившегося стресса население испытывает разочарование и раздражение от действий властей, считая эти действия преднамеренными.

Запрос на изменения в стране остается интенсивным, но сталкивается с неверием в то, что изменения способны привести к лучшему. Реализация изменений, в отличие от тенденций предыдущих двух лет, вновь начинает ассоциироваться не столько с активностью самих граждан, сколько с появлением сильного политического лидера, способного объяснить, в каком направлении двигаться к прекрасной России будущего.

Отсутствие объединяющей идеологии в сочетании с выраженным дефицитом представлений о будущем страны ведет к восстановлению влияния официальных СМИ не только среди старших возрастных групп, но отчасти и среди людей среднего возраста, в то время как предыдущие три года их влияние неуклонно ослабевало. У многих потребителей новостного контента федеральных СМИ сложилось стойкое убеждение, что протесты в Беларуси оплачены Западом с целью либо присоединить ее, либо ухудшить международное положение России. Что же касается протестов в Хабаровске, то они, по мнению многих респондентов, также оплачены Западом с целью развалить Россию. Учитывая, что для почти 2/3 опрошенных ценности патриотизма преобладают над постматериалистическими, такое освещение событий официальными СМИ является весьма действенным.

Декларируемый протестный потенциал в обществе весьма высок: во всех фокус-группах, за исключением московских пенсионеров, протестная готовность выше среднего. Но он подстегивается в основном психоэмоциональными факторами на фоне растущего стресса от затянувшегося кризиса и пандемии. Реальная готовность протестовать, судя по данным нашего опроса, скорее всего значительно ниже, чем декларируемая. Она сдерживается рациональными соображениями — неверием в возможность изменений к лучшему и опасениями возможных репрессивных мер к участникам протестов.

Таким образом, несмотря на декларируемое высокой склонности к протестам, реальный протестный потенциал остается, по видимому, более умеренным. По сути, такое расхождение между эмоциональными и рациональными мотивами можно рассматривать как признак психологического выгорания россиян

в тяжелых кризисных условиях, когда постепенно угасает вера в возможность изменений к лучшему и тем более готовность действовать ради этих улучшений (не только в форме протестов, но и путем личного участия в гражданских инициативах).

Основными проблемами России большинство опрошенных считают обнищание населения и усиление коррупции во всех сферах жизни, которые тесно ассоциируются с базовыми ценностями выживания, в то время как постматериалистические запросы (права и свободы, международная открытость, запрос на достижения) уступают первой группе по популярности в 2–3 раза.

При этом понятные требования население не артикулирует. Хорошей программы тоже нет, потому что люди не в состоянии четко сформулировать ни свои пожелания, ни способы достижения целей. Представления о долгосрочных перспективах в октябре 2020 г. обозначались главным образом «через зеркало заднего вида», т.е. потенциальная новизна будущего вытеснялась привычными стереотипами из советского или постсоветского прошлого. Ответы на вопрос о видении перспектив развития России сравнительно равномерно распределились между сохранением статус-кво под руководством В. Путина, социалистической моделью, демократической моделью с высокими налогами и сильной социальной поддержкой.

Отношение респондентов к будущему формулируется по принципу «назад в будущее» и основывается на стереотипах из прошлого, как правило, весьма далекого от современных реалий и возможных перспективных траекторий

развития страны. Это ретроспективное и стереотипное восприятие будущего можно назвать «синдромом конца истории». Оно отражает традиционалистское восприятие будущего как циклического повторения прошлого, не несущего ничего принципиально нового по сравнению с тем, что когда-то уже случилось. Оно также свидетельствует об ослаблении на фоне обостряющейся пандемии интереса к долгосрочной повестке развития и об отсутствии готовности всерьез обсуждать какие-либо принципиально новые возможности развития, выходящие за рамки инерционной траектории или прецедентов, позаимствованных из прошлого.

Наблюдаемые изменения не являются полностью неожиданными. Еще осенью 2018 г. мы сделали прогноз, согласно которому в случае очередного экономического кризиса можно ожидать реверсивного ослабления постматериалистических ценностей в пользу приоритетов выживания и базовых материальных запросов. Этот прогноз начинает сбываться, что указывает на переходный характер постматериалистических ценностных ориентаций, которые у части населения остаются слишком непрочными, чтобы выдержать испытание тяжелым экономическим кризисом.

Но это говорит и том, что наблюдаемое ослабление постматериалистических ценностей может оказаться сравнительно кратковременным явлением, проявляющимся преимущественно в острой фазе экономического кризиса. Если этот вывод справедлив, то вскоре после пандемии, по мере восстановления уровня жизни населения, постматериалистические ценности снова начнут усиливать свое влияние.

Сергей НИКОЛЮК

В поисках разгонного блока белорусской революции

Моя предыдущая статья была написана до начала голосования на так называемых президентских выборах в Беларуси¹. Она заканчивалась следующим абзацем: «Не приходится сомневаться, что запланированный в администрации президента результат голосования и на этот раз будет достигнут. Но, в отличие от предыдущих “элегантных побед”, нынешняя не станет проходной. Она не добавит бенефициару легитимности, но сократит ее».

Прогноз подтвердился. Пятикратный победитель предыдущих электоральных кампаний стал шестикратным победителем. Уровень его официальной поддержки не вышел за пределы, установленные Центральной избирательной комиссией, победителем же и назначенной: 2020 г. — 80,10%, 2015 г. — 83,47%, 2010 г. — 79,65%, 2006 г. — 82,96%, 2001 г. — 75,65%, 1994 г. — 44,82% в первом туре и 80,34% во втором.

Если исключить результат первых президентских выборов, то среднее значение электоральной поддержки составит 80,4%, что укладывается в диапазон от 70 до 98%, характерный для постсоветских электоральных султанатов (Д. Орешкин). Тем не менее следует подчеркнуть, что в отличие от регионов «четвертой России» (Н. Зубаревич), Азербайджана в Закавказье и республик Средней Азии в Беларуси имеется достаточно развитая инфраструктура оппозиции и независимых СМИ. Подобно знаменитому чеховскому ружью ей суждено было выстрелить, и она выстрелила.

К 100 дням народного сопротивления белорусские правозащитники опубликовали следующую статистику: 26 тысяч задержанных, 24 тысячи административных протоколов (штрафы или аресты), 4 тысячи заявлений о насилии силовиков, 0,9 тысячи уголовных дел².

Первой жертвой силовиков, чья смерть была официально подтверждена, стал минчанин Александр Тарайковский. На 21 ноября число погибших при различных обстоятельствах во время протестов составило 4 человека.

Поротое непоротое поколение

Роль непоротого поколения в революции впервые отметил пушкинист Натан Эйдельман в книге «Твой восемнадцатый век» (1991): «Прямо из старинных, жестоких времен не могли бы явиться люди с тем личным достоинством и честью, что мы привыкли видеть у Пушкина, у декабристов... Для того, чтобы появились такие люди, понадобится, по меньшей мере, два “непоротых поколения”... начиная с 1762 года»³.

В XXI веке в силу понятных причин сократились сроки не только полового, но и гражданского созревания. Для появления на постсоветском пространстве критической массы людей с «личным достоинством и честью» хватило одного поколения, что и подтвердила «Революция достоинства» на Украине (2013–2014).

Однако, как свидетельствует история, для перехода непоротого поколения из состояния политической апатии в состояние политического возбуждения непоротых следует выпороть. В 1899 г. власти так и поступили со студентами Императорского Санкт-Петербургского университета, по традиции шумно отмечавшими Татьянин день.

Цитирую по книге американского историка Ричарда Пайпса «Русская революция»: «Если попытаться установить события, не просто предвосхищавшие 1917 год, но и прямо приведшие к нему, то наш выбор должен пасть на студенческие волнения, прокатившиеся по российским университетам в феврале 1899 года. Хотя эти возмущения были быстро усмирены обычным сочетанием уступок и репрессий, они положили начало движению про-

¹ Николук С. Беларусь накануне переназначения шестого срока Лукашенко. URL: <https://www.levada.ru/2020/08/11/novyy-nomer-vestnika-obshchestvennogo-mneniya-3/>

² 100 дней народного сопротивления. Только цифры. URL: <https://belaruspartisan.by/politic/518092/>

³ Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. Гл. IV. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/NYE/CENTURY/CHAPT04.HTM#1>

теста против самодержавия, не стихавшему уже вплоть до революционных событий 1905–1906 годов»¹.

Из отчисленных в 1899 г. студентов вышли профессиональные революционеры, смыслом жизни которых стала борьба с режимом. Ограничусь двумя именами: руководитель Боевой организации эсеров Борис Савинков и убийца великого князя Сергея Александровича Иван Каляев.

По аналогичному сценарию развивался и украинский Евромайдан образца 2013–2014 гг. Поводом для его начала послужила приостановка правительством Украины процесса подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. Но резко антипрезидентский и антиправительственный характер протест принял в ночь с 29 на 30 ноября после жесткого разгона бойцами «Беркута» группы студентов (по версии журналистов), провокаторов (по версии властей).

С протестов по поводу фальсификаций результатов президентских выборов начинались и все предыдущие «Площади» в Беларуси. Для разгона протестующих властям порой хватало «семь с половиной минут» (А. Лукашенко). Разгоны, как правило, сопровождались массовыми хапунами, но кровь при этом не проливалась и избиения, если и имели место, массового характера не принимали.

Уровень жестокости, продемонстрированный силовиками 9–11 августа этого года, разделил историю постсоветской Беларуси на «до того» и «после того». Согласно опросу, проведенному в рамках проекта Mobilize Королевским институтом международных отношений (Великобритания) с августа 2018 г. по август 2020 г., 98% демонстрантов вышли на улицы в ответ на насилие и политические репрессии. Второй по популярности вариант — против Лукашенко. Третий — фальсификация выборов. Четвертый — слабое состояние экономики страны. Пятый — необходимость защиты демократии. На шестом месте — провальная политика государства во время коронавируса².

Своими комментариями («мне огромных усилий стоило, чтобы удержать ребят от жесто-

кого ответа», «попы красили синей краской» и т.п.) глава государства исключил возможность объяснить произошедшее «перегибами на местах». Поэтому лишь у немногих могут возникнуть сомнения по поводу авторства инициативы красить задержанным попы синей краской, используя при этом резиновые дубинки в качестве кисточек.

Вопрос, ведало ли государство, что творило, или нет, после 100 дней противостояния потерял свою актуальность. Резиновые дубинки вывели непоротое поколение из зоны комфорта, формированию которой способствовал устойчивый рост доходов городского населения за последние четыре года. Потребность же нахождения в зоне комфорта является одной из базовых для человека. Не случайно историк Александр Ахиезер объяснял цикличность российской истории периодическим формированием массового дискомфорта в расколотом обществе³.

Длительное нахождение в зоне комфорта, при всех очевидных плюсах, порождает застой как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Застой — это стабильность без развития. Но потеря стабильности после 9 августа создала невиданные ранее возможности для приобретения белорусами навыков совместных действий. Перегородки между личными мирками разрушились, и ареал обитания «наших» вышел за пределы отдельных квартир и лестничных площадок. И не важно, чем в ближайшее время закончится прямое противостояние общества и государства. Правы те, кто считает, что белорусы уже никогда не будут таким, каким они были до начала массовых протестов.

Рост навыков совместных действий происходит одновременно с падением доверия к государственным институтам. Измерить динамику доверия стандартными методами в Беларуси не представляется возможным. Государство об этом позаботилось. Примером такой заботы может служить размещенный в сентябре на сайте Института социологии Национальной академии наук РБ 11-й выпуск ежегодного журнала «Социологический альманах». В журнале объемом 364 страницы содержится 36 статей. Однако слово «выборы» и его производные использовались авторами в электоральном смысле лишь один раз, причем в статье, посвященной

³ Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-nekotorye-problemy-sotsiokulturnoy-dinamiki>

¹ Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/pajps-richard/russkaya-revoluciya-kniga-1-agoniya-starogo-rezhima-19051917/4>

² Mobilize: 98% демонстрантов вышли на протесты в Беларуси в ответ на насилие. URL: <https://thinktanks.by/publication/2020/09/22/mobilize-98-protentov-demonstrantov-vyshli-na-protesty-v-belarusi-v-otvet-na-nasilie.html>

истории предсказаний «результатов президентских выборов в США»¹.

В Беларуси любое проявление работниками бюджетных организаций нелояльности несовместимо с получением доходов из рук государства. Сотрудники академических институтов исключением не являются. Поэтому после публикации в июне 2020 г. Институтом социологии мартовского рейтинга доверия Лукашенко (24%) директору института Геннадию Коршуну пришлось уволиться.

После участия сотрудников Республиканского научно-практического центра «Кардиология» в акциях протеста против насилия был уволен директор центра, академик Александр Мрочек. За требование коллектива Национального академического театра им. Я. Купалы остановить насилие над мирными гражданами и провести пересчет голосов с участием независимых наблюдателей такая же участь постигла директора театра Павла Латушко. 19 ноября глава государства удостоил экс-директора Купаловского следующей характеристики: «Пришел один негодяй, просился туда, клялся, что будет верным стране, отечеству и президенту»². Список уволенных после 9 августа статусных работников бюджетных организаций легко можно продолжить.

Об изменении уровня доверия к государству свидетельствует динамика продажи/покупки населением валюты. За 2019 г. белорусы на чистой основе продали почти в 2 раза меньше валюты по сравнению с 2018 г.: 0,6 млрд vs. 1,1 млрд долларов. В 2020 г. сальдо продажи/покупки валюты изменило свой знак, и по итогам января — октября чистая покупка валюты населением составила 1,64 млрд долларов (17% валютных сбережений населения).

Набегам белорусов на обменники способствовал и негативный международный контекст. В частности, 2 сентября в Нью-

Йорке Международное рейтинговое агентство Standard and Poor's (S&P) изменило прогноз долгосрочного суверенного кредитного рейтинга Беларуси со стабильного на негативный. Европа не осталась в долгу. 19 ноября верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель пообещал, что Евросоюз не переведет ни одного евро режиму Лукашенко, а все деньги будут передаваться в страну через неправительственные организации. Последствия этого заявления для валютных резервов Национального банка РБ проявятся в ближайшие месяцы.

О низком уровне доверия государству свидетельствует и опрос, проведенный маркетинговой компанией SATIO в апреле, согласно которому почти три четверти респондентов (71%) считали, что реальное количество смертей в Беларуси гораздо большее, чем об этом сообщало Министерство здравоохранения³.

«Колебательный контур»

Реакции белорусского общества на фальсификацию результатов президентских выборов государственная пропаганда присвоила статус «цветной революции», что и отразилось на динамике статей, содержащих фразеологизм «цветная революция» в самой многотиражной государственной газете «СБ. Беларусь сегодня» (табл. 1).

Этот статус противоречит многочисленным заявлениям Лукашенко по поводу исчерпания лимита революций в Беларуси. Однако нет хуже без добра. У государственных идеологов, безуспешно пытавшихся на протяжении 17 лет⁴ предложить в качестве национальной идеи хоть что-то, превосходящее по оригинальности патриотизм, появился шанс. Подобно тому, как отдельные недостатки советского строя коммунисты объясняли «пережитками прошлого», для объяснения непрекращающейся массовой

Таблица 1

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА СТАТЕЙ В ГАЗЕТЕ «СБ. БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ», СОДЕРЖАЩИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (шт.)*

05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20*
12	2	3	2	—	3	—	1	1	3	2	44	31	18	22	246

*На 01.12.2020.

¹ Терещенко О.В., Терещенко М.С. Измерения аудитории СМИ: история становления // Социологический альманах. Вып. 11. С. 163.

² Президент Беларуси Александр Лукашенко 19 ноября рассмотрел кадровые вопросы. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rassmotrenie-kadrovyykh-voprosov-24915/

³ «Белорусское общество в ситуации эпидемии COVID-19: реакция на кризис». URL: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2020/10/24/belaruskoe-obschestvo-v-situatsii-epidemii-covid-19-reaktsiya.html>

⁴ Отчет ведется с так называемого «Идеологического совещания», прошедшего в марте 2003 г.

протестной активности штатные идеологи призывали «западных кукловодов».

Им на помощь пришла академическая наука, не первый год пытающаяся перенести принцип симфонии, положенный еще императором Византии Юстинианом I (527–565) в основу отношений светской и духовной власти. Разумеется, без соответствующих корректировок не обошлось, что выразилось в замене духовной власти гражданским обществом.

Наиболее последовательным сторонником обновленного принципа симфонии в Беларуси выступает экс-директор Института социологии Игорь Котляров. Он противопоставляет симфонии якобы набирающий в современном мире популярность принцип «государство против гражданского общества».

Ограничусь двумя цитатами: «Наиболее ярким примером реализации модели “государство против гражданского общества” явилась война государства САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты) против коренных жителей Северной Америки — индейцев, их племен, поселений и национальных структур — **типичных представителей основ гражданского общества** (выделено авт. — С.Н.)».

«Следует особо подчеркнуть, что модель “гражданское общество против государства” была положена в основу технологий так называемых цветных революций. Вспомним Варшаву, Прагу, Киев, Тбилиси, Белград, Бишкек, Кишинев. В революциях грузинских роз и киргизской тюльпанов, в украинских оранжевой и достоинства, череде арабских революций чувствовалась опытная и сильная рука кукловода, просматривался единый сценарий, использовались одни и те же хорошо отработанные технологии. Все было сделано по одним и тем же лекалам»¹.

Статьи, содержащие слово «кукловод», с 1 января по 1 декабря 2020 г. публиковались в газете «СБ. Беларусь сегодня» 53 раза, а за весь

2019-й — лишь 3 раза. Свою энергию кукловоды направили на формирования фейков в Интернете, что не осталось незамеченным журналистами государственных СМИ (табл. 2).

Признавая эффективность деятельности кукловодов, корректирующих «из-за бугра» протестные акции в Беларуси, идеологическая вертикаль не отдает себе отчет, что тем самым она расписывается в собственном бессилии. Однако альтернативой официальному объяснению массовых протестов может выступать лишь признание фальсификациями результатов выборов. Решиться на такое для белорусских властей смерти подобно. Поэтому не стоит пытаться отыскивать рациональные зерна в информационном шуме, который в ежедневном режиме производит государственная пропаганда. Достаточно лишь указать, что, согласно информации, размещенной на сайте Центральной избирательной комиссии, в состав участковых избирательных комиссий было включено шесть представителей оппозиционных политических партий, или 0,009% от их общей численности (63 347 человек)².

Такой избирательности у председателя ЦИК Лидии Ермошиной, занимающей свой пост с 1996 г., нашлось убедительное объяснение: «К сожалению, так сложилось, что у нас в оппозицию идут зачастую люди озлобленные, неудовлетворенные. И когда они приходят в тот или иной коллектив, то они создают очень тяжелую, нервную обстановку. Это и ведет, собственно говоря, к отказу во включение тех или иных людей»³.

Столь вольное обращение с биполярной смысловой конструкцией «правда — ложь» не должно подрывать найденную «от жизни» национальную идею. Согласно советскому философу Мерабу Мамардашвили, «...идеология вообще лежит вне плоскости вопроса об истине и лжи»⁴. Главное, чтобы представления, объединяющие граждан в общество, были эффективными.

Таблица 2

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА СТАТЕЙ В ГАЗЕТЕ «СБ. БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ», СОДЕРЖАЩИХ СЛОВО «ФЕЙК» (шт.)*

2015	2016	2017	2018	2019	2020*
4	11	43	78	116	331

*На 01.12.2020.

¹ Котляров И. Государство vs. Гражданское общество: традиции и реальность (социологический дискурс) // Социологический альманах. 2015. Вып. 7. С. 19 и 20.

² Сведения о составе участковых избирательных комиссий. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/2020/stat14.pdf>

³ Времена меняются // «СБ. Беларусь сегодня». 2020. 4 июня. URL: <https://yandex.by/turbo/sb.by/s/articles/vremena-menyayutsya3453.html>

⁴ Ермошина Л. «В оппозицию идут те, у кого жизнь не сложилась». URL: <https://sputnik.by/politics/20160729/1024541402.html>

Однако в расколотом обществе то, что принимается одной его частью, категорически не принимается другой. «Для раскола, — пояснял Александр Ахиезер, — характерен заколдованный круг, т.е. активизация позитивных ценностей в одной из двух частей расколотого общества, что приводит в действие силы другой части общества, отрицающие эти ценности. Активизация ценностей прогресса и развития, стремления идти по пути модернизации может активизировать статичные традиционалистские ценности определенной части народа. Вместе с тем активизация ценностей традиционализма толкает часть общества к просветительским ценностям, к борьбе за прогресс»¹.

Этот «колебательный контур» Республика Беларусь получила в наследство от СССР, а тот, в свою очередь, от Российской империи. На гребне перестроечной волны в начале 90-х оказались сторонники европейского выбора и демократии. Они, кстати, и обеспечили победу Бориса Ельцина на президентских выборах в 1991 г. Но в 1994 г. в условиях экономического хаоса, наступление которого массовое сознание связало с политикой «дерьмократов», в Беларуси пришло время Александра Лукашенко.

Третье поколение горожан

Наличие противоречия между культурой, под которой будем понимать набор поведенческих программ, и социальными отношениями способно обострить раскол до такой степени, что для возврата общества из состояния политического возбуждения в привычное ему состояние политической апатии требуется революция.

Согласно опросу ВЦИОМа, проведенному до распада СССР в марте 1991 г., при ответе на вопрос: «Кем вы себя считаете в первую очередь: гражданином СССР или гражданином республики, в которой живете?» — 69% белорусов назвали себя гражданами СССР, а 24% — гражданами БССР². Абсолютный рекорд, если учесть, что даже среди русских, проживающих в других республиках, доля «советского человека» оказалась ниже — 66% (22%). Для сравнения: среди эстонцев данное соотношение оказалось принципиально иным — 3% к 97%!

¹ Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-nekotorye-problemy-sotsiokulturnoy-dinamiki>

² Гудков Л. Негативная идентичность // Новое литературное обозрение — «ВЦИОМ-А». М., 2004. С. 142.

Согласно Юрию Леваде, основными чертами советского человека являются принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия и имперский синдром³. В так называемые застойные годы перечисленным культурным чертам соответствовали социальные отношения. Это соответствие (симфония в терминологии Юстиниана I) и поддерживало стабильность на протяжении всей эпохи «дорогого Леонида Ильича Брежнева».

Инновации Горбачева за считанные годы до неузнаваемости изменили привычную социальную среду советского человека: альтернативные мнения в СМИ и демонтаж железного занавеса разрушили индивидуальные коконы самоизоляции; государство, прекратившее регулярно выплачивать пенсии и зарплаты, большинством населения перестало восприниматься как свое; рассыпались привычные партийные, советские и производственные иерархии, в результате тот, кто еще вчера был всем, неожиданно стал никем, и наоборот. Великая держава, первая запустившая в космос искусственный спутник и человека, пошла по миру с протянутой рукой.

Социальная среда изменилась, но человек остался прежним, советским. Получив впервые в своей жизни возможность выбирать, он двумя руками проголосовал за кандидатов, обещавших восстановить привычную советскую социальность. Таких кандидатов в 1994 г. в Беларуси было четверо: экс-директор совхоза, народный депутат Александр Лукашенко, премьер-министр Вячеслав Кебич, председатель колхоза Александр Дубко и секретарь ЦК Коммунистической партии Беларуси Василий Новиков. На четверых они собрали 72% голосов от числа проголосовавших, или 57% от списочной численности избирателей. Суммарные показатели их политических противников, выступавших за европейский курс развития (лидер Белорусского народного фронта Зенон Позняк и экс-председатель Верховного Совета Беларуси Станислав Шушкевич), составили 23 и 18% соответственно. Несложно заметить, что результат получился близким к «предсказанному» ВЦИОМом.

Александр Лукашенко, таким образом, — это белорусский ответ на социокультурный кризис, в котором социальные отношения в своем развитии стремительно обогнали куль-

³ Гудков Л. Социология Юрия Левады. URL: <https://polit.ru/article/2007/09/13/gudkov/>

туру. Белорусская стабильность, остававшаяся национальным брендом на протяжении почти четверти века, свидетельствует о том, что этот ответ устраивал большинство белорусов.

Развитие культуры и социальности подчиняются различным законам. При отсутствии жесткого регулирования оба базовых проявления человеческой деятельности развиваются естественным путем, что позволяет им притираться друг к другу. Однако в условиях неравномерного развития, характерного для Нового времени, элиты стран третьего мира периодически охватывало желание «догнать и перегнать», что открывало дорогу экспериментам с социальностью. При этом вклад культуры в отставание, как правило, не осознался. Соответственно, и развитию культуры должного внимания не уделялось.

В результате величина допустимых социальных новшеств (шаг новизны в терминологии А. Ахиезера) начинал превышать адаптационные способности культуры, что порождало массовое чувство дискомфорта. Последствия, к которым способно привести превышение шага новизны, можно наблюдать на примере Октябрьской революции, спровоцированной столыпинскими реформами.

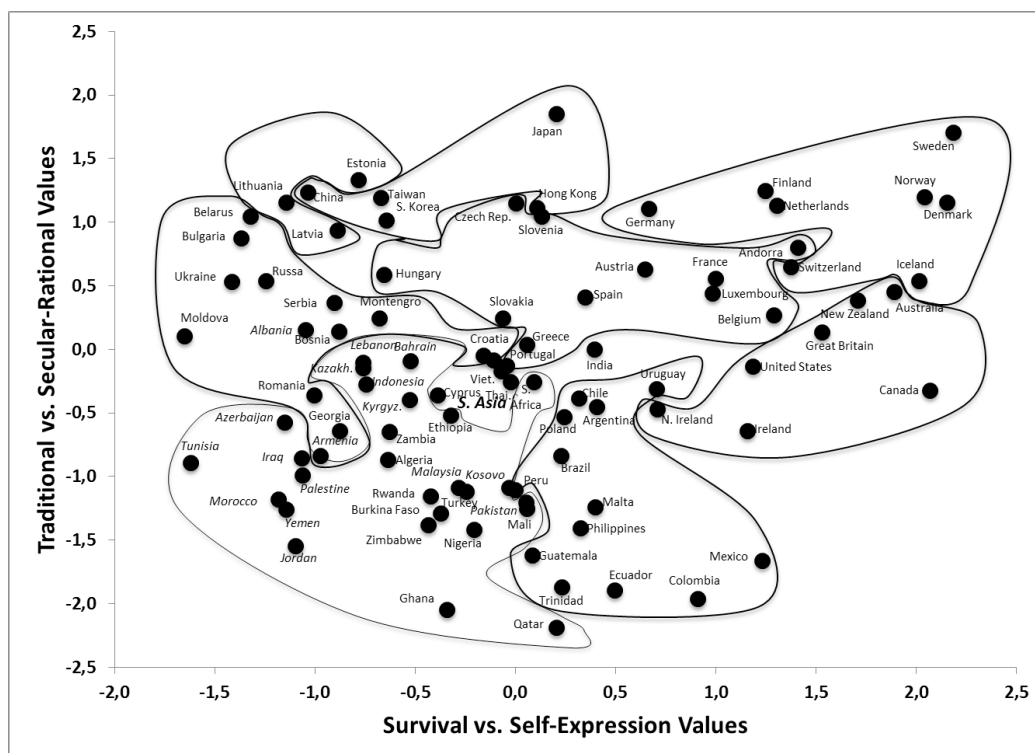
«Столыпин, — по мнению историков Юрия Пивоварова и Андрея Фурсова, — хотел спасти самодержавие и избежать революции. Вышло с точностью до наоборот, а Гражданская война полыхала “от темна до темна” наиболее жестоко именно там, где преуспели столыпинские реформы, — на Юге и в Поволжье»¹.

Если кризис начала 90-х был спровоцирован достижением допустимого значения шага новизны за счет неспособности культуры оперативно адаптироваться к социальным инновациям, то в настоящее время мы наблюдаем обратную картину. Культура, подобно черепахе из африканской пословицы, несмотря на то, что ползла медленно, за четверть века доползла до вершины баобаба.

Произошла своеобразная рокировка. Она была ожидаемой. В стране, в которой дискредитировавшая себя в прошлом модель социальности была объявлена образцом для построения настоящего и будущего, сменилось поколение.

В 1975 г. доля городского населения в Беларуси превысила долю сельского. 45 лет — достаточный срок, чтобы о себе заявило третье поколение горожан, что и подтвердили результаты исследования, проведенного в 2018 г. в рамках проекта World Values Survey.

КУЛЬТУРНАЯ КАРТА МИРА В 2015 Г.

¹ Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы. URL: <https://lektsii.org/3-43026.html>

С 1990 по 2008 г. показатели Беларуси на карте ценностей по горизонтальной оси «ценности выживания/самовыражения» практически не менялись (–0,7498 и –0,7027 соответственно)¹ и уступали большинству африканских стран. На постсоветском пространстве такие значения являлись скорее правилом, чем исключением.

Результат последнего измерения составил –0,3203, что может свидетельствовать о заметной роли в обществе третьего массового городского поколения, для которого характерны критическое отношение к власти и способность создавать «сетевые» организации.

Смена поколений способствовала и развитию ИТ-сектора белорусской экономики. В 2019 г. экспорт Парка высоких технологий составил 2,2 млрд долларов (+0,8 млрд к 2018 г.). Парк практически на 100% обеспечил рост экспорта услуг по стране. Однако после 9 августа говорить о пролонгации успехов ИТ-сектора сложно. Согласно опросу, проведенному dev.by, 59% белорусских ИТ-специалистов участвовали в протестных акциях, а 49% помогают финансово пострадавшим за взгляды².

В условиях «жидкой современности» (З. Бауман), когда скорость перемещения в пространстве становится важным фактором социальной стратификации, после 9 августа начался исход специалистов из Беларуси. По информации на 6 октября на Украину с начала протестов переехало более 1200 ИТ-специалистов, в Польшу — около 800³.

Перспектива социальной повестки

Революции XX в., затронувшие и территорию современной Беларуси, запускали «колебательный контур». Поэтому, начинаясь как буржуазные, они заканчивались как бунты аристократии. Но за три последних десятилетия структура занятости населения существенно изменилась. В частности, доля работников сферы услуг практически удвоилась и составила по итогам 2019 г. 61,2%.

Достаточно ли этой доли для блокировки сил, выступающих за сохранение статус-кво? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя.

Тем не менее нынешнее противостояние модернизированной части общества и государства, скорее всего, закончится победой государства, так как одного из обязательных условий для победы революции (раскола элит) не наблюдается. Практически всем представителям властной «вертикали» и их службе сегодня есть что терять. Этим современная ситуация отличается от перестроечной.

Белорусский протест, несмотря на его массовость и беспрецедентную продолжительность, не направлен непосредственно на смену власти. Ни в масштабах страны, ни на локальном уровне не возникает ситуаций, которые можно было бы трактовать как двоевластие. Из этого, однако, не следует, что усилия протестующих были напрасными. Белорусское общество уже никогда не будет прежним. Наработанный опыт совместных действий — это главный итог белорусской революции, точнее, его начального этапа.

По мнению российского политолога Владимира Пастухова, движение за общедемократические ценности не может самостоятельно прийти к победе. «Оно должно быть привязано к чему-то большему, хотя нам кажется, что больше этого ничего быть не может»⁴. В качестве «большего» могут выступать либо национальная повестка, либо социальная, либо религиозная, либо их комбинация.

Успех прибалтийских республик, по Пастухову, как раз и объясняется тем, что стремление в Европу совпало с национально-освободительным движением (освобождением от советской оккупации). Ничего подобного в начале 90-х в самой советской республике СССР не наблюдалось.

Рассчитывать на то, что религия подставит плечо сторонникам демократических ценностей в стране, в которой доля воцерковленных не превышает нескольких процентов, не приходится. У национальной повестки определенный шанс в этом смысле имеется. Многое будет зависеть от позиции России. Поддержка Лукашенко Кремлем отражается на пророссийских настроениях, что и подтвердило ноябрьское исследование Белорусской аналитической мастерской (БАМ) Андрея Вардомацкого, проведенное 5–8 ноября. При ответе на вопрос: «На ваш взгляд, в каком союзе государств было бы лучше жить народу Беларуси — в Европейском

¹ CulturalMapFinalEVSWS_1981-2021_v20201102.xls. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSEventsShow.jsp?ID=428>

² 2% бастуют. Как айтишники выражают гражданскую позицию — 3-я часть опроса. URL: <https://dev.by/news/aitishniki-protesty-opros>

³ В Польшу переехали около 800 белорусских айтишников. URL: <https://tech.onliner.by/2020/10/16/v-polshu-pereexali-okolo-800-beloruskix-aitishnikov>

⁴ Пастухов В. Публичные лекции «Полит.ру». Можно ли быть русским и не быть имперцем? URL: <https://polit.ru/article/2020/10/28/pastuhovrusimp/>

союзе или в союзе с Россией?» — доля сторонников России составила 40% против 51,6% в сентябре¹. За этот же период доля проевропейски ориентированных белорусов увеличилась с 27 до 33%.

«Мы видим, что происходит сближение двух позиций — пророссийской и проевропейской, происходит возврат к традиционной бивекторности, которая наблюдалась в Белоруссии до момента расширения ЕС в 2004 г. После этого был подъем пророссийской ориентации, и Россия долго была в коридоре 60% в рамках вопроса, который был сформулирован в нашем опросе», — прокомментировал результаты опроса профессор Вардамацкий².

В отличие от противостояния первой половины 90-х, когда на кону было будущее (с Европой или с Россией), у современного белорусского протеста отсутствует геополитическая составляющая. При всем разнообразии лозунгов самый популярный сегодня «Уходи!» и зафиксированная БАМ динамика — прямое следствие отказа России (Путина) способствовать его реализации.

Однако надеяться на дальнейший рост доли сторонников европейского выбора не приходится. Треть, как свидетельствуют многолетние наблюдения НИСЭПИ, — это близко к максимуму. С 2008 по 2016 г. среднее значение положительных ответов на вопрос: «Если бы сейчас в Беларуси проводился референдум с вопросом, вступать ли Беларуси в Европейский союз, каким был бы ваш выбор?» составило 32%. Вопрос сформулирован иначе, чем в БАМ, тем не менее порядок евробелорусов он определить позволяет.

Минимальное значение при ответе на вопрос НИСЭПИ (20%) было зафиксировано в декабре 2015 г. на пике эйфории, порожденной «Крымнаш», максимальное (49%) — в ноябре 2011 г. в условиях трехзначной потребительской инфляции и трехкратной девальвации белорусского рубля, вызванных попытками поднять среднюю зарплату до 500 долларов в эквиваленте накануне президентских выборов 2010 г.

Этот пример наглядно иллюстрирует, что колебания геополитических предпочтений белорусов зависят не только от пропаганды (2015 г.), но и в значительной мере от состояния экономики. А так как в белорусской экономике государство заслуженно претендует на ведущую

роль, то любые экономические проблемы ведут к росту доли противников государства в обществе, следовательно, к росту доли сторонников евроинтеграции.

Отсутствие экономической составляющей в списке причин массовых протестов существенно повлияло на социальную структуру противников режима. Работники государственных предприятий в условиях роста реальных доходов населения ожидаемо оказались в арьергарде протеста, и забастовки не стали значимым фактором давления на власть.

В условиях расколотого общества, в том числе и в вопросах геополитических предпочтений, у национальной повестки немного шансов выступить в качестве разгонного блока для борьбы за общедемократические ценности, ибо любой успех сторонников европейского пути развития Беларуси активизирует их геополитических противников. Последним помощи со стороны России по образцу Луганской и Донецкой областей Украины ждать долго не придется.

В отличие от национальной и религиозных повесток, у социальной повестки уже в краткосрочной перспективе имеется шанс выступить не только в роли детонатора новой волны протестов, но и в роли интегратора, способного на время снизить противостояния между двумя частями расколотого общества.

Описывая стадии развития революционного процесса, историк Владимир Булдаков отмечал, что «в основе социальной составляющей кризиса лежит попытка переструктурирования системы путем спонтанных попыток одних социумов выжить за счет других. Каждый из них вел “единственно справедливую” войну»³. Сложно не согласиться с тем, что слоган «Хто з’їв моє сало?» сыграл далеко не последнюю роль в «величайшей геополитической катастрофе XX века». Тем не менее отстранение коммунистической номенклатуры от власти было бы невозможно без пусть и ситуативного единения большинства советских сословий.

Какие процессы преобладают в Беларуси в условиях экономического кризиса — предсказать сложно, но за январь — сентябрь реальные доходы белорусов увеличились на 4,9% при снижении ВВП на 1,3%. Рассчитывать на то, что в 2021 г. первый показатель как минимум не сократится, а второй возрастет, не приходится.

¹ Белорусы отворачиваются от союза с Россией. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4583283>

² Там же.

³ Булдаков В. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007. С. 97. URL: <http://padaread.com/?book=180507>

Консолидированный бюджет впервые за последние 10 лет будет сведен с дефицитом. Надеяться на помощь международных финансовых организаций также не приходится. Все они отказались сотрудничать с госсектором после 9 августа. Финансовой поддержки со стороны России не хватает и на перекредитование старых долгов, а Беларуси ежегодно требуется до 4 млрд долларов на обслуживание госдолга.

Избирательная кампания и последовавшие за ней события не стали общей бедой для расколотого белорусского общества. В этих условиях принцип «разделяй и властвуй» вполне себя оправдал. Власть поделила белорусов на патриотов и «протестунов» (они же крысы, алкоголики, проститутки). Протестуны в долгу не остались. Для своих политических противников они нашли не менее колоритный неологизм — «яБатьки».

Противостояние неологизмов — лишь один из примеров противостояния официальной и протестной символики. Тротуары, скамейки, урны, коммерческие киоски, трансформаторные будки — словом, все, пригодное для нанесения лозунгов и символов, используется дворовыми художниками для выражения своих политических взглядов.

Государство отреагировало оперативно. От запрета вывешивания бело-червоно-белых флагов на балконах и крышах домов оно пере-

шло к запрету размещения этих флагов внутри квартир, приравняв подобные инициативы к пикетированию в случаях, когда «есть свидетели, что флаг был виден с улицы»¹. Что касается надписей на асфальте, то подобные художества оцениваются сроками, измеряемыми не сутками, а двумя-тремя годами.

Сбить волну протестов драконовскими методами можно. Но проблема, загнанная вглубь, проблемой быть от этого не перестает. Причине для самореализации требуется повод. В качестве такового летом 2020 г. в Беларуси выступила надежда, которую зародили в избирателях не связанные с примелькавшейся оппозицией кандидаты в президенты: банкир Виктор Бабарико, дипломат и предприниматель Валерий Цепкало, блогер Сергей Тихановский.

Уже на начальной стадии избирательной кампании, когда не сборщики подписей пошли в народ, а народ стал выстраиваться в очереди к сборщикам подписей, стало ясно, что «процесс пошел» и удержать его под контролем не получится. На слом привычного сценария власть ответила репрессиями, чем только поспособствовала мобилизации своих противников.

Главный итог года — демаргинализация слогана «Верым, можам, пераможам!». Противников авторитарного режима, готовых к активным совместным действиям, в Беларуси оказалось не сотни, не тысячи, а сотни тысяч. Для страны с населением в 9,4 млн человек это вселяет надежды на реальность перемен.

¹ Повесил на балконе без разрешения исполкома. За флаги «на остеклении» теперь отправляют на «сутки». URL: <https://news.tut.by/society/709847.html?c>

Светлана МАРЕЕВА
Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России¹

Введение

Проблема социально-экономической мобильности является одним из традиционных направлений в изучении социальных структур обществ и особенностей их функционирования на протяжении практически века, начиная еще с работы П. Сорокина «Социальная мобильность, ее формы и флуктуации»². Однако в последние годы она вновь привлекает повышенное внимание исследователей и практиков как в международном научном сообществе³, так и в российской науке⁴. В условиях растущих неравенств возможностей и результатов в общемировом контексте социально-экономическая мобильность становится все более важным аспектом общественного устройства. Если го-

ворить о доходной мобильности, то показатели, традиционно используемые для измерения неравенства (например, индекс Джини), демонстрируют статическую картинку разброса доходов по структурным позициям, не учитывая тот факт, что конкретные индивиды, занимающие эти позиции, могут меняться между собой, то поднимаясь, то, наоборот, опускаясь. Высокая мобильность индивидов между позициями в этом смысле может частично компенсировать неравенство, существующее между самими позициями⁵. Помимо этого высокие шансы на восходящую мобильность и большая сменяемость в наиболее благополучных группах могут способствовать повышению толерантности к неравенству в общественных представлениях, поскольку демонстрируют возможности для всех оказаться среди высокодоходной части общества в ходе жизненного пути. Минимизация численности группы, устойчиво занимающей наиболее низкие позиции в иерархии доходов и не способной выйти из этой ситуации, означает снижение масштабов хронической бедности, с которой сложно бороться методами социально-экономической политики. С другой стороны, высокая относительная мобильность⁶ также означает более высокую нестабильность доходов, что порождает незащищенность, может генерировать социальную напряженность и препятствовать распространению в обществе рациональных поведенческих стратегий, требующих среднесрочного или долгосрочного

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Сорокин П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации // Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

³ См., напр.: Stone C., Trisi D., Sherman A., Taylor R. A Guide to Statistics on Historical Trends in Income Inequality. Washington: The Center on Budget and Policy Priorities, 01.08.2019; Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E. and Zucman G. World Inequality Report. 2018. Executive Summary. World Inequality Lab. 2018; Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J. The fading American dream: Trends in absolute income mobility since 1940 // Science. 2017. Vol. 356 (6336). P. 398–406; Lawler S., Payne G. (eds.) Social Mobility for the 21st Century: Everyone a Winner? London: Routledge, 2018; Laurison D., Friedman S. The Class Pay Gap in Higher Professional and Managerial Occupations // American Sociological Review. 2016. Vol. 81 (4). P. 668–95.

⁴ См., напр.: Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017; Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019; Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 5–28; Ястребов Г.А. Социальная мобильность в постсоветской России: новый взгляд на проблему (с использованием продвинутых методов анализа) // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 2. С. 127–134.

⁵ Shorrocks A. 'Income inequality and income mobility' // Journal of Economic Theory. 1978. Vol. 19.

⁶ Абсолютная доходная мобильность подразумевает рост или снижение доходов в абсолютном выражении, в то время как при изучении относительной (позиционной) доходной мобильности речь идет о положении индивида или группы относительно других, т.е. на общей шкале доходного распределения, например, о принадлежности к определенному доходному квинтилю, верхним или нижним 10% и т.п.

планирования¹. В любом случае, те или иные паттерны доходной мобильности высвечивают определенные особенности функционирования обществ, которые могут быть важны при разработке мер социально-экономической политики, связанных с обеспечением социальной устойчивости. При этом важен не только масштаб мобильности и ее направления, но и те факторы, которые определяют ее конфигурацию².

Основные исследования доходной мобильности в России охватывают временные интервалы в 1990-е и начале 2000-х гг.³ Их результаты в целом показывают высокую доходную мобильность в российском обществе в эти периоды времени. Недавняя публикация Данга и коллег⁴ рассматривает мобильность в России на более длительном интервале (1994–2015), однако основное внимание исследователей направлено на связь между мобильностью и неравенством, а также на соотношение компонентов роста и перераспределения в доходной мобильности. Отдельное направление работ посвящено входу/выходу из бедности⁵.

Дополняя уже имеющиеся исследования, в данной статье мы хотим обратиться к нескольким сюжетам, касающимся индивидуальной доходной мобильности в ее относительном (позиционном) понимании как в объективном, так и субъективном измерении. В первой части мы оценим масштабы и направления мобильности российского населения на четырехлетнем интервале между доходными квинтилями, проведем сравнение со странами ОЭСР, а также оценим численность и состав групп, устойчиво занимающих самые нижние и самые верхние

позиции в иерархии доходов. Вторым вопросом станет анализ субъективных оценок доходной мобильности. Мы покажем, что эти оценки далеко не напрямую связаны с объективной доходной мобильностью. Но, как и другие субъективные показатели, они важны сами по себе, поскольку именно субъективное восприятие действительности определяет степень удовлетворенности или неудовлетворенности своим положением, а следовательно, потенциал формирования социальной напряженности, а также общую картину общественного благосостояния⁶. По аналогии с объективной доходной мобильностью мы оценим масштабы и направления субъективной мобильности по доходам, а также риски и шансы для населения оказаться в составе устойчиво благополучных и неблагополучных в этом отношении групп.

Методология и методика исследования

Эмпирической базой нашего исследования выступили данные широко известного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2014–2017 гг.⁷

Говоря о методологии исследования, нужно обратить внимание на несколько концептуальных моментов. При проведении анализа мы во многом опираемся на логику недавно опубликованного доклада ОЭСР «Сломанный социальный лифт? Как содействовать социальной мобильности»⁸. Для анализа индивидуальной мобильности по доходам эксперты ОЭСР рассматривают четырехлетний интервал, оценивая принадлежность индивидов к доходным квинтилям на момент начала наблюдения и его окончания. Сразу отметим, что использование квинтилей в качестве доходных групп идет в русле относительного подхода к доходной стратификации — иными словами, *выделение групп*

¹ Там же (Уточнить где); Jäntti M., Jenkins S.P. Income mobility / Handbook of income distribution. Vol. 2. Elsevier, 2015.

² См.: Aristei D., Perugini C. The drivers of income mobility in Europe // Economic Systems. 2015. No. 39 (2). P. 197–224.

³ См.: Bogomolova T., Topilina V. Income mobility in Russia in the mid-1990s. EERC Working Paper 99/11. Moscow, 1999; Jovanovic B. Russian Roller Coaster: Expenditure Inequality and Instability in Russia, 1994–1998 // Review of Income and Wealth. 2001. No. 47 (2). P. 251–271; Lukiyanova A., Oshchepkov A. Income mobility in Russia (2000–2005) // Economic Systems. 2012. No. 36 (1). P. 46–64.

⁴ Dang H.H., Lokshin M.M., Abanokova K., Bussolo M. Welfare Dynamics and Inequality in the Russian Federation During 1994–2015 // European Journal of Development Research. 2019. P. 1–35.

⁵ См. в: Commander S., Tolstopiatenko A. and Yemtsov R. Channels of Redistribution: Inequality and Poverty in the Russian Transition // Economics of Transition. 1999. No. 7 (2). P. 411–447; Denisova I. Income Distribution and Poverty in Russia / OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 132. OECD Publishing, Paris, 2012; Dang H.H., Lokshin M.M., Abanokova K., Bussolo M. Welfare Dynamics and Inequality in the Russian Federation During 1994–2015 // European Journal of Development Research. 2019. P. 1–35.

⁶ Стиглиц Д., Сен А., Фитусс Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

⁷ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

⁸ OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. 2018 (URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264301085-en>).

основано не на жестко определенных границах доходов, заданных в абсолютном выражении, а на характеристиках доходного распределения в конкретном обществе: наполнение каждого квинтиля всегда составляет 20% населения, и переходы между ними являются отражением изменения положения на шкале «низкие доходы — высокие доходы» относительно остального населения. При таком подходе рост абсолютного уровня дохода может не приводить к повышению квинтиля (например, при равномерном росте доходов всего населения) или даже сочетаться с его понижением (при более высоких темпах роста доходов в других группах).

Мы рассматриваем *перемещение населения между доходными квинтилями на четырехлетнем интервале (2014–2017 гг.)*. В качестве основного показателя для выделения квинтилей и дальнейшего анализа мобильности между ними мы используем показатель *ежемесячного среднедушевого дохода* в домохозяйстве индивида — расчетную переменную, сконструированную аналитиками РМЭЗ НИУ ВШЭ с учетом отдельных статей денежных доходов. Определение границ квинтилей осуществлялось на данных репрезентативной выборки массива РМЭЗ НИУ ВШЭ. Конструирование панельной выборки для расширения возможностей анализа производилось на основе полных массивов, в рамках которых отслеживаются судьбы россиян, сменивших место жительства¹. Домохозяйства, не входящие в репрезентативную выборку, распределялись по квинтилям на основании полученных границ. Это могло привести к изменению численности квинтилей относительно 20%, однако масштаб таких изменений был незначителен и не превышал 2%.

Мы также дополнили и расширили представленную в докладе ОЭСР логику подхода к анализу индивидуальной доходной мобильности с учетом специфики России и постав-

ленных задач. Во-первых, учитывая высокую степень территориально-пространственной неоднородности страны, в том числе и в разрезе доходов, мы выделяли структуру общества по доходам с учетом типа поселения, т.е. границы квинтилей задавались отдельно для Москвы и Санкт-Петербурга, областных центров, прочих городов, ПГТ и сел с учетом характера доходного распределения в них. В ином случае портрет устойчиво благополучных и неблагополучных групп определялся бы именно типом поселения, сводя к минимуму эффект других факторов. Высокое неравенство по уровню доходов населения в разных типах населенных пунктов широко известный и подкрепленный как данными официальной статистики, так и результатами выборочных обследований факт²; при этом важно учитывать, что и стоимость жизни в них различается. Не менее важен и региональный срез доходного неравенства, однако массивы РМЭЗ НИУ ВШЭ не являются репрезентативными для регионов и не дают возможности для проведения подобной корректировки.

Во-вторых, мы сознательно отказались от использования шкалы эквивалентности, применяемой в исследовании ОЭСР. Эмпирические расчеты показали, что шкала квадратного корня от размера домохозяйства, используемая в докладе ОЭСР для учета экономии на масштабе, является слишком жесткой для российских условий, что совпадает с результатами предыдущих исследований³, — в условиях скромного уровня жизни массовых слоев населения достаточно высокая доля их расходов приходится на продукты питания, в отношении которых экономия на масштабе незначительна. В целом использование шкал эквивалентности остается дискуссионным вопросом⁴.

² Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170–185; Тихонова Н.Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоев населения России: 2003–2018 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2018г. № 3. С. 230.

³ Корчагина И.И. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. В сб.: Социальная политика: Реалии XXI века. Вып. 3: GP3/2007. 2007. С. 3–31. Независимый институт социальной политики.

⁴ Dang H.H., Lokshin M.M., Abanokova K. The Important Role of Equivalence Scales: Household Size, Composition and Poverty Dynamics in Russia / IZA. Series 'IZA Discussion Paper'. 2020. No. 13043; Абаноква К.Р., Локшин М.М. Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. 18 (4); Берендеева Е.В., Ратникова Т.А. О проявлениях парадокса Дитона — Паксона в потреблении российских домохозяйств // Прикладная эконометрика. 2016. № 2. Т. 42.

¹ Использование панельной выборки всегда связано с проблемой истощения панели — снижением числа наблюдений за счет тех респондентов, которые нерегулярно принимают участие в исследовании или вовсе прекращают в нем участие. В нашем исследовании панельная выборка включала 13 079 респондентов, что составляет 69% от полной выборки 2017 г. Однако потеря этого числа наблюдений практически не сказалась на базовых характеристиках выборки по сравнению с репрезентативной выборкой: численность жителей центров субъектов РФ, иных городов, ПГТ и сел (36,8, 28,2, 7,2, 27,8% соответственно) изменилась в пределах статистической погрешности (в репрезентативной выборке — 40,5, 25,9, 6,6, 26,9%); доля мужчин (42,9% против 43,4%); пожилых (30,6% в возрасте 55 лет и старше против 33,4%), молодежи (20,6% в возрасте 18–34 лет против 20,3%) и несовершеннолетних детей (20,0% моложе 18 лет против 19,5%, соответственно).

В-третьих, мы оценивали масштаб и направления доходной мобильности не только через сравнение принадлежности к доходному квинтилю на начальной (2014 г.) и конечной (2017 г.) точках наблюдения, но и с учетом изменений, происходящих внутри этого временного интервала. Дополнительный учет изменений, происходивших внутри временного интервала, позволил построить более дробную классификацию мобильности, учитывающую также разнонаправленные переходы между доходными группами. Мы также модифицировали определение устойчиво низкодходных и устойчиво высокодходных групп («липкого пола» и «липкого потолка»), учитывая при их выделении изменения, происходившие на всем временном интервале.

Таблица 1

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ДОХОДНЫМ КВИНТИЛЯМ В 2014–2017 ГГ., ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ, %

Доходные квинтили в 2014 г.	Доходные квинтили в 2017 г.				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Первый (наиболее низкие доходы)	9,7	5,2	2,7	1,4	1,1
Второй	4,6	7,2	5,5	2,6	1,3
Третий	2,9	4,7	6,7	4,9	1,7
Четвертый	1,1	3,0	4,6	6,5	4,2
Пятый (наиболее высокие доходы)	0,9	1,3	2,2	4,0	10,0

Примечание. Серым фоном выделена зона отсутствия доходной мобильности (совпадение принадлежности к квинтилям в 2014 и 2017 гг.); зеленым — восходящая мобильность (повышение квинтиля в 2017 г. по сравнению с 2014 г.); красным — нисходящая мобильность (понижение квинтиля в 2017 г. по сравнению с 2014 г.). Данные приводятся для всех респондентов, вошедших в панельную часть данных РМЭЗ (в том числе детей и населения в нетрудоспособных возрастах).

Наконец, мы не ограничивали рассмотрение только трудоспособным населением, как это сделано в исследовании ОЭСР, чтобы не потерять при анализе остро стоящие для современной России проблемы детского неблагополучия и положения пенсионеров.

Завершая описание методологии анализа, отметим, что временной период, выбранный для анализа, характеризовался разворачиванием экономической рецессии и последующей «негативной стабилизацией»¹, что могло оказать влияние на конфигурацию доходной мобильности. Однако именно этот период представля-

ется особенно интересным для рассмотрения, поскольку отражает современные социально-экономические реалии российского общества; с учетом сложности прогнозирования дальнейшего развития экономических процессов в стране анализ специфики доходной мобильности в этот период представляется актуальной и важной задачей.

Индивидуальная доходная мобильность: общая оценка масштаба и направлений

Начнем анализ с матрицы переходов между доходными квинтилями на рассматриваемом четырехлетнем временном периоде. Общее распределение индивидов по их положению на доходной шкале в 2014 и 2017 гг. представлено в табл. 1.

В целом соотношение направлений мобильности по доходам на интервале 2014–2017 гг. выглядит следующим образом²: 40,1% населения остались за этот период в своем квинтиле, 29,3% характеризовались восходящей мобильностью, а 30,6% — нисходящей. Если выделить только население в трудоспособном возрасте, то аналогичные доли составляют 38,5, 29,5 и 32,0%. На международном фоне мобильность в российском обществе достаточно высока³: в среднем

² Здесь и далее в тексте приводятся данные по панельной выборке, которые не зависят от выбора точки наблюдения (2014 г. или 2017 г.). Портреты выявленных групп приводятся по данным 2017 г. как наиболее актуальным. Матрицы перехода, в соответствии с традицией анализа мобильности, считаются от 2014 г. как базы и показывают, как складывалась судьба россиян по сравнению с начальной точкой наблюдения (табл. 2, 3, 5).

³ Отказ от использования шкал эквивалентности и учет типов населения при определении границ доходных квинтилей ограничивают возможности прямого сравнения масштабов мобильности в России

¹ Малева Т.М. (ред.). Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — июнь 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. 2016; Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. 25 (1). С. 27–47.

по странам ОЭСР половина трудоспособного населения осталась в том же квинтиле, около четверти переместилась на квинтиль или более вверх, четверть — на квинтиль или более вниз¹. Как видно, масштабы восходящей и нисходящей мобильности в современном российском обществе несколько выше, а доля стабильно сохраняющих свое положение ниже.

Из этих данных также видно, что ситуация в российском обществе, как и в странах ОЭСР, характеризуется наличием «липкого пола» и «липкого потолка» — наибольшие доли сохранивших свои позиции в начальной и конечной точках наблюдения характерны для представителей первого и пятого квинтилей (скорректированная согласно модифицированной методике численность этих групп и их специфика будут рассмотрены далее). Так, из тех, кто в 2014 г. принадлежал к первому квинтилю, 47,0% принадлежали к нему и в 2017-м, а для пятого квинтиля аналогичная доля составила 55,2%, что характеризует большую «липкость» «потолка», чем «пола» и говорит о том, что занимающие высокие позиции в иерархии дохода в наименьшей степени включены в процессы доходной мобильности (табл. 2). Однако по сравнению с усредненными данными по ОЭСР ситуация в России характеризуется более низкими масштабами устойчивого доходного неравенства, т.е. долями не изменивших принадлежность к нижнему

и верхнему квинтилю, — так, в среднем по странам ОЭСР эти доли составляют почти 60% для нижнего квинтиля и 70% для верхнего. В отношении «липкости потолка» Россия оказывается рядом с такими странами, как Турция, Греция, Япония, Чили (для них характерны 55–60% сохранивших свои позиции в верхнем квинтиле на отрезке в четыре года).

Показательно также, что ни разу не оказывались в нижнем квинтиле 61,4% населения (59,1% трудоспособных возрастов), в верхнем — 65,8% (63,3%); остальные оказывались в них хотя бы раз за четыре года. Такие масштабы соприкосновения с неблагополучием и благополучием (в рамках анализа массовых слоев населения, без учета «верхушки», представители которой не попадают в массовые опросы) достаточно велики.

Что касается мобильности в середине распределения в трех квинтилях, которые в литературе иногда рассматриваются в качестве экономического среднего класса², то, согласно российским данным, среди их представителей доля тех, чья принадлежность к определенному квинтилю совпадала в 2014 и 2017 гг., составляла около 30% (табл. 2). В странах ОЭСР этот показатель выше — около 40%. Большая мобильность по доходам между срединными квинтилями объясняется большей концентрацией доходов в середине распределения и меньшим разбросом между срединными квинтилями, в связи с чем

Таблица 2

КОНЕЧНЫЕ КВИНТИЛИ В 2017 Г. ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ДОХОДНЫХ КВИНТИЛЕЙ В 2014 Г., НАСЕЛЕНИЕ ТРУДОСПОСОБНЫХ ВОЗРАСТОВ (% от состава квинтилей 2014 г.)

Доходные квинтили в 2014 г.	Доходные квинтили в 2017 г.					
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Всего
Первый	47,0	25,9	13,4	8,3	5,5	100,0
Второй	22,8	31,3	25,7	13,1	7,1	100,0
Третий	15,6	23,5	27,8	23,8	9,3	100,0
Четвертый	6,8	14,7	22,9	31,3	24,3	100,0
Пятый	5,5	8,1	10,2	21,1	55,2	100,0

и странах ОЭСР. Кроме того, в докладе ОЭСР трудоспособным считается население в возрасте до 65 лет, в то время как мы использовали страновые границы трудоспособного возраста (16–54 года для женщин и 16–59 лет для мужчин). Однако проведенный нами эмпирический анализ показал, что эти изменения в методологии влияют, прежде всего, на состав наиболее благополучных (стабильно высокодоходных) и наименее благополучных (стабильно низкодоходных) групп, но не на масштабы и направления мобильности, поэтому, понимая соответствующие ограничения, мы все же приводим оценки положения России в этом отношении на фоне других стран.

¹ OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. 2018 (URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264301085-en>).

даже небольшие изменения доходов в абсолютном выражении могут повлечь переходы из квинтиля в квинтиль.

Общие масштабы перемещений между пятью доходными квинтилями были для россиян

² Barro R. Inequality, growth and investment // NBER Working paper. 1999. No. 7038; Dallinger U. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy. 2013. No. 23 (1). P. 83–101; Easterly W. The middle class consensus and economic development // Journal of Economic Growth. 2001. No. 6 (4). P. 317–335.

следующими: при 40,1% сохранивших принадлежность к исходному квинтилю, 37,6% переместились в соседний квинтиль и 22,3% — на два квинтиля или более, что также говорит о достаточно высоких масштабах мобильности, связанной не только с небольшими колебаниями доходов и переходами в соседние группы, но и с достаточно значимым их изменением.

Для более детального анализа структуры мобильности в расчет были приняты те изменения принадлежности к доходным квинтилям, которые происходили между начальной и конечной точками наблюдения. Если принадлежность к квинтилю не менялась все четыре года наблюдения, это означало отсутствие мобильности. Если при переходе от года к году ни разу не происходило понижения, а только повышение или сохранение положения, это классифицировалось как *восходящая* мобильность. Если, наоборот, ни разу не происходило повышение квинтиля, но в тех или иных сочетаниях наблюдалось понижение и сохранение положения, такие случаи составляли *нисходящую* мобильность. Наконец, к *разнонаправленной* мобильности были отнесены те случаи, в которых повышение квинтиля в одном из годов наблюдения соседствовало со снижением квинтиля в другом.

Среди всего населения, включая детей, а также взрослых в нетрудоспособных возрастах, на рассматриваемом периоде времени в четыре года большинство характеризовалось именно *разнонаправленной* мобильностью — почти половина (47,9%) за этот период испытала и повышение, и понижение доходного квинтиля. Этот факт дополнительно говорит о том, что для анализа доходной мобильности в текущих реалиях современного российского общества может лучше подходить логика устойчивости положения (доминирующей принадлежности к тому или иному доходному квинтилю на протяжении определенного периода), к которой

мы обратимся ниже, чем простое сравнение принадлежности к доходным квинтилям на «старте» и «финише» определенного отрезка времени, результаты которого будут сильно зависеть от выбора начальной и конечной точек наблюдения. Масштабы устойчиво восходящей и нисходящей мобильности при этом практически совпадали, составляя 17,1 и 16,2% соответственно, а отсутствие мобильности характеризовало 18,9% населения. Если говорить только о населении трудоспособного возраста, то половина характеризовалась разнонаправленной мобильностью, восходящей и нисходящей — 16,8 и 15,4% соответственно, а отсутствием мобильности — 17,7%.

Эти данные свидетельствуют о том, что *относительное благополучие и неблагополучие в современном обществе (измеренное через относительную позицию на шкале доходного распределения) достаточно нестабильны*. Если посмотреть на выделенные направления мобильности в разрезе разных квинтилей, вновь проявляется наибольшая устойчивость, характерная для нижнего и верхнего из них, — там чаще всего встречалась ситуация отсутствия мобильности, в то время как для квинтилей, составляющих середину доходного распределения, наиболее характерной была разнонаправленная мобильность (табл. 3).

Особого внимания при анализе заслуживают две полярные группы — устойчиво занимающие самые низкие и самые высокие позиции в иерархии по доходам, т.е. характеризующие полюса постоянного, наиболее устойчивого доходного неравенства. Однако используя дополнительные возможности, которые дают панельные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, мы модифицировали определение «липкого пола» и «липкого потолка», выделив их не просто в логике совпадения принадлежности к нижнему и верхнему квинтилю в 2014 и 2017 гг., а допустив

Таблица 3

НАПРАВЛЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ДОХОДНЫХ КВИНТИЛЕЙ 2014 Г., ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ (% от состава квинтилей 2014 г.)

Доходные квинтили в 2014 г.	Направление мобильности в период 2014–2017 гг.				Всего
	Отсутствие мобильности	Разнонаправленная	Нисходящая	Восходящая	
Первый	30,9	37,4	–	31,7	100,0
Второй	10,0	54,6	14,0	21,4	100,0
Третий	8,9	58,2	16,5	16,5	100,0
Четвертый	11,6	52,3	22,4	13,7	100,0
Пятый	35,3	35,1	29,5	–	100,0

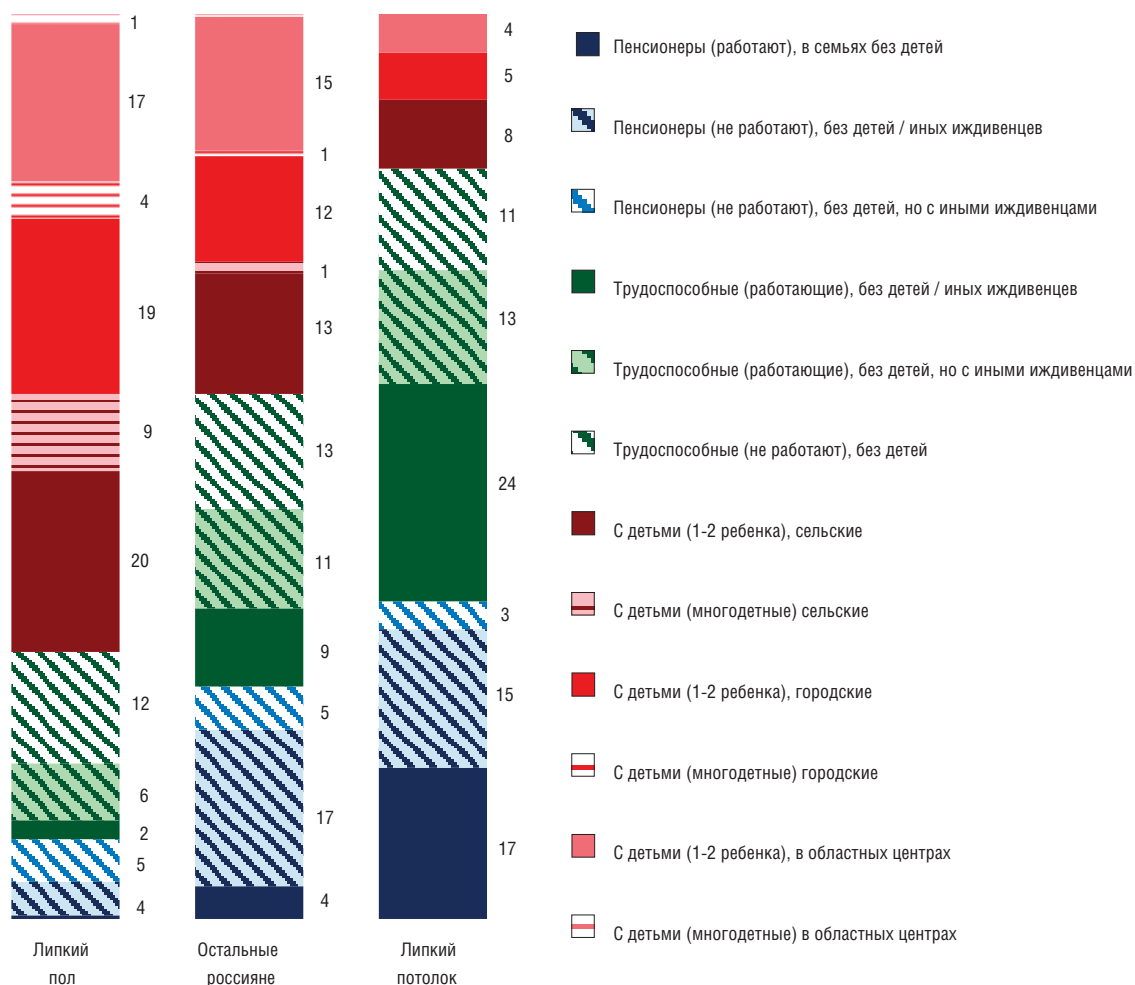
для представителей этих групп краткое, ситуационное изменение доходного квинтиля, к которому они принадлежат, при условии доминирования принадлежности к самому низкому / самому высокому положению на временном отрезке наблюдения в целом. В рамках четырехлетнего временного интервала к «липкому полу» мы относим тех, кто все четыре года принадлежал к нижнему, первому квинтилю по доходам, а также тех, кто ситуационно мог оказаться во втором квинтиле, но только в один из рассматриваемых годов, т.е. доминирующей принадлежностью для него все равно оставался самый нижний доходный квинтиль. Аналогичным образом «липкий потолок» составили те россияне, которые все четыре года находились в наиболее высоком, пятом квинтиле по доходам или выпадали из него не ниже, чем в четвертый

квинтиль, и не более, чем на один год. Такой подход позволил учесть ситуационные изменения доходов, снизив зависимость результатов анализа от выбора начальной и конечной точки наблюдения. Численность модифицированных групп «липкого пола» и «липкого потолка» практически совпала, составила 10,7 и 10,6% соответственно, т.е. каждый десятый россиянин устойчиво пребывает в относительно благополучном положении по доходам и каждый десятый — в устойчиво неблагоприятном положении.

Показательно, что более двух третей «липкого пола» в 2017 г. составляли россияне, проживавшие в семьях с детьми моложе 14 лет¹ (включая самих детей), причем значительная их часть — в многодетных (рис. 1). Подавляющее большинство остальных представителей группы — это трудоспособные россияне, среди

Рисунок 1

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ «ЛИПКОГО ПОЛА» И «ЛИПКОГО ПОТОЛКА» (%)

¹ Мы осознанно использовали эту возрастную границу, так как, начиная с 14 лет, подросток уже может выходить на рынок труда, пусть и с некоторыми ограничениями.

которых каждый второй не имеет работы. Пенсионеры оказываются в «полу» редко и преимущественно в тех случаях, когда им приходится выступать кормильцами в семьях¹. Часть пенсионеров проживали в семьях с детьми моложе 14 лет, а среди остальных каждый второй имел в составе своей семьи неработающего родственника, нередко в трудоспособном возрасте.

Основным фактором *риска*, таким образом, выступает *наличие большого числа иждивенцев, в первую очередь именно детей*. Риски «залипания» в нижнем квинтиле с ростом числа детей в домохозяйстве прирастают многократно. Так, наличие одного ребенка является общероссийским стандартом и рисков не повышает, в то время как наличие двоих детей увеличивает их двукратно, а троих и большего количества — в 5 раз. Иные социально-демографические срезы дифференцируют риски имобильности в меньшей степени, хотя также оказываются значимы. Например, среди россиян с оконченным средним образованием в «полу» находятся 11,6%, а среди россиян с оконченным высшим — 5,2%. Неодинаковы риски и среди различных профессиональных групп: для руководителей и специалистов с высшим образованием они составляют 4,1%, для квалифицированных рабочих — 8,6%, для представителей сфер торговли и услуг — 10,6%, а для неквалифицированных рабочих — 14,7%. Таким образом, *классовые основания неравенств, связанные с позицией на рынке труда, также играют свою роль в формировании «липкого пола», однако фактор наличия детей оказывается более значимым*.

В «липком потолке» по состоянию на 2017 г., наоборот, доминировали трудоспособные россияне без детей, в подавляющем большинстве случаев работающие. Значимую долю «потолка» составляли и пенсионеры, каждый второй среди них имел работу, т.е. дополнительный источник дохода к пенсии. Семьи с детьми в «потолке» встречаются, но только с одним или двумя.

Шансы попасть в «липкий потолок» *связаны как с неклассовыми, так и с классовыми факторами — возрастом, профессией, занятостью*. Чаше остальных в «потолок» попадают работающие пенсионеры — каждый третий. Продолжение трудовой активности после выхода на пенсию оказывается эффективной стратегией поддержания устойчивого уровня доходов. Отчасти это

связано с тем, на каких профессиональных позициях они находятся: в «потолке» практически две трети пенсионеров (60,2%) занимают должности руководителей, специалистов высокого и среднего уровня квалификации, т.е. заняты умственным трудом. На контрасте: пенсионеры из «липкого пола» в половине случаев заняты торговлей (27,3%) либо неквалифицированным трудом (18,2%), что и объясняет их более ранний отказ от продолжения трудовой активности после выхода на пенсию.

Позиции умственного труда, в принципе, формируют повышенные шансы на устойчивое благополучие для всех россиян, однако в целом эти шансы дифференцируются в меньшей степени, чем среди пенсионеров: от 25,9% среди руководителей высшего звена до 6,7% у неквалифицированных рабочих.

Таким образом, в наиболее неблагоприятном положении на общем фоне с точки зрения доходной имобильности находятся многодетные семьи. Этот факт тревожен не только тем, что снижает статус многодетной семьи в обществе (что, в свою очередь, дестимулирует демографический рост), но и тем, что закрепляет неравенство стартовых возможностей в межгенерационной перспективе². Шансы оказаться в благополучной зоне имобильности — устойчивой принадлежности к верхнему квинтилю — выше для работающих пенсионеров, не имеющих иждивенцев или же имеющих в составе своих домохозяйств работающих родственников, а также для высококвалифицированных специалистов с высоким уровнем дохода.

Отметим, что полученные результаты частично связаны с методологией анализа, в частности, с отказом от использования шкалы эквивалентности. Эмпирическая проверка показала, что при применении шкал эквивалентности (например, шкалы квадратичного корня, используемой, в частности, в докладе ОЭСР и являющейся достаточно жесткой для российских условий) портреты групп, в отличие от общих масштабов доходной мобильности, заметно меняются. В «липком полу» повышается доля одиночек, и особенно пенсионеров, в то время как семьи с детьми, наоборот, оказываются в более благополучном положении благодаря предполагаемой высокой экономии на масштабе.

¹ Это является следствием доведения величины пенсий до уровня прожиточного минимума и меньших в среднем размеров домохозяйств пенсионеров, что повышает для них уровень подушевого дохода.

² О значимости в России аскриптивных характеристик см. также доклад Европейского банка реконструкции и развития (EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017).

Субъективная доходная мобильность

Выше мы писали об объективном измерении доходной мобильности, однако у нее есть и субъективное измерение — восприятие изменений своего положения по шкале доходов. Субъективная оценка собственного положения связана с уровнем доходов не напрямую, она во многом зависит от уровня притязаний и запросов¹, оценок соотношения собственного положения с положением окружающих или с типичным для человека в прошлом², от представлений о норме и о справедливом положении дел, а также от уровня жизни, определяющегося не только доходами, но и спецификой расходов и, шире, теми существующими у человека немонетарными возможностями, которые дает ему определенный уровень дохода (и которые при одном и том же уровне доходов могут различаться для разных индивидов). Кроме того, население может ошибаться в оценках существующих в обществе доходных неравенств и своего положения на доходной шкале³. Это, однако, не снижает важности субъективных оценок, поскольку именно они формируют потенциальные зоны социальной напряженности, определяют запросы на поддержку со стороны государства и оценку уже существующих мер и пр. Более того, развивающаяся дискуссия о необходимости учета субъективных представлений населения при оценке общественного благосостояния⁴ еще острее ставит вопросы о соотношении объективной картины и ее субъективной оценки населением.

Особенности субъективной социальной стратификации и ее факторы — предмет отдельных исследований⁵, однако в данном случае мы хотели бы остановиться на проблеме субъективной доходной мобильности. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволили применить аналогичную

методику оценки относительной мобильности к данным о субъективной оценке своего положения на шкале «бедность — богатство» (выбор из девяти «ступеней», где 1 — нищие, 9 — богатые). Распределение ответов показало, что во все четыре рассматриваемых года квинтили по этой шкале определялись следующим образом: нижний составляли выбравшие при ответе на вопрос позиции 1–2, второй квинтиль — позицию 3, третий — 4, четвертый — 5, пятый — 6–9⁶. Затем на панельных данных аналогичным образом были выделены те, кто все четыре года оказывался, согласно самооценке своего положения по шкале «бедность — богатство», в самом нижнем и самом верхнем квинтилях, с возможным выпадением в соседнюю группу не более чем на один год (модифицированные группы «липкого пола» и «липкого потолка»).

Обратимся к анализу переходов между квинтилями по субъективной оценке своего положения на шкале доходов (табл. 4).

Мобильность между квинтилями по субъективным оценкам положения на шкале «бедность — богатство» оказывается еще выше, чем объективная доходная мобильность. Только 35,3% не изменили свою принадлежность к той или иной группе, а доля испытавших нисходящую мобильность превышала долю тех, кто перешел в более высокие квинтили (26,3 и 38,4% соответственно). Для населения в трудоспособном возрасте эти доли составили 35,2, 26,5 и 38,3%. При 35,2% сохранивших принадлежность к исходному квинтилю, 41,3% переместились в соседний квинтиль (17,9% вверх и 23,4% вниз) и 23,5% — на два квинтиля или более (8,6% вверх и 14,9% вниз)⁷.

Также можно сказать, что *ситуация с мобильностью по субъективным оценкам, в отличие от объективной доходной мобильности, не характеризуется наличием «липкого потолка», наоборот, именно в пятом квинтиле оказывается минимальная доля сохранивших наиболее позитивные оценки своего положения и через четыре года (30,1%); «липкость пола» при этом сопоставима по масштабам с «липкостью пола» при анализе индивидуальной доходной мобильности (49,4%, табл. 5).* Таким образом, большая «липкость» в данном случае характеризует не-

¹ См., напр.: *Мареева С.В.* Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385.

² *Bottero W.* Class Identities and the Identity of Class // *Sociology*. 2004. Vol. 38. No. 5. P. 985–1003.

³ *Gimpelson V., Treisman D.* Misperceiving Inequality // *Economics and Politics*. 2018. No. 30. P. 27–54.

⁴ *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

⁵ См., напр.: *Косова Л.Б.* В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4. С. 43–52; *Тихонова Н.Е.* Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65.

⁶ За счет ограниченного количества ответов нижний и верхний квинтили составляли менее 20% по численности, однако именно такое объединение ответов давало наиболее близкое к равномерному распределение респондентов по группам в каждом рассматриваемом году.

⁷ Здесь и далее в разделе 4 мы рассматриваем подвыборку населения трудоспособных возрастов.

благополучные, по собственной оценке населения, позиции на шкале бедности и богатства.

При этом ни разу не оказывались в нижнем квинтиле 68,6% трудоспособного населения, в верхнем — 66,4%, т.е. около трети населения за четыре года хотя бы раз оценивали свои позиции по шкале «бедность — богатство» как наименее благополучные, и аналогичная доля хотя бы раз оценивала их как наиболее благополучные. Такие масштабы соприкосновения с субъективным неблагополучием и благополучием¹ показывают высокую изменчивость соответствующих позиций в России.

Дополнительный учет изменений принадлежности к квинтилям, происходивших между начальной и конечной точками наблюдения, показал, что *наиболее распространена, как и в случае с индивидуальной доходной мобильностью, разнонаправленная субъективная мобильность, но нисходящая мобильность (20,4%) превышает*

восходящую (11,9%), что отличает ее от мобильности «по доходам». В разрезе квинтилей отсутствие мобильности чаще характеризовало самый нижний квинтиль по субъективной оценке своего положения, но даже в нем это было характерно только для 20,9% его представителей.

Наконец, несмотря на то что россияне преимущественно оценивают свое положение в общей социальной структуре на основе материальных показателей, в первую очередь уровня доходов², *направления объективной и субъективной доходной мобильности соответствовали друг другу лишь частично и зачастую не совпадали*. Так, среди характеризовавшихся нисходящей объективной доходной мобильностью только четверть оказывалась среди испытывавших и нисходящую субъективную доходную мобильность, в то время как наиболее распространена среди них была, как и в других группах, разнонаправленная доходная мобильность, а для 8,5% была характер-

Таблица 4

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К КВИНТИЛЯМ, ВЫДЕЛЕННЫМ ПО САМООЦЕНКЕ ПОЛОЖЕНИЯ НА ШКАЛЕ ДОХОДОВ В 2014 И 2017 ГГ., ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ (%)

Квинтили в 2014 г.	Квинтили в 2017 г.				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Первый	7,4	3,9	1,8	0,9	0,4
Второй	5,1	8,6	4,7	2,7	0,8
Третий	2,6	7,1	7,4	5,2	1,8
Четвертый	1,9	4,4	6,6	7,7	4,0
Пятый	0,8	2,1	3,4	4,5	4,2

Примечание. Серым фоном выделена зона отсутствия мобильности (принадлежность к квинтилям в 2014 и 2017 гг. совпадала); зеленым — восходящая мобильность (повышение квинтиля в 2017-м по сравнению с 2014-м); красным — нисходящая мобильность (понижение квинтиля в 2017-м по сравнению с 2014-м). Данные приводятся для всех респондентов панели РМЭЗ (в том числе населения в нетрудоспособных возрастах).

Таблица 5

МАТРИЦА ПЕРЕХОДОВ МЕЖДУ КВИНТИЛЯМИ ПО СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКЕ В 2014 И 2017 ГГ., НАСЕЛЕНИЕ ТРУДОСПОСОБНЫХ ВОЗРАСТОВ (% от квинтилей 2014 г.)

Доходные квинтили в 2014 г.	Квинтили по субъективной оценке в 2017 г.					
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Всего
Первый	49,4	27,3	13,7	6,7	3,0	100,0
Второй	21,4	40,7	21,1	12,8	4,1	100,0
Третий	9,6	28,6	30,9	22,2	8,7	100,0
Четвертый	6,5	16,6	27,2	31,4	18,3	100,0
Пятый	4,8	11,8	22,8	30,5	30,1	100,0

¹ Напомним, что здесь и далее под «субъективным благополучием» мы понимаем устойчиво высокие оценки своего положения по шкале доходов, не затрагивая вопросы социально-психологического самочувствия, которые обычно тоже обозначаются этим термином.

² См. в: Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018а. Т. 126. № 1–2. С. 21.

на даже восходящая субъективная мобильность. Среди полярной группы с восходящей доходной мобильностью только 14,4% могли быть отнесены в аналогичную группу в отношении субъективной мобильности, а 17,2% испытывали нисходящую субъективную мобильность.

Причины таких расхождений могут иметь различную природу. Свою роль способно сыграть несовпадение во времени изменений объективного положения в доходном распределении и субъективной реакции на него. Население может оценивать собственное положение на шкале бедности и богатства исходя из положения своей референтной группы, а не россиян в целом, и тогда ключевыми выступают не общие сдвиги на относительной шкале доходов, а сравнительное изменение положения разных групп. Наконец, на оценку субъективного положения на шкале бедности и богатства может влиять, как мы уже отмечали, не только относительный уровень доходов на фоне остального населения, но и связанная с ним степень свободы в выборе расходования средств, определяющаяся спецификой положения домохозяйства, доступностью для него других ресурсов и необходимостью компенсации тех или иных рисков, а также ценностно-нормативные особенности — запросы и притязания, представления о справедливом и должном и т.п.

По аналогии с анализом объективной доходной мобильности нами были выделены группы, составляющие «липкий пол» и «липкий потолок» по субъективным оценкам своего положения на шкале «бедность — богатство». Их численность составила лишь 7,4 и 4,6% населения соответственно¹. Как видим, масштабы

этих устойчиво неблагополучных и благополучных групп по субъективным оценкам оказываются даже ниже тех, что были выделены на основе показателя доходов², т.е. *восприятие своего положения в обществе еще менее стабильно, чем материальное положение*. Более того, «пол» и «потолок» «по доходам» и «по самооощущению» практически не пересекаются (табл. 6).

Субъективный «липкий пол» представлен тремя массовыми категориями: пенсионерами (43,9%), работающими трудоспособными (31,0%) и безработными (25,1%). От «потолка» и остальных россиян его отличает то, что пенсионеры в нем характеризуются плохим уровнем здоровья (в среднем у них по четыре хронических заболевания, отчего каждый второй оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое), а работающие занимают наименее привлекательные трудовые позиции (3/4 — рабочие, работники сферы торговли/услуг и лица неквалифицированного нефизического труда) и чаще остальных не оформлены по ТК РФ (каждый десятый).

В составе «потолка» пенсионеры по возрасту составляют лишь пятую часть группы, а работающие и безработные трудоспособные представлены в равной степени (39,3 и 39,9%). У пенсионеров из этой группы самое крепкое здоровье (в среднем у них лишь одно хроническое заболевание, отчего и оценивающих свое здоровье как плохое практически нет³), а работающие представители чаще других являются специалистами высшей/средней квалификации или руководителями (в 2/3 случаев) и реже сталкиваются с неофициальной занятостью. Отличает «потолок» и то, что практически каж-

Таблица 6
ДОЛЯ СУБЪЕКТИВНЫХ «ПОЛА» И «ПОТОЛКА» В СОСТАВЕ «ПОЛА» И «ПОТОЛКА» ПО ДОХОДАМ, НАСЕЛЕНИЕ 14 ЛЕТ И СТАРШЕ (%)

	«Липкий пол»	Группы по динамике доходов		
		Остальные россияне	«Липкий потолок»	
Группы по динамике субъективной оценки материального положения	«липкий пол»	17,9	7,3	2,7
	остальные россияне	80,3	88,7	85,5
	«липкий потолок»	1,8	4,0	11,8
Итого		100,0	100,0	100,0

¹ Поскольку вопрос о субъективном самоопределении задавали лицам 14-летнего возраста и старше, вместе с пропусками ответов это сократило панельную выборку на четверть. Далее мы рассматриваем именно эту возрастную группу.

² Напомним, что среди населения всех возрастов, включая детей, в «пол» и «потолок» по доходам попадают 10,7 и 10,6%, в то время как среди россиян 14 лет и старше — 9,0 и 11,8% соответственно.

³ Отметим в этой связи, что у пенсионеров, не попадающих ни в «пол», ни в «потолок», в среднем по три хронических заболевания.

дый третий в его составе моложе 35 лет (33,6%, что также является наивысшим показателем), причем в отличие от «пола» эти молодые люди чаще имеют работу.

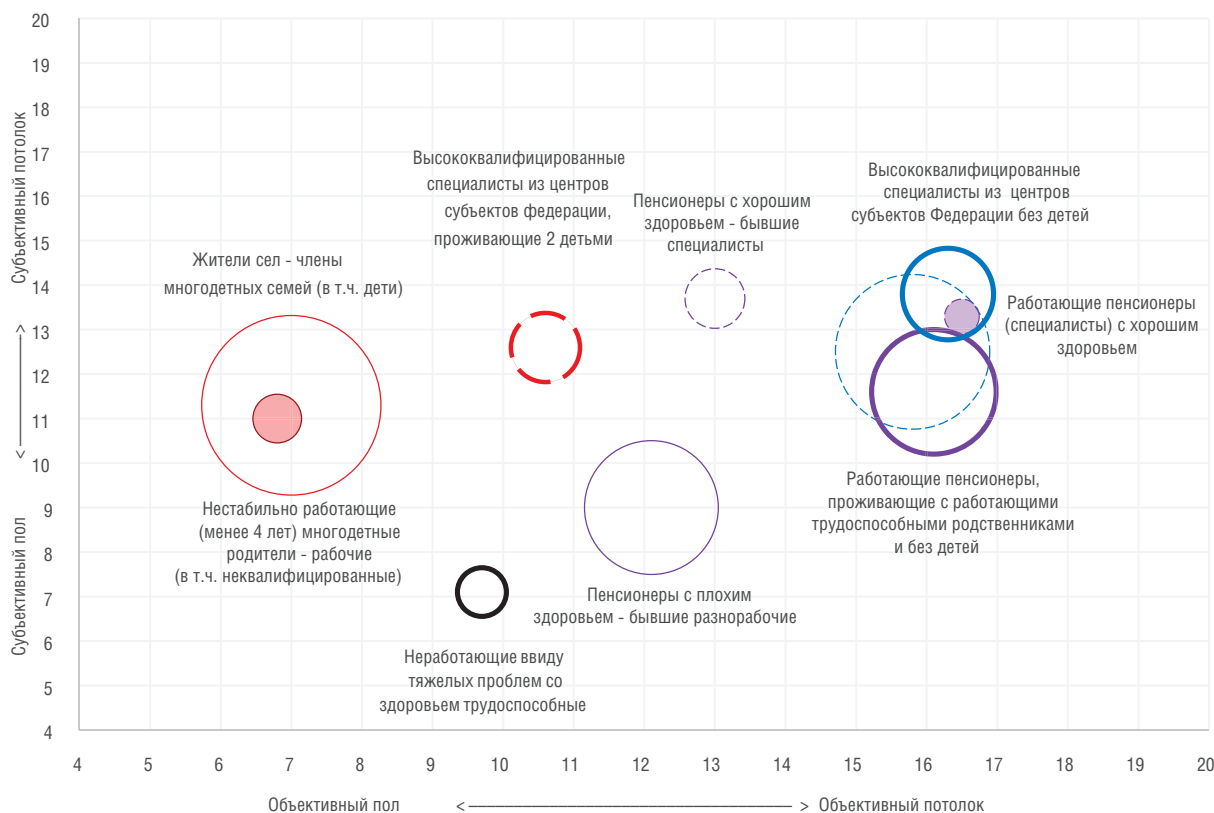
Таким образом, шансы на попадание в субъективный «потолок» определяются положением индивидов в разных осях неравенства в зависимости от этапа жизненного цикла: молодой возраст, занятие устойчивых позиций на рынке труда для трудоспособных, хорошее здоровье в старости. Риски оказаться в «полу», наоборот, возникают из-за тяжелых проблем со здоровьем (причем не только у пенсионеров, для трудоспособных этот фактор играет даже более значимую роль¹), а также плохое положение на рынке труда.

Еще одна иллюстрация того факта, что устойчивое субъективное благополучие слабо коррелирует с благополучием «по доходам»,

представлена на рис. 2, где выделены типичные представители всех четырех имущественных групп и показан характер их положения через призму мобильности на рассматриваемом временном интервале. На представленном рисунке по осям приведены суммарные значения квинтильной принадлежности россиян за 2014–2017 гг. по объективному и субъективному критерию. Например, в случае стабильного пребывания в первом квинтиле на протяжении всех четырех лет суммарное значение составляет 4, а в случае пребывания в пятом квинтиле — 20. Положение группы в системе координат определяет центр круга, а его диаметр отражает численность выбранной категории. Так как представленные на рисунке группы выделены по многомерным основаниям, они малы по численности — наибольшая составляет 2,7% населения.

Рисунок 2

РАСПОЛОЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОДГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КООРДИНАТАХ ДОХОДНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ (%)

¹ Среди пенсионеров с «совсем плохим» здоровьем в «пол» попадает каждый пятый, а среди трудоспособных — каждый второй. Наличие столь тяжелых проблем со здоровьем у трудоспособных, в принципе, распространено слабо, является нетипичной проблемой для этой возрастной категории и, более того, вытесняет их с рынка труда (более 4/5 из них не имеют работы), отчего и приводит к стабильно негативным оценкам собственного положения в обществе.

Представленные данные не позволяют делать выводы о характере мобильности, скрытой за суммарным показателем. Однако из рисунка видно, что положение россиян, относящихся к одной социально-демографической категории (например, пенсионеры или

семьи с детьми), может качественно отличаться в зависимости от уникального сочетания жизненных обстоятельств. Ни одну из категорий нельзя однозначно определить как зону локализации имобильности по доходам или самоощущению. Такая ситуация еще в большей степени усложняет задачи социально-экономической политики по корректировке мобильности, поскольку не позволяет выделить адресатов соответствующих мер по единому критерию и требует более дифференцированного подхода.

Обсуждение результатов и направления для дальнейшего анализа

Мобильность по доходам может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Высокая мобильность может означать близкие для всех шансы оказаться в более благополучных группах и тем самым способствовать повышению толерантности к неравенствам и реализации роли неравенств как стимула продуктивности или же она показывает общую нестабильность доходного положения разных групп. При этом текущие доходы могут не отражать качество и уровень жизни: более значимые неравенства могут быть связаны с теми возможностями, которые позволяют поддерживать благополучный образ жизни при временном снижении доходов, или рисками, которые и при высоком уровне доходов не позволяют иметь нормальный уровень жизни. Поэтому чисто экономический подход к анализу неравенств обязательно должен дополняться анализом их немонетарных оснований и проявлений.

При этом важны не только масштабы мобильности, но и ее причины и факторы. Если к повышению положения приводят личные действия и усилия, связанные с накоплением человеческого капитала, изменениями профессионального статуса и пр., это свидетельствует о меритократических основаниях неравенства в возможностях повышения благосостояния и может способствовать росту толерантности к ним. Если же высокая мобильность связана с общей нестабильностью положения большинства населения и сильным влиянием на положение отдельных групп особенностей внешне-экономической ситуации в стране или основана прежде всего на аскриптивных неравенствах, не компенсирующихся мерами социальной политики, такая мобильность будет иметь для общества совершенно иной смысл и иное вос-

приятие со стороны населения, представляя важный вызов для социально-экономической политики. Все эти особенности мобильности в условиях российского общества еще нуждаются в комплексном изучении.

В любом случае рассмотрение паттернов доходной мобильности само по себе также дает важный и значимый вклад в общую картину. Если предыдущие исследования показали, что по модели доходной стратификации Россия оказывается ближе к развитым, чем развивающимся странам, характеризуясь высокой удельной долей групп с медианными и средними доходами¹, то по моделям доходной мобильности она оказывается при этом ближе к развивающимся странам, характеризуясь относительно высокой подвижностью доходов и меньшей степенью устойчивого неравенства («липкого пола» и «липкого потолка»). Таким образом, общие масштабы доходной мобильности в российском обществе остаются высокими, как это было характерно и для ранних периодов постсоветского развития страны.

Одновременно с этим нужно отметить достаточно высокое по европейским меркам неравенство доходов в моменте, измеряемом, в частности, коэффициентом Джини, а также еще более высокие показатели неравенства, оцененного через концентрацию доходов в руках «верхушки», не попадающей в массовые опросы (1–5%)².

Еще одно измерение в общей картине дает значительное расхождение субъективной и объективной мобильностей по доходам и количества устойчиво благополучных и неблагополучных в этих координатах групп. Субъективная оценка своего положения по шкале «бедность — богатство» оказывается при этом даже более волатильной, чем принадлежность к доходным квинтилям, и феномен «липкого потолка» в этом отношении отсутствует. Подобные различия в масштабах и составе устойчиво благополучных и неблагополучных групп по

¹ См. в: Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др. Модель доходной стратификации российского общества: Динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. СПб.: Изд-во Нестор-История, 2018; Mareeva S., Lezhnina Y. Income Stratification in Russia: What do Different Approaches Demonstrate? // Studies of Transition States and Societies (forthcoming). 2019. Vol. 11. No. 2. P. 23–46.

² См.: Alvaredo F., Chance, L., Piketty T., Saez E. and Zucman G. World Inequality Report 2018. Executive Summary. World Inequality Lab. 2018; Credit Suisse. Global Wealth Report. Credit Suisse group AG. Switzerland, 2017; Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // Journal of Economic Inequality. 2018. No. 16 (2). P. 189–223.

объективным показателям дохода и субъективным оценкам положения на шкале богатства и бедности еще раз подчеркивают, что при анализе благосостояния как комплексного феномена недостаточно рассматривать лишь его монетарное измерение.

Портреты наиболее имобильных групп (как наиболее благополучного «потолка», так и наименее благополучного «пола») позволяют говорить о том, что положение их представителей определяется одновременным влиянием факторов как неклассового, так и классового характера и выделение адресатов соответствующих мер социально-экономической политики является в этих условиях нетривиальной задачей. Полученные в отношении этих групп данные показывают ряд тревожных тенденций. Во-первых, это высокая значимость аскриптивных характеристик в формировании и поддержании существующих неравенств по возможностям мобильности. В особо тяжелом положении сегодня находятся дети и многодетные семьи. Во-вторых, это уязвимое социально-психологическое положение российских пенсионеров, имеющих значительные проблемы со здоровьем (что, в принципе, верно и для трудоспособных россиян), еще раз подчеркивающее уже неоднократно зафиксированную в исследованиях высокую чувствительность россиян к неравенствам в доступе к медицинским услугам. В-третьих, это превышение масштабов устойчивого субъективного неблагополучия над устойчивым субъективным благополучием, а также высокая волатильность субъективных оценок материального положения в целом.

Список литературы

1. Абанокова К.Р., Локшин М.М. Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 18 (4).
2. Берендеева Е.В., Ратникова Т.А. О проявлениях парадокса Дитона — Паксон в потреблении российских домохозяйств // Прикладная эконометрика. 2016. № 2. Т. 42.

3. Корчагина И.И. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. В сб.: Социальная политика: Реалии XXI века. Вып. 3: GP3/2007. 2007. С. 3—31. Независимый институт социальной политики.
4. Косова Л.Б. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3—4. С. 43—52.
5. Малева Т.М. (ред.). Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — июнь 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. 2016.
6. Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365—385.
7. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170—185.
8. Сорокин П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации // Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
9. Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017.
10. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.
11. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
12. Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. 25 (1). С. 27—47.

13. Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П., Мареева С.В. и др. Модель доходной стратификации российского общества: Динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. СПб.: Изд-во Нестор-История, 2018.
14. Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018а. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.
15. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65.
16. Тихонова Н.Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоев населения России: 2003–2018 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2018с. № 3. С. 7–25.
17. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005.
18. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 5–28.
19. Ястребов Г.А. Социальная мобильность в постсоветской России: новый взгляд на проблему (с использованием продвинутых методов анализа) // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 2. С. 127–134.
20. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E. and Zucman G. World Inequality Report 2018. Executive Summary. World Inequality Lab. 2018.
21. Aristei D., Perugini C. The drivers of income mobility in Europe // Economic Systems. 2015. No. 39 (2). P. 197–224.
22. Barro R. Inequality, growth and investment // NBER Working paper. 1999. No. 7038.
23. Bogomolova T., Topilina V. Income mobility in Russia in the mid-1990s. EERC Working Paper 99/11. Moscow, 1999.
24. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class // Sociology. 2004. Vol. 38. No. 5. P. 985–1003.
25. Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J. The fading American dream: Trends in absolute income mobility since 1940 // Science. 2017. Vol. 356 (6336). P. 398–406.
26. Commander S., Tolstopiatenko A. and Yemtsov R. Channels of Redistribution: Inequality and Poverty in the Russian Transition // Economics of Transition. 1999. No. 7 (2). P. 411–447.
27. Credit Suisse. Global Wealth Report. Credit Suisse group AG. Switzerland, 2017.
28. Dallinger U. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution. // Journal of European Social Policy. 2013. No. 23 (1). P. 83–101.
29. Dang H.H., Lokshin M.M., Abanokova K., Bussolo M. Welfare Dynamics and Inequality in the Russian Federation During 1994–2015 // European Journal of Development Research. 2019. P. 1–35.
30. Dang H.H., Lokshin M.M., Abanokova K. The Important Role of Equivalence Scales: Household Size, Composition and Poverty Dynamics in Russia / IZA. Series 'IZA Discussion Paper'. 2020. No. 13043.
31. Denisova I. Income Distribution and Poverty in Russia / OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 132. OECD Publishing. Paris, 2012.
32. Easterly W. The middle class consensus and economic development // Journal of Economic Growth. 2001. No. 6 (4). P. 317–335.
33. EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017.
34. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving Inequality // Economics and Politics. 2018. No. 30. P. 27–54.
35. Jäntti M., Jenkins S.P. Income mobility / Handbook of income distribution. Vol. 2. Elsevier, 2015.
36. Jovanovic B. Russian Roller Coaster: Expenditure Inequality and Instability in Russia, 1994–1998 // Review of Income and Wealth. 2001. No. 47 (2). P. 251–271.
37. Lawler S., Payne G. (eds.) Social Mobility for the 21st Century: Everyone a Winner? London: Routledge, 2018.
38. Laurison D., Friedman S. The Class Pay Gap in Higher Professional and Managerial Occupations // American Sociological Review. 2016. Vol. 81 (4). P. 668–95.
39. Lukyanova A., Oshchepkov A. Income mobility in Russia (2000–2005) // Economic

- Systems. 2012. No. 36 (1). P. 46–64.
40. *Mareeva S., Lezhnina Y.* Income Stratification in Russia: What do Different Approaches Demonstrate? // *Studies of Transition States and Societies*, (forthcoming). 2019. Vol. 11. No. 2. P. 23–46.
41. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // *Journal of Economic Inequality*. 2018. No. 16 (2). P. 189–223.
42. OECD. A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. 2018 (URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264301085-en>).
43. *Shorrocks A.* 'Income inequality and income mobility' // *Journal of Economic Theory*. 1978. Vol. 19.
44. *Stone C., Trisi D., Sherman A., Taylor R.* A Guide to Statistics on Historical Trends in Income Inequality. Washington: The Center on Budget and Policy Priorities, 01.08.2019.

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Перемены в субъективном восприятии уровня жизни российским населением

Прошедший год оказался экстраординарным для всего мира вследствие пандемии коронавируса и беспрецедентных ограничений, введенных правительствами большинства стран в рамках карантинных мер. Россия не стала исключением. С точки зрения экономических последствий для нашей страны это был не единственный шок — эпидемиологический фактор разрастания экономического кризиса был усугублен обвальным падением цен на нефть еще до начала эпидемии, т.е. сокращением основного источника доходов страны.

Прошедший год был не только сложным, но еще и очень неоднородным по динамике экономических показателей уровня жизни населения и общественных настроений в целом. В начале года, несмотря на уже имевшиеся неблагоприятные сигналы (и о ситуации на нефтяном рынке, и о коронавирусе), в полной мере сохранялись сложившиеся в предыдущие годы социально-экономические тренды. Наблюдалась стабилизация денежных доходов и расходов населения (после нескольких лет снижения), сохранялся тренд снижения инфляции на потребительском рынке и инфляционных ожиданий населения, продолжались слабо позитивные тенденции в динамике платежеспособного спроса, кредитном и сберегательном поведении, общественных настроениях и ожиданиях на будущее. То же самое можно сказать и об общественном мнении — опросные данные фиксировали в целом положительный фон, который, однако, как и в предыдущие годы, основывался на механизме негативной адаптации, т.е. не являлся предвестником и источником позитивных перемен.

Традиционные индикаторы не предвещали скорых драматических перемен, но ситуация была неустойчивой. К началу карантинных ограничений, сопровождавшихся обвальным падением доходов населения, ро-

стом безработицы и прочими проявлениями экономического кризиса, население подошло, успев за предыдущие несколько лет (начиная с 2015 г.) вжиться в новые нормы потребительского поведения, основанного на стагнации денежных доходов и режиме строгой экономии, преобладании в семейных бюджетах текущих расходов, снижающейся норме сбережений, уменьшившейся доле расходов на рыночные виды услуг. Произошло это ценой многолетнего сокращения платежеспособного спроса.

Летние месяцы 2020 г. стали периодом восстановительного роста экономики и позитивных изменений в общественных настроениях. Осенний рост заболеваемости и частичное возвращение ограничений общественной и экономической жизни затормозили, если не обратили вспять, этот позитивный процесс. В большинстве регионов страны новогодние празднования подпали под карантинные ограничения. В итоге к концу года население страны назвало 2020 г. одним из самых тяжелых за несколько десятилетий¹. Непосредственные первые впечатления показывают высокий накал драматизма.

У россиян накоплен богатый опыт проживания кризисных ситуаций, и сравнение с оценками, сделанными в прошлые годы, делает картину более взвешенной. В сентябре 2020 г., как раз на излете передышки между первой и второй волнами заболеваемости коронавирусом, по заказу НИУ ВШЭ был в третий раз проведен опрос населения России об отношении к переменам, происходящим в стране². Первый такой опрос датирован декабрем 2016 г. — пе-

¹ См. результаты новогоднего опроса «Левада-центра»: URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/12/jUy0f-2020-2019-1-1024x498.png>.

² В каждой волне исследования было опрошено 6 тысяч респондентов по выборке, репрезентирующей мнение городского и сельского населения России в возрасте 15–72 года.

риодом сохраняющейся второй год подряд отрицательной динамики реальных денежных доходов и уже наступившей адаптации поведения населения к таким неутешительным условиям. Второй опрос проходил весной 2018 г., в относительно благоприятное время — падение денежных доходов постепенно останавливается, а накопленный опыт экономии позволяет оценивать это позитивно. Об обстоятельствах проведения третьей волны исследования уже коротко сказано, дополним лишь, что с точки зрения динамики реальных денежных доходов населения нынешний год, судя по имеющимся предварительным данным Росстата, будет сопоставим с 2016 г.

Динамика и структура уровня жизни признаются экспертами важнейшими (или одними из самых значимых) факторами формирования их мнений и представлений об обществе, о своем месте и роли в актуальных социальных событиях, представлении и об оценках общественных институтов, о прочих сторонах субъективного восприятия окружающей действительности.

Экономические условия последних лет были не слишком благоприятны с точки зрения динамики уровня благосостояния российских семей, в первую очередь в силу отсутствия роста реальных денежных доходов. Пандемия коронавируса и введение карантинных мер лишь усугубили положение. Вместе с тем в эти годы

был достигнут стабильно низкий уровень инфляции на потребительском рынке, что привело к постепенному снижению инфляционных ожиданий населения.

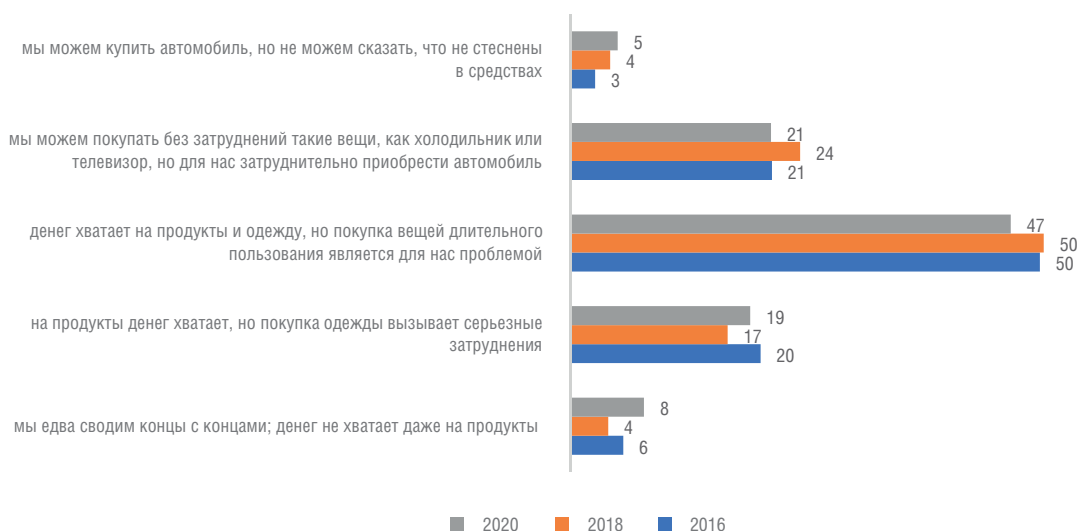
Как отразились в субъективных оценках людей эти процессы, разнонаправленные³ с точки зрения влияния на уровень жизни населения? Какие перемены в потребительском поведении произошли к настоящему времени? Как отразились события и меры социальной политики, предпринятые в связи с пандемией?

Субъективные оценки материального положения и денежные доходы

Опыт применения субъективной шкалы благосостояния, основанной на самоидентификации уровня финансовой достаточности семейного бюджета для удовлетворения сложившихся потребностей, показывает, что со временем изменения структуры ответов оказываются менее значительными по сравнению с динамикой денежных доходов. Рост или падение доходов не напрямую отражаются в том, как респонденты описывают свой финансовый достаток, поскольку они также учитывают и перемены в своих моделях потребления.

Последние пять лет были для российского населения самым неблагоприятным в новейшей истории периодом с точки зрения перемен в уровне денежных доходов. Реальные денежные доходы населения сокращались с 2015 г.,

Рисунок 1
ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ

³ Но, безусловно, взаимообусловленные с экономической точки зрения, поскольку, как представляется, снижение инфляции было достигнуто в основном за счет подавления платежеспособного спроса населения.

и лишь в 2019-м этот процесс остановился. Исследования показывают, что за годы отрицательной динамики реальных денежных доходов произошли изменения в потребительском поведении людей. Сформировались более скромные модели потребления, экономия на текущих расходах стала новым трендом.

Эти перемены нашли отражение в восприятии населением своего финансового достатка. Сравнение данных опросов, проведенных в 2016, 2018 и 2020 гг., показывает незначительные благоприятные сдвиги в структуре субъективных оценок финансового достатка (рис. 1), произошедшие в 2018 г., очевидно, как раз за счет снижения нормативных запросов.

Опрос 2020 г. продемонстрировал несколько большую поляризацию субъективных оценок на фоне ухудшения по сравнению с 2018 г. Очевидная причина — пандемия и карантинные ограничения, создавшие угрозу для заработков и прочих доходов. Эти факторы уже оказали существенное влияние на уровень благосостояния людей, а перспективы развития ситуации еще не очевидны. В целом же на момент опроса субъективное восприятие уровня благосостояния российских семей не слишком поменялось по сравнению с предыдущими годами.

Изменения материального положения семьи

Опрос 2020 г. зафиксировал не слишком благоприятные субъективные оценки текущей динамики материального положения семей, что во многом объясняется условиями панде-

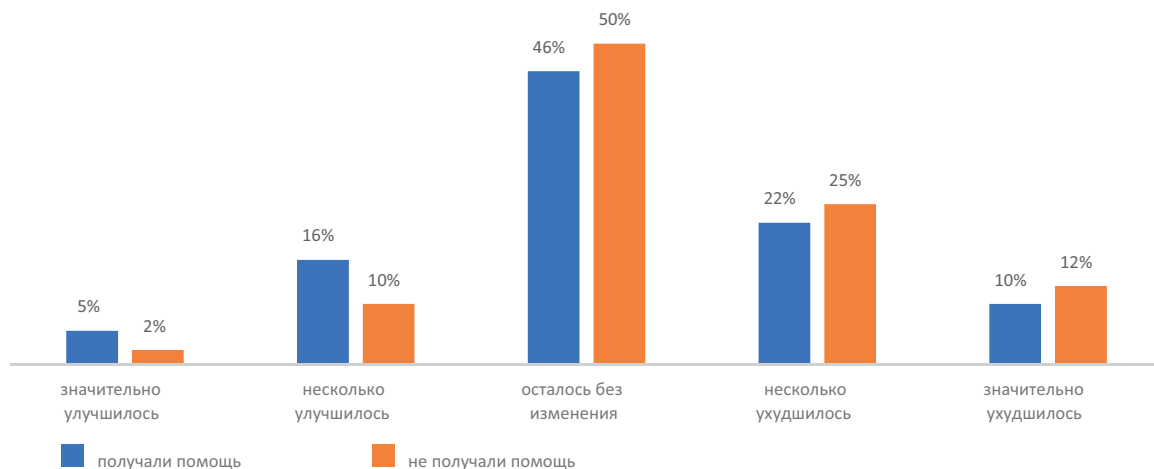
мии. В среднем примерно каждый шестой респондент (16%) сообщил об улучшении материальных условий жизни семьи за последний год и более трети (35%) — об ухудшении. На фоне текущей экономической статистики денежных доходов населения (по данным Росстата в третьем квартале 2020 г., они снизились почти на 5% в годовом выражении) эти субъективные оценки не выглядят экстраординарно низкими. Десять лет назад, на фоне кризиса 2008–2009 гг., фиксировались заметно более низкие субъективные оценки: в феврале 2009 г. 11% отмечали улучшение материального положения, а 48% говорили о его ухудшении⁴.

К моменту проведения опроса 2020 г. заболеваемость коронавирусной инфекцией распространилась по всей России довольно равномерно. Судя по информации, полученной от респондентов в рамках опроса, доля переболевших и/или лично знакомых с болевшими примерно одинаковая во всех типах населенных пунктов.

Оказалось, что сам по себе факт более или менее тесного личного знакомства с этим недугом не приводит к различиям в оценках динамики материального положения. Но вот меры государственной помощи, оказываемой отдельным группам населения в связи с введением карантинных мер (и не связанные с заболеваемостью), имели позитивный эффект — получавшие какую-либо помощь (а это около 40% опрошенных) чуть лучше оценивают изменения своего материального положения (рис. 2). Каждый пятый респондент из числа восполь-

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ИЗМЕНИЛОСЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ПОМОЩИ В СВЯЗИ С КАРАНТИННЫМИ МЕРАМИ?» (опрос 2020 г.)

⁴ См.: Красильникова М. Хроника экономического кризиса в оценках масс // Вестник общественного мнения. 2009. № 1. С. 29–39.

зовавшихся какими-либо видами социальной поддержки сообщил об улучшении материального положения (21%). Среди тех, кто не получал такой помощи, об улучшении говорил только один из десяти (12%). Симметрично: доля отрицательных оценок динамики материального положения ниже в группе получавших меры поддержки.

Субъективное восприятие неравенства

По международным меркам Россия относится к странам с высоким имущественным неравенством. Но количественные показатели экономического неравенства выражаются не столь резко в субъективных оценках материального положения семьи, поскольку опосредуются социальными условиями субъективного сопоставления. Речь идет о том, что, как правило, люди сопоставляют себя с ближайшим социальным кругом, который складывается в результате схожего образа жизни, занятости и обучения, прочих составляющих общественной жизни. Поэтому, когда респондентов просят сравнить свой образ жизни с тем, как живут окружающие, они более всего склонны присоединиться к общему стандарту, к «среднему»⁵, «как все». Отклонения от средней, а еще более — изменения в величине этих отклонений, в стабильных условиях в очень «смягченном» виде отражают фактический уровень дифференциации (т.е. в расслоении общества по уровню денежных доходов). В экстраординарных обстоятельствах (как, например, сейчас — пандемия и карантинные ограничения) представления людей

о своем месте в обществе могут существенно меняться. Но подобные всплески субъективных оценок носят краткосрочный характер и корректируются по мере того, как люди осознают и привыкают к изменившимся условиям.

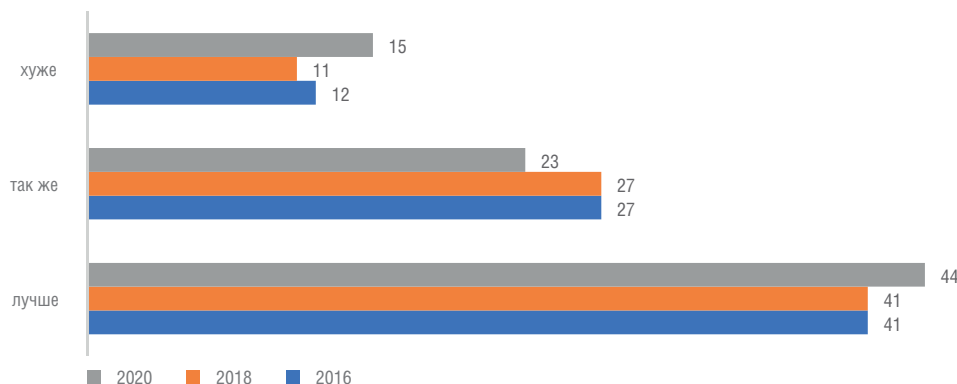
В опросе 2020 г. по сравнению с 2016-м не произошло заметных перемен в представлениях людей о том, как они живут, по сравнению с соседями — примерно три четверти сообщают, что живут в целом так же, как большинство семей вокруг.

Ощущение общности уровня жизни даже несколько укрепилось в последние годы: в 2016 г. доля таких ответов составляла 72%, а в 2020-м увеличилась до 78%. Это произошло за счет сокращения доли тех, кто чувствует себя аутсайдерами: число ответов «живем хуже, чем большинство семей» сократилось с 18% в 2016 == г. до 12% в 2020 г. Возможно, здесь наблюдается еще одно свидетельство особой, во многом внеэкономической природы нынешнего кризиса, связанного с пандемией, — он в равной мере коснулся всех слоев общества.

Ожидания относительно будущего своих детей (будут ли они жить лучше или хуже родителей) являются индикатором субъективных представлений об устойчивости текущих социально-экономических условий и отражают уровень оптимизма в отношении не только отдаленного будущего (ведь речь идет о жизни детей в зрелом возрасте, таком же, как у респондента), но и в оценке сегодняшнего дня, того, насколько он является залогом позитивного развития. Для сегодняшнего российского

Рисунок 3

ДИНАМИКА ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАК БУДУТ ЖИТЬ ВАШИ ДЕТИ В ВАШЕМ ВОЗРАСТЕ?»

⁵ Отсюда, кстати, и столь высокие субъективные оценки принадлежности к среднему классу во всех исследованиях по этому поводу.

общества, несмотря на все текущие трудности⁶, характерен скорее позитивный настрой в отношении будущего — преобладает мнение о лучшем будущем у детей (рис. 3), при этом в нынешнем году доля позитивных ожиданий втрое (44%) превышает долю негативных (15%).

Несмотря на всемирный и экстраординарный характер пандемии, создавший угрозу не только благосостоянию, но и жизни, этот фактор пока не отразился на представлениях россиян о степени устойчивости сложившегося порядка жизни с точки зрения социальных условий.

Текущие и долгосрочные потребительские цели, возможности их реализации

Текущие расходы

Удовлетворение повседневных потребностей является основным направлением потребительских расходов в большинстве российских семей. Долгосрочные и дорогостоящие потребительские цели требуют наличия накоплений, которые у большинства отсутствуют или недостаточны. Поэтому анализ особенностей структур текущих расходов в зависимости от величины денежных доходов позволяет лучше оценить характер и глубину различия между общественными группами с разным уровнем достатка.

луги, развлечения) до более редких, но все же регулярно повторяющихся (одежда, предметы домашнего обихода, отпуск). Дополнительной ценностью этих индикаторов является получение субъективных оценок «настоятельности экономии», которая связана с уровнем удовлетворенности отдельных видов потребительских запросов и поэтому определяется не только текущими денежными ресурсами, но и зависит от сформировавшихся моделей потребления.

В табл. 1 показано, что практически всем семьям приходится в той или иной мере экономить, а распространенность такого потребительского поведения зависит от видов расходов. Сообщения о редких случаях экономии (позиция «очень редко»), очевидно, являются признаком относительного благополучия⁷. Основной интерес представляет анализ ответов о вынужденной «постоянной» и более редкой («время от времени») экономии. Учитывая преобладающую в большинстве семей практику экономии, именно эти данные наиболее информативно демонстрируют различия в потребительском поведении.

На рис. 4 показано, что степень настоятельности экономии существенно меняется в зависимости от уровня денежных доходов. Эти различия особенно выражены, когда речь идет

Таблица 1

ЧАСТОТА ЭКОНОМИИ СЕМЕЙНЫХ БЮДЖЕТОВ ПО РАЗЛИЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ РАСХОДОВ (% по строке) (опрос 2020 г.)

	Постоянно	Время от времени	Очень редко	Никогда
Питание	6	21	20	52
Одежда, обувь	10	30	24	36
Предметы домашнего обихода	10	26	24	39
Прием и посещение гостей	11	24	20	45
Лечение, восстановление здоровья	14	23	17	46
Поездка к родственникам, друзьям	17	27	19	38
Бытовые услуги	33	13	11	44
Развлечения, кино, театры	34	23	14	30
Поездки на отдых	41	24	13	23

В рамках настоящего исследования для этих целей использовались индикаторы степени настоятельности экономии на различных направлениях регулярных потребительских расходов: от повседневных (питание, бытовые ус-

⁶ Пожалуй, скорее «благодаря» текущим трудностям, которые не оставляют места для позитива в настоящем, а текущий пессимизм компенсируется надеждами на будущее.

⁷ Позиция «никогда» является более двусмысленной, поскольку может отражать (и часто отражает) ситуацию, когда по субъективному представлению респондента такой вид расходов полностью отсутствует. Это не обязательно следует трактовать как признак неблагополучия, учитывая огромное разнообразие конкретных жизненных ситуаций. В дальнейшем анализе сосредоточимся только на первых трех характеристиках степени настоятельности экономии, рассматривая позицию «очень редко» как наиболее благоприятную оценку достаточности денежных доходов для полного удовлетворения сформировавшихся потребительских запросов.

о наиболее массовых тратах (питание в первую очередь), но заметно снижаются в случае менее жизненно важных и не всегда имеющих в семьях расходах (развлечения, социальное общение). Доля ответов о постоянной экономии на питание в нижнем квинтиле распределения по денежному доходу в 6 раз выше, чем в верхнем. Доля ответов о постоянной экономии на покупке одежды и обуви различается в 4 раза. По остальным видам потребительских расходов разрыв заметно меньше — примерно вдвое. Такие данные — это еще одно свидетельство того, что массовые потребительские модели в российском обществе дифференцированы по признакам, характерным для бедного потребителя, тогда как более полное и разнообразное удовлетворение потребительских запросов в той или иной степени труднодоступно для всех доходных групп.

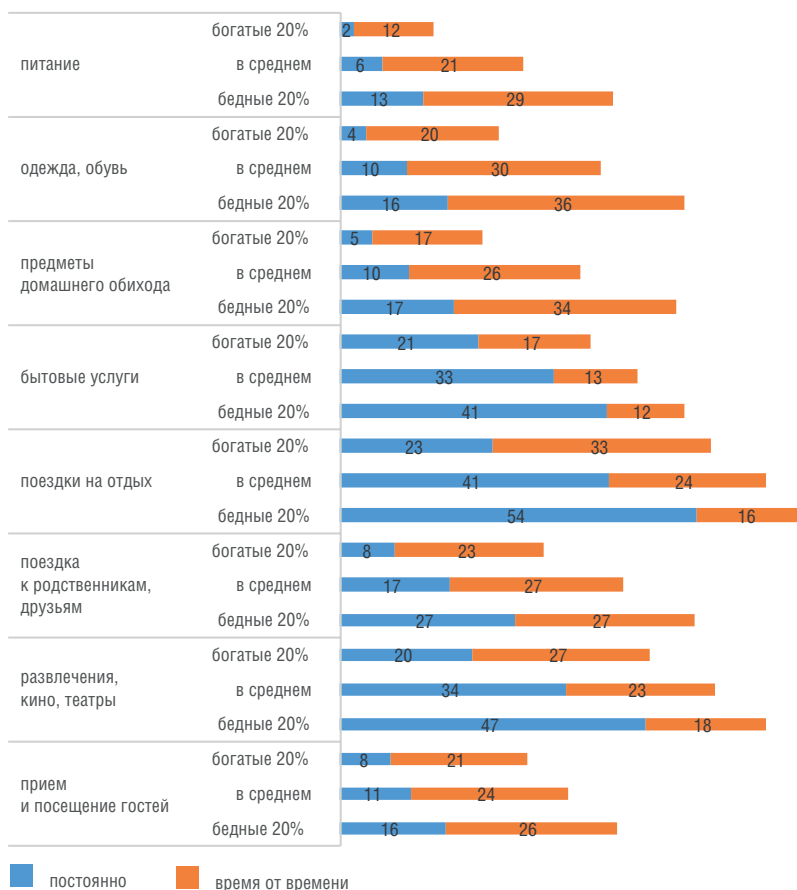
Проведенные ранее исследования показывают, что по сравнению с 1990-ми произошли заметные перемены⁸. В результате почти

десятилетия экономического подъема и роста денежных доходов домохозяйств в 2000-е россияне оставили в прошлом навыки «тотальной экономии», когда почти каждая семья экономила практически на всех потребительских расходах. В относительно благополучном, 2012 г. уже только половина опрошенных городских семей говорила, что экономит на питании «время от времени» или реже. В более поздние годы настоятельность экономии стала нарастать под влиянием снижения денежных доходов, но распространенность подобных ответов респондентов оставалась заметно ниже, чем в 1990-е.

По сравнению с 2016 г. сейчас можно говорить как минимум об отсутствии перемен (рис. 5) или даже о некотором улучшении оценок. Более заметные позитивные сдвиги, наметившиеся в 2018 г. по отдельным статьям потребительских расходов, в нынешнем году были частично утрачены в результате ухудшения экономической ситуации.

Рисунок 4

ЧАСТОТА ЭКОНОМИИ ПО ВИДАМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ ПО ГРУППАМ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ (опрос 2020 г.)

⁸ См.: Красильникова М. Российский потребитель — меняется ли он? // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 86–95.

Колебания анализируемых оценок, как представляется, объясняются субъективной природой анализируемого показателя. В последние годы динамика реальных денежных доходов оставалась отрицательной или почти нулевой, но произошли перемены в потребительских запросах в сторону их понижения. Это обстоятельство смягчает субъективное восприятие режима экономии, делает этот режим приемлемой нормой жизни.

Сохранение в общественном сознании относительно скромных нормативных представлений об образе и уровне жизни позволяет людям терпеливо воспринимать текущие экономические трудности. Оказалось, что снижение денежных доходов еще не так велико, чтобы заставить людей возвращаться к моделям экономии образца середины 1990-х, и можно говорить о значительном запасе прочности у российского потребителя.

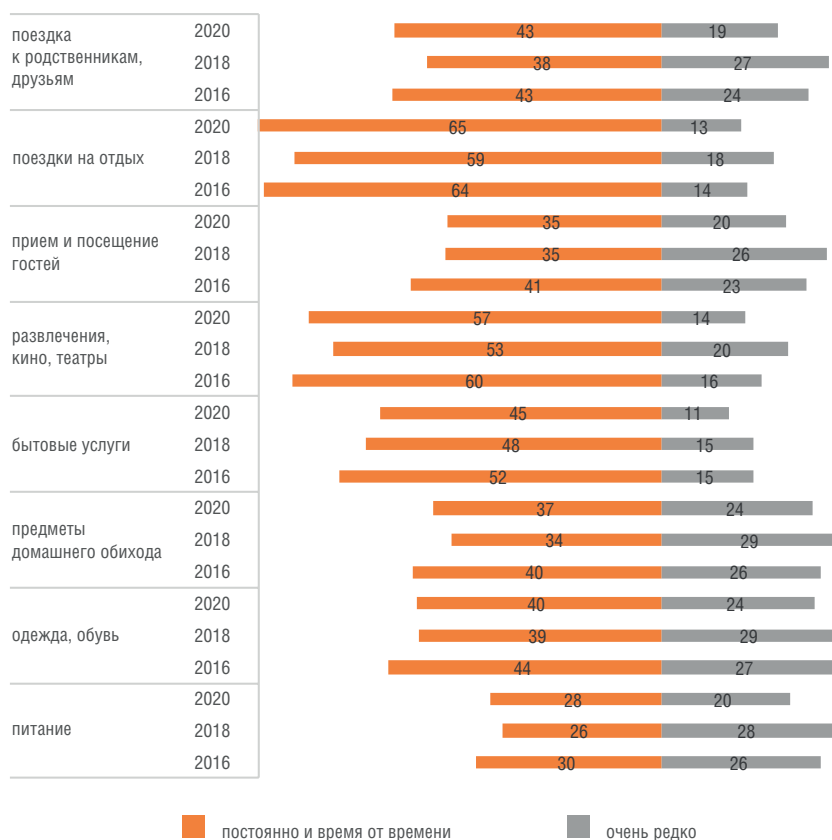
также изучалась актуальная структура потребительских предпочтений, вероятные перемены в поведении в случае изменения денежных доходов. Респондентам предлагалось, с одной стороны, выбрать приоритеты увеличения расходов в случае роста текущего дохода семьи в полтора раза, а с другой — указать статьи экономии при уменьшении денежных доходов на 20%.

Эти данные подтверждают, что наиболее «гибкими»⁹ статьями потребительских расходов являются покупки продуктов питания, одежды и бытовой техники, а также расходы на ежегодный отдых (отпуск). В случае увеличения дохода именно по этим направлениям будут расходоваться дополнительные средства. При снижении доходов экономить будут на них же (рис. 6).

Сопоставление частоты выбора того или иного направления потребительских расходов, с одной стороны, для увеличения, а с другой —

Рисунок 5

ДИНАМИКА ЧАСТОТЫ ЭКОНОМИИ ПО ВИДАМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ

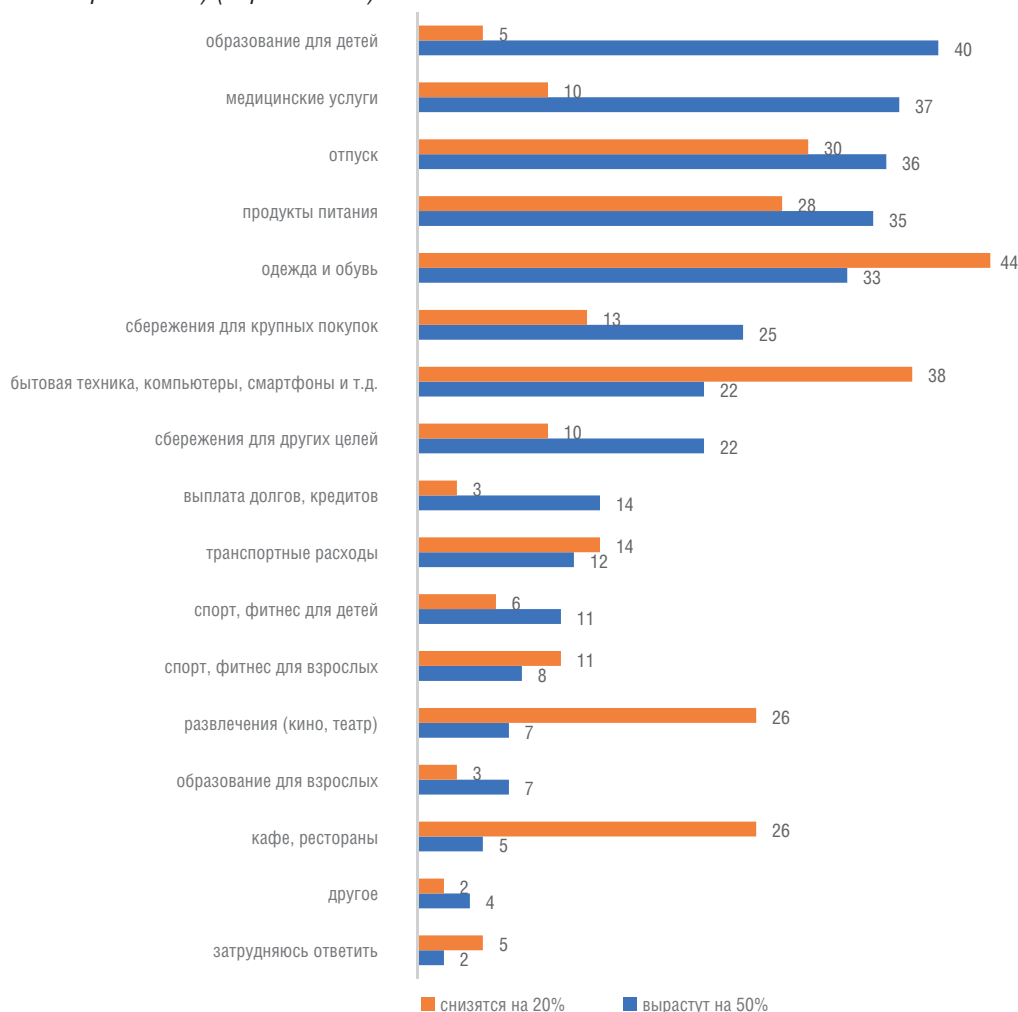
Вместе с тем другие данные настоящего исследования дают свидетельства о появлении признаков исчерпания этого запаса прочности.

Наряду с тестированием характера режима экономии текущих семейных расходов в опросе

⁹ Не путать с экономическим понятием «эластичность по доходу». Распределение долей ответивших о выборе той или иной статьи семейных расходов для экономии или увеличения трат зависит не только от эластичности этих расходов, но и от их представительности в структуре бюджетов, а также от нормативных моделей потребительского поведения.

Рисунок 6

ПРИОРИТЕТЫ РАСХОДОВАНИЯ СРЕДСТВ В СЛУЧАЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТЕКУЩЕГО ДОХОДА СЕМЬИ. РАНЖИРОВАНО ПО ЧАСТОТЕ УПОМИНАНИЯ ПРИОРИТЕТОВ УВЕЛИЧЕНИЯ РАСХОДОВ В СЛУЧАЕ РОСТА ТЕКУЩИХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ
(% от числа всех опрошенных) (опрос 2020 г.)

для сокращения, в случае соответствующего изменения денежного дохода показывает баланс перемен, т.е. демонстрирует, какие статьи семейных расходов являются преимущественно резервами для экономии, а какие остро нуждаются в увеличении.

На рис. 7 представлены результаты таких сравнений — разница между долями (в процентах) респондентов, упомянувших тот или иной вид расходов как направление увеличения расходов минус частота его упоминания как направления снижения затрат, экономии. Соответственно, если на рис. 7 значение положительное, то этот вид расходов чаще упоминается как кандидат для увеличения, а если отрицательное — это резерв для экономии. Чем больше разница по абсолютной величине, тем вероятнее увеличение (если знак положительный) или сокращение (если знак отрицательный) расходов.

При положительном разрыве, чем он больше, тем больше вероятность роста расходов по этой статье. Более значительный разрыв обеспечивается одновременно за счет большей готовности увеличивать расходы в благоприятных условиях и меньшей готовности их уменьшать — при неблагоприятных. Но величина разрыва зависит также и от наличия указанных статей расходов в структуре потребления. Например, справедливо предположить, что относительно незначительная по величине разница по статье «расходы на кафе, рестораны» в первую очередь объясняется скромными размерами (или полным отсутствием) этих затрат во многих семьях.

При отрицательном разрыве, чем он больше по абсолютной величине, тем выше вероятность сокращения расходов по этой статье.

Если разрыв значимо изменяется по мере роста благосостояния, то этот вид расходов

имеет существенно разную роль в структуре потребления различающихся по достатку семей, т.е. является маркером уровня достатка, обеспеченности.

На рис. 7 хорошо видны приоритетные направления увеличения потребительских расходов — услуги образования и здравоохранения, формирование денежных сбережений, возврат кредитов и долгов, а также наиболее вероятные резервы для экономии — развлечения, расходы на бытовую технику, одежду и обувь.

Подтверждается отсутствие принципиальных различий в массовых моделях потребительского поведения. Нет расходов, которые «меняют знак» в группах с разным уровнем достатка, т.е. являются резервом экономии в одних семьях, но приоритетным направлением увеличения расходов в других. У бедных и богатых семей в целом одинаковые потребительские приоритеты, различается лишь интенсивность, вероятность выбора общей для всех модели потребления.

При этом по некоторым направлениям эти различия велики (обеспеченные люди заметно чаще готовы тратить деньги на образование детей и накопление сбережений и чаще экономят на развлечениях и покупке бытовой техники; последнее скорее всего потому, что в бедных семьях

таких трат почти нет, т.е. экономить не на чем).

Но есть и статьи расходов, которые одинаково хотели бы увеличить люди с разным уровнем достатка, — это прежде всего медицинские расходы.

Сравнение ответов респондентов, полученных в 2020 г., с результатами 2016 г. показывает, что произошли важные изменения (табл. 2). Напомним, что последние пять лет были неблагоприятными с точки зрения динамики денежных доходов семей, что, в частности, привело к адаптации моделей потребительского поведения и заставило людей более экономно строить семейные бюджеты. Очевидно, этот режим экономии по-разному отразился на удовлетворенности людей своим потреблением. При снижении денежных доходов люди старались экономить в первую очередь на покупках одежды, обуви, бытовой техники, развлечениях и расходах на отпуск, примерно столь же часто упоминается сокращение расходов на питание. Частота выбора приоритетных направлений экономии не поменялась по сравнению с 2016 г.

Вынужденная практическая реализация такой стратегии экономии семейных бюджетов привела за эти годы к смене приоритетов увеличения потребительских расходов в случае роста денежных доходов. В 2016 г. потребительские

Рисунок 7

ПРИОРИТЕТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ В СЛУЧАЕ РОСТА / СНИЖЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ ПО ГРУППАМ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА. РАНЖИРОВАНО ПО ЧАСТОТЕ УПОМИНАНИЙ В ГРУППЕ «ХВАТАЕТ НА ПРОДУКТЫ И ОДЕЖДУ» (опрос 2020 г.)

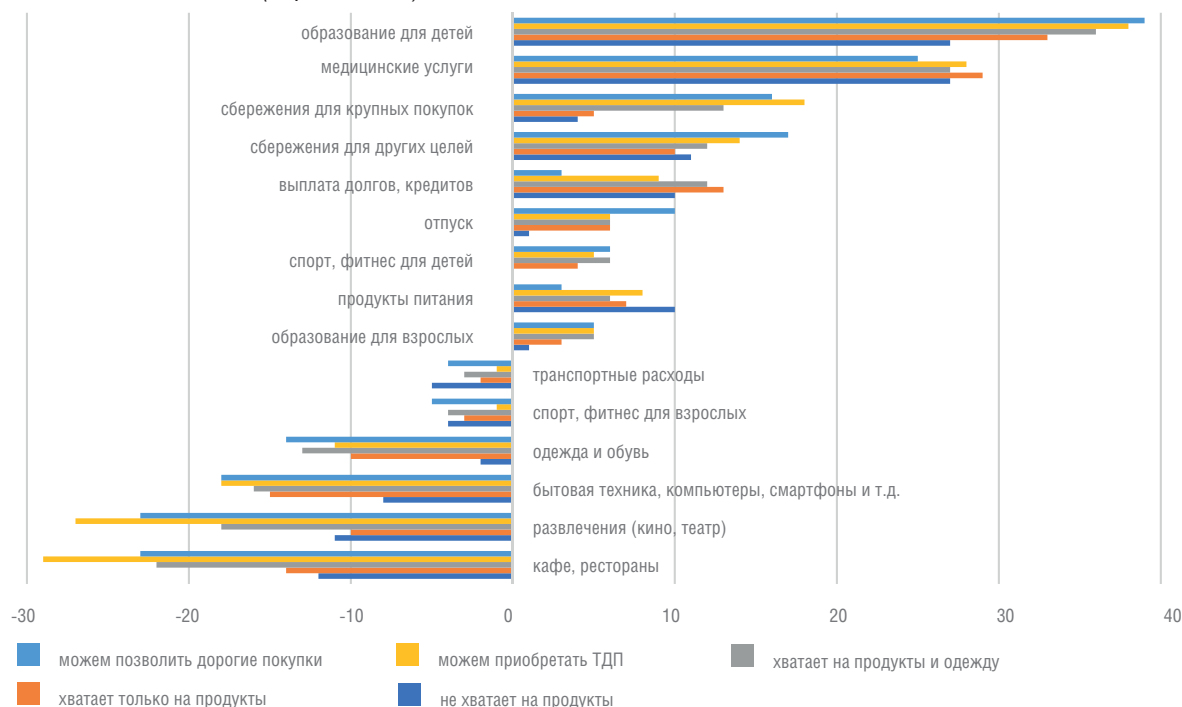

Таблица 2

СТРУКТУРА РОСТА / СОКРАЩЕНИЯ РАСХОДОВ В СЛУЧАЕ УВЕЛИЧЕНИЯ / СНИЖЕНИЯ ТЕКУЩИХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ СЕМЕЙ — СРАВНЕНИЕ ДАННЫХ 2016 Г. И 2020 Г. РАНЖИРОВАНО ПО ОТВЕТАМ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ РАСХОДОВ ПРИ РОСТЕ ДОХОДОВ В 2020 Г.

	Доходы вырастут на 50%		Доходы снизятся на 20%	
	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.
Образование для детей	25	40	3	5
Медицинские услуги	26	37	8	10
Отпуск	35	36	29	30
Продукты питания	27	35	25	28
Одежда и обувь	33	33	41	44
Сбережения для крупных покупок	28	25	14	13
Бытовая техника, компьютеры, смартфоны и т.д.	32	22	38	38
Сбережения для других целей	24	22	11	10
Выплата долгов, кредитов	11	14	3	3
Транспортные расходы	6	12	8	14
Спорт, фитнес для детей	8	11	6	6
Спорт, фитнес для взрослых	9	8	8	11
Развлечения (кино, театр)	12	7	27	26
Образование для взрослых	5	7	3	3
Кафе, рестораны	7	5	24	26

аспирации были заметно более гедонистическими: прежде всего люди хотели тратить больше денег на отпуск, одежду, бытовую технику. В настоящее время люди в первую очередь думают об увеличении расходов на медицинские и образовательные (для детей) услуги, а также на продовольствие.

О низкой удовлетворенности населения услугами образования и здравоохранения и в 2016-м, и в 2020-м свидетельствует высокая доля ответов о том, что люди хотели бы увеличить расходы на эти цели, при редком упоминании этих статей как направлений экономии. В отличие от покупок одежды и прочих вышеупомянутых статей расходов текущий уровень за-

трат на эти цели находится на предельно низких уровнях, и экономить на них люди будут редко.

Рост упоминаний увеличения расходов на продовольствие является новым сигналом, возможно, свидетельствующим об обострении проблемы качественного питания. Напомним, что продукты питания являются довольно популярной статьей экономии, но, судя по отмеченным переменам в ответах респондентов (росту желающих увеличить эти расходы), такая экономия уже стала болезненной.

Накопление сбережений было и остается высокоприоритетным направлением использования дополнительных текущих доходов, причем в равной степени для будущих запланиро-

Таблица 3

ДОЛЯ СЕМЕЙ, ПОЛУЧАВШИХ И НЕ ПОЛУЧАВШИХ ПОМОЩЬ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПОДДЕРЖКИ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ КАРАНТИННЫХ МЕР (% от числа опрошенных). Данные 2020 г.

Распределение по среднедушевому денежному доходу	Получали помощь	Не получали помощь
Нижние 20%	26	13
	24	19
	21	20
	17	23
Верхние 20%	12	25

ванных покупок и иных целей. Увеличить эту статью семейного бюджета хотели бы от пятой части до четверти опрошенных.

Кроме того, примерно для каждой десятой российской семьи проблема выплаты кредитов и долгов стоит столь остро, что именно на эти цели будут направлены дополнительные доходы. Здесь также не произошло заметных перемен.

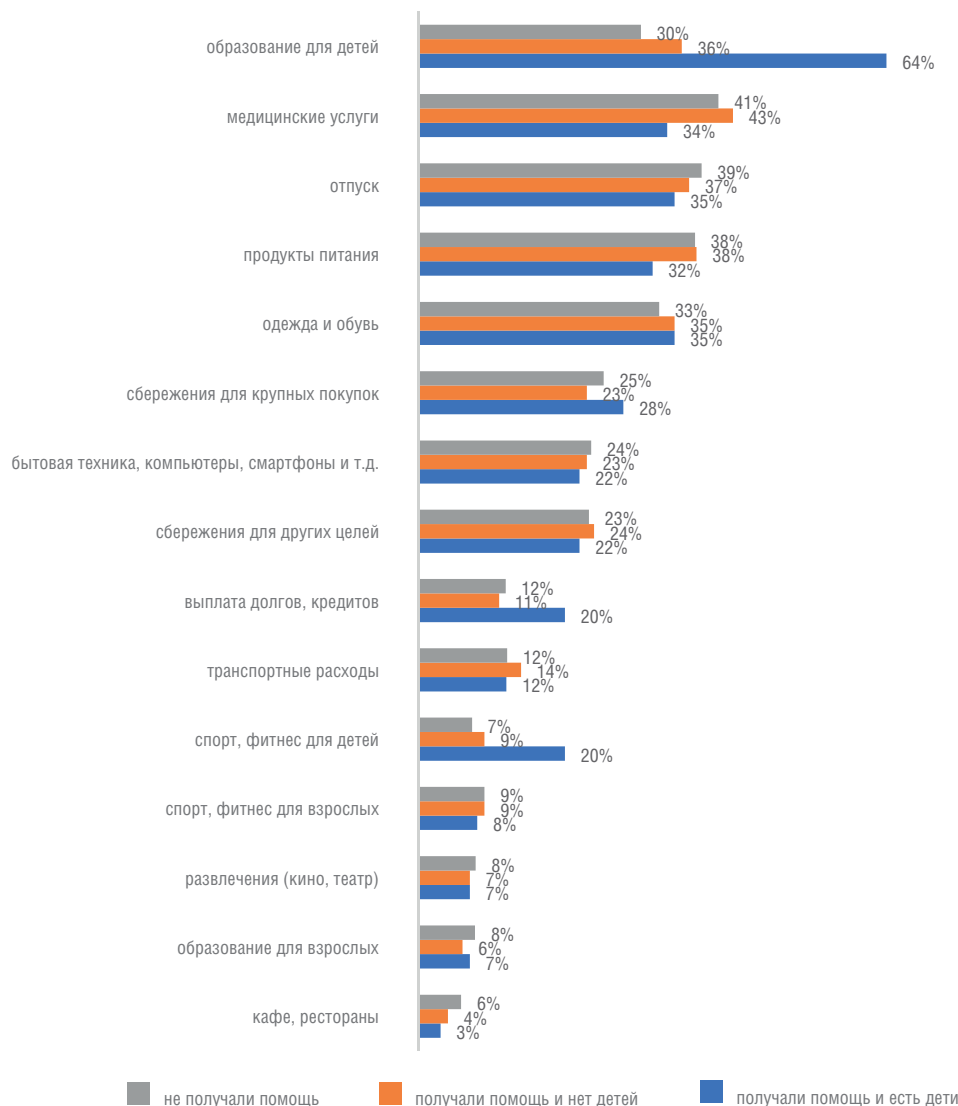
Меры помощи, предусмотренные в связи с введением карантинных мер, для некоторых малообеспеченных семей могли стать заметной добавкой к семейному бюджету (в относительном выражении). Опрос показал, что помощь в связи с карантином поступала чаще бедным, чем обеспеченным семьям.

Это вполне может быть результатом того, что такая помощь была преимущественно организована для семей с детьми и заметно реже для людей старших возрастов — обе эти группы чаще представлены в нижней части распределения по денежным доходам. Оказалось, что среди получателей мер поддержки существуют несколько иные приоритеты расходования дополнительных доходов. Поскольку значительная часть прямых выплат населению была предназначена семьям с детьми, эта категория получателей специально выделена на рис. 8.

Опрос показал, что различия в потребительских ориентациях семей, получавших и не получавших помощь, связаны с двумя направлениями расходов: оплата образования детей (включая

Рисунок 8

ПРИОРИТЕТЫ РАСХОДОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОХОДОВ В ГРУППАХ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ МЕР ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ПАНДЕМИЕЙ (опрос 2020 г.)

спортивно-оздоровительные услуги) и выплаты кредитов. Прочие статьи семейных бюджетов имеют примерно одинаковое значение.

Меры поддержки, прежде всего ориентированные на семьи с детьми и обремененные кредитами, действительно были получены теми, для кого эти потребительские цели особенно значимы.

Крупные расходы

Для анализа потребительского поведения в части удовлетворения дорогостоящих семейных потребностей, осуществления крупных семейных расходов в данном исследовании была использована в качестве теста сумма, равная полугодовому доходу семьи. Для большинства российских семей это весьма значительная сумма, которой, как правило, нет в наличии, поскольку даже среди относительно немногочисленных семей, имеющих сбережения, их величина редко превышает этот порог.

Сначала респондентам предлагалось выбрать, как они предпочли бы распорядиться неожиданно оказавшейся крупной суммой денег. Предлагался выбор между текущими расходами, крупными покупками, сбережениями и инвестициями.

По сравнению с 2016 г. предпочтения практически не поменялись (рис. 9). Наиболее частый выбор (треть опрошенных) — расходование дополнительных денег на текущие нужды, что отражает накопившийся дефицит средств на повседневные расходы. Четверть опрошенных

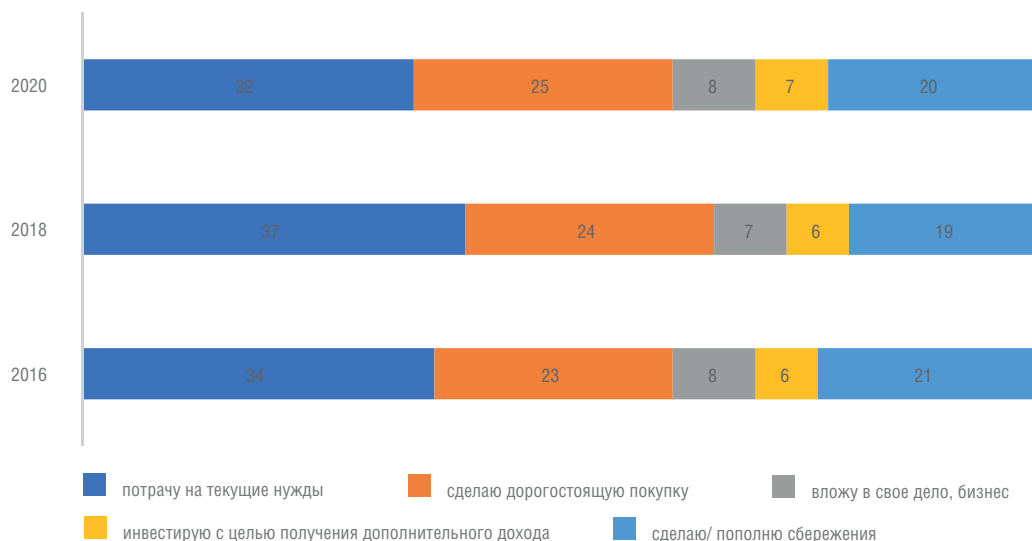
делают выбор в пользу дорогих потребительских товаров, что также соответствует наиболее распространенной до сих пор модели расходования средств на немедленное потребление. Сбережения остаются на третьем месте (их выбрал примерно каждый пятый). Инвестиции и частное предпринимательство по-прежнему остаются мало востребованным направлением финансового поведения частных лиц.

В стратегиях получения крупной суммы за последние годы произошли некоторые перемены (рис. 10). Продолжает укрепляться ориентация на институциональные источники («возьму кредит в банке») в противовес неформальным («возьму в долг у родственников, друзей, знакомых»). Банковское кредитование теперь стало лидером, но отрыв от старой модели частного заимствования еще не так велик. Эти изменения произошли за счет роста доли тех, кто отдает предпочтения банковскому кредиту, в то время как возможности привлечения социальных связей как источника финансовых ресурсов, очевидно, уже достигли своего предела распространения и не изменились по сравнению с 2016 г. Обе стратегии чаще встречаются в более обеспеченных семьях, хотя, как будет показано ниже, в этих группах населения кредиты распространены реже, чем в менее обеспеченных.

Незначительные перемены связаны с двумя менее распространенными стратегиями, которые как бы заместили друг друга. С одной стороны, вдвое увеличилось число тех, кто готов реализовать имущество для получения не-

Рисунок 9

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАСХОДОВАНИЯ СУММЫ ДЕНЕГ, РАВНОЙ ИЛИ ПРЕВЫШАЮЩЕЙ ПОЛУГODOVOY ДОХОДУ СЕМЬИ (% от числа всех опрошенных)

обходимых денежных средств (с 5% в 2016 г. до 10% в 2020 г.). Одновременно также вдвое сократилась доля ответов о невозможности достать сумму, равную полугодовому семейному доходу (с 16% в 2016 и 2018 гг. до 8% в 2020 г.). Обе стратегии более характерны для малообеспеченных семей, особенно для самых бедных — нижние 20% в распределении по среднедушевому денежному доходу (рис. 11). В обоих случаях речь идет об отказе от попыток привлечь извне дополнительные ресурсы, и в совокупности их доля, возможно (в пределах точности оценок), чуть сокращается (с 21% в 2016 г. до 18% в 2020 г.).

Судя по данным 2020 г., мнение «ничего из перечисленного не буду предпринимать» (в целом более распространенное, чем продажа имущества) одинаково часто выбирают респонденты с разным уровнем денежных доходов (рис. 11). Но есть значимые различия в зависимости от субъективных оценок материального достатка. Такой ответ дали 23% среди тех, кто «едва сводит концы с концами», и 14% самых обеспеченных, т.е. такой ответ не обязательно связан с тем, что указанная сумма есть в наличии, но также с полным отказом от попыток ее получить, по крайней мере в бедных семьях.

Рисунок 10

ДИНАМИКА ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЕСЛИ ВАМ ПОНАДОБИТСЯ КРУПНАЯ СУММА ДЕНЕГ (НАПРИМЕР, РАВНАЯ ПОЛУГODOVOMУ ДОХОДУ ВАШЕЙ СЕМЬИ), ЧТО ВЫ СКОРЕЕ ВСЕГО ПРЕДПРИМЕТЕ?» (в % от всех опрошенных)

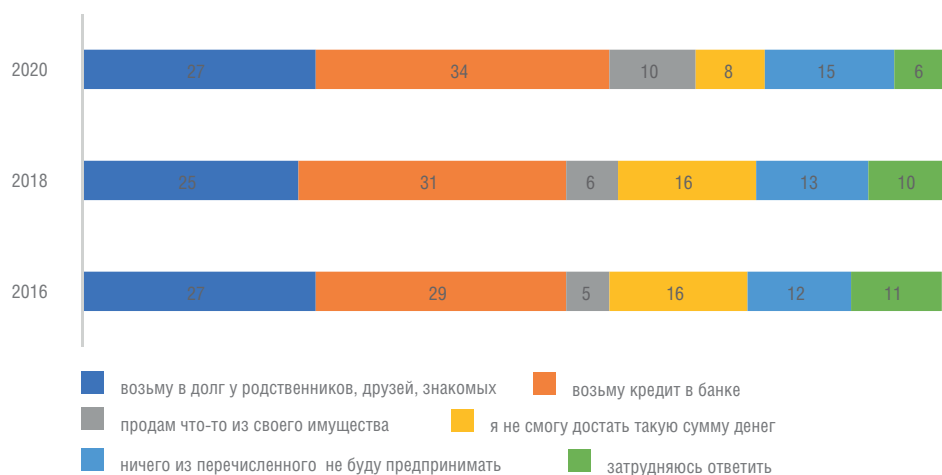
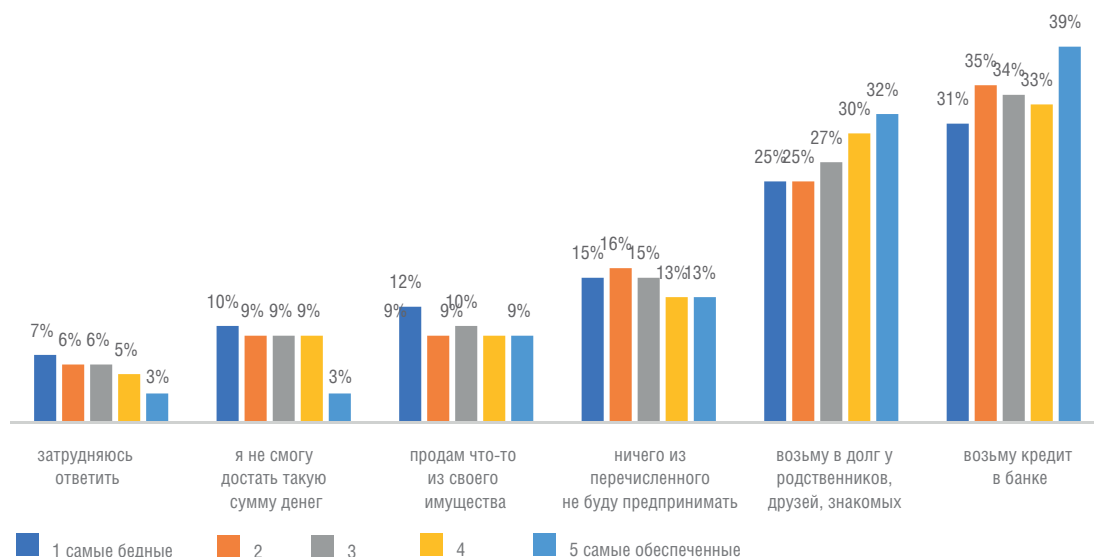

Рисунок 11

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЕСЛИ ВАМ ПОНАДОБИТСЯ КРУПНАЯ СУММА ДЕНЕГ (НАПРИМЕР, РАВНАЯ ПОЛУГODOVOMУ ДОХОДУ ВАШЕЙ СЕМЬИ), ЧТО ВЫ СКОРЕЕ ВСЕГО ПРЕДПРИМЕТЕ?» ПО КВИНТИЛЬНЫМ ГРУППАМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДНЕДУШЕВОГО ДЕНЕЖНОГО ДОХОДА (опрос 2020 г.)

Рассмотренные выше некоторые изменения в оценках незначительны, и в целом можно констатировать отсутствие существенных перемен с точки зрения моделей поведения в части крупных потребительских расходов. Экономические последствия пандемии и субъективные оценки мер поддержки также пока не оказали заметного влияния на потребительские стратегии в части дорогостоящих семейных расходов.

Финансовое поведение населения

Многолетние наблюдения за финансовым поведением населения убеждают в сохранении простой структуры участия населения в финансовой деятельности. Для подавляющего большинства финансовая активность ограничивается сбережениями (в наличности или банковских депозитах) и потребительскими кредитами (включая ипотечное кредитование и

пользование кредитными картами). Этими двумя формами финансовой активности охвачены почти две трети населения (61%). При этом у трети (33%) есть кредиты, но нет сбережений, у каждой пятой семьи (18%) есть сбережения, и они не пользуются сейчас кредитом. Одновременно сохраняют сбережения и пользуются кредитом каждая десятая семья.

По сравнению с 2016 г. ситуация заметно поменялась, отражая нарастание финансовых трудностей в российских семьях. Доля семей, имеющих сбережения, сократилась, а увеличилась доля обремененных кредитами. В совокупности финансовая активность возросла — в 2016 г. только половина опрошенных сообщала о наличии сбережений и/или кредитов в их семьях, т.е. сейчас эта доля увеличилась примерно на одну пятую. Вдвое выросла доля семей, обремененных кредитами и не имеющими сбережений (с 16% в 2016 г. до 33% в 2020 г.). Одновремен-

Рисунок 12

СТРУКТУРА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (% от числа всех опрошенных) (опрос 2020 г.)

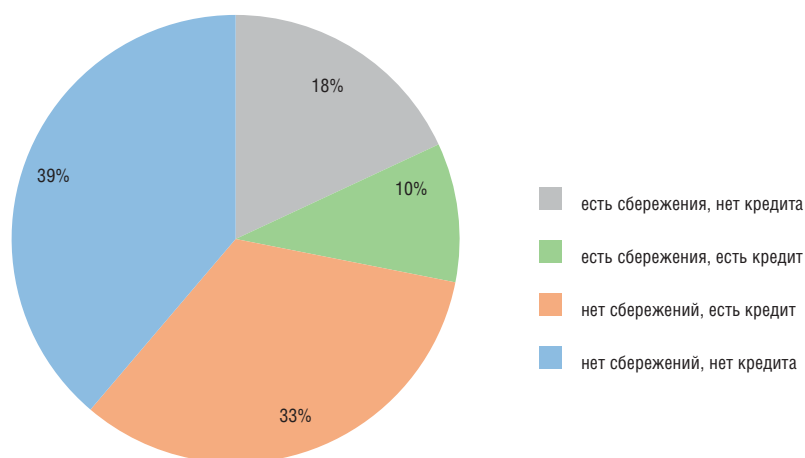
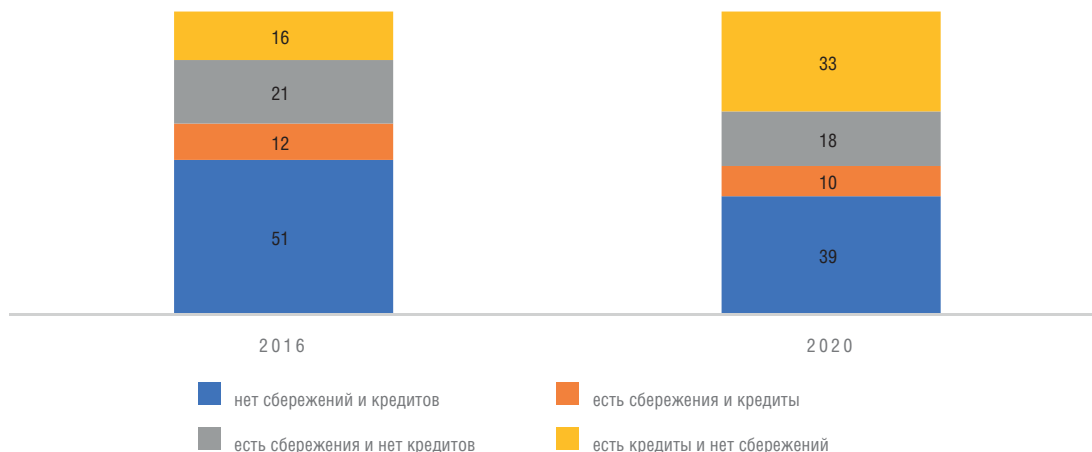

Рисунок 13

ДИНАМИКА ФИНАНСОВОЙ АКТИВНОСТИ — НАЛИЧИЕ СБЕРЕЖЕНИЙ И КРЕДИТОВ (%)

ное наличие и сбережений, и кредитов имеет слабую тенденция к снижению (с 21 до 18%).

Сейчас участие в финансовых операциях более характерно для людей в активном трудоспособном возрасте, и в этой возрастной когорте она чаще связана с кредитованием, чем с накоплением сбережений.

По словам респондентов в возрасте 30–55 лет, в их семьях, как правило, есть кредиты, а сбережения отсутствуют (39% в когорте 30–39 лет и 37% в когорте 40–54 года). Одно-

временно о наличии и сбережений, и кредитов говорят самые молодые респонденты: 15–19 лет — 15%. Среди людей в возрасте 55–72 года таких ответов в 2,5 раза меньше (6%). В старших возрастах чаще говорят о наличии сбережений при отсутствии кредитов (22%).

Молодые люди несколько чаще стараются накапливать сбережения, прежде чем обременять себя кредитами: о наличии сбережений сообщают 32% в возрастной группе 20–29 лет и 28% в возрасте 30–39 лет.

Рисунок 14

СТРУКТУРА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА РЕСПОНДЕНТА
(% от числа всех опрошенных) (опрос 2020 г.)

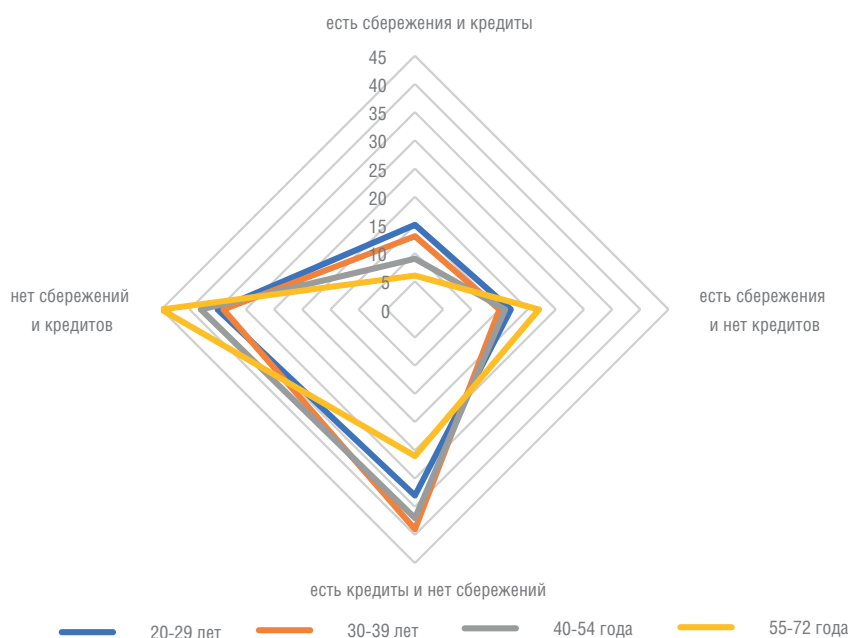

Рисунок 15

СТРУКТУРА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОЦЕНОК ФИНАНСОВОГО СТАТУСА
(% от числа всех опрошенных) (опрос 2020 г.)

Модели финансового поведения семей принципиально меняются в зависимости от субъективных оценок собственного финансового статуса. При этом пограничной характеристикой является оценка: «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения». Семьи с такой и более низкой самооценкой либо обременены кредитами и не имеют сбережений, либо вообще не участвуют в финансовой активности.

Напротив, семьи с более высокими субъективными представлениями о своих финансовых возможностях, как правило, имеют сбережения и стараются воздерживаться от кредитов.

Одновременно именно в этой группе населения чаще всего встречается сочетание сберегательной и кредитной активностей, т.е. наиболее обеспеченные граждане понемногу используют преимущества банковского кредитования, хотя благодаря наличию сбережений скорее всего не испытывают собственно дефи-

Рисунок 16

СТРУКТУРА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ ПО КВИНТИЛЬНЫМ ГРУППАМ (% от числа всех опрошенных) (опрос 2020 г.)

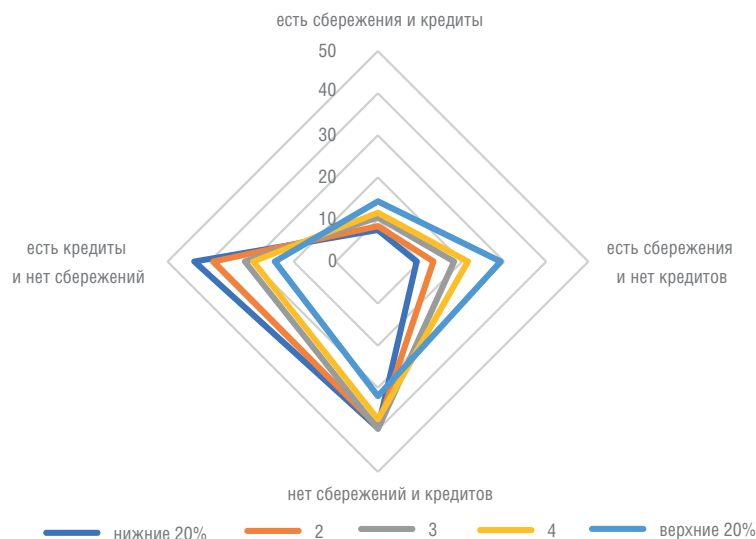
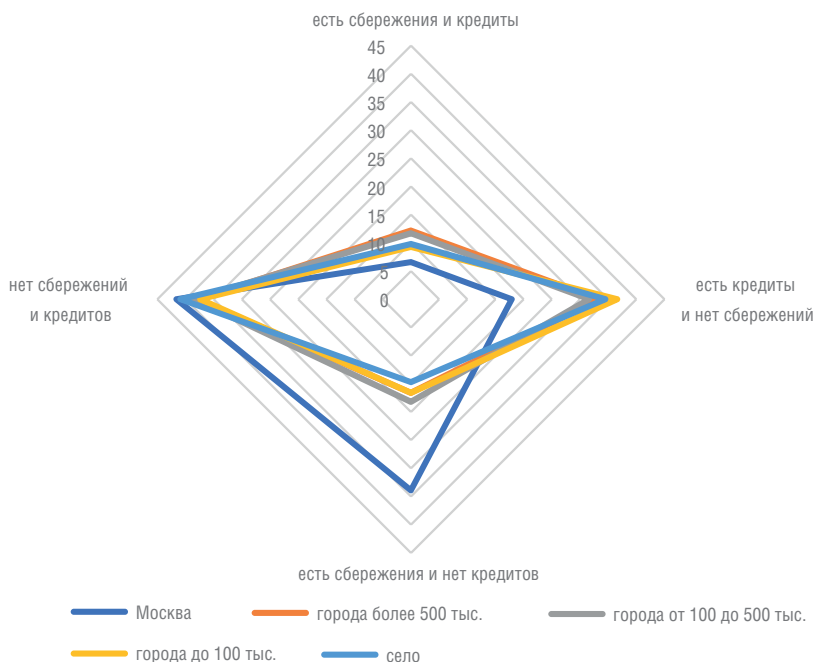

Рисунок 17

СТРУКТУРА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РАЗМЕРА НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА (% от числа всех опрошенных) (опрос 2020 г.)

цита денежных ресурсов. Такого рода финансовая свобода потенциально возможна для относительно малой доли населения: напомним, в данном исследовании в среднем 10% респондентов сообщили одновременно о наличии и сбережений, и кредита / кредитной карты.

По сравнению с различиями в моделях финансового поведения в зависимости от субъективных оценок финансового статуса перемены в квинтильных доходных группах оказываются менее выраженными. Но общая тенденция подтверждается: чем ниже доходы, тем чаще семьи обременены кредитами (при отсутствии сбережений) — 44%. Наиболее высокодоходные верхние 20% населения реже всего берут кредиты при отсутствии сбережений — 25%, и, напротив, чаще других имеют одновременно и кредиты, и сбережения — 14%.

Поселенческие различия в финансовом поведении в основном исчерпываются особым положением москвичей. В Москве примерно такая же, как в среднем, доля ответов о наличии сбережений и/или кредитов в семьях (42%). Но москвичи выделяются заметно более благоприятным соотношением различных типов финансовой активности. Здесь самая высокая доля семей, имеющих сбережения (40% против 28% в среднем), но и самая низкая доля заемщиков (25% против 43%). При наличии сбере-

жений лишь примерно шестая часть москвичей (16%) обращаются к кредитам, в то время как в остальной России доля таких случаев почти в 3 раза выше (около 40%). Именно отказ от кредитов при наличии сбережений является наиболее характерным отличием финансового поведения москвичей.

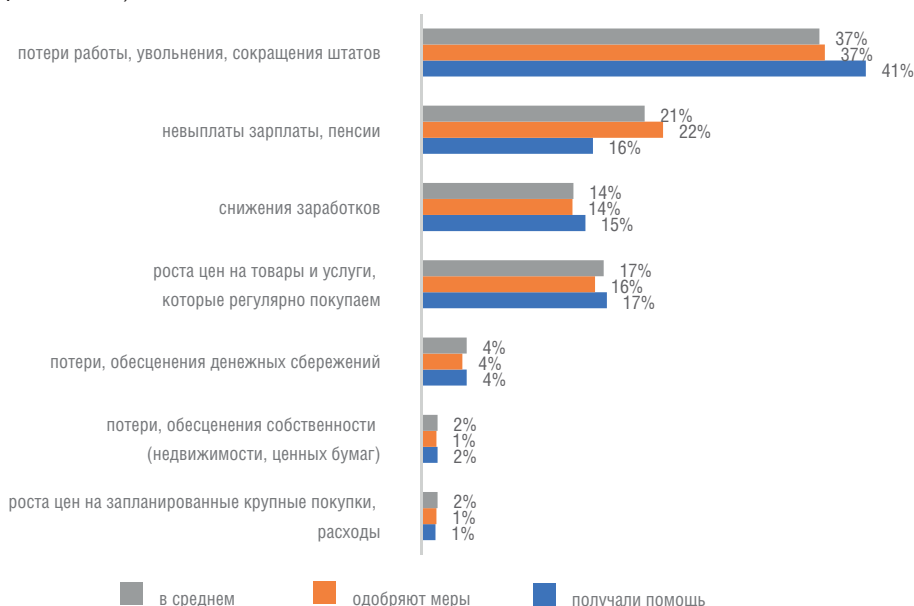
В остальной России ситуация мало различается в зависимости от уровня урбанизации. Доля заемщиков приближается к половине населения и не связана с наличием или отсутствием сбережений (которые есть у чуть более трети опрошенных). Наличие сбережений во всех типах населенных пунктов, кроме Москвы, одинаково редко сочетается с отсутствием кредитов (примерно один случай из шести).

Наиболее тревожащие население проявления экономического кризиса

Ухудшение экономического положения в стране имеет различные проявления (безработица, инфляция, падение производства и кризис финансовых рынков). С точки зрения массовых слоев общества они могут восприниматься по-разному, быть более или менее важны для жизни семей. Иерархия важнейших признаков кризиса определяется уровнем и структурой материального достатка массовых групп населения: общим уровнем устойчивости

Рисунок 18

ПРИЗНАКИ УХУДШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ, КОТОРЫЕ БОЛЕЕ ВСЕГО БЕСПОКОЯТ В СРЕДНЕМ И ПО ГРУППАМ ПОЛУЧАВШИХ ПОМОЩЬ В СВЯЗИ С КАРАНТИННЫМИ МЕРАМИ И ОДОБРЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ (опрос 2020 г.)

финансового положения семей, источниками их доходов, структурой потребления. В российской действительности наиболее болезненной для массовых слоев населения является угроза текущим заработкам. Возможные потери накопленного имущества волнуют очень немногих. Сохранение низкого уровня инфляции на протяжении последних лет смягчило болезненность проблемы роста цен.

В 2020 г. наибольшие опасения у большинства связаны с полной потерей работы (увольнения, сокращение штатов)¹⁰. В среднем об этом сказали 37% респондентов, невыплаты назвали 21%, а сокращения размера заработков — 14%.

Вторая по важности группа проявлений кризисной ситуации — рост цен на повседневные покупки (17% опрошенных).

Первостепенная озабоченность угрозами текущим доходам и потреблению свойственна тем, кто не имеет накопленного имущества,

долгосрочных стратегий и надежд. Опрос показал, что на порядок реже людей беспокоят экономические угрозы более долгосрочного характера — обесценение денежных сбережений (4%), собственности (2%), рост цен на запланированные дорогостоящие приобретения (2%).

Меры государственной поддержки, выработанные правительством для смягчения последствий карантинных ограничений, получили многие (около 40% сообщили о тех или иных видах полученной помощи). Как правило, люди позитивно оценили действия властей в нынешней кризисной ситуации (уровень одобрения в среднем 65%). Тем не менее мнение людей относительно основных угроз экономической безопасности их семей устойчиво и существенно не меняется в зависимости от отношения к правительственной политике в части противодействия пандемии и смягчения последствий.

¹⁰ Хотя, по мнению экспертов, в случае кризисов для российского рынка труда характерны менее радикальные меры, а именно снижение заработков и их невыплата (при сохранении персонала).

УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: ГРУППЫ, ИНСТИТУТЫ, ДВИЖЕНИЯ

Лев ГУДКОВ

Преимственность и изменения в поколении 2002–2020 гг.

Проблема молодежи в современном обществе имеет два аспекта, которые можно сформулировать следующим образом: что может дать нам молодежь и что может ждать от нас молодежь.

К. Маннгейм (1943)¹

Исследовательская проблематика

Сегодня в России оказался очень актуальным старый тезис, согласно которому социальные изменения в обществе носят эволюционный характер, а происходят они посредством поколенческих циклов. Утверждается, что с приходом новых поколений в жизнь общества вносятся новые идеалы и ожидания, родившиеся у молодежи в процессе ее социализации, критического переосмысления и переоценки опыта предшествующего поколения — поколения своих родителей². Эти вопросы стоят в

центре многих дискуссий, причем не только в среде демократов или активистов гражданского общества, но и у консервативных сторонников государственной идеологии патриотизма, в кругах, близких к действующей власти, озабоченных возможностями нежелательного влияния на молодежь прозападных сил³. Разрушение правовых институтов, усиление ре-

¹ Маннгейм К. Диагноз нашего времени. Гл. III «Проблема молодежи в современном обществе». М.: Юрист, 1994. С. 441.

² См., например, относительно недавнее очередное и развернутое представление этой позиции: «...правильно поставленный вопрос о молодежи <...> немедленно становится вопросом о новых трендах и характере социальных изменений в целом». — Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 10. По мнению автора, «мы пережили в 2000-е годы социальный перелом», не связанный «с радикальными политическими или социальными преобразованиями — напротив, он происходил в отсутствие серьезных реформ, в период стабилизации и был вызван скорее сменой поколений — приходом более молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия происходящих событий» (там же, с. 29). Трудно удержаться от комментария: надо быть очень наивным и социально благополучным или, наоборот, политически весьма искушенным и идеологически ангажированным человеком, чтобы говорить об «отсутствии серьезных реформ» и перемен в 2000-е гг., завершившихся упразднением Конституции 1993 г. и формированием принципиально иного, в сравнении с ельцинским, репрессивного режима.

³ Приведу лишь один пример, но характерный для казенной социологии: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. По мнению авторов, что отмечает также и рецензент этой книги (Социологический журнал. 2020. № 4. С. 190), молодежь обладает такими качествами, «необходимыми российскому обществу для социально-экономического развития и политического прогресса, как нравственность, национальная ориентированность, высококультурность, инновационность, предприимчивость, предполагающие ее активное включение в социальные практики». «Молодежь современной России одобряет восстановление авторитета ее государственности, но не может мириться с экономическими сбоями... При этом она выступает за дальнейшее развитие правового государства не столько с целью обеспечения абстрактных прав человека, сколько для легитимации все тех же распределительных отношений» (СЖ. С. 191). Незначительные дефекты социализации молодежи — ее восприятие нынешнего государства как «псевдоправового» — должны корректироваться и обеспечиваться соответствующей конструктивной молодежной политикой. «Для этого необходимо модернизировать систему управления молодежной политикой, усилив возможности эффективного взаимодействия государства, молодежного сообщества и иных институтов гражданского общества, усилив межведомственную координацию, ликвидировав разрыв в полномочиях органов власти федерального, регионального и муниципального уровней». Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Указ. соч. С. 664.

прессивных практик и оправдывающего их законодательства сделали ничтожными все усилия недовольных сложившимся в России режимом власти изменить легальным образом плутократическую государственную систему. Чем ощутимее государственный контроль над различными сферами общественной жизни, ограничивающий инициативы организаций гражданского общества, тем сильнее оказываются ожидания продвинутой и более образованной части российского общества, что демократический транзит будет связан с молодыми людьми, не знающими, как «это было в СССР», и выдвигающими гораздо большие запросы на защиту прав, свободы и человеческого достоинства. На мой взгляд, этой же природы и упорная приверженность многих «политологов» и «социологов» концепции интенсивной «низовой модернизации» в условиях «архаического государства» и подобные рассуждения о неизбежности предстоящего краха сложившейся политической системы. Можно сказать, что ценностной основой реанимации темы является не столько познавательный интерес, сколько перенос в социально-политическую сферу сублимированных аморфных массовых иллюзий, надежд на чудо, веры в то, что жизнь в ближайшем будущем как-то сама собой улучшится. Рутинность и непроблематичность подобного подхода указывают на идеологический характер установок авторов, хотя их можно рассматривать и как выражение более общей культуры «русского авось», как сопутствующий признак государственного патернализма.

Нет сомнений, что каждое новое поколение во второй половине XX в. оказывается более образованным и мобильным. Возрастные когорты последних 30 лет не являются здесь исключением: они обладают неизвестными ранее коммуникативными средствами и социальными навыками — Интернетом, социальными сетями, мобильными телефонами, какая-то часть их сверстников овладела английским языком, получила автомобиль, возможность выезда за рубеж. Молодые люди симпатизируют многим сторонам жизни в европейских странах, ориентированы на потребительские стандарты и образы жизни развитых стран, им знакомы ценности, несомые современной массовой культурой (с ее этикой терпимости, гуманности, достижительности, гражданской солидарности и т.п.). Вместе с тем, как показывают многолетние социологические исследования, ведущиеся в рамках общих научных программ «Левада-центра»,

трансформации постсоветского общества, сам факт избирательной рецепции некоторых современных образцов, прежде всего технических заимствований, инструментальных навыков, моды, поведенческих паттернов, как их называют представители социальной и культурной антропологии, далеко не всегда ведет к изменению институциональных или ценностных систем, к усложнению структуры общества, т.е. к социально-структурной дифференциации и появлению «личности современного типа»¹.

Чтобы определить параметры изменений, произошедших с поколением, не знающим другой жизни, кроме жизни в условиях «путинской консервативной модернизации», политики «стабилизации» (после десятилетия постсоветских реформ), в октябре 2020 г. было проведено социологическое исследование молодежи. Объем общероссийской выборки, репрезентативной для возрастной категории населения 18–34 года, составил 2013 человек. В задачи данного проекта входит анализ:

1) *социального положения молодежи* (Generationslagerung — в терминах К. Маннгейма) в сравнении с референтными социальными группами;

2) *описания внутрипоколенческой идентичности* (осознание своего единства, степень близости или, напротив, разрыв с предшествующими поколениями, потенциал конфликтности);

3) *представлений о будущем*;

4) *глубины и структуры исторического сознания, каналов социализации* — воспроизводства и передачи исторического сознания.

Эти характеристики предполагалось соотнести с политическими предпочтениями и общественной и гражданской активностью молодежи, с одной стороны, и с имеющимися иллюзиями, страхами, коллективными фрустрациями, обуславливающими механизмы вытеснения неприятного или травмирующего прошлого и настоящего («то, что я не могу из-

¹ История Российской империи и СССР свидетельствует, что эволюция страны (так называемая «догоняющая модернизация») была обусловлена потребностями государства в использовании исключительно технологических достижений западных стран для поддержания на соответствующем уровне армии как основы государства, легитимность которого базировалась на великодержавной идеологии. Все прочее — образование, наука, промышленность, управление и другие социальные институты — было производным от этих нужд государства. Вторичность общества по отношению к власти, общества, идентифицирующего себя с государством или неспособного эмансипироваться от государства, может служить одним из объяснений его инертности и зависимости от централизованной администрации и полицейского произвола.

менить, то для меня не существует»), — с другой. В соответствии с выдвинутыми положениями были сформулированы две альтернативные гипотезы, подлежащие проверке данными настоящего исследования и накопленными материалами предшествующих социологических проектов:

1) российская молодежь обладает собственной, отличной от родителей, старшего поколения, идентичностью и самосознанием своей личности, заимствуемыми из современных развитых стран образцами поведения («практиками») и образом действительности, формирующими мотивации участия в общественных делах, склонность к социальным переменам, демократизации и достижительским ориентациям, новые потребительские стандарты жизни;

2) изменения, которые фиксируются в поведенческих образцах и ценностных ориентациях молодежи, блокируются и подавляются мощным пластом советских идеологических представлений и ценностей, воспроизводимых консервативными институтами авторитарного режима — системой образования, пропагандой, политическим классом и силовым аппаратом государства.

Концептуальную основу данного проекта составляют разработки и исследования авторского коллектива «Левада-центра», идущие по общей программе изучения трансформации советского общества, начиная с 1988 г.¹ Не все поставленные задачи могут быть, по понятным причинам, рассмотрены в данной статье, они — предмет дальнейшей работы.

Это не первое исследование молодежи, которое проводят сотрудники «Левада-центра». Накоплен значительный массив данных, позволяющих не только анализировать отдельные аспекты молодежных установок, но и их динамику². Поэтому в статье для подчеркивания

специфики социальных и ценностных установок российской молодежи там, где это возможно, ответы молодых людей будут сравниваться с распределениями мнений и ответов на аналогичные опросы населения в целом. Все данные приводятся в процентах ко всем опрошенным, если не указано иное.

Общая характеристика современной молодежи России: ее самоописание

Молодежь в среднем более образованна, чем население страны в целом: 34% по выборке в настоящем опросе имеют хотя бы одно высшее образование (в населении в среднем — 27%), еще 6% являются студентами вузов (доля студентов вузов в населении в целом — 3%). 34% респондентов получили среднее специальное профессиональное образование (47% в целом).

Молодые люди в массе своей очень довольны собой, чувствуют себя вполне «успешными» (так считают 66%) и «свободными» (82%). Жизнь им кажется «интересной» (86% и только 12% — скучной), что заметно отличает их от взрослого (тем более пожилого) населения, две трети которого, по собственным словам опрошенных в ходе регулярных опросов общественного мнения, проводимых «Левада-центром», подвержены настроению депрессии и рессентимента (рис. 1, сумма двух переменных — рессентимента и депрессии — после 2002 г. составляет примерно одну и ту же величину, за исключением фаз патриотической и милитаристской мобилизации и возбуждения российского общества в 2008 и в 2014–2015 гг.).

Из 48 определений людей своего поколения, данных респондентами (табл. 1), 36 — позитивных, 9 — негативных, 3 — нейтральных («обычные, нормальные»; «как все»; «такие же, как раньше»).

Сравнивая свое социальное и материальное положение с положением родителей (т.е. со старшим поколением, а значит, с основной массой российского населения), молодые

¹ Der Sowjetmensch: Soziogramm eines Zerfalls, 1989–1991. Berlin, Argon, 1992. — Колл. авт.; русское изд. — Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993, франц. — L'Homme soviétique ordinaire. Enquête. Paris, 1993; *Левада Ю.* От мнения — к пониманию. М., 2000. С. 391–549. *Левада Ю.* Ищем человека. М., 2006. С. 243–358. Инициатором и автором основных концепций этого проекта был сам Ю.А. Левада. Подробнее о проекте см.: *Гудков Л.* «Советский человек» сквозь все режимы: 30 лет исследовательского проекта // 30 лет постсоветской Европы. М.: НЛЮ, 2020.

² *Дубин Б., Зоркая Н.* Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 14–19; *Дубин Б.* Поколение. Социологические и исторические границы понятия. В кн.: *Дубин Б.* Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. С. 47–58; *Левада Ю.* Поколе-

ния XX века: возможности исследования // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: НЛЮ, 2005. С. 39–60; *Левада Ю.* Заметки о проблеме поколений. Там же. С. 235–244; *Дубин Б.* Поколение: Смысл и границы понятия // Отцы и дети. С. 61–79; Поколение Z: Молодежь времени путинского правления (колл. авт.) // ВОМ. 2020. № 1. С. 21–121; В России подросток «поколение Путина». Оно требует хлеба и зрелищ // Свободная пресса. 2011. 14 июня; Молодые, но вряд ли новые. Социологи исследовали жизненные ориентиры сегодняшних 20-летних россиян // Независимая газета. 2012. 27 марта. С. 14. URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-03-27/14_young.html.

Рисунок 1

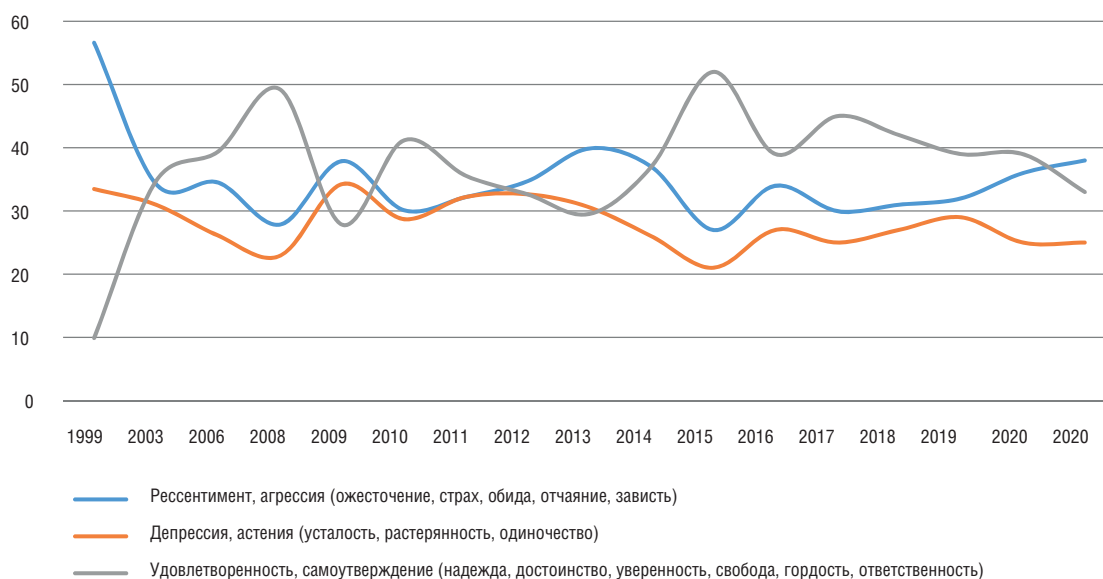
КАКИЕ ЧУВСТВА ПРОЯВИЛИСЬ, ОКРЕПЛИ У ОКРУЖАЮЩИХ ВАС ЛЮДЕЙ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ?

Таблица 1

КАКИМИ СЛОВАМИ ВЫ БЫ ОПИСАЛИ СВОЕ ПОКОЛЕНИЕ? (ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС, РЕСПОНДЕНТЫ САМИ ОПИСЫВАЛИ ПОКОЛЕНИЕ СВОИХ СОВРЕМЕННИКОВ (в % к числу опрошенных, респондент мог дать несколько ответов, сумма ответов больше 100%))

Позитивные определения		Негативные определения	
Целеустремленное	5,8	Глупое, малообразованное, бездари, деградация	7
Современное, технологичное	5	Переходное, поколение «Пепси»	5
Продвинутое, прогрессивное	4,9	Плохое, ленивое, инертное	4,2
Свободное, свободолюбивое	4,9	Потерянное, разочарованное	4,1
Современное, новое	4,8	Не думают о будущем / беззаботное	3,1
Энергичное, динамичное, мобильное	4,5	Поколение гаджетов / интернет-зависимое	2,7
Трудолюбивое, предприимчивое, деловое	4,4	Амбициозное	2
Хорошее, воспитанное, доброе	4,1		
Умное, мыслящее	3,4		
Открытое, любознательное	3,3		
Нормальное, обычное	3		
Талантливое	3		
Цифровое, инновационное, компьютеризированное	2,8		
Перспективное, гибкое, независимое	2,5		
Знающее, образованное	2,4		
Успешное	2,3		
Веселое	2,3		
Бесстрашное, решительное	2,2		
Стремятся жить хорошо / думают о завтрашнем дне	2,2		
Интересное, креативное, модное, творческое / чудесное, способное	2,2		
Сумма ответов	77,3		28,1

Приводятся ответы, данные не менее чем 2% респондентов.

люди чаще оценивают его как более высокое (38%) и благополучное (46%) или, по крайней мере, как «такое же, что и у них» (соответственно 44 и 32%). «Неудачников», т.е. снизивших свое положение и благосостояние в сравнении с родителями, насчитывается 12–17% (явное меньшинство; даже если включить сюда и затруднившихся с ответом, для чего есть определенные основания, таких респондентов в среднем получается не более 20%).

54%, среди учащихся и студентов, еще не могущих получить какое-то социальное признание, таких даже 71%, а это значит, что критерии оценки лежат во внутригрупповых, а не во внешних социальных отношениях). Однако доходы — не единственный и, может быть, даже не решающий, хотя и очень важный мотив считать себя успешными и достойными самоуважения. «Путинское поколение», или «поколение эпохи стабильности», отличается от

Таблица 2

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СРАВНЕНИИ С ТЕМ, КАКОЕ БЫЛО В ВАШЕМ ВОЗРАСТЕ У ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ?

В сравнении с родителями	Более высокое	Такое же	Более низкое	Затруднились ответить
Общественное положение	38	44	12	6
Материальное положение	46	32	17	5

Таблица 3

ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ЖИЗНЬ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ СЛОЖИЛАСЬ НЕУДАЧНО?

	А	Б
Они не смогли реализовать свои планы, мечты	41	24
Всю жизнь работали, но ничего не нажили	38	22
Их молодость пришлась на трудное время	29	17
Они не сумели сохранить хорошие отношения друг с другом	20	11
Не смогли сделать карьеру	17	10
Всю жизнь зависели и продолжают зависеть от других	7	4
Все происходящее сегодня противоречит их идеалам, представлениям о жизни	6	3
У них плохие отношения с родственниками отца / матери	6	3
Они не смогли вписаться в новую жизнь, чувствуют себя лишними	5	3
Другое	2	—
Затруднились ответить	3	3

Респонденты могли дать несколько ответов, А — % к числу давших подобные ответы ($N = 598$), Б — % к общему количеству ответов. Ответы ранжированы.

На восприятие себя как «успешных людей» сильнее всего оказывает влияние такой фактор, как доходы (но не образование или сфера занятости, а именно доходы, влияющие на самооценку своего потребительского статуса, на возможности и тем самым на самоуважение): среди бедных и нуждающихся респондентов успешными называют себя 50%; среди обеспеченных — 75% (среди предпринимателей таких 77%, среди менеджеров среднего звена — 74%, специалистов — 71%, среди квалифицированных промышленных рабочих — 66%; но даже среди неквалифицированных рабочих таких

поколения 1990-х, пережившего тяжелый кризис идентичности, период институциональной трансформации и связанной с этим социальной аномии, оптимизмом, несокрушимой верой в непрерывность роста благосостояния, с реставрацией сознания национального превосходства и объективной необходимости сопротивления западному влиянию¹. Это новое поколение об-

¹ Одно из возможных объяснений этих особенностей молодого поколения — государственная идеология патриотизма, «возрождение Великой России». Постоянно транслируемые пропагандой лозунги «Россия встает с колен», «Россия не допустит прежнего пренебрежительного отношения к себе со стороны западных стран», утверждение,

ладает очень высоким мнением о себе в сравнении с поколением своих родителей. Впрочем, и жизнь родителей молодые люди оценивают в массе своей либо как «очень удачную» (14%), либо как «довольно удачную» (49%). Неудачниками своих родителей считают менее трети опрошенных (31%), что, в свою очередь, может считаться весомым фактором повышения собственной самооценки.

Основные причины, объясняющие вынесение таких оценок, — крах жизненных планов у старшего поколения, нереализованность надежд родителей на материальное благосостояние, отсутствие социальной мобильности и продвижения, в целом перевешивающие причины психологического и личностного характера, несовместимости характеров и т.п. Респонденты из самой старшей (30–34 года) возрастной группы, а значит, более образованные и обеспеченные, несколько чаще считают жизнь родителей «неудачной».

Личные, психологические мотивы «неудачной жизни» родителей составляют сравнительно незначительную долю среди всех объяснений неудач (в сумме менее 15%). Чаще всего объяснения сводятся к социальным и *внешним* по отношению к этим людям (старшему поколению) причинам. Среди самой этой категории молодых опрошенных, считающих старших неудачниками, преобладают люди с низким уровнем образования и отсутствием профессиональной квалификации, бедные (доля «неудачников» среди них поднимается до 49%, среди обеспеченных таких лишь 26%), безработные или домохозяйки.

Критерий материального благополучия (высокие доходы в сравнении с предшествующими поколениями) не случайно оказывается главным в оценке молодыми людьми своей жизни. Память о хронической бедности (советского и первого десятилетия постсоветского периодов) еще долго будет играть решающую роль в самовосприятии будущих поколений. В 1991-м (почти 30 лет назад) ноябрьский опрос молодежи ($N = 763$) фиксировал следующую иерархию

проблем и надежд на будущее. На вопрос: «*Что сегодня больше всего осложняет жизнь современной молодежи?*» — ответы распределились следующим образом:

- материальные трудности (нехватка денег, дефицит товаров, высокие цены и т.п.) — 77%;
- жилищный вопрос — 33%;
- неуверенность в завтрашнем дне — 27%;
- отсутствие идеалов, атмосфера бездуховности — 16%;
- политическая обстановка в стране — 13%;
- безработица, проблемы трудоустройства — 11%;
- конфликты с родителями — 11%;
- неумение ориентироваться в жизни — 11%;
- нечем заняться в свободное время, скучно — 9%;
- неустроенность личной жизни — 9%;
- страх за детей, близких — 8%;
- отношения в семье — 6%;
- характер работы, плохие условия труда — 6%;
- трудности с получением образования — 6%;
- разногласия со старшими на работе — 4%.

Три главные причины (материальные трудности, жилищный вопрос и проистекающая из этого неуверенность в будущем) собирали основную массу ответов. Все прочие объяснения были частными или субъективно-психологическими. Но уже тогда большинство опрошенных молодых людей (55%) считали, что у молодежи «сейчас» (1991 г.) появилось больше возможностей проявить себя, чем у людей предыдущего поколения («меньше» — 15%, «столько же» — 20%, «затруднились ответить» — 10%).

Через 20 лет следующее поколение молодежи, оценивая себя в сравнении с поколением родителей, демонстрировало значительный объем скрытых комплексов, неудовлетворенности и негативных самооценок несмотря на всю свою «успешность».

Сравним распределение ответов молодых людей на вопрос: «*Какие качества характерны для поколения 50–60-летних людей и какие — для людей вашего поколения?*» (табл. 4).

Воспринимая себя прежде всего как «энергичных» и «независимых», молодые люди вместе с тем оценивали себя на фоне поколения своих родителей как «эгоистов», «ленивых», «безответственных», «лицемерных», «жестокых», «завистливых» и т.п. Высокая доля подобных негативных определений самих себя у мо-

что страна требует уважения ее интересов и прав, на фоне потребительского бума в середине 2000-х действительно породило в «путинском поколении» чувство силы и возвращения национального могущества, авторитета в мире, что очень изменило восприятие реальности у молодых людей в сравнении с предшествующими поколениями краха СССР и экономического развала и хронического кризиса. Это самосознание, как будет показано ниже, не противоречит глубоко лежащему чувству социальной незащищенности и ущербности, образующему коллективное подсознание.

Таблица 4
КАЧЕСТВА У ПОКОЛЕНИЯ 50–60-ЛЕТНИХ И У 20–30-ЛЕТНИХ

Качества	Старшее поколение	Поколение молодых	Разница: старшие — младшие
Трудолюбивые	61	15	46
Терпеливые	60	11	49
Гостеприимные	54	13	41
Готовые прийти на помощь	49	18	31
Культурные, воспитанные	46	13	33
Открытые, простые	43	20	17
Надежные, верные	43	12	31
Миролюбивые	40	13	27
Религиозные	30	4	26
Почтительные со старшими	29	19	10
С чувством собственного достоинства	27	28	–1
Навязывающие свои мнения другим	25	8	17
Рациональные	23	25	–2
Энергичные	20	68	–48
Скрытные	9	23	–14
Свободолюбивые, независимые	9	46	–37
Забитые, униженные	8	5	3
Непрактичные	7	20	–13
Властолюбивые	6	17	–11
Скупые	6	7	11
Лицемерные, хитрые	5	27	–22
Эгоистичные	4	34	–30
Ленивые	4	37	–33
Заносчивые	3	17	–14
Жестокие	3	23	–20
Безответственные	2	27	–25
Завистливые	2	19	–17

Опрос молодежи, февраль 2011 г., $N = 800$.

лодежи бросается в глаза на фоне безусловно идеализируемого поколения родителей. Можно предположить, что своеобразное усвоение этоса «достижения» (без опоры на социальные нормы — моральные, правовые — соответствующих институтов западной демократии и правового государства) оборачивается психологическими и нравственными напряжениями, внутренними коллизиями, оставляя в сознании молодых людей неприятный осадок мнений о своем поколении, где растет тип циничного «жлоба» и «ловкого человека»¹.

¹ Близкие по смыслу ответы получены в опросе молодежи в 2003 г.: «Как вы относитесь к поколению ваших родителей?» — «с уважением, интересом» (75%); «я им завидую, им жилось легче, чем нам» (10%); «я им сочувствую, они жили в трудное время» (8%); «равнодушно, без

Компенсацией этих напряжений станет в скором времени, как увидим дальше, идентификация с общими для страны коллективными символами национализма, великодержавности и милитаризма. Изменения произойдут, но они будут направлены не на формирование новых институтов и социальных отношений, а на возвращение к советским мифам и символическим представлениям. Это и станет политикой, основой «традиционализации», укрепления «духовных традиций», традиционных «ценностей» (но не семейных, а идеологических стереотипов брежневского или еще более раннего советского времени).

всяких чувств» (4%); «без уважения, считаю, что они жили неправильно» (1,5%); затруднились с ответом (2%).

Таблица 5

А. КАК ВЫ, МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ВАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ОТНОСИТЕСЬ В ОСНОВНОМ К ЛЮДЯМ ПОКОЛЕНИЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ?**Б. А КАК ЛЮДИ ПОКОЛЕНИЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ ОТНОСЯТСЯ К ВАШИМ СВЕРСТНИКАМ?**

	А. Молодежь	Б. Родители
С уважением	70	22
С интересом, важен их жизненный опыт / им интересна наша жизнь, новый опыт	39	32
С сочувствием, нам / им трудно было / приходится жить	17	19
С завистью, им / нам жилось / живется легче, проще, спокойнее / больше возможностей	9	10
С недоумением, мы / они плохо понимаем, понимают нашу / их жизнь	8	33
Без особых чувств, они / мы нам / им не очень интересны	8	9
С раздражением, они отстали от жизни / мы им не нравимся	5	12
Затрудились ответить	2	5
Соотношение позитивных и негативных высказываний	6,4	1,5

Февраль 2011 г., N = 800 (без опции «другое»).

**«Идентификация со своим поколением»
в ряду других значений самоопределения**

Из материалов более ранних опросов, проведенных нашим коллективом, следует, что поколенческая самоидентификация респондентов является важным, но не главным компонентом социальной самохарактеристики человека¹. Она сильно уступает аскриптивным (прирожденным и приписываемым) маркерам социального образа индивида, в первую очередь семейным ролям, далее этническим, локальным или гражданским определениям. Еще менее значимы достижительские самоопределения (профессиональные, политические) или чисто субъективного отнесения себя к предельно генерализованным общностям (табл. 6).

Исследование, проведенное в сентябре 2001 г. («Патриотизм») по иной методике и с иными вариантами подсказок, дает аналогичные распределения мнений.

Представление о себе как об «успешных» создает для молодых людей другое основание

для восприятия происходящего и оценки прошлого. 65% молодых опрошенных считают, что со времени перестройки 1986–1991 гг. (т.е. в сравнении с тем временем, которое предшествовало их рождению) «произошли большие изменения»; 28% не согласны с этим, полагая, что либо «по сути дела ничего изменилось» (15%), либо «раньше казалось, что жизнь изменилась, но теперь ясно, что все идет по-старому» (13%); а 7% затруднились с ответом. Примечательно, что разочарование чуть в большей степени характерно для тех, кто занят предпринимательством, кто работает в частном секторе экономики (в сумме — 33%), видимо, в силу их более высоких ожиданий от перемен, обернувшихся «утраченными иллюзиями».

Но в чем состоят эти изменения, респонденты определенно сказать не могут. А это значит, что произошли общие для всего поколения сдвиги в рамках соотнесения, но говорить о смене системы координат (frame of reference) не приходится. Кроме того, можно сказать, что сами эти подвижки недоступны рефлексии и контролю индивидуальным сознанием молодых людей, что они культурно (символически) не маркированы и не проработаны. Из сопоставления ответов на разные диагностические вопросы анкеты становится понятным, что речь идет, прежде всего, об изменениях в доходах и характере потребления, а также о вертикальной мобильности — повышении своего социального статуса значительной частью респондентов в сравнении с родителями. Но в первую очередь

¹ Доля ответов «гордиться» в качестве «человека своего поколения» составляла в 1989 г. — 12%, в 1999 г. — 19%, в 2012 г. — 12%, в 2016 г. — 16%. Однако в опросах молодежи удельный вес таких ответов (но не ранг позиции!) повышался до 23–25% (в 2003 и 2011 гг.). Порядок (иерархия значимости) оснований идентичности в общероссийском репрезентативном опросе в ноябре 2016 г. (N = 2318) с иными вариантами ответов была следующей: русские (40%); рабочие (34%); молодое поколение (29%); пенсионеры (28%); средний класс (26%); интеллигенция (16%); бюджетники (13%); крестьяне (10%); предприниматели (7%, в том числе мелкие — 6%, крупные — 1%); военные и чекисты (4%); чиновники (2%); представители этнонациональных групп и меньшинств (1%).

Таблица 6

КЕМ ВЫ СЕБЯ ОСОЗНАЕТЕ С ГОРДОСТЬЮ, ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРИБАВЛЯЕТ ВАМ УВАЖЕНИЯ К СЕБЕ?

	1989 ноябрь	1999 апрель	2003 июль*	2011 февраль*	2012 октябрь	2015 июнь	2016 июнь
Отцом, матерью своих детей	42	57	56	27	48	47	46
Русским человеком	—	43	49	34	40	38	34
Сыном / дочерью своих родителей	18	24	27	32	31	25	21
Хозяином в своем доме	15	32	32	16	28	22	24
Гражданином России	—	—	45	28	36	35	23
Частью своего народа	8	10	8	15	28	24	18
Жителем своего города, села	11	21	35	24	26	24	18
Человеком своего поколения	12	19	25	23	17	12	10
Человеком, достигший всего своим трудом	—	9	9	—	16	12	10
Специалистом в своем деле	22	23	23	15	16	14	10
Патриотом своей страны			16	7	12	13	8
Советским человеком	31	13	14	1	9	8	7
Верующим человеком	4	7	11	7	14	11	6
Хозяином на своей земле	11	9	9	5	9	8	4
Работником своего предприятия, учреждения	9	9	13	9	6	3	3
Сторонником Путина	—	—	7	3	3	7	3
Коммунистом	2	3	2	1	1,5	3,5	0,5
Членом своей компании, кружка		3	8	9	2	2	2
Демократом		0	1,5	2	1,5		
Представителем рода человеческого	9	9	13	7	6	2	2
<i>N</i> =		2 000	2 000	800	2 000	1 600	1 600

В таблице приведены ответы, данные не менее чем 2% опрошенных в каждом замере. Исключены устаревшие и неадекватные для молодых варианты ответов, имевшиеся в анкете первого замера (1989 г.): «ветераном Великой Отечественной войны» (7%); «участником афганской войны» (4%); «стахановцем, целинником, участником великих строек» (2%); а также вариант ответа 2011 г. — «внуком, потомком наших дедов, победивших в Великой Отечественной войне» (13%), не появившихся затем в последующих опросах.

*Опросы молодежи.

изменения фиксируются именно в сравнении с образом жизни и достатком родителей. Характер потребления и в советское, и в постсоветское время был важнейшим индикатором стратификации и социального престижа, формирующим специфическое сознание собственного достоинства.

Зарботки и доходы определенной части молодых людей выше средних по стране, но нельзя сказать, чтобы рост потребления у молодежи был так уж значительным (он касается главным образом расширения потребления бытовой техники), если сравнивать их с предшествующим

или со старшим поколением¹. В значительной степени он объясним разными стартовыми условиями: накоплениями, сделанными родителями, старавшимися обеспечить будущее своих детей, а не ими самими. Более важным обстоятельством следует считать изменение *мотивации*

¹ О неоднозначности этой проблемы говорил В.Е. Гимпельсон в своем докладе на Ежегодной конференции «Левада-центра» в феврале 2019 г. См. также: Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 185–237; Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 35–62.

Таблица 7

КЕМ ВЫ СЕБЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОЩУЩАЕТЕ? (выберите наиболее значимые определения)

	Первые 7–8 определений	Вторые три самых важных
Человеком, личностью	71	48
Отцом, матерью своих детей	67	52
Хозяином/кой в своем доме	61	29
Человеком своего поколения	59	24
Русским, татаринном, украинцем и т.п. (этнические определения)	47	15
Россиянином	40	12
Человеком своего круга, своей компании	38	12
Православным	36	10
Человеком профессии	34	15
Сыном, дочерью своих родителей	31	13
Советским человеком	20	7
Членом своего коллектива	20	3
Христианином/кой	15	5
Мусульманином/кой	3	1
Сибиряком, уральцем и т.п. (локальные определения)	9	2
Европейцем	7	1
Евразийцем	2	0
Гражданином мира	7	2
Неверующим	12	3

N = 1600

молодых людей, их большую активность и предприимчивость, ориентированность на упорную работу и достижения (что, видимо, и становится главной причиной более высокой самооценки в сравнение с гораздо более зависимыми от государства старшими поколениями, привыкшими к уравнилельным доходам, зависимости от государства как работодателя).

Сравним ответы молодых людей с распределением мнений населения в целом и их динамикой за последние годы (табл. 8 и 9).

Доля бедных среди молодежи (сумма первых двух позиций в табл. 8) в 2020 г. в 1,6 раза меньше, чем в населении в целом (20 и 12%), и, напротив, в 1,6 раза выше доля категории «выше среднего» (четвертая позиция в той же таблице: 40 и 25%).

Используя другие, но близкие по смыслу формулировки вопросов, задаваемых населению, можно видеть, как меняется субъективное ощущение роста благосостояния российских семей, повышается чувство удовлетворенности и самоуважения (табл. 9).

С момента начала потребительского бума, ассоциируемого в массовом сознании с приходом В. Путина и его достижениями, доля средних потребительских категорий (третья позиция) выросла с 31–35 до 50%, доля четвертой категории — с 5 до 25%, соответственно уменьшились группы самых нуждающихся — с 17–18 до 4%.

В целом можно с большей или меньшей уверенностью утверждать, что жизненные стратегии молодежи меняются или изменились уже в начале 2000-х: доля активных и предприимчивых людей существенно больше среди молодежи. У них процент тех, кому, по их словам, «удалось использовать открывшиеся новые возможности» работы, заработка и т.п., оказывается вдвое выше, чем в населении в целом, — соответственно 6–7 и 17–16%. Можно предполагать, что изменения произошли именно благодаря усилиям молодых людей в конце 1990-х — начале 2000-х гг., т.е. предшествующей генерацией россиян — родителей нынешней молодежи: доля тех, кто го-

Таблица 8

К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ СКОРЕЕ МОГЛИ БЫ ОТНЕСТИ СЕБЯ?

	Население в целом					Молодежь
	2014 I–III	2016 I	2017 II	2018 V	2020 IX	2020 X
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание	3	6	5	4	5	4
Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	13	20	22	17	15	8
Нам хватает денег на питание и одежду, но покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	51	50	50	50	47	44
Мы можем покупать такие вещи, как холодильник или телевизор, но не можем купить действительно дорогие вещи (автомобиль и т.п.)	29	21	20	24	25	40
Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	4	3	2	4	5	4
Число опрошенных	6 000	6 000	4 000	6 000	1 600	2 000

Таблица 9

К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ МОГЛИ БЫ ОТНЕСТИ СЕБЯ (СВОЮ СЕМЬЮ)?

	Мы едва сводим концы с концами	На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	Деньги есть и на продукты, и на одежду, но покупка ТДП является проблемой	Мы можем без затруднений покупать такие товары, как холодильник или ТВ, но не можем приобрести автомобиль	Мы можем купить автомобиль, но нельзя сказать, что не стеснены в средствах	Число опрошенных
2002, X	17	42	35	5	1	1 600
2003, VI	18	42	32	8	0	1 600
2004, XI	18	41	31	9	1	2 100
2005, X	14	31	43	10	2	1 600
2012, XII	6	19	54	18	2	1 600
2013, XI	6	20	48	24	1	2 300
2014, XI	4	14	52	26	3	1 600
2016, XII	6	20	50	21	3	6 000
2017, II	5	22	50	20	3	4 000
2018, IV	4	17	50	25	4	6 000

ворил, что «приходится браться за любое дело, чтобы обеспечить себе и детям нормальную жизнь», в 2001 г. у молодых людей была максимальной — 45%. Именно эта когорта играла доминантную роль в aspirations и установках поколения. Напротив, поколение нынешних респондентов (молодежи) ничем не отличается от населения в целом, если сравнивать

характер распределения их мнений с общими показателями, в том числе и за предшествующие годы.

«Успешность» и «прогрессивность», «продвинутость» нового поколения, таким образом, сказывается прежде всего в повышении самооценки его потребительского статуса в сравнении с окружающими — со среднего до несколь-

ко более высокого, но не высшего (отнесения себя к четвертой позиции по шкале в табл. 9), и сокращения доли тех, кто ставил себя на вторую позицию — «нуждающихся», хотя и не самых бедных. Это позволяет говорить о явных признаках вертикальной социальной мобильности примерно у 10%, максимум — 15% из молодых людей (табл. 10).

Если установки населения в отношении власти в целом меняются незначительно, то молодежь отличается меньшими претензиями к патерналистскому государству, меньше ждет от руководства страны заботы о материальном обеспечении и благополучии граждан (отчасти не веря в это, отчасти будучи сильнее включенной в рыночную экономику). Молодежь, полагаясь на себя и свои усилия, рассчитывает обеспечить себе желаемый уровень доходов и благосостояния. Вместе с тем среди молодежи (особенно среди самых молодых или более об-

разованных, предпринимателей, менеджеров, жителей крупных городов, людей обеспеченных) в полтора-два раза выше ожидания обеспечения гражданских прав и свобод, а также снижения налогов.

Материальная зависимость от государства, от власти сильнее проявляется у бедных категорий молодежи (35%, у обеспеченных — 29%), не имеющих работы (38%), домохозяек (34%) и государственных служащих и специалистов (35%), хотя сами различия такого рода переоценивать не стоит. По мере снижения уровня урбанизованности (т.е. возможности доходов, развитости рынка труда и предпринимательства) этот показатель (упования на государство) растет: он составляет 27% в столице, в больших городах — 29%, в средних — 31%, в малых — 35%, в селах — 36%. Эта закономерность сохраняется с советских, доперестроечных, времен и полностью совпадает с соответствующими распреде-

Таблица 10

ЛЮДИ ПО-РАЗНОМУ УСТРАИВАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ: ОДНИ СТАРАЮТСЯ ПРОСТО ВЫЖИТЬ, ДРУГИЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ЛЮБЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ СВОЮ ЖИЗНЬ И ЖИЗНЬ СВОИХ ДЕТЕЙ. А ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ?

	Население в целом			Молодежь	
	2016 I	2018 V	2020 VIII	2001 I	2020 VII
Я не могу приспособиться к нынешним переменам	12	11	5	7	5
Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось	44	44	53	27	43
Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям нормальную жизнь	35	35	34	45	35
Удается использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни	6	7	7	17	16
Затруднились ответить	2	2	1	4	1
Число опрошенных	6 000	6 000	1 600	1 000	2 000

Таблица 11

ЧЕГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, СЕЙЧАС БОЛЬШЕ ВСЕГО ЖДУТ ОТ ВЛАСТИ В РОССИИ?

	2003 VII	2015 V	Молодежь 2020
Заботы о материальном благополучии граждан	50	47	32
Поддержания порядка в обществе	20	13	14
Защиты законных прав и свобод граждан	10	17	25
Уменьшения налогов, поборов	4	6	10
Чтобы их оставили в покое	4	3	6
Ничего особенно не ждут	10	12	13
Затруднились ответить	2	2	1
Число опрошенных	2 000	800	2 000

лениями ответов при общенациональных репрезентативных опросах населения. Напротив, нормативные ожидания защиты гражданских прав — явление относительно недавнее. Чуть сильнее они проявляются у самых молодых и более обеспеченных групп россиян, хотя расхождения между младшими и старшими когортами имеет почти номинальный характер (меньше статистически допустимых отклонений)¹.

Основная масса взрослого населения (в среднем за многие годы — 52%), воспитанная еще в советское время в духе безальтернативной плановой государственной экономики, пережившая потрясения 1990-х, ориентируется на получение стабильной и гарантированной, пусть и невысокой зарплаты (табл. 12). Около четверти россиян хотели бы сдельную работу — много работать и много получать. И лишь незначительная часть взрослого населения склонна к активной предпринимательской деятельности, вести собственное дело на свой страх и риск (доля таких ответов с течением времени постоянно росла с 5–6% в 1990 г. до 17% в 2019-м; в 2020-м ввиду ухудшения экономического положения в стране опять снизилась до 11%).

Установки молодежи в этом плане в целом очень близки другим возрастным категориям населения (преобладающая масса молодых людей ориентируется преимущественно на стабильный и гарантированный, хотя и невысокий заработок). Исключением был недолгий период

быстрого экономического роста в 2001–2007 гг., до кризиса 2008–2009 г., когда молодежь верила в устойчивость растущей экономики и потребительского бума и готова была много работать, но после кризиса эти установки снизились с 37 до 22% к 2020 г. Однако среди молодежи заметно выше доля тех, кто отличается большей готовностью к риску предпринимательской деятельности (в среднем за 20 лет — 18% против 9% в населении в целом). Сравним распределение ответов молодежи (опросы 2001–2020 гг.) и населения в целом на вопрос, что вы выбрали, если бы была такая возможность (табл. 12 и 13).

В среднем за 20 лет доля установок на небольшой, но гарантированный заработок составляет у молодежи 41% (табл. 12), это доминанта или норма массовой мотивации такого типа; для населения в целом этот показатель равен 50%. Нетрудно увидеть зависимость молодых респондентов от господствующих в обществе нормативных запросов, потолка аспираций и представлений о том, чем обусловлено признание индивида социально «полноценным» окружающими.

Описанная склонность выбирать пусть меньший заработок и невысокие, но гарантированные и стабильные («как при социализме») доходы обусловлена не только ограниченностью запросов (бедностью культуры), но и хронической неуверенностью россиян в своих возможностях, неопределенностью будущего, проистекающей из социальной и правовой

Таблица 12

ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЕСЛИ БЫ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ? (молодежный опрос)

	2001	2006	2011	2020
Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	5	4	6	10
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	41	37	38	47
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	37	37	29	22
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	15	16	20	19
Затруднились ответить	2	6	4	2
Число опрошенных	1 000	1 800	800	2 000

¹ Мы принимаем их во внимание лишь постольку, поскольку такие распределения устойчивы и укладываются в логику последовательных закономерностей. Например, среди бедных молодых людей требования этого рода выдвигают 17%, среди обеспеченных — 28%, среди высокообразованных — 27%, среди имеющих среднее общее образование — 24%, среди респондентов с профессиональным средним образованием — 23%, у тех, кто оставил школу после 7–9-х классов (неполное среднее образование), — 21%.

незащищенности, причина которой кроется в сохранении институциональной системы, которая защищает не «обычных людей», а властную корпорацию в целом. Отсюда же стойкое недоверие и настороженность россиян в общении с чужими и незнакомыми или неблизкими людьми. На вопрос: «Как вы полагаете, можно

Таблица 13

ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЕСЛИ БЫ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ? (население в целом)

		Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	Затруднились ответить	Число опрошенных
1994	VIII	4	54	23	6	13	3 000
1995	II	—	51	34	8	6	2 000
1996	XI	—	52	30	9	10	2 400
1998	IX	4	61	21	5	9	1 700
1999	IV	3	61	21	5	9	1 700
2001	IX	—	51	29	9	11	2 400
2002	XI	—	49	36	7	7	1 000
2003	XI	4	54	22	10	10	2 000
2008	VIII	4	56	21	8	11	1 500
2010	II	—	50	34	11	9	1 600
2011	II	—	47	34	11	9	1 600
2012	X	5	47	25	12	10	2 000
2017	I	—	46	36	12	6	1 600
2019	IV	—	51	27	17	5	1 600
2020	II	10	50	22	11	6	1 600

ли доверять большинству людей?» — 60% молодых отвечают «нет» (45% — «скорее нет», 15% — «безусловно, нет»). Однако при изменении характера вопроса: «А вы лично доверяете людям?» — ответы меняются на противоположные: 57% заявляют «да», 42% — «нет»¹. Расхождение такого рода обычно рассматривается как общественное «лицемерие» или «двуличие». Социологическая интерпретация этого обстоятельства сводится к тому, что во втором случае мы имеем дело с декларативным следованием индивида внешним моральным нормам, как бы с полной несомненностью признаваемым самим субъектом, но, если контекст вопроса не предполагает со стороны других угрозы санк-

ций, даже минимальных, в виде вероятного неодобрения подобных мнений, то значимость этой нормы полностью отрицается.

С таким «недоверием» непосредственно связан и отказ от участия в общественной и политической жизни, а стало быть, и неготовность реализовать те идеальные представления о «лучшей жизни», «демократии», которые витают у молодых людей в виде общих пожеланий «правильного политического устройства» для России. Как неопределенный образ оптимальной модели государства демократию выбирают более 60% молодых людей, но это не означает наличия реальных мотивов и целей практической деятельности. Отсюда и установка на умеренный, но гарантированный достаток, что, безусловно, с самого начала жизни ограничивает потолок аспираций и устремлений, задавая рамки «реальности», того, к чему можно, а потому и нужно стремиться.

¹ Для населения в целом цифры «недоверия» выше, чем у молодых, этот показатель колеблется от 65 до 80% и более в разные годы, см.: Общественное мнение — 2019. М.: Левада-центр, 2019. С. 25. Рис. 2.7. Подробнее об этой проблеме: Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–47.

Отсутствие доверия молодые люди готовы объяснять прежде всего накопленным опытом взаимодействия с властью, идущим от прошлых поколений, и лишь затем моральным резонансом по поводу всеобщей коррумпированности как формы приспособления к репрессивной власти или необходимости уживания с ней ценой постоянных мелких или крупных нарушений нормативного порядка.

Отчасти поэтому возможности рационального планирования жизни на сколько-нибудь долгий срок представляется россиянам, даже молодым, сильнее склонным к мечтам и планам на будущее, делом сомнительным и проблематичным.

Перспективы будущего и рамки рационализации своего поведения молодежью

Рассмотрим вначале общие установки в отношении будущего россиян в целом. В среднем 50–60% россиян смотрят в будущее с тревогой, поскольку имеющиеся институты не обеспечивают им надежных гарантий и

средств долгосрочного планирования своей жизни.

Дело не только в травмирующем опыте социальных потрясений постсоветского времени, но и в особенностях политической культуры, которая обуславливает пассивное приспособление к обстоятельствам, а не установку на их изменение.

В момент краха советской системы возникла ситуация институциональной неопределенности и социальной дезориентации. Требование порядка (и выхода из кризиса) было главным среди претензий к руководству страны. Субъективное ощущение расширения горизонта планирования у россиян в целом чуть-чуть усилилось после 2014 г.: в сравнении с 2013 г. (сумма первых двух позиций в табл. 16) выросла с 16 до 21–19%, доля дезориентированных уменьшилась с 61% в 1990 г. или с 53% в начале 2000-х до 37–38% в 2016–2017 гг.

Однако воспроизводство этой культуры «терпения» (пассивной адаптации) или «культуры бедности» характерно и для нового поколения.

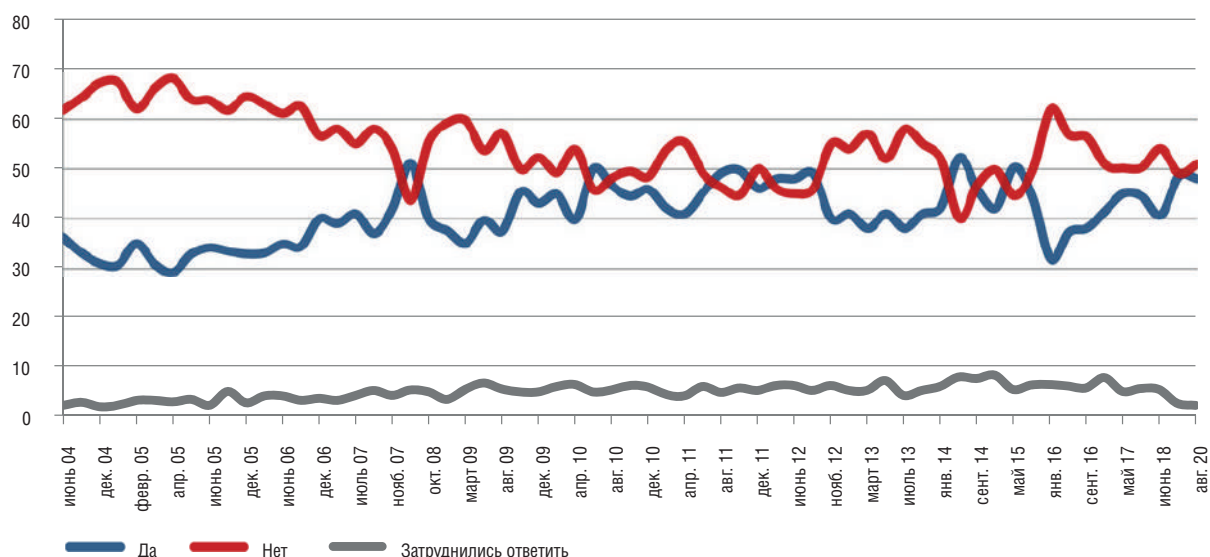
Таблица 14

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ДОВЕРЯЮТ ДРУГ ДРУГУ? (молодежь, 2020 г.)

Люди зависят от власти, а она постоянно обманывает людей	20
Люди привыкли бояться, это следствие массовых репрессий, политического террора, страха людей перед стукачами	26
Все замешаны в каких-то нарушениях, у всех рыльце в пушку	13
Такова природа людей — они бедные, завистливые, злые, глупые	31
Другое	7
Затруднились ответить	3

Рисунок 2

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ?

Как следует из табл. 17, и среди молодых людей воспроизводится условно инертное большинство в две трети опрошенных и около 30% людей с достижительской мотивацией. В строгом смысле это большинство нельзя назвать пассивным, поскольку, как в «Алисе в Стране чудес», надо очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте.

Характерные для молодежи как группы, находящейся в завершающей фазе возрастной социализации, оптимистические взгляды на будущее не слишком выражены у молодых ре-

спондентов. Опрошенные делятся на три типа. Первый — группа, ориентированная на достижения, успех, социальную мобильность; в сумме такие установки заявлены у 29% опрошенных: это те, кто рассчитывает, что «лет через десять они добьются поставленных целей», — 17%, и те, кто полагает, что «через несколько лет их жизнь серьезно изменится», — 12% (табл. 17). Среди этих амбициозно настроенных респондентов чаще представлены либо самые молодые (18–24 года, прежде всего студенты), либо те, кто уже добился признанного статуса,

Таблица 15
С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ...

	В свое собственное будущее							На будущее России						
	2013 V	2014 XI	2015 V	2016 V	2017 VI	2018 VI	2019 VIII	2013 V	2014 XI	2015 V	2016 V	2017 VI	2018 VI	2019 VIII
Скорее спокойно, с уверенностью	32	33	42	42	50	41	42	29	33	39	39	46	39	38
Скорее с беспокойством с опасениями	59	56	47	49	44	56	54	58	55	50	50	45	54	58
Затруднились ответить	9	10	11	8	7	3	3	13	12	12	11	9	7	5
Число опрошенных	800	1 600	800	1 600	1 600	1 600	1 600	800	1 600	800	1 600	1 600	1 600	1 600

Таблица 16
УЧИТЫВАЯ НЫНЕШНЮЮ СИТУАЦИЮ, НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ С УВЕРЕННОСТЬЮ МОЖЕТЕ ГОВОРИТЬ О СВОЕМ БУДУЩЕМ?

	1990	1991	2001	2006	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
На много лет вперед	1	2	2	3	4	4	3	3	5	4	4
На ближайшие пять-шесть лет	3	3	6	11	14	15	11	13	11	17	15
На ближайшие год-два	17	14	34	34	31	32	36	40	33	37	38
Я не знаю, что со мной будет даже в ближайшие месяцы	61	63	53	48	47	45	47	37	46	37	38
Затруднились ответить	18	18	5	5	5	5	4	7	5	5	5
Число опрошенных	2 500	2 800	1 600	1 600	1 600	800	800	800	1 600	1 600	1 600

Таблица 17
ЛЮДИ ПО-РАЗНОМУ ОТНОСЯТСЯ К СВОЕЙ ЖИЗНИ, К БУДУЩЕМУ: ОДНИ СТАРАЮТСЯ ВСЕ РАСПЛАНИРОВАТЬ И ПРЕДУСМОТРЕТЬ, ДРУГИЕ ЖИВУТ, КАК ЖИВЕТСЯ. А ЧТО В ЭТОМ СМЫСЛЕ ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СЕБЕ? (молодежь, 2020 г.)

Короткий горизонт планирования, рутинизация жизни	
Я знаю, что со мной будет в ближайшие год-два, а на большее не загадываю	36
Обычно я не строю планов на будущее	29
Жизнь моя и моей семьи наладилась, вряд ли в ней что-то изменится	5
Ориентация на достижения и рационализацию своей жизни	
Я рассчитываю, что добьюсь своей цели лет через десять	17
Полагаю, что через несколько лет моя жизнь серьезно изменится	12

приобрел некоторый социальный капитал, кто обладает ресурсами, оправдывающими такие заявления; их больше среди окончивших вузы, занятых в бизнесе или находящихся на руководящих позициях, среди специалистов. Удельный вес этого типа плавно снижается по мере перехода от Москвы к малым городам и селу.

Чуть больше (в сумме 34%) респондентов, заявивших, что «они обычно не строят планов на будущее» (29%), или полагающих, что «их жизнь уже наладилась и вряд что-то в ней серьезно может измениться» (еще 5%). Этот инертный тип распространен среди молодежи с невысоким уровнем образования, жителей периферийных небольших городов.

И, наконец, самая большая группа (36%) представляет собой тип молодых людей с коротким горизонтом («я знаю, что со мной будет в ближайшие год-два, а на большее не загадываю»). Этот тип оказывается сквозным, равномерно представленным во всех социально-демографических категориях молодежи.

Вместе с инертным этот адаптивный тип образует основу «нормальности» и устойчивости социального порядка российского общества. Этот человеческий характер, довольствуясь имеющимся, характеризуется ограниченно-

стью запросов и aspirations, невысоким уровнем ожиданий. Они «живут, как жили раньше, ничего особенно не изменилось в последние годы» (так отвечали 43% опрошенных), но среди них есть и те, кто «не может приспособиться к нынешним переменам» (5%). А 16% (группа, совпадающая по своим параметрам с теми, кто намерен добиться своих целей через 10 лет) заявили, что «им удастся использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни». Остальные (35%) в массе своей вынуждены «вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям нормальную жизнь».

Культура общества «снижающей» или «пассивной адаптации» более полно выражается в массовых представлениях о тех или иных правах людей — не столько граждан, сколько подданных всемогущего государства. Это не столько безусловные права, защищенные институционально, сколько остатки идеологических лозунгов социализма, иллюзий по отношению к государству, заявляющему себя в качестве патерналистского, можно сказать — это «прощения», а не права. Значительных различий в представлениях о правах между молодыми и старшими поколениями нет¹.

Таблица 18

КАКИЕ ИЗ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЯВЛЯЮТСЯ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМИ? (2011 г.)

Права	Молодежь, март	Население в целом, ноябрь	Расхождения
Право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, в случае болезни	64	70	-6
Право на жизнь	67	67	0
Неприкосновенность личной жизни, жилища	57	53	+4
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	49	46	+3
Право владеть собственностью	45	41	+4
Свобода слова	53	38	+15
Право на гарантированный государством прожиточный минимум	30	36	-6
Право на получение информации	31	25	+6
Свобода вероисповедания	26	21	+5
Право уехать в другую страну и вернуться	24	19	+5
Право избирать своих представителей в органы власти	21	18	+3
Затрудняюсь ответить	1	1	0
<i>N</i> =	800	1 600	

Ранжировано по населению.

¹ У нас в распоряжении для сопоставления лишь данные 2011 г., но, учитывая общую инерционность ценностных представлений, можно полагать, что к настоящему времени эти характеристики не сильно изменились.

Можно отметить лишь некоторые позиции, по которым фиксируются различия, выходящие за пределы статистически допустимых колебаний: право на свободу слова, получение информации, мобильность.

Страхи

Уровень тревожности у молодых людей ниже, чем у населения в целом (т.е. у старших возрастных групп), за исключением двух моментов — страха перед мировой войной и безработицей (табл. 19). Все показатели страхов населения поднялись в последние годы, но особенно это заметно в отношении опасений повторения массовых репрессий: в 2018–2019 гг. показатели такого рода составляли 39–40%; «произвола властей» — 50–51%¹. Молодежь, мало что знающая о жизни в советское время, не воспринимает угрозы такого рода всерьез. Меньше всего молодые люди боятся преступников, публичных оскорблений и унижения, а также загробного воздаяния за грехи.

удач, разочарований, не оправдавшихся ожиданий, характерных для взрослых людей, интенсивность некоторых видов тревог у молодежи снижена. Как и старшие, молодые люди больше всего боятся «болезни близких, детей» (55%, в целом этот показатель в среднем за много лет составляет 83%, расхождения отчасти объясняются тем, что дети есть только у половины молодых опрошенных), затем «мировой войны» (46%). Подчеркнем, что оба этих индикатора страхов не являются выражением актуальных и реальных угроз: и то, и другое — априорные условия оценки всех жизненных обстоятельств, высшие значения ценностной шкалы, ее предельные значения, отношения к происходящему (жизнь детей и близких, тотальная война на уничтожение), с которыми сопоставляются все прочие ценности текущей повседневной жизни. Поэтому «война» (или, в другом выражении, «все можно перетерпеть, лишь бы не было войны») — это горизонт оценки происходящего, предполагающая снижение значимости ценно-

Таблица 19

РАНГИ ТРЕВОЖНОСТИ И СТРАХОВ У НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕЛОМ И У МОЛОДЕЖИ

Боязнь	Население (в среднем за 1994–2017 гг.)	Молодежь (2020 г.)	Различия
Болезни близких, детей	83	55	–28
Болезни, мучения	50	19	–31
Нападения преступников	45	9	–36
Мировой войны	44	46	+2
Бедности, нищеты	43	35	–8
Произвола властей, беззакония	39	24	–15
Безработицы / потери работы	39	41	+2
Собственной смерти	34	18	–16
Стихийных бедствий	33	25	–8
Публичных унижений, оскорблений	28	8	–16
Старости, беспомощности	28	24	–4
Возврата к массовым репрессиям	25	7	–18
Страшного суда	5	6	+1

Сама по себе структура страхов у молодежи и населения в целом схожа, что говорит о воспроизводстве основной картины реальности, но в силу возрастного оптимизма и отсутствия накопленного опыта насилия и жизненных не-

стей повседневной жизни и повышение значимости коллективного единства, символов национальной мобилизации для защиты страны, необходимости жертв ради обороны страны².

¹ Общественное мнение. М.: Левада-центр, 2019. Разд. «Страхи». С. 20–21. Оба показателя (угрозы «возврата к массовым репрессиям» и «произвола властей») резко поднялись в последнее время: с 20–21% в 2015–2018 гг. до 40% в первом случае и с 29 до 51% — во втором (табл. 2.8 и 2.9).

² Отсюда такая высокая значимость Победы 1945 г. как напоминание о неизживаемой травме той войны, на чем спекулирует нынешняя власть. Насаждая представления о России, окруженной врагами (даже молодежь в массе своей разделяет такого рода взгляды и убеждения — 73% считают, что у России сегодня есть враги), «России как осажденной крепости», пропаганда нейтрализует потенциальные пре-

По понятным причинам молодые меньше боятся собственной смерти (она далеко), болезней, мучений. Для нас важнее слабая выраженность социальных страхов — угрозы нападения преступников, возврата к массовым репрессиям (о которых молодые люди не имеют представления) или произвола властей, опыта публичных унижений и оскорблений, что в большей степени присуще старшим поколениям, по себе знающим жизнь в советское время.

Представления о будущем и отношении к переменам

Представления молодежи о будущем страны характеризуются двойственностью и своего рода инфантилизмом. С одной стороны, три четверти молодежи (75%) заявляет, что настало время для значительных изменений, в первую очередь изменений нынешнего политического курса страны. Не разделяют такие взгляды лишь 18%. С другой стороны, отсутствуют представления о том, кто, какие социальные силы или группы должны (или могут) проводить и осуществлять такие изменения, формулировать цели подобной политики, обеспечивать организацию движений в поддержку этих целей.

Чаше всего о необходимости изменений высказываются жители мегаполисов (в Москве доля таких ответов составляет 84%). Доля таких мнений снижается от центра к периферии — к селу и малым городам, от людей с университетским образованием к менее образованным и необеспеченным группам.

Вместе с тем мнения очень расходятся, если поставить вопрос о том, какого рода должны быть эти изменения: 66% молодых респондентов считают, что Россия нуждается в демократизации, укреплении прав и свобод граждан; 27%, напротив, настаивают на усилении властной вертикали, контроля за общественной и экономической жизнью страны. Учитывая подавляющее большинство таких мнений, кажется, что выводы очевидны: молодежь требует политических реформ и недовольна сложившимся авторитарным режимом. Однако этому противоречит то, что такие либеральные, демократические установки молодых людей фиксировались на всем протяжении постсоветского

времени. Если взять опрос молодежи, проведенный 25 лет назад (в апреле 1996 г., $N = 1200$), то предпочтения большей части респондентов были схожими: демократия по образцу западных стран казалась наилучшей политической системой для России, так считали 43% опрошенных, 17% считали себя сторонниками советского социализма, 18% — сторонниками той политической модели, которая тогда сложилась при Б. Ельцине. Иначе говоря, демократическая модель была самой привлекательной и убедительной для почти 60% молодых россиян в те кризисные годы. За Б. Ельцина, с которым ассоциировались идеи демократии, при всем недовольстве им были готовы голосовать во втором туре 50% молодых людей, за лидера коммунистов лишь 14% молодежи¹.

Проблема (и концептуальная, и практическая) заключается в том, чтобы установить функциональный характер этих установок на демократию: являются ли они идеализированными компонентами групповой идентичности (возможно, элементом возрастной субкультуры) или такого рода представления могут быть реальными мотивами социального действия? В первом случае преобладание у молодежи такого рода установок (в сравнении с населением в целом) следовало бы считать фазовой особенностью социализационных механизмов, сменяемых с возрастом более осторожным и консервативным поведением, во втором — действительным механизмом социальных изменений. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо связать данные установки молодых людей с их готовностью к участию в общественных и политических процессах, принятием на себя ответственности за положение дел в обществе и практической работой в разного рода общественных организациях (организациях гражданского общества, политических партиях). Но никаких признаков собственного участия и продвижения этих ценностей и требований не отмечается: напротив, абсолютное большинство молодых людей недвусмысленно заявляет, что они не хотят (или не могут, что в данном случае одно и то же) участвовать в политике и принимать на себя ответственность за реализацию нового политического курса, политику демократических изменений. Около половины опрошенных (48%) политика не интересует

тензии к руководству страны за падение уровня жизни, снижение доходов, низкое качество медицины, повышение пенсионного возраста и другие причины для массового недовольства и протеста. Главные «враги», по мнению молодежи, — США (48%), Украина (11%), Китай (7%), Европейский союз (6%), Великобритания (5%), Германия (3%), НАТО (2%).

¹ Молодежь накануне президентских выборов: Результаты всероссийского опроса. Апрель 1996 г. М.: ВЦИОМ, 1996. С. 15. При всех своих недостатках политический режим 1990-х можно считать самым свободным и демократическим периодом в истории России.

(чаще об этом сказали женщины — 49%, самые молодые из опрошенных, 18–24 года, — 51%, с низким уровнем образования — 59%, жители села — 54%).

Политическое участие для молодежи сводится главным образом к выборам (как об этом сообщили 30% опрошенных). Но это такие выборы, в которых участвуют только те партии и кандидаты, которые отобраны и одобрены администрацией Кремля, что превращает электоральное поведение в механизм аккламации действующей власти. Другими словами, на выборы приходят преимущественно те, кто либо одобряет нынешний курс руководства страны, либо вынужден это делать из чисто карьерных или оппортунистических соображений. Кроме «управляемых выборов» остается еще одна форма социальной активности — «обсуждение политических событий с друзьями» в узком неформальном кругу или в социальных сетях, отслеживание информации по ТВ или в Интернете, т.е. чисто пассивная деятельность созерцания общественно-политической сцены страны и ее комментирования с разной степенью допустимой критичности.

Реальное же, *активное* участие в общественно-политической жизни принимают 2–4% опрошенных: это работа в политических партиях, в предвыборных акциях, в митингах, подписывание разного рода обращений и петиций и т.п.¹ Такие показатели готовности к уча-

стию в политике даже ниже, чем у населения в целом (у которого декларативная активность и готовность к участию в политических акциях выше всего в старших группах, понимающих политическое участие как участие в духе советской лояльности начальству и власти в целом). Привычное давление среды для отстранения или отчуждения от политики, приобретающего характер конвенциональной, хотя и публично не артикулируемой социальной нормы, сильнейшим образом сказывается на привычках и ментальности молодого поколения. И такого рода неформальное принуждение чрезвычайно устойчиво и трудно изменяемо.

Объяснение этому «неучастию в политике» также мало меняется на протяжении всего постсоветского времени (мы приводим данные лишь за пять последних лет)².

Для абсолютного большинства молодых людей желаемые изменения должны прийти как бы «сами собой». Собственное отчуждение от политики снимается логикой «объективного исторического процесса», которой учили в советских школах и вузах преподаватели исторического материализма и которая вполне усвоена и составляет бессознательную основу общественных иллюзий. Поэтому те же две трети респондентов, которые считали, что страна нуждается в изменениях, на вопрос: «В какой мере вы согласны с суждением: Россия рано или поздно пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран?» — отвечали «согла-

Таблица 20

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ЛИЧНО БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ? (общероссийские репрезентативные опросы)

	2006	2010	2012	2013	2015	2016	2017	2018	2019
	II	III	III	III	III	VIII	IV	XII	VII
Определенно да	5	5	3	4	5	3	3	7	4
В какой-то мере да	14	14	14	13	18	15	13	17	17
Скорее нет	30	31	38	35	33	34	28	33	31
Определенно нет	47	46	39	45	38	46	52	41	46
Затруднились ответить	4	4	6	5	7	2	4	2	2
Сумма «нет», %	77	77	77	80	71	80	80	74	77

¹ Пик политической активности молодежных движений, как организованных кремлевской администрацией (В. Сурковым), так и оппозицией (левые, «Яблоко», СПС и другие партии), приходится на середину или вторую половину 2000-х годов. См. тематический справочник: Лоскутова Е. Юная политика. История молодежных политических организаций современной России. М.: Панорама, 2008. 423 с. К концу этого десятилетия все эти движения выдохлись, и на сцену вновь вышли националисты, обозначив фазу массовых протестов в крупных городах. Но уже через несколько лет их организации были подвергнуты полному разгрому, а сами участники — жестким репрессиям.

сием» (19% — «полностью согласны», 46% — «скорее согласны»); не согласны с этим тезисом — 30%.

Получается, что все желаемые изменения должен произвести кто-то другой (обобщен-

² Подробнее см.: Общественное мнение — 2019: Ежегодник. С. 3–37. Табл. 3.2.1–3.2.13.

Таблица 21

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ?

	2015	2016	2017	2018	2019
Политика не для рядовых граждан, политикой занимаются власти	36	28	30	31	22
Я ничего не понимаю в политике; не знаю, как действуют органы власти	26	21	26	25	20
Я занят своими повседневными делами, у меня нет времени заниматься этим	21	28	25	28	28
Не хочется выделяться среди других: большинство людей не интересуются политикой	7	7	6	4	5
Все равно ничего изменить нельзя, «плетью обуха не перешибешь»	21	29	23	21	24
Политика — грязное дело, не хочется мараться	17	13	15	10	14
Боюсь преследования со стороны властей, лучше держаться от политики подальше	3	5	5	6	6
Другое	2	3	2	9	7
Затруднились ответить	1	1	2	1	2

В % к числу опрошенных, ответивших, что не хотят участвовать в политике (респондент мог отметить несколько вариантов ответа).

ный образ всесильного лидера, альтернативного по своим характеристикам действующим политикам, своего рода политический «бог из машины», харизматический вождь), но без участия населения, в том числе молодежи, казалось бы, более всех заинтересованной в переменах. Собственная недееспособность в превращенном виде проецируется на фигуру воображаемого политика («честного», «справедливого», «болеющего за народ»), который и произведет все нужные действия и перемены. Другими словами, такие представления — всего лишь перелицованные традиционные авторитарные установки: «нашему народу постоянно нужна “сильная рука”» (но именно так думают 48% опрошенных в настоящем исследовании¹), а если к ним добавить еще 25% тех, кто выбирает ответ «бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить все полноту власти в одних руках», то мы получим почти те же три четверти опрошенных, которые заявляют о необходимости изменений политического курса.

В России уже был период, когда желание демократии без собственного участия привело к передаче гражданами своих прав и ответственности новому «демократическому лидеру» (Б. Ельцину), очень скоро превратившемуся

в «царя Бориса». В условиях утраты политической поддержки и роста массового недовольства, вызванного тяжелыми обстоятельствами переходного периода, он ради сохранения власти вынужден был все сильнее опираться на силовые институты (в первую очередь на обновленную политическую полицию и армию), став через некоторое время их заложником. Поэтому неудивительно, что молодые люди готовы винить кого угодно, но только не таких же, как они сами. Иными словами, они не готовы принимать ответственность за происходящее в стране.

На вопрос, который мы задавали в этом исследовании молодым россиянам: «Почему в России не получилась демократия?», ответы были следующими (табл. 23, 24).

При всей дробности и содержательного разброса полученных ответов (табл. 21–24) проступает основная мысль, парализующая общественное действие и саму идею возможности перемен: «перемены в нашей стране возможны только при условии серьезных изменений политической системы» — так считают 65% опрошенных, другого мнения — «перемены возможны в рамках существующей политической системы» — придерживаются 29% (незначительное число, 6%, затруднились ответить). Кто мог бы проводить желаемые изменения — вопрос остается открытым, поскольку даже мыслимые ответы на него кажутся респондентам вещью очень опасной. Во всяком случае не сами молодые люди.

¹ Варианты ответа «Нашему народу постоянно нужна “сильная рука”» выбрали в 1989 г. 25% опрошенных, но, начиная с 1994 г., они растут и к 2018-му составили 58%. В среднем за все эти годы — 39%. Вариант «Бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках» за это же время вырос с 16 до 38% (в среднем 30%).

Таблица 22

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ ПРЕПЯТСТВИЕМ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ? (ответы ранжированы по убыванию)

Не вижу особых препятствий	19
Коррупция властей	40
Незаинтересованность, пассивность, равнодушие людей к происходящему в стране	23
Некомпетентность нынешней власти	21
Неисполнение на местах принятых законов, указов, саботаж чиновников	21
Отсутствие продуманной программы развития страны	18
Власть, думающая только о себе, игнорирующая интересы общества	17
Недостаток инициативных, предприимчивых людей	16
Зависимость экономики от цен на нефть	13
Противоречие интересов центра и регионов, субъектов Федерации	10
Люди, которые не любят Россию, не верят в ее будущее	7
Клановые интересы властных группировок, их борьба	6
Влияние спецслужб на политическую жизнь страны	4
Другое	1
Затруднились ответить	2

Таблица 23

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В РОССИИ (ответы ранжированы по убыванию)

Народ не созрел для демократии	23
Этому препятствовали остатки прежней власти (силовики, суды, администрация, коммунисты)	21
Прежняя номенклатура превратилась в олигархов	19
Никто этого не хотел	15
России не нужна демократия, она не соответствует ее традициям и культуре	7
Не согласны: в России и сегодня демократический строй	6
Затруднились ответить	9

Таблица 24

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО В РОССИИ БОЛЬШЕ ВСЕГО ХОЧЕТ ПЕРЕМЕН? А КТО В РОССИИ БОЛЬШЕ ВСЕГО НЕ ХОЧЕТ ПЕРЕМЕН? (ответы ранжированы по столбцу «хочет», в % к числу опрошенных)

	Хочет	Не хочет
Молодежь	27	2
Средний класс	21	2
Малоимущие слои населения	9	1
Все	8	1
Широкие слои населения	7	1
Чиновники, бюрократия	6	41
Пенсионеры	4	5
В. Путин и его окружение	4	17
Бюджетники	3	1
Предприниматели / малый и средний бизнес	3	1
Олигархи, большой бизнес	2	19
Интеллигенция	2	1
Региональные власти, местные элиты	0,5	2
Никто	1	2
Силовики / представители спецслужб	0	1
Затруднились ответить	1	3

Таблица 25

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА... (молодежь, 2020 г.)

	Безусловно, несет	В какой-то мере несет	Безусловно, не несет	Затруднились ответить
Политику своей страны в прошлом	14	34	49	3
Действия своего правительства	13	32	53	2
Работу своего предприятия / организации	40	40	18	2
Действия лиц своей национальности	20	33	44	2
Происходящие в стране события	19	42	37	2
Действия своих родственников	49	36	14	1
Будущее своих детей	86	11	3	0

Таблица 26

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА... (опросы молодежи)

	2001 г. (N = 1 000)		2020 г. (N = 2 000)		Разница
	Безусловно, несет	Безусловно, не несет	Безусловно, несет	Безусловно, не несет	
Действия своего правительства	5	70	13	53	+8/-17
Происходящие в стране события	9	32	19	37	+10/+5
Работу своего предприятия / организации	29	8	40	18	+11/+10
Благополучие своей семьи / будущее своих детей	89	1	86	3	-3/+2

Таблица 27

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА...

	2020 г. (молодежь)		2019 г. (население в целом, июль)		Различия
	несет	не несет	несет	не несет	
Политику своей страны в прошлом	14	49	12	57	+2/-8
Действия своего правительства	13	53	12	60	+1/-7
Работу своего предприятия / организации	40	18	30	29	+10/-11
Действия лиц своей национальности	20	44	17	50	+3/-6
Происходящие в стране события	19	37	13	54	+6/-17
Действия своих родственников	49	14	40	17	+9/-3
Будущее своих детей/ благополучие своей семьи	86	3	88	3	-2/0

Подчеркнем, что такого рода установки и молодежи, и населения в целом чрезвычайно устойчивы и принципиально не меняются за последние 20 лет. Можно отметить незначительный рост лояльности властям в последнем замере, однако это изменение свойственно не только молодым людям, а мнениям населения в целом. Поддержка власти в начале 2000-х гг. была гораздо слабее, чем в конце 2010–2020-х.

Сравним это с данным общероссийского опроса населения (2019 г.), взяв за основу крайние позиции («безусловно, несет» / «безусловно, не несет»), без средних позиций по шкале и затруднившихся с ответом (табл. 27).

За исключением большей лояльности фирме или организации, где работают молодые люди, различия лежат в пределах статистически допустимых колебаний.

Традиционализация массового сознания как реакция на социетальный кризис

Консервативная реакция в виде режима В. Путина была закономерным следствием распада советской институциональной системы. Перестройка, крах СССР, а затем переход к рыночной экономике в 90-х годах и национальные войны стали причиной массовой дезориентации и аномии, породив разочарование в демократических реформах. Они вызвали сильнейшую потребность в компенсаторных механизмах и обращении к традиционным, аскриптивным символам этнонационального единства. Советская идеологическая коллективистская идентичность стремительно замещалась разрозненной смесью из мифологического прошлого империи, православ-

ного обрядоверия, изоляционизма и русского (и иного) национализма. На первый план все сильнее выходили символы локальных общностей и привязанностей. Поскольку будущее оказалось весьма туманным и проблематичным, то коллективная гратификация строилась на возвращении или обращении к воображаемому достижениям в прошлом — к успехам советской науки, литературы, к военной славе, захвате и колонизации обширных территорий на востоке и юге и т.п. (табл. 28).

Такие партикуляристские самоопределения, как «место, где родились», «земля или громадность территории страны», «могилы предков», «язык», а главное — утешающая апелляция к «нашему великому прошлому», резко повысили значимость в массовом сознании,

Таблица 28

ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СВЯЗЫВАЕТСЯ У ВАС С МЫСЛЬЮ О ВАШЕМ НАРОДЕ?

	Население в целом										Молодежь	
	1989 XI	1994 VIII	1997 XI	1999 IV	2008 VIII	2012 X	2015 VI	2016 VI	2017 XI	2018 XI	2020 IX	2020 VI
Наше прошлое, наша история	22	37	36	48	43	41	37	46	46	53	55	58
Наша земля, территория, на которой мы живем	11	25	26	26	34	34	44	42	38	35	39	33
Родная природа	14	18	27	18	17	19	30	24	28	25	34	27
Место, где мы родились и выросли	39	41	38	35	39	43	41	40	39	33	26	37
Государство, в котором я живу	29	17	18	19	32	28	25	26	17	22	20	22
Язык моего народа	23	19	14	17	23	25	25	21	21	19	23	28
Великие люди моей национальности	7	10	8	14	14	16	25	21	23	12	11	12
Наша военная мощь	2	5	4	7	8	9	15	18	21	17	12	8
Наша религия, вера моих предков	4	8	6	7	12	10	15	14	11	9	8	9
Знамя, герб, гимн	5	2	2	3	8	8	9	10	9	5	7	8
Наше трудолюбие, умение хозяйствовать	6	6	6	10	6	5	8	11	9	8	6	5
Наши песни, праздники и обычаи	13	17	14	19	14	13	17	12	14	9	7	7
Родные могилы, памятники	9	9	10	7	7	6	10	9	12	7	4	2
Душевные качества моего народа	13	16	11	19	14	9	16	16	18	12	9	10
Затруднились ответить	8	8	10	4	3	3	3	3	1	2	2	1,1
Число опрошенных	1 500	3 000	2 400	2 000	1 500	2 000	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	2 000

став центральными, или осевыми, структурами коллективной идентичности¹. Государственная политика и пропаганда лишь следовали за массовыми настроениями, артикулируя и многократно усиливая их значимость. Критическими моментами были 1999 г. и период после аннексии Крыма. На давнюю травму неудач догоняющей модернизации наложилась жажда реванша после поражения в первой чеченской войне, ухода соцстран и усиливающегося отчуждения от России бывших полуколоний Москвы — союзных республик СССР.

Молодежь в этом плане следует за всеми изменениями коллективного сознания, подчиняясь общему тренду архаической традиционализации. Почти по всем тематическим линиям приводимого здесь блока анкеты «Советского человека» доли молодых людей (если сравнивать близкие по времени замеры — общероссийские опрос 2018 и 2020 гг. и опрос молодежи 2020 г.) чуть ниже, чем в среднем по населенческой выборке, за одним исключением — ассоциаций с «нашей историей, прошлым нашей страны». В последнем случае молодые люди оказываются даже более чувствительными к этим изменениям, чем взрослое общество в целом, поскольку находятся под сильнейшим воздействием социализационных и пропагандистских институтов (школы, университетов, СМИ, армии и т.п.).

Из опыта социологии, социальной антропологии и культурологии известно, что апелляция к прошлому коррелирует (функционально совпадает) с укреплением авторитарной вертикали власти, подчинения гражданского общества централизованному руководству, стремящемуся контролировать общественное мнение

¹ Сама по себе потребность в обращении к прошлому еще не означала полного консервативного разворота в политике демократов. Какое-то еще время курс на реформы сочетался с «поиском национальной идеи» в попытках вычеркнуть советское прошлое и продолжить модернизацию страны, прерванную революцией. Об этом свидетельствуют судорожные метания интеллектуальной обслуги Б. Ельцина в поисках оснований для усиления слабеющей легитимности новой власти (перезахоронение царских останков или белых генералов, флирт с РПЦ, смена топонимики, гимна и знамен). К такому обращению к исторической и идеологической эклектике толкало моральное и интеллектуальное бессилие новой власти, не решающейся или не способной дать правовую и нравственную оценку советской системе как преступного государства. Преемники демократов — православные чекисты и «консервативные модернизаторы» — лишь продолжили эту линию апологии имперского прошлого, подавив серьезные попытки проработки массовым сознанием советской истории. В фокусе пропаганды и государственной идеологической политики оказалась борьба с Западом, с демократией, гражданским обществом и идеями свободы, прав и достоинства личности.

и идеологию общества как условия новой легитимации режима власти. Характерно в этом плане, что косвенные свидетельства — милитаристские установки (ответы «наша военная мощь» на диагностические вопросы о национальной идентичности) — резко выросли с 1989 г., достигнув максимума в 2017-м (с 2 до 21%), т.е. после войн в Грузии, Донбассе и Сирии, пропаганды «нового гипероружия» и т.п. Следует подчеркнуть, что среди молодежи эти реверсивные изменения проявились в меньшей степени, чем у взрослых.

Представления об историческом процессе, о характере изменений и об ожиданиях в отношении будущего

Символическая структура этнонациональной идентичности у молодежи повторяет структуру таковой у взрослого населения (табл. 28). Изменения носят частный и незначительный характер, едва выходя за рамки допустимой статистической погрешности (чуть меньшей интенсивности ассоциаций с территорией страны, ее природой и военной мощью, чуть большая значимость места рождения и т.п.). Более заметные отклонения у молодежи фиксируются в структуре значимых событий национальной истории второго ряда (табл. 29).

Структура символических событий (исторического сознания)², выступающая в качестве основы для национальной идентичности и коллективной интеграции (первые шесть позиций, собирающие от 80 до 25% всех ответов), мало изменилась за прошедшие 30 лет. Она практически идентична у взрослого населения и у молодежи. Изменения касались интенсивности выражения значимости определенных событий, происходивших под воздействием направленной исторической и идеологической политики руководства государства, но не самого состава базовых представлений.

Общий тренд в историческом сознании российского общества последних десятилетий заключается как в снижении интереса к советским идеологическим версиям истории и постепенном вытеснении как самих символов (смерти В. Ленина, массовых репрессий при И. Сталине, мифологии коммунистической индустриализации и проч., о чем мы знаем из

² Анализ семантики этих событий см.: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х: Коллективная монография. М., 1993 (нем. изд. 1992 г.). Гудков Л. Время и история в сознании россиян // Вестник общественного мнения, 2009. № 3 (101). С. 84–102; 2010. № 2 (104). С. 13–61.

Таблица 29

XX В. БОГАТ СОБЫТИЯМИ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ. ОТНОСИТЬСЯ К НИМ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ. КАКИЕ ИЗ НИХ ВЫ НАЗВАЛИ БЫ САМЫМИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ? (ранжировано по молодежи)

	1989 ноябрь	1999 апрель	2003 июль	2020 (молодежь) октябрь
Победа в Великой Отечественной войне	73	85	78	71
Полет Ю. Гагарина	33	54	51	51
Первая мировая война	8	18	14	39
Распад СССР	—	47	42	35
Чернобыльская катастрофа	36	32	35	30
Октябрь 1917-го, Октябрьская революция	62	49	40	26
Гражданская война	11	—	—	23
Перестройка	24	16	21	15
Смерть И. Сталина	—	14	13	15
Ввод войск в Афганистан / война в Афганистане	11	21	23	13
Избрание президентом В. Путина	—	—	11	13
Массовые репрессии 1930-х, голод 1930–1940-х гг.	31	11	17	11
Индустриализация страны 1930-х гг.	—	—	—	7
Коллективизация	11	6	6	5
Первая чеченская война (1994–1996 гг.)	—	24	31	5
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря	—	5	3	4
Превращение страны при Н. Хрущеве и Л. Брежнева в супердержаву	—	—	—	4
Путч 1991 г.	—	6	7	3
Снятие Н. Хрущева, конец оттепели, подавление «Пражской весны»	—	—	—	3
Вторая чеченская война, начавшаяся в 1999 г.	—	—	—	3
Доклад Н. Хрущева на XX съезде партии	9	3	3	2
Создание социалистического лагеря в Европе	3	5	3	2
Становление суверенной России	—	—	—	2
Реформы Е. Гайдара 1990-х гг.	—	2	3	1
Первые многопартийные выборы в декабре 1993 г.	—	1	1	1
Августовский кризис 1998 г.	—	18	8	1
Поражение России в Русско-японской войне	2	—	—	—
События (осени) 1993 г.	—	3	4	—
Первые многопартийные выборы 1993 г.	—	1	2	—
Смерть В. Ленина	47	—	—	—
I Съезд народных депутатов СССР, июль 1989 г.	18	—	—	—
Первые пятилетки	7	—	—	—
Февральская революция 1917 г.	7	—	—	—
Разрушение храма Христа Спасителя	7	—	—	—
Введение НЭПа	6	—	—	—
Присоединение к СССР Балтийских стран, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии	5	—	—	—
Создание соцлагеря в Европе	3	—	—	—
Реформы П. Столыпина	3	—	—	—
Международный фестиваль молодежи в Москве в 1957 г.	2	—	—	—
Расстрел царской семьи	2	—	—	—
Суд над Ю. Даниэлем и А. Синявским	0,5	—	—	—
Затруднились ответить	4	3	3	1
Число опрошенных	1 500	2 000	2 000	2 000

других опросов), так и в попытках их критического осмысления. Молодежь менее драматично оценивает распад СССР и крах коммунизма, а также значимость конститутивного события для советской коммунистической идеологии — «Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.». Они результат усилий нынешнего режима повысить ценность стабильности власти и ее традиционной преемственности, связи с дореволюционной царской империей, дисквалифицировать саму идею радикального переворота и смены власти под влиянием угрозы распространения или экспорта Западом «цветных революций».

Вместо центрального для советской истории культа революции 1917 г. пропаганда подняла значимость Первой мировой войны (вновь называя ее «Великой»), ранее почти не освещавшейся ни в учебниках истории в школах, ни в СМИ. Нынешняя историческая политика государства, напротив, вытесняет годы «социальной смуты», как теперь называют период двух российских революций 1917 г. (Февральской и Октябрьской) и Гражданской войны 1918–1922 гг. Интерпретация Гражданской войны радикально изменилась в период после краха СССР и особенно в годы путинского правления: из картины классовой борьбы за социальную справедливость и установление нового передового общественного строя она превратилась в изложение национальной трагедии, предательства элиты, в сцены общественного хаоса, террора, описания катастрофы российского государства и общества. Поэтому негативная значимость этих событий у молодежи, получившей специфическую индоктринацию во время своей недавней социализации, гораздо выше, чем у населения в целом, постепенно забывавшего об истории советской власти. В коллективной памяти молодого поколения быстро стирается и важность событий, связанных с перестройкой и реформами постсоветских лет (I Съезд народных депутатов 1989 г., путч 1991-го, кризис 1998-го, война в Афганистане, обе чеченские войны и другие события).

Но принципиальные основания коллективного самоуважения, национальной гордости (стандарты социетальной интеграции) остаются неизменными и в высшей степени значимыми. Это позволяет говорить о том, что прежние структуры сознания воспроизводятся в процессах межпоколенческой передачи. Первые восемь позиций в списке того, чем гордятся наши респонденты (табл. 29), остаются практически

неизменными на протяжении 20 лет. Значимость других образцов позитивной идентичности слабеет со временем, но эти изменения происходят внутри постсоветских поколений, а не между поколениями.

Главные символические предметы национальной гордости — Победа в войне 1941–1945 гг., память о достижениях СССР в космосе, авторитет русской литературы XIX — начала XX в., былая слава советской науки, мифологические «моральные качества русского человека» (простота и терпение). Именно они составляют в глазах россиян культурный каркас представлений о «Великой державе». Все они (кроме Победы 1945 г.) за 30 лет заметно потеряли в ценностной значимости, в особенности авторитет российской науки (с 51 до 27%) и литературы (с 48 до 29%). Снизилась и уверенность в моральных качествах русского человека (вера в особые качества «человека советского» уменьшилась на 27 п.п., с 44 до 17%). Но других символических представлений не появилось, так что эти образцы остаются для молодежи, как и для старших, важнейшими основаниями для коллективной интеграции и межпоколенческого воспроизводства национальной идентичности. Уходят досоветские и советские идеологические мифы (уникальность и преимущества советской индустриализации; идеологическая миссия Советской страны; Россия как щит Европы в борьбе с татаро-монголами; особая роль русской интеллигенции; подвиги православных святых и т.п.), но их замещают другие символические предметы — «возвращение Крыма» как знак возрождения Великой России, путинская «стабилизация» и другие, менее важные события (табл. 30). Они блокируют потенциал модернизационных ценностей и ориентиров, могущих быть условиями для его самоуважения.

«Чувство гордости за Россию» скрывает (или компенсирует) глубокую фрустрацию и комплекс национальной неполноценности, связанный с сознанием неудачи не только «догоняющей модернизации» и равенства с развитыми («нормальными», в жаргоне молодежи) странами, к которым общественное мнение относит в первую очередь европейские государства и США. На это направлена дискредитация реформ 1990-х, должных обеспечить демократический транзит России от тоталитаризма к «современным» демократиям. По силе переживаний эти неудачи сопоставимы с ценностной значимостью позитивных образцов. Они образуют обратную сторону единого комплекса

Таблица 30

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО ГОРДОСТИ?

	2003 VII	2008 VIII	2014 III	2015 VI	2017 I	2018 XII	2020 IX	2020 X (моло- дежь)
Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	87	82	82	85	83	87	89	85
Ведущая роль страны в освоении космоса	59	46	46	42	41	50	43	45
Великая русская литература	48	49	39	37	36	40	29	40
Достижения российской науки	51	46	34	37	32	37	27	34
Присоединение Крыма	-	-	-	-	43	45	30	30
Слава русского оружия	35	37	26	25	26	36	25	27
Великие русские путешественники, первопроходцы	33	28	21	21	19	24	16	21
Моральные качества русского человека — простота, терпение, стойкость	44	35	24	27	23	32	17	20
Превращение страны в советские времена в одну из ведущих промышленных держав в мире	32	35	35	36	35	32	24	19
Достижения В. Путина во внешней политике, возвращение статуса «Великой державы»	-	-	-	-	-	-	16	11
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	25	21	13	13	14	16	7	9
Стабилизация положения страны при В. Путине, рост экономики	-	32	12	20	18	18	12	8
Дух русской вольницы, свободолюбие	14	13	10	12	10	10	7	6
Перестройка, начало рыночных реформ	8	7	2	3	4	5	5	5
Передовой строй, советское бесклассовое общество	13	9	10	12	9	14	7	4
Подвижничество русских святых	14	13	10	11	7	12	6	4
Нравственный авторитет русской интеллигенции	11	11	9	10	7	8	4	4
Ничто не вызывает у меня особой гордости	2	1	3	1	2	1	1	2
Затруднились ответить	2	2	2	3	3	1	2	0
Число опрошенных	2 000	1 500	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	2 000

травматического сознания — утверждения превосходства и униженности (табл. 31). Хотя после прихода В. Путина к власти и начала потребительского бума 2003–2008 гг. удельный вес ответов, которые свидетельствуют о глубокой фрустрации массового сознания, снизился в 1,5 раза (таких как: «великий народ, а живем в вечной бедности» — с 79 до 48%; «грубость нравов», «общее неуважение людей друг к другу» — с 52 до 33–34%; «разрушение СССР» — с 48 до 30%; «отставание России от Запада» — с 31–32% до 22%) и т.п., эти убеждения не исчезли, они по-прежнему занимают центральное место в коллективном подсознании россиян (табл. 31), и реакция молодежи мало чем отличается от мнений взрослых. Единственное серьезное от-

личие — заметно меньшие переживания по поводу конца СССР.

Двойственность массового сознания, сочетающая как резидуумы советских идеологических шаблонов, так и мечтательные пожелания демократии «по западному образцу», указывает на отсутствие сил, способных к переосмыслению прошлого и, исходя из этого, к выработке перспективной политики.

До правления В. Путина российское общественное мнение было склонно считать брежневский период самым спокойным и благополучным временем России XX в., состоянием внутреннего мира, *умеренного достатка* (или, точнее, отсутствием полной нищеты или настоящей бедности). Это придавало населению

Таблица 31

А ЧЕГО ВЫ СТЫДИТЕСЬ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО СТЫДА И ОГОРЧЕНИЯ, КОГДА ВЫ ОБРАЩАЕТЕСЬ К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ 20-ГО СТОЛЕТИЯ? (ранжировано по молодежному опросу)

	Население в целом							Молодежь	
	1999	2003	2008	2012	2015	2017	2018	2020	2020
Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности	79	78	69	56	56	54	61	48	51
Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу	45	52	49	35	31	24	37	33	34
Разрушение СССР	48	41	38	32	28	33	45	49	30
Хроническое отставание от Запада	31	32	22	25	20	20	24	22	22
Репрессии, террор, выселение народов в 1920–1950-е гг.	34	39	35	25	25	22	21	23	22
Наша косность, инертность, лень	24	34	27	18	20	14	18	14	19
Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду	17	23	19	12	10	8	13	12	16
Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть	28	20	20	12	12	11	16	11	15
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	15	9	8	6	5	4	9	8	12
Гонения на церковь в советские годы	21	18	27	16	12	11	16	16	11
Военные поражения России	16	16	11	7	4	4	6	6	7
Национальное высокомерие, шовинизм	7	5	7	5	3	3	7	7	9
То, во что вылилась перестройка		–	–	16	17	18	24	–	–
Приход В. Путина к власти		–	–	5	1	3	9	–	–
Ничто не вызывает у меня особого стыда	1	2	3	9	3	8	6	8	7
Затруднились ответить	5	3	5	6	5	5	2	3	2
Число опрошенных	2 000	2 000	1 500	2 000	1 600	1 600	1 600	1 600	2 000

Таблица 32

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПОДХОДИТ РОССИИ ЛУЧШЕ ВСЕГО?

Советская система, которая была у нас до перестройки	19
Советская система с элементами демократии	24
Нынешняя политическая система	30
Демократия по образцу западных стран	11
Затруднились ответить	11
Отказ от ответа	5

Общероссийский опрос, все население. Март 2017 г., $N = 1600$, в % ко всем опрошенным.

оптимизм и надежды на то, что такое состояние будет продолжаться «всегда», что жизнь постепенно будет улучшаться. Подчеркнем это обстоятельство — «умеренный, пусть и небольшой, но недостаток» (эта норма аспираций воспроизводится в описанных выше установках нынешней молодежи). Мнения молодых людей, зафиксированные настоящим опросом, содержат не столько объяснения конца той эпохи, сколько простую констатацию ее завершения.

Травма утраты в 1990-е гг. Россией статуса сверхдержавы¹ определяла состояние коллективной идентичности россиян в целом, что передалось и молодому поколению. В конце ель-

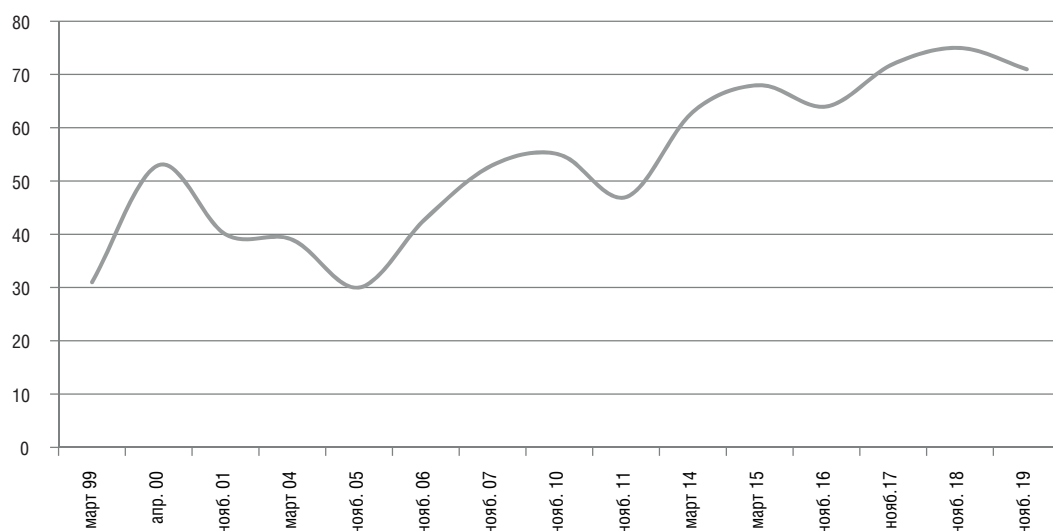
¹ Соотношение мнений, является ли «Россия все еще великой державой» или уже нет, в 1999 г. составляло 31/65, в 2001-м — 40/57 и т.п., только после 2007-го (пика роста потребительских настроений, доходов населения) ситуация изменилась, и убежденность такого рода (Россия = одна из мировых супердержав) стала преобладать, достигнув максимума после аннексии Крыма, к концу 2010-х гг.

Таблица 33

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БРЕЖНЕВСКИЕ ВРЕМЕНА БЫЛИ ПЕРИОДОМ БЛАГОПОЛУЧНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ ИЛИ ПЕРИОДОМ ЗАСТОЯ, КОТОРЫЙ В КОНЦЕ КОНЦОВ ПРИВЕЛ К КРАХУ СССР?

Это был период благополучного развития страны	19
Это был период застоя, который привел к краху СССР	35
Сначала был период благополучного развития, а затем застой, который привел к краху СССР	21
В этот период перед страной возникли серьезные проблемы, но к краху СССР привели М. Горбачев и демократы	8
Затруднились ответить	17

Рисунок 3

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ? (сумма ответов «определенно да» и «скорее да»)

цинского правления, когда уже было ясно, что власть перейдет от Б. Ельцина к кому-то другому, возвращение этого статуса было среди важнейших приоритетов политики будущего президента (вторая позиция в списке ожиданий от нового президента России, после «найти выход из экономического кризиса»). Это требование выдвигали 50–60% опрошенных. С приходом к власти В. Путина, и в особенности после

присоединения Крыма, ситуация изменилась. Сегодня 61% молодых респондентов в настоящем опросе утверждают, что «Россия сегодня является великой державой» (34% отрицают справедливость таких заявлений). Этот показатель у молодежи ниже, чем у населения в целом (71% в декабре 2019 г.), что можно объяснить большей критичностью молодых людей. Но даже делая поправку на это обстоятельство,

Таблица 34

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ?

	1999 III	2000 IV	2001 XI	2004 III	2005 XI	2006 XI	2007 XI	2010 XI	2011 XI	2014 III	2015 III	2016 XI	2017 XI	2018 XI	2019 XII
Определенно да	12	20	11	8	7	12	17	16	11	17	19	21	28	35	32
Скорее да	19	33	29	31	23	31	36	39	36	46	49	43	44	40	39
Скорее нет	34	30	35	42	44	36	31	32	35	27	24	23	19	17	19
Определенно нет	31	13	22	15	23	16	11	9	11	5	3	4	3	6	7
Затруднились ответить	4	4	3	3	4	5	5	4	6	5	6	9	6	2	2
Число опрошенных	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	1 600	800	800	800	1 600	1 600	1 600	1 600

Таблица 35

С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ В ЭТОЙ ПАРЕ ВЫ МОГЛИ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИТЬСЯ?

	1992 IV	1999 IV	2008 VIII	2016 X	2017 XI	2020 VI (молодежь)
Россия должна сохранить за собой роль великой державы	72	78	86	76	82	80
России не нужно претендовать на роль великой державы	14	9	6	17	13	17
Затруднились ответить	13	13	8	7	5	3
Число опрошенных	2 000	2 000	1 500	1 600	1600	2000

приходится признавать, что 80% опрошенных молодых людей заявляют, что «Россия должна сохранить за собой роль великой державы» (против настроены 17%, 3% затруднились с ответом). Символический статус России как одной из двух (ну, может быть, нескольких) великих держав в мире, со всеми атрибутами насилия или готовности к насилию в отношении других стран (большая армия, ядерное оружие, геополитические интересы, претензии на способность решать мировые проблемы и проч.) играет центральную роль в коллективном сознании и самопонимании россиян, в том числе и у новой генерации.

Определенная (заметная) часть респондентов понимает все издержки такого статуса и негативные последствия и для слабой экономики России, и для потребительского благополучия самих граждан, однако имперские приоритеты оказываются более важными, чем ценности частного благополучия, по крайней мере, на словах.

Сама по себе дробность интерпретаций, приводимых в табл. 30 и 31, указывает на то, что проблема краха советской системы не осмыслена и не понята массовым сознанием даже нового поколения. Более трезво оценивают эти события и понимают их логику (т.е. выбирают причины второго типа) более образованные группы молодежи, жители Москвы, респонденты, занимающие более высокие социальный статус (менеджеры, предприниматели, специалисты), обладающие уже накопленными социальными ресурсами, доходами, широкими и менее зависимыми от государственной пропаганды информационными источниками. Но не они определяют ценностный и идеологический вектор коллективного сознания, который по-прежнему задан упорным отстаиванием своих консервативных взглядов менее образованными, бедными и периферийными группами молодежи (точнее, давлением представлений населения в целом).

В целом причины коллапса советской системы у молодых людей сводятся к трем типам, повторяя самые распространенные в обществе версии:

1) **субъективные**, случайные, в социально-историческом плане иррациональные (поскольку носят «личный» характер) мотивы действий М. Горбачева и Б. Ельцина, демократов-реформаторов (в сумме более половины всех подобных объяснений);

2) **объективные** — советская система исчерпала свои ресурсы, экономика страны не выдержала тяжести расходов на военную промышленность и гонки вооружений, в которую втянулся СССР в борьбе за статус супердержавы (в сумме это чуть больше трети всех мнений молодых людей);

3) **факультативные** — заговор Запада, политика сокращения вооружений, сепаратизм руководителей союзных республик, поражения в афганской и чеченской войнах и т.п.

Российское общество оказалось не в состоянии осмыслить причины распада СССР («величайшей геополитической катастрофы XX века», как назвал это В. Путин) и признать их не потому, что не может, а потому, что не хочет; отказ от этого означал бы крах коллективной идентичности русских. В общественном мнении сталкиваются два фактора: сопротивление признанию объективного характера крушения советского тоталитаризма и одновременно размывание великодержавных амбиций России, представление о несостоятельности или, мягче, ограниченности подобных претензий. Речь идет о глубоком убеждении, что подобный статус у развитых мировых стран (Европы, США) предполагает высокие стандарты жизненного уровня, благосостояния населения, чем Россия не обладает. Особенно болезненно это сознание утраты своего положения в мире переживалось в конце 1990-х, но с приходом В. Путина и политикой «возрождения России» к россиянам вернулось это

Таблица 36

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИЯ В КОНЦЕ 1980-Х — НАЧАЛЕ 1990-Х УТРАТИЛА РОЛЬ СУПЕРДЕРЖАВЫ, КОТОРУЮ ИГРАЛ В МИРЕ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

В результате политики Б. Ельцина и его окружения	22
В результате горбачевской перестройки	21
Советская система исчерпала свои возможности	20
Экономика страны не выдержала гонки вооружений	15
В результате заговора стран Запада	13
Потому что демократы-реформаторы повели страну по неверному пути	9
Из-за сепаратизма бывших лидеров союзных республик, распада СССР	9
Из-за военных поражений в Афганистане, Чечне	3
В результате политики сокращения вооружений	2
Другое	0,7
Я не считаю, что Россия в те годы утратила роль великой державы	16
Затруднились ответить	9

Молодежь, 2020 г., $N = 2013$.

Таблица 37

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СТАЛО ОСНОВНЫМИ ПРИЧИНАМИ РАСПАДА СССР?

Безответственный и ничем не обоснованный «беловежский сговор» Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича	29
Заговор враждебных СССР зарубежных сил	23
Недовольство населения руководством СССР, М. Горбачевым и его окружением	21
Слишком тяжелая военная нагрузка на экономику страны, обернувшаяся застоем и дефицитом потребительских товаров, продуктов питания	14
Амбиции республиканских элит	13
Полное исчерпание коммунистической идеологии	13
Техническая и экономическая отсталость страны	12
Недовольство республик отношениями с союзным центром	12
Отказ от руководящей роли КПСС, ослабление союзного центра в годы перестройки	12
Неадекватная национальная политика союзного центра, стремление к силовому решению национальных проблем	10
Другое	2
Затруднились ответить	20

Общероссийская выборка, март 2017 г., $N = 1600$, ответы ранжированы по убыванию.

возвышающее представление, пусть не сразу и только с усилением самоизоляции от внешнего мира и критики России ведущими странами мира (рис. 3).

Мнения взрослых и молодых в этом плане практически идентичны, за исключением меньшей значимости для молодежи военной атрибутики (–10 п.п.) и большей важности для нее «свободы и гражданских прав» и «культуры» (+9 п.п. и 6 п.п. соответственно, табл. 38).

При всей сомнительности таких признаков, как «благополучие граждан», явного ослабления значения «науки», «литературы», нега-

тивных оценок состояния «свободы и защиты гражданских прав» и т.п. растет, как показывают исследования «Левада-центра», удельный вес «военной мощи, наличия ядерного оружия», масштабы «территории», «богатство природных ресурсов»¹.

Приверженность или, правильнее, фиксация на идее великой державы, традициях СССР

¹ Общественное мнение — 2018. М., 2018. С. 33. Табл. 3.1.11. «Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия» занимает третью позицию (45%) в списке характеристик «Великой державы» после «Высокое благосостояние граждан» (69%) и «Экономический и промышленный потенциал страны» (51%).

и Российской империи, одобрение конфронтационной антизападной милитаристской риторики властей поднимают россиян в своих собственных глазах, но вместе с тем разрывают связь между последствиями той или иной политики, проводимой руководством страны, и благосостоянием населения. Этот разрыв выражается в первую очередь как отказ нести ответственность за действия правительства, с одной стороны, и одновременно как нежелание участвовать в общественно-политической жизни страны — с другой. В последнем случае сюда примешиваются и страхи перед репрессиями и произволом властей (табл. 19).

Традиционные представления о судьбе России как великой державы играют, как мы видим, фундаментальную роль в национальной идентичности и политической культуре России.

Молодежь в полной мере усвоила эти ценности и идеологические мифы и воспроизводит их практически в полном объеме. Именно этот пласт массовых представлений блокирует рецепцию демократических взглядов и убеждений, потенциал модернизации и возможности формирования институтов современного государства (независимой судебной системы, образования, гражданского контроля над властью, свободных СМИ и т.п.). Других оснований для самоуважения, сознания своего достоинства, коллективной чести, кроме как ощущения себя подданным супердержавы, превосходящей другие страны по своей военной мощи, способности влиять на них, кроме реанимированных путинской элитой геополитических мифов в массовом сознании россиян нет. Незначительная часть либерально настроенных демокра-

Таблица 38

ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВХОДИТ В ПОНЯТИЕ «ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА»?

	Молодежь (2020)	Население (2018)
Высокое благосостояние граждан	66	69
Экономический и промышленный потенциал страны	49	51
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	35	45
Великая культура, наука, искусство	33	27
Свободы и гражданские права	33	24
Богатые природные ресурсы	17	20
Масштабы страны, просторы	7	7
Численность населения	6	6
Героическое прошлое	8	10
Уважение других стран и авторитет в мире	17	13
Затруднились ответить	1	1

Таблица 39

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ НЫНЕШНЮЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ В РОССИИ?

	Население			Молодежь
	2008	2011	2012	2020
Совершенно особая политическая система, присущая только России	35	30	28	32
Авторитарный режим с ограничением гражданских прав и свобод	8	18	15	27
Переходный строй, сочетающий черты советского государства и демократии	17	20	17	14
Развивающаяся демократия по образцу европейских стран	16	11	17	13
Другое	1	5	1	2
Затруднились ответить	23	16	22	12
Число опрошенных	1 500	1 000	2 000	2 000

тов, мечтающих, чтобы Россия стала наконец нормальной демократией, не в состоянии сопротивляться воздействию государственной пропаганды, эксплуатирующей традиционный ресентимент общества, пережившего травму неудачной социальной и правовой модернизации.

Поэтому представления о сложившейся в сегодняшней России политической системе отличаются противоречивостью или принципиальной двойственностью: с одной стороны, мы фиксируем сохранение ориентации на демократию западного образца, т.е. вполне выраженные идеи демократического транзита, выдвинутые реформаторами в конце периода перестройки и краха СССР, а также коррелирующие с ними оппозиционные представления о силах, препятствующих этому движению — установлению авторитарного режима, с другой — сохранение прежних великодержавных националистических представлений, основанных на признании безальтернативности централизованного и авторитарного государства и легитимности режима суверенной персоналистической власти.

Молодежь в целом воспроизводит весь спектр существующих в обществе политических взглядов, следует старшим в своем понимании происходящего и подхватывает их мнения. Однако определенная часть молодежи, более продвинутая, образованная и обеспеченная, в соответствии со своими предпочтениями все-таки оценивает нынешний режим более критично, чем население в целом. С 2008 г. в населении в целом растет представление об авторитарном и репрессивном характере путинского режима (доля таких ответов выросла с 8% в 2008 г. до 15–18% в 2012 г. на пике массовых протестов). У молодых людей доля таких ответов поднимается до 27%, что заметно выделяет молодых из общего ряда поколений. (Правда, этот замер произведен лишь несколько лет спустя, в 2020 г., что делает условным само сопоставление этих данных.) В большей степени такие взгляды характерны для столичной молодежи, студенчества.

Характер и качество исторических знаний

Стремление исследователей выйти за рамки официальной идеологии парадной истории России как «Великой державы» наталкивается на обширные зоны незнания, белые пятна массовых представлений об истории. Это было бы понятно, если бы речь в нашем исследовании шла о пожилых и малограмотных людях,

жителях сел или малых городов. Но настоящий опрос нацелен на анализ культурных и социальных представлений именно молодых людей, сравнительно недавно вышедших из стен школы или других учебных учреждений, в том числе университетов и вузов. Невежество молодых шокирует. Так, 72% не смогли назвать годы коллективизации, более или менее адекватно определяли временные рамки этого периода лишь 8% молодых людей.

Годы Большого террора правильно смогли назвать чуть больше 5% (74% затруднились ответить на этот вопрос). Остальные 20% давали либо самые неопределенные ответы («тридцатые годы», «правление Сталина», «сороковые годы», «с тридцатых по пятидесятые годы»), либо неверные — «двадцатые годы», «XIX век», «восьмидесятые», «девяностые годы», «XX век» и т.п.

Начало Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.) не смог назвать каждый четвертый из опрошенных (24%), правильно назвали дату лишь треть респондентов (33%), гораздо больше (37%) называли 1941 г., 4% назвали другие неподходящие даты.

Период разоблачения культа Сталина смогли указать менее 3%, 75% не знали, остальные называли неверные или неточные даты и события. Даже относительно недавние события, как, например, первую и вторую чеченские войны, оказались за рамками представлений большей части опрошенных (54% затруднились ответить, когда это было). Дату первой войны смогли назвать менее 10% опрошенных. Более 90% молодых людей не знают, что произошло в августе 1991 г. (путч ГКЧП), а это ключевое событие в новейшей истории России.

Единственно возможное объяснение сводится к тому, что историческая политика путинского руководства, поставившая задачу патриотического воспитания и «борьбы с фальсификациями истории», с «западным влиянием», привела к полному разрушению каких-либо знаний о недавнем негативном прошлом страны, вытеснению его из коллективного сознания молодого поколения и замене его пропагандистскими мифами и имперскими стереотипами, блокирующими возможности критического понимания тоталитарной системы и ее реанимации в последние десятилетия.

Вместе с разочарованием в реформах и сменой ценностных приоритетов и ориентаций практически сошел на нет слой культуры российской интеллигенции, которая была одной из наиболее активных агентов и социальных

Таблица 40
ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ТАКОЕ...

	Знают	Что-то слышали, но точно не знают	Не знают
Самиздат	16	25	59
Тамиздат	3	21	76
Спецхран	10	22	68
Толстые журналы	17	22	61
Отказники	20	26	54
Андеграунд	30	25	46
Литература с грифом «ДСП»	10	2	68
Спецраспределители	28	26	46

сил перестройки, поддержки рыночных и демократических реформ конца 1980-х — первой половины 1990-х. В качестве методического индикатора таких изменений в исследовании принято сокращение у молодежи знаний о символических понятиях, интегрировавших этот слой, формировавших мотивацию сопротивления тоталитарной власти и стремления к переменам.

Для диагностики значимости этого культурного слоя мы используем несколько ключевых понятий того времени: *самиздат/тамиздат*; *отказники* (евреи, подавшие заявление о желании эмигрировать из СССР); *спецхран* (литература, которую в академических или научных библиотеках выдавалась только при наличии специальных разрешений); *литература с грифом «ДСП»* (для служебного пользования), бывшая источником сетевой информации о событиях внутри страны и за рубежом, доступная научным сотрудникам и журналистам в тех СМИ, которые были заняты в системе пропаганды, партийным и хозяйственным работникам среднего и высокого уровня; *спецраспределители* (специальные магазины, обеспечивавшие дефицитными товарами начальство и привилегированные группы номенклатуры); *андеграунд* — сленговое самоназвание узкого слоя носителей музыкальной, художественной, преимущественно молодежной суб- и контркультуры, а также более широкое понятие — *толстые литературные журналы*, бывшие в авангарде перестройки, начавшие в эпоху перестройки печатать ранее запрещенную художественную и другую литературу, что обеспечило консолидацию слоя, поддерживавшего горбачевскую гласность и перестройку¹.

¹ Благодаря им тиражи этих журналов увеличились в 5–10 раз, их совокупная читательская аудитория выросла на протяжении трех-четырех

Как видно из табл. 40, толщина этого остаточного слоя, еще сохраняющего какое-то представление о состоянии умов 30-летней давности, не превышает сегодня в молодом поколении 10–15%. Исключением можно считать лишь память о молодежной субкультуре (российском роке второй половины 1980-х, ставшем частью нынешней поп-культуры) и о понятии *спецраспределитель*. Для общества, вышедшего из плановой государственной, а потому *дефицитной* экономики, общества, больше всего ориентированного на потребление, это понятие играло ключевую роль в представлениях об иерархии власти, социальной стратификации, сознании социальной несправедливости и о масштабах советской коррупции. Сфера распространения знаний об этих реалиях и сегодня достигает 28–30%.

Возьмем для иллюстрации характеристики тех, кто заявил, что знают, что такое самиздат².

Мы наблюдаем процесс не просто сокращения той социально-культурной среды, поддерживавшей перемены конца 1980-х — начала 1990-х, которая была мотивирована и идеологически, и морально, и социально на реформирование советской системы, но и вытеснение этих представлений из общественного сознания. Это кажется если и не «нормальным», то закономерным следствием течения времени, если при этом не принять во внимание сохранение или, точнее, реактивирование, реабилитацию имперских и советских представлений того же времени.

лет с 1,5–2 млн до 12–15 млн человек, но уже в первой половине 1990-х сократилась до нескольких десятков тысяч.

² Мы не обсуждаем сейчас то, насколько адекватно респонденты понимают это слово, представляется, что лучше других понимают его значение молодые люди ближе к 30 годам, более образованные, москвичи и жители мегаполисов, где, собственно, и циркулировали такие материалы.

Таблица 41

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ТАКОЕ САМИЗДАТ? (% опрошенных, приводятся характеристики тех, кто ответил: «Да, знаю»)

Возраст	
18–24 года	10
25–29 лет	12
30–34 года	22
Образование	
Высшее	20
Среднее специальное профессиональное	15
Среднее общее	10
Неполное среднее	2
Социальный статус	
Предприниматель, занят в частном секторе экономики	24
Руководитель	27
Специалист	22
Служащий	17
Квалифицированный рабочий	15
Учащийся, студент	11
Неквалифицированный рабочий	11
Домохозяйка	12
Тип поселения	
Москва	28
Большой город	20
Средний город	13
Малый город	11
Село	12

Каналы и источники исторических представлений

Даже в среде нашей «образованной публики» господствуют представления о характере «исторической памяти», моделируемой по образу памяти индивидуальной. Отсюда масса нелепых заблуждений и недоразумений. Эта метафора говорит о неразвитости самого общества, об искаженности представлений о своей структуре и механизмах его функционирования. Объем исторических знаний у различных социальных групп определен, во-первых, механизмами отбора, сохранения и воспроизводства знаний о тех или иных событиях, а во-вторых, функцией, которую выполняют эти знания в структурах социального взаимодействия, — поддержания образцов групповой или институциональной идентичности, легитимации господства, конструирования образов других, включая врагов. Рассмотрим это подробнее.

Из табл. 42 видно, что главный канал исторических представлений и интерпретации событий — это идеологически препарированное преподавание советской истории в школах и вузах, создающее основу для панорамной картины прошлого. О качестве преподавания говорит уже то, что лишь незначительное число респондентов смогло назвать даты и сроки важнейших событий отечественной социальной истории. Меньше всего в образовательных учреждениях говорилось о таких предметах, как антисоветские восстания в Венгрии, в Чехословакии, о репрессиях и диссидентах, о причинах и характере войны в Чечне, о перестройке. Причины — цензура и идеологическое управление этими организациями со стороны государственных органов. Не менее, а, пожалуй, и более важным оказывается искаженное идеологизированное изображение прошлого на нынешнем ТВ и в кинематографе.

Таблица 42

ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ... (молодежь, 2020 г.)

Из семьи, от родственников	От очевидцев, людей старшего поколения	Из учебы в школе, институте	Читали в книгах, журналах	От правозащитников, историков	Из Интернета, соцсетей	Из кино, ТВ	Почти ничего не знаю об этом
о репрессиях 1930–1950 гг.							
15	7	42	12	1	12	11	23
о коллективизации, депортациях, голоде							
13	6	43	11	1	11	9	22
о преследованиях диссидентов							
6	3	30	9	2	11	9	39
о событиях в Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г.							
4	2	27	6	0,5	9	7	49
о войне в Чечне							
21	9	26	9	1,5	19	25	14
о перестройке 1985 г.							
29	10	37	8	1	13	13	15

Таблица 43

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ НА МНОГИЕ ТЕМЫ БЫЛО НЕ ПРИНЯТО ИЛИ ДАЖЕ ОПАСНО ГОВОРИТЬ. ГОВОРИЛИ ЛИ С ВАМИ ВАШИ РОДИТЕЛИ, СТАРШИЕ В СЕМЬЕ О ЧЕМ-ЛИБО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НИЖЕ?

Говорили о...	Население, 2008 г.	Молодежь, 2020 г.
Великой Отечественной войне	54	51
Реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	22	24
Руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	28	23
Боге, вере, церкви	28	22
Репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	26	21
Войне в Афганистане, Чечне	23	20
Жизни за границей	13	12
Эмиграции, выезде из страны	7	11
Смерти	13	11
Интимных отношениях, сексе	11	6
Самоубийстве	5	5
Инакомыслии, диссидентах, самиздате	7	5
Антисоветских движениях в странах соцлагеря (Венгрия, «Пражская весна», выступления польских рабочих и т.п.)	6	3
Ни о чем из этого родители, старшие со мной не говорили	17	23
Я вырос(ла) без родителей	1	2
Затруднились ответить	11	3

С этими двумя каналами распространения знаний о прошлом не могут конкурировать ни свидетельства очевидцев (всегда дающих личный, фрагментированный образ повседневной жизни тех лет), ни работа правозащитников, ни чтение (весьма обширной) литературы. Критически важные для переоценки офици-

альной картины прошлого события (коллективизация, искусственный массовый голод во время коллективизации и после войны, этнические депортации, подавление восстаний в социалистических странах, преследование диссидентов и т.п.) оказываются известными и обсуждаемыми лишь меньшинством. Значитель-

Таблица 44

ОБСУЖДАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-ЛИБО СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД С ВАШИМИ РОДИТЕЛЯМИ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ВЫ ОПИСАЛИ БЫ ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ ПЕРИОДУ?

ОБСУЖДАЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-ЛИБО СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД С ВАШИМИ БАБУШКАМИ (ПРАБАБУШКАМИ) / ДЕДУШКАМИ (ПРАДЕДУШКАМИ)? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ВЫ ОПИСАЛИ БЫ ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ ПЕРИОДУ? (молодежь, 2020 г.)

	С родителями	С бабушками / дедушками
Никогда не обсуждал с родителями / бабушками, дедушками советский период / нет родителей	23	33
Они говорят, что жизнь в советский период была:		
В целом хорошей	35	35
Хорошей, хотя были и некоторые недостатки	29	22
Плохой, хотя были в ней и хорошие стороны	9	5
В целом плохой	1	2
Затруднились ответить	3	3

ная часть российской молодежи (от четверти до половины) вообще о них ничего не знает (и не хочет знать).

Более значимым источником понимания событий прошлого оказываются неформальные сети коммуникаций в семье (со всеми особенностями традиционно-личностной передачи социального опыта). За ними по степени важности следуют: а) самостоятельное чтение об истории; б) Интернет и соцсети, которые дают столь же оценочную и крайне поверхностную картину прошлого.

Роль собственно историков или экспертов «Мемориала», правозащитников и аналогичных активистов и деятелей гражданского просвещения оказывается крайне незначительной.

Различия в ответах респондентов из разных возрастных групп молодежи незначительны. Другими словами, оценки и интерпретации прошлого воспроизводятся почти без изменений.

О тональности, в которой идет подача исторических событий прошлого века, можно судить по двум моментам: значимости функций врагов для интеграции общества и отношению к Сталину и репрессиям¹. Функциональная роль образов «врагов» у молодежи практически идентична аналогичным представлениям взрослых, 73% опрошенных разделяют убежденность в существовании «врагов у нашей страны» (среди респондентов общероссийских опросов этот показатель составляет временами больше 80%, рис. 4 и 5).

Молодые люди лишь подчиняются и следуют изменениям в представлениях взрослых. В 1990-х, на всем протяжении этого десятилетия, сохранялось равнодушно-негативное отношение молодежи к фигуре диктатора, для нее он был таким же призраком, какими были в ее сознании Чингисхан или Иван Грозный. Но в 2000-х отношение начало меняться, и с 2012 г. установилось преобладающее позитивное восприятие этого руководителя Советского государства, проводившего эффективную, с точки зрения обывателя, политику индустриализации, организатора победы в войне².

В результате последовательной политики по реабилитации И. Сталина молодые люди сегодня считают его «самым выдающимся человеком всех времен и народов» (в открытом списке таких фигур, названных опрошенными, он занимает первое место из примерно 180–200 имен — его называли в этом качестве 35% опрошенных — 708 человек, вторым по упоминаемости оказался В. Ленин (28%), третьим — Петр I (25%). Величайшим «злодеем» в мировой истории его называли лишь 15% опрошенных (для сравнения: Гитлер в этом ряду назван 68% молодых респондентов).

Консервативный, антизападный разворот, который обычно датируется 2007 г. (речь В. Путина в Мюнхене), в массовом сознании произошел гораздо раньше. Путинская элита лишь воспользовалась этими настроениями разочарования в демократии, в выборе прозападного пути развития России, ретроспективной идеализации жизни в СССР и т.п., но использовала

¹ О динамике отношения к диктатору см.: Гудков Л. Дерезализация прошлого: функции сталинского мифа // Pro et Contra. 2012 (ноябрь — декабрь). № 6 (57). С. 108–135.

² Критический анализ этих идеологических мифов см.: Орешкин Д. Джугафилия и советский статистический эпос. М.: Мысль, 2019.

Рисунок 4
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ У СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ ВРАГИ?

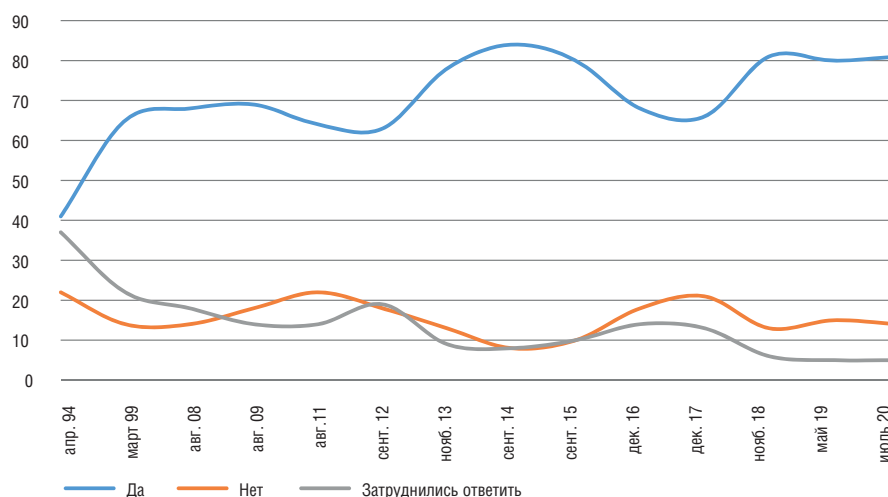
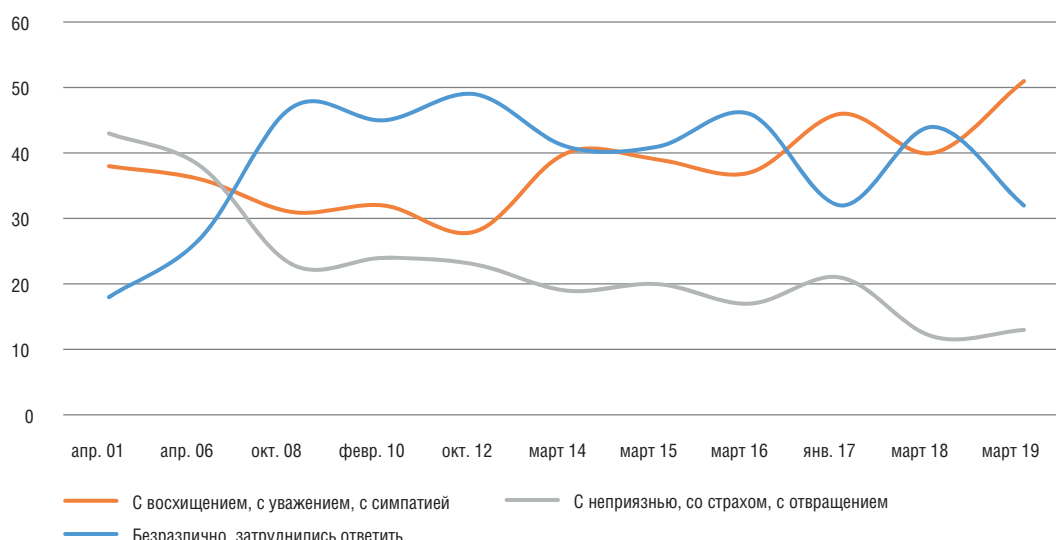

Рисунок 5
КАК ВЫ ЛИЧНО В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ К И. СТАЛИНУ?

эту волну ресентимента не для восстановления советской системы, а для легитимации нового порядка, сложившегося в первой половине 2000-х, с одной стороны, и для дискредитации идей демократии и правового государства — идеологии своих политических оппонентов, с другой. Сочетание антизападной риторики и того, что получило название (неправильное) «ностальгии по СССР», стало основой нового идеологического курса — «традиционалистской» пропаганды, навязывания идеи «особого пути России», реабилитации советской системы, апологии И. Сталина и отрицания преступлений государства по отношению к своим гражданам в 1920–1950 гг. Из табл. 45 видно, как восстанавливались основные идеологиче-

ские клише советского времени — стереотипы «патерналистской заботы» государства о своих гражданах, отсутствия межэтнических конфликтов в СССР, успешного развития экономики, постоянного повышения уровня жизни и т.п. Воспроизводство этих пропагандистских стереотипов и массовых установок облегчалось тем, что к этому времени практически ушло поколение советских людей, живших при «развитом социализме». В качестве оснований для сравнения условий жизни в настоящем предлагались годы краха СССР и время, когда завершился переход к рыночной экономике и начался ее подъем.

Столь же важным следует считать и привычный страх крамольных мыслей и разговоров

о власти и государственном терроре, который составлял значимую часть коллективного под-сознания, о чем свидетельствует ничтожный процент тех молодых людей, которые разговари-вали об этом со своими родителями или со старшими родственниками, современниками советской жизни. Поэтому брежневская эпоха (и даже сталинский период) в той картине про-шлого, которая рисовалась прокремлевскими СМИ и пропагандой, выглядела как сцены из советских кинофильмов — идеализированной, солидаристской, направленной в будущее и т.д.

Совпадение роста экономики и укрепления по-зиций В. Путина во власти давало возможность приписать на свой счет повышение доходов на-селения. Весь негатив последовательно вытес-нялся не только из сознания молодых людей, но и населения в целом.

Вместе с тем, несмотря на консенсус между разными возрастными группами российско-го общества, молодые люди в основном не со-бираются «возвращаться в СССР», не хотят, поскольку считают свое время «лучшим», чем было до сих пор. (табл. 46). Соотношение по-

Таблица 45

ЧТО, ПО-ВАШЕМУ, ХАРАКТЕРНО ДЛЯ ТОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ, ПО КОТОРОМУ НАША СТРАНА ДВИГАЛАСЬ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?

	2000 IV	2008 II	2019 V
Забота государства о простых людях	37	29	59
Отсутствие межнациональных конфликтов, дружба народов	44	40	46
Успешное развитие экономики, отсутствие безработицы	39	31	43
Постоянное улучшение жизни людей	23	14	39
Самая передовая в мире советская наука и культура	22	21	31
Направляющая роль коммунистической партии	41	43	29
Очереди, дефицит, карточки	34	42	24
Изоляция страны от внешнего мира, невозможность выезжать за рубеж и возвращаться	25	24	17
Бедность	11	12	13
Преследование инакомыслящих, контроль КГБ над всеми	20	14	13
Всевластие партийных и государственных чиновников, бюрократии	14	13	9
Отставание от развитых стран в производстве, в качестве продукции	13	13	9
Преследование церкви и верующих	13	9	8
Непосильные для страны военные расходы	7	11	7
Затруднились ответить	6	8	5

Население в целом, $N = 1600$, ранжировано по последнему замеру.

Таблица 46

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ВСЕ В СТРАНЕ ОСТАВАЛОСЬ ТАК, КАК БЫЛО ДО НАЧАЛА ПЕРЕСТРОЙКИ (до 1985 г.)?

	1995 X	1998 II	2000 IV	2004 III	2009 II	2015 III	2017 IV	2019 III
Совершенно согласен	31	29	25	22	22	17	23	24
Скорее согласен	22	22	25	24	22	24	27	24
Скорее не согласен	20	22	27	24	27	26	23	24
Совершенно не согласен	15	17	13	19	14	8	6	15
Затруднились ответить	13	10	10	10	15	25	20	14
Согласны / несогласны	1,5	1,3	1,25	1,2	1,1	1,2	1,7	1,2

Население в целом, $N = 1600$.

лярных мнений в населении в целом (согласны с тем, что «лучше, чтобы все оставалось, как было до перестройки» / не согласны с этими мнениями) за 25 лет почти не меняется (пропорции мнений колеблются в разные годы от 1,5–1,7 до 1,1–1,2). Консервативные предпочтения прежнего образа жизни остаются, пусть и носят декларативный характер. Однако мнения молодежи оказываются другими и бо-

лее выраженными: 51% не согласны с тем, что «раньше было лучше», 33% — согласны.

Примечательно, что молодые женщины в данном случае оказываются более довольны переменами, чем мужчины (ориентация на дом, семью, потребление, частную жизнь). Распределения мнений укладываются в общую логику перемен: те, кто обладает большими социальными ресурсами (образованием, доходами, стату-

Таблица 47

МНОГИЕ ГОВОРЯТ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ВСЕ В СТРАНЕ ОСТАВАЛОСЬ ТАК, КАК БЫЛО ДО 1985 Г. ВЫ СОГЛАСНЫ С ЭТИМ СУЖДЕНИЕМ ИЛИ НЕТ? (молодежь, 2020 г.)

	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить
В среднем	33	51	16
Мужчины	36	48	16
Женщины	30	53	17
Возраст			
18–24 года	29	56	15
25–29 лет	34	49	17
30–34 года	36	49	15
Образование			
Высшее	30	53	17
Среднее профессиональное	34	49	17
Среднее общее	34	52	14
Неполное среднее	45	37	18
Потребительский статус			
Бедные	46	37	17
Умеренный достаток	35	49	16
Обеспеченные	28	56	16
Тип поселения			
Москва	26	53	21
Большой город	31	52	17
Средний город	30	52	18
Малый город	38	49	13
Село	37	48	15
Профессиональный статус			
Предприниматель, менеджер	33	58	9
Руководитель	32	57	11
Специалист	29	52	19
Служащий	34	50	16
Квалиф. рабочий	40	44	16
Неквалиф. рабочий	40	30	30
Учащийся	23	62	15
Домохозяйка	30	55	15
Безработный	44	42	14

сом, квалификацией), в большей степени поддерживают изменения, чем прочие категории опрошенных (табл. 47). Наибольшую идентификацию со своим временем выражает самая юная группа — старших школьников, учащихся (62%).

В отличие от других стран, которые сумели многое сделать для проработки своего тоталитарного прошлого, в России подобная работа на общегосударственном уровне не велась, а все попытки критического осмысления природы сталинизма, факторов устойчивости советской системы и причин ее краха фактически провалились, не будучи поддержанными даже демократами. В результате новое путинское поколение молодежи принимало плакатные образы советской жизни и идеологические лозунги за реальные описания жизни советских людей.

Заключение

Споры об особенностях молодого поколения, людей, родившихся уже после краха СССР (1990–2002 гг.), имеют не только практически-политический и общественный характер, но и чисто теоретический смысл: какие социальные механизмы определяют потенциал развития, можно ли говорить об изменении ценностей нового поколения, если да, то какого рода будут эти изменения?

В дискуссиях российских исследователей представлены две разные позиции: первая более четко сформулирована проректором ВШЭ В. Радаевым. Ее суть можно свести к утверждению, что поколение «миллениалов» («поколение Z») принципиально отличается от всех предшествующих своими «повседневными практиками» и может служить «зеркалом происходящих перемен»¹. Но это свое заключение он сопровождает одной очень важной оговоркой: это так, если «отвлечься от политики», не принимать во внимание проблематику участия в общественно-политических делах и отношения к действующей власти. Главное, что характеризует, с его точки зрения, молодых людей нынешнего времени, сводится к следующему: это поколение активно пользуется новыми техническими средствами коммуникации, оно прагматично, ориентировано на более высокие в сравнении с предшествующими возрастными когортами стандарты потребления, жизненный комфорт, устойчивый рост благосостояния, рационально относится к своему здоровью, его

отличает отсутствие выраженных идеологических установок, оно более толерантно и т.п. Менее четкую, но близкую к взглядам В. Радаева позицию занимает Э. Панеях со своим тезисом о «низовой модернизации», осуществляемой именно молодыми людьми: авторитарное и потому архаическое и традиционалистски ориентированное государство контролирует сферу политики и возможности продолжения демократических реформ, но «общество» в лице молодых людей заинтересовано в изменениях, возможности которого открыты только на уровне повседневных заимствований некоторых западных культурных и ценностных образцов, которые воспринимаются и осознаются как «современные», современные, соответствующие вектору мирового глобального развития. Подобные взгляды на молодежь разделяют и многие публицисты, университетские преподаватели (Е. Омельченко, Д. Травин и др.), сторонники транзитологических подходов к изучению постсоветской России.

Иную точку зрения не раз высказывали социологи «Левада-центра», развивая положения самого Ю. Левады, полагавшего, что, несмотря на все несомненные изменения в характере потребления и поведении нового поколения, базовые — ценностные, нормативные — установки и жизненные стратегии молодежи оказываются достаточно консервативными и воспроизводят специфические черты адаптивного поведения, характерного для общества на поздних стадиях советской системы или ее разложения². Путинский репрессивный режим стремится к возрождению многих сторон брежневской супердержавы, в первую очередь к тотальному контролю над ключевыми сферами общественной и экономической жизни. В реальности этот контроль никогда не достигал своих целей — полноты и эффективности управления социальным поведением, но порождал специфические формы приспособления населения к власти — оппортунизм и конформизм, двоемыслие (демонстративное принятие официальных норм при следовании

¹ Радаев В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 35.

² Не разделявшая концепцию «советского человека» Л. Хахулина, вопреки исходной гипотезе о поколенческих циклах ценностных изменений (эта гипотеза лежит в основе эмпирического исследования понятий справедливости, см.: Хахулина Л., Стивенсон С. Неравенство и справедливость // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 40–44), пришла тем не менее к таким же выводам, а именно, что за 20 лет эти представления не изменились: Хахулина Л. Устойчивость массовых представлений о справедливости // Вестник общественного мнения. 2014. № 1–2. С. 37–49, особенно с. 41–42, 48.

по возможности своим интересам), широко распространенную коррупцию при формальном ее осуждении и требовании суровых мер наказания за нее. Государственный контроль за поведением граждан в этом отношении оказывается терпимым, поскольку власти монополизируют права и технические возможности говорить от имени всего коллективного целого, представляя и «защищая традиционные национальные ценности и интересы». Смена легитимности власти, произошедшая за последние 20 лет (от построения демократического и правового государства к авторитарно-традиционалистскому государству, воплощающему ценности и нормы «особой русской цивилизации», возрождение имперского духа), нейтрализует потенциал возможного недовольства, протеста и сопротивления. Пассивность в общественных делах и отказ от участия в политике сопровождаются снятием с себя субъективной или личной ответственности за положение дел в стране и переносом ее с индивидов на власти, получающие, таким образом, статус полной «суверенности» и свободы действия. Подобный трансферт личной ответственности и восстановление традиционалистской легитимности социального порядка предполагает резкое и непреодолимое разделение планов действительности на сферу коллективных значений и символов, транслируемых всеми неподконтрольными маленькому человеку государственными институтами, и сферу частных интересов, позволяющих сохранять некоторую автономность приватной жизни и видимость повседневного благополучия. Подобное разделение не только блокирует перспективы структурно-функциональной дифференциации социальной системы, но и порождает специфический имморализм общества (симптомы которого — отсутствие личностного и институционального доверия, веры в будущее, отказ от ценностей и норм общественной солидарности и участия в политике, в деятельности организаций гражданского общества и т.п.). Такие функциональные особенности двойных стандартов и ценностей придают своего рода гибкость и устойчивость общественно-политической системы, возникшей на руинах Советского Союза, позволяя людям выживать и добиваться своего в условиях социальной нестабильности и административного произвола.

В этом смысле говорить о смене поколений в маннгеймовском плане весьма пробле-

матично, поскольку новая генерация не сформировала (и не может сформировать) своих специфических символических структур, иной конструкции идентичности, построенной на осознании и рационализации ключевых событий, которые отделяли бы одно поколение от предшествующих. Как показывает настоящее исследование, опирающееся на ряд проведенных ранее социологических опросов, объединенных общей программой, мы имеем дело как с воспроизводством основных коллективных представлений, сложившихся в советское время и обеспеченных функционированием всей нынешней институциональной системы (государственными СМИ, образованием, армией, управлением, правоохранительными органами и т.п.), так и с рецепцией потребительских моделей, характерных для западных, в первую очередь европейских, стран. Но потенциал принятия ценностей и образцов демократии (ответственного участия в общественно-политических делах и процессах) блокирован защитой «своих» коллективных символов и представлений, сопротивлением «чуждому влиянию». Другими словами, хочется жить (=потреблять) «как в Европе», но сознавать себя и вести молодые люди будут только в качестве подданных «Великой державы», дистанцирующейся от остального мира.

Прежние, еще советские, структуры сознания перекрывают межпоколенческие различия, заставляя подчиняться и принимать социальные нормы государства, стремящегося распространить свой контроль на все сферы общественной и частной жизни. В этих условиях новые коммуникативные практики оказываются встроенными в социальную систему вторичного тоталитаризма, приводя к определенным социально-психологическим изменениям личности.

То, что представляется милыми особенностями молодого поколения, — их полная погруженность в общение между собой в социальных сетях, ориентированность на настоящее, желание жить здесь и сейчас, эмоциональность, склонность к немедленному удовлетворению своих желаний и потребительских запросов, гедонизм и нежелание обременять себя чужими проблемами или неприятным прошлым («не хочу страдать», «не грузите меня вашей политикой», разговорами о «ГУЛАГе, Путине» и всем прочем) оборачивается отказом от понимания других, дефицитом или дефектами социального воображения, стерилизацией социальной соли-

дарности, т.е. «закорачиванием» эмоциональных связей на себе подобных, инфантильным эгоцентризмом¹.

Уверенность в способности найти, как им кажется, любую нужную информацию в Сети сочетается с явным отвращением к большим текстам и неумением подойти к сложным задачам, требующим других человеческих ресурсов и неинструментальных навыков. Все это означает разрушение существовавших длительное время социализационных требований конспектировать прочитанное и его переваривание (что особенно важно для социальных элит), способности к медленному и долгому чтению, бывшему основой освоения культурного канона, не только классического, но и модернистского, и вместе с тем исчезновение многообразия смыслов, короткий горизонт существования.

Психологи указывают и на другие следствия жизни в принципиально новом коммуникативном мире Интернета, социальных сетей, компьютерных игр, сериалов, айфонов, YouTube и разнообразных виртуальных тусовок: оборотной стороной этой жизни оказывается сокращение словарного запаса, обеднение тезауруса сложных понятий и представлений, неумение выражать свои мысли (даже тогда, когда кажется, что они есть), готовность ограничить себя всем, выходящим за рамки простого переживания, попового аффекта, неспособность к эмпатии, сопереживанию, сочувствию другим людям, снижение критического мышления. Общая черта нового поколения — стремление к психологическому комфорту, которое правильнее было бы рассматривать как детскую, бессознательную защитную реакцию на институциональное насилие. Нарастающий разрыв между новыми технологиями и примитивностью российской государственной и общественной системы не может не сказываться на характере социальной личности базового типа, ее инфантилизация (усиливающаяся относительно сложности современного мира, в особенности относительно стран, воспринимаемых как ориентир развития). Другими словами, мы имеем дело с понижением культуры, разума за счет расширения технических удобств, карьеры, гипертрофированное развитие инструментальных характеристик интеллекта.

¹ Разве неудивительно, что такие радикальные институциональные перемены, как путинская Конституция, новые законы о цензуре, репрессии, не вызвали серьезных изменений в обществе? Бурчание и матерные выпады в соцсетях и Интернете — не в счет.

В этом плане нельзя признать полностью основательными ссылки на то, что это «глобальный, всеобщий процесс» или что «и у них точно так же», поскольку в западных демократиях происходит дифференциация процессов социализации: наряду с распространением и укоренением массовой коммуникативной культуры в западных демократиях сохраняются элитарные формы преподавания и социализации молодежи, воспроизводящие самые сложные типы культуры и рефлексивного знания.

Выводы

1. Постсоветское поколение молодых россиян (1986–2002 годов рождения), не знающих на собственном опыте о жизни в условиях социализма, отличается высокой самооценкой и большей уверенностью в будущем, если сравнивать с населением в целом. Молодые люди воспитаны и социализировались в условиях «путинской стабилизации» и «суверенной демократии», в период, когда политика государства стала нацелена на жесткий контроль над обществом, в стране усиливалась цензура, но одновременно стремительно развивались альтернативные системы коммуникации — Интернет, социальные сети, что стало условием практически полной компьютерной грамотности молодого поколения. Молодежь более образованна, мобильна, доходы молодых людей выше, чем в среднем по России.

2. Никаких признаков социально-культурного разрыва между поколениями, конфликта поколений, особой структуры ценностей и символов у молодежи не фиксируется. Большая склонность к потребительско-гедонистической культуре не является каким-то новообразованием, а лишь иным и более ярким выражением запросов и ценностей дефицитного общества эпохи социализма. Результаты исследования не позволяют говорить о специфической поколенческой идентичности этой молодежной когорты, если не считать их более высокой самооценки. Напротив, данные говорят о воспроизводстве основных ценностно-идеологических представлений, сложившихся в последние десятилетия существования советской системы.

3. Слой коллективных представлений, играющих роль стандартов социетальной интеграции, идеологических и символических структур предшествующих эпох, воспроизводится в молодом поколении с минимальными изменениями. Композиция этих образов

коллективной идентичности не меняется, но интенсивность их выражения постепенно снижается у молодых людей. Основная ценностная коллизия представлена фрустрирующим разрывом между остатками коммунистической утопии в сочетании с претензиями на сохранение нынешней Россией того же статуса «Великой державы», который имел СССР, с представлениями о бедности россиян и бесправии граждан в их частной повседневной жизни. Ослабление этой структуры идентичности связано с вытеснением и блокированием этой травмы у нового поколения, воспринимающего себя свободными от советского прошлого. По сути, эта «свобода» есть не что иное, как неспособность справиться с грузом накопленных моральных, социальных и политических проблем российского общества, его наследие от предшествующих эпох. Защитным барьером против фрустрирующего сознания этой личной неспособности или национальной неполноценности является стремление к самоизоляции (идеология «особого пути России», которую разделяют не менее трети опрошенных), идеология «России как особой цивилизации», отличной от Запада, возвышающая убежденность в том, что «Россия — страна великой духовной культуры», эманация и сияние которой распространяются на всех ее жителей («русских») с момента рождения. Молодые люди воспринимают себя как более успешных в социальном плане в сравнении с поколением их родителей, более свободных, но в то же время как людей, зависимых от власти и аполитичных, тревожных, неуверенных в своем настоящем и будущем, отказывающихся от участия в общественной и политической жизни не только страны в целом, но и в жизни местного сообщества. Дополнительным фактором психологической компенсации травмы коллективной несостоятельности и пассивности оказываются антизападный ресентимент и комплекс «жертвы»¹. Эти механизмы выражены слабее, чем у предшествующих поколений, прошедших социализацию и идеологическую проработку еще при советском строе, но тем не менее для значительной части молодежи, особенно депримированной, бедной и обладающей ограниченными ресурсами, они вполне работоспособны и функциональны.

¹ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1999. № 3. С. 46–64.

4. Хотя политические предпочтения молодежи явно заданы расплывчатым образом западной демократии, политического устройства европейских стран, но каких-либо признаков готовности к практической реализации своих идеалов и предпочтений мы не обнаруживаем. Открытое и твердое нежелание участвовать в политике, в деятельности демократических партий в России означает, что необходимых мотиваций у основной массы молодежи, гражданской ответственности за положение дела в стране нет. Политически ангажированы (сознают свою личную ответственность за положение дел в стране и обществе) лишь 2–4% респондентов. Почти половина опрошенных сознательно дистанцируется от участия в общественно-политической деятельности, остальные ограничиваются пассивными формами созерцания и обсуждения текущих событий или голосованием на объявленных администрацией регулярных выборах за допущенных властью кандидатов партий из кремлевского списка. Такие данные не только не позволяют говорить о формировании в России, по выражению А. Инкелеса, «личности современного типа»², а, напротив, заставляют еще более внимательно относиться к воспроизводству личности, сформированной тоталитарными структурами³.

² Inkeles A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues. In: Black C. (Ed.) Comparative Modernization. N.Y., 1976. P. 320–348. А. Инкелес так описывал компоненты этой модели: 1. Открытость экспериментам, инновациям и изменениям, выражаемая в самых различных формах. 2. Готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма. «Современный человек способен признавать существование разных точек зрения. Он не боится, что взгляды других изменят его собственное видение мира. Он также не считает, что общественное мнение должно формироваться сверху». 3. Ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, экономия времени, пунктуальность. 4. «Уверенность современного человека в том, что он способен организовать свою жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия». Это относится и к возможности покорения природы, и к контролю над политическими, экономическими и другими социальными проблемами. 5. Планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни. 6. Вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать свои действия. 7. Чувство справедливости распределения, т.е. «вера в то, что вознаграждение не зависит от случая, а по возможности соответствует мастерству и вкладу». 8. Высокая ценность формального образования и обучения. 9. Уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью. См. также: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 100–113.

³ Левада Ю. Координаты человека. В кн.: Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 233–379.

5. У молодежи сохраняется табу на рационализацию советского прошлого. Никаких свидетельств о новом понимании природы советского тоталитаризма и воспроизводства его институциональных компонентов в настоящее время не обнаружено. Это не вина «поколения Z», а следствие специфической работы государственных институтов, блокирующих проблематику «проработки прошлого» и выработку демократической исторической политики. Напротив, все данные указывают на усиление значимости идеологических стереотипов и мифов позднего социализма. Другими словами, мы имеем дело с искусственным «старением нового поколения» (К. Маннгейм)¹.

6. В теоретическом плане одним из выводов настоящего исследования является требование пересмотра и уточнения концепции поколения, принятого в современной российской социологии. Использование понятия поколения, строящегося на формальных демографических признаках возрастных когорт для фиксации и описания ценностно-нормативных изменений, социальной динамики, неизбежно оборачивается логическими противоречиями: характеристики, описываемые как черты *нового* или *выделяемого значимого* социального поведения, принадлежат не всей возрастной категории населения, а лишь определенным социальным или культурным группам внутри демографически выделенных возрастов. Тем самым возникает эффект мнимости, отождествления части и целого, обусловленное распространением социальных признаков, присущих меньшинству, на всю возрастную когорту, приписывание демографическому «поколению» свойств, мотивов, ментальных особенностей, поведенческих стандартов, ставших символами идентичности и специфических социальных отношений у акторов, выделяющих себя таким образом из аморфной массы современников («синхронистов», если воспользоваться понятием Ю. Тынянова)². Как раз социологический

смысл понятия «поколения» состоит в том, чтобы выявить смысловые, символические отношения группового единства или идентичности, солидарности, особенности внутри некоей аморфной социальной общности, определяющей себя по отношению к ключевым точкам кризисных, переломных событий и процессов, являющихся своего рода рубцом или формирующим механизмом коллективной памяти и рефлексии³. Необходимо большее внимание к воздействиям и последствиям непрерывной работы ключевых социальных институтов, обеспечивающих социализацию и интеграцию нового поколения в общество, контролируемое политическими партиями, отличающимися консервативной идеологией и интересами удержания власти.

в цитируемой выше статье В. Радаева (Социологический журнал. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (окончание). 2020. Т. 26. № 4), вынужденного делить поколение на разные течения, сегменты, учитывать временные различия или «задержки» в рецепции и усвоении образцов в разных социальных средах (например, под влиянием урбанизации или центр-периферических отношений т.п.). Но тем самым теряется сам функциональный смысл социологического обращения к понятию «поколение». Автору для объяснения отклонений приходится ad hoc вводить иные логики анализа и интерпретации, не связанные с основной концепцией поколения как возрастной генерации или демографического интервала в процессе непрерывного воспроизводства населения. Попытка удержаться только в рамках описания «поведенческих практик», не прибегая к учету ценностей, идеологических или институциональных влияний не может быть признана удачной, несмотря на всю обширность привлекаемого эмпирического материала.

³ Приведу пример такого четкого и ясного самоопределения: «Я принадлежу к так называемому поколению шестидесятников. Оно довольно разнородно, включает людей разных возрастов, разных генераций. Это и Галич 1918 года рождения, и Окуджава 1924-го, и Высоцкий 1938-го, и те, кто младше меня. На самом деле шестидесятники — условное обозначение интеллигенции, которая пережила хрущевскую оттепель, когда вдруг официально, через кремлевский рупор был развенчан миф о Сталине. Разоблачение культа личности кардинально изменило мировоззрение огромного количества людей» (Юлий Ким. — В кн.: Свободные люди. Диссидентское движение в рассказах участников / Сост. А. Архангельский. М.: Время, 2018. С. 111). Такими же событиями, по отношению к символическому значению которого действующие лица определяют себя и других, устанавливая рамки социокультурного времени, единства, дистанцирования, идентичности и прочего, могут быть «война» (Первая мировая, Отечественная, афганская для СССР, чеченская для России, вьетнамская для США и Европы), молодежные протесты и движения 60-х годов, включавшие осмысление опыта войны, ответственности отцов, кризиса ценностей общества потребления и т.п. Если мы не можем фиксировать такие ключевые моменты поколенческого самосознания и критического перелома, рефлексии опыта старших, то следует признать, что прошлое длится и никаких значимых изменений не происходит.

¹ Старение (по К. Маннгейму) — это способность сохранять однородный тип знаний, идентичности, представлений об окружающем мире (на основе принятой системы коммуникаций) вне зависимости от изменения среды. Напротив, динамика «поколений» имеет место тогда, когда новая когорта дистанцируется от предшествующей, критически переосмысливая ее опыт, мораль, достижения (ее ценности и нормы), отбрасывая как ненужные или обесмыслившие понятия и «практики». Важнейшим и неперенным моментом этого эволюционного движения является «забывание» при одном условии — сохранение критического знания о прошлом, его рациональной и моральной рефлексии (а значит, обладание способностью к рефлексии).

² Явные признаки подобного противоречия как раз и обнаруживаются

Федор ВОСКРЕСЕНСКИЙ
Екатерина ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Исследование независимости и самостоятельности прокурорских работников: на материалах социологического опроса

Актуальность исследования

Проблема независимости и самостоятельности судей, а также должностных лиц органов прокуратуры и предварительного следствия традиционно относится к числу актуальных. Именно на обеспечение независимости их деятельности направлены почти все реформы судебной и правоохранительной систем последних десятилетий. Начало в новейшей истории нашей страны было положено Концепцией реформы судебной системы, принятой в 1991 г., когда был констатирован кризис отечественной системы юстиции: «Суды, прокуратура, органы дознания и предварительного следствия все более обнаруживают несостоятельность своих общих усилий по охране законности и правопорядка... Привычка видеть в правоохранительных органах, в особенности являющихся правопреемниками печально знаменитых ОГПУ — НКВД — МГБ, чуждую и гнетущую силу, неспособность милиции, прокуратуры, суда удовлетворить запросы общества, возлагавшиеся на них надежды породили кризис доверия»¹. В целом работа правоохранительных органов была квалифицирована как некачественная.

Констатация такого плачевного состояния обусловила дальнейшие правовые реформы, перманентно продолжающиеся последние 30 лет. Свет в конце туннеля пока не виден. Социологические исследования показывают, что обычный человек оказывается беспомощным перед государственной машиной. В 2010 г. 52% опрошенных заявили, что не чувствуют себя

под защитой закона², в 2015-м эта цифра составляла 48%³.

Таким образом, с начала 1990-х гг. в России продолжается перманентное реформирование правовой системы как судоустройственного, так и судопроизводственного типа. Осмысление результатов реформ, современного состояния исследуемой сферы общественных отношений представляется важным с научной точки зрения и интересным обществу.

Лаборатория политико-правовых исследований факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова провела масштабное анкетирование работников российской системы правосудия: судей, прокуроров, следователей. Для исследования был разработан тест «Независимость (самостоятельность) судьи, прокурора и следователя», состоявший из 20 вопросов, каждый из которых имел несколько вариантов ответов (от 4 до 7). Девятнадцать вопросов являлись вопросами закрытого (комбинированного) типа, один — открытого. Сформулированные в анкетах ответы к вопросам позволили респондентам достаточно полно и адекватно выразить свое мнение, а также при необходимости иную позицию, в открытом ответе под толкованием «иное» показать собственное, личностное видение проблемы, что отражает направленность исследования на выявление внутреннего, внутрисистемного отношения к проблеме независимости.

¹ Концепция судебной реформы, утверждена постановлением Верховного совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. «О концепции судебной реформы в РСФСР» / СПС «Консультант-Плюс».

² Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российское общество: правовая и политическая культура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. № 4 (106). С. 7–44; Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4 (118). С. 13–70.

³ Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 3–4 (125). С. 197–248.

Опрошены следующие группы респондентов: сотрудники Генеральной прокуратуры РФ (54 человека); заместители прокуроров субъектов РФ (42); прокуроры городов, районов, их заместители (139), работающие в различных административно-территориальных образованиях РФ; работники следственного управления Следственного комитета РФ по Ульяновской области (89); сотрудники территориального управления МВД России по Волгоградской области (90); сотрудники Следственного департамента МВД России (99); сотрудники Главного следственного управления Следственного комитета РФ по городу Санкт-Петербургу (111); сотрудники Следственного комитета РФ, проходившие стажировку в Московской академии Следственного комитета РФ (96); сотрудники прокуратуры РФ, проходящие стажировку в Санкт-Петербургском филиале Университета прокуратуры РФ (36); сотрудники прокуратуры Псковской области (42); прокуроры, состоящие в должности начальников отделов по противодействию коррупции прокуратур субъектов РФ (46); судьи Санкт-Петербургского городского суда (32); судьи 14-го апелляционного арбитражного суда, суда из Вологодской обл. и г. Вологды (47); судьи арбитражного суда Калининградской обл. (17); судьи арбитражного суда Мурманской обл. (6); судьи арбитражного суда Республики Карелия (20); судьи арбитражного суда Северо-Западного округа, г. Санкт-Петербург (25); судьи арбитражного суда Тверской обл. (4); судьи арбитражного суда Новгородской обл. (3); судьи арбитражного суда Псковской обл. (21); участники группы «Коалиция следователей» в социальной сети VKontakte (158). Всего было опрошено 1231 человек.

Данное исследование по охвату респондентов является одним из самых значительных за последнее время. Его общие результаты заслуживают отдельного широкомасштабного системного анализа, частично уже опубликованного¹. В данной статье мы хотим обратиться к одному из сегментов — детальному анализу результатов опроса нескольких групп прокурорских работников, так как общие результаты показали, что следователи и прокуроры являются наиболее уязвимыми с точки зрения проблемы самостоятельности и независимости.

¹ Бочкарев С.А. Состояние независимости институтов правосудия в Российской Федерации: социологическое исследование // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 9–24.

Опубликованные ранее данные настоящего опроса прокуроров² не отвечают строгим критериям верификации, не приводят социологического описания исследуемой группы респондентов, даже их точного количества, не отражают применяемые статистические методы, а следовательно, и числовые показатели их использования. В совокупности с противоречивостью и непоследовательностью выводов необходимость доведения истинных результатов исследования является дополнительной причиной подготовки настоящей статьи.

Описание исследуемой группы

Подробно проанализированы анкеты 36 прокуроров, проходивших обучение на курсах повышения квалификации Санкт-Петербургского филиала Университета прокуратуры РФ; 46 прокурорских работников, состоящих в должностях начальников отделов по противодействию коррупции прокуратур субъектов РФ; а также 44 прокурорских работников прокуратуры Псковской области. Всего детально проанализировано 126 анкет.

Региональное распределение опрошенных лиц представлено в табл. 1.

При этом из 126 человек 28 опрошенных не указали в анкетах свою региональную принадлежность.

Таким образом, представлены сотрудники из различных регионов, что позволяет более объективно выявить общероссийскую ситуацию в исследуемом вопросе. Количество опрошенных в Псковской области значительно больше, чем в других субъектах РФ, но тем не менее выборка, составленная из их ответов и ответов респондентов из других регионов отвечает критериям однородности.

Специализация опрошенных лиц представлена в табл. 2. Большинство опрошенных имеют межотраслевую и уголовно-правовую специализации.

Наиболее часто (5,76%) в графе «Иное» опрашиваемые указывали «противодействие коррупции», остальные варианты составляют 2,16%.

Возраст опрашиваемых лиц представлен в табл. 3.

Опрашиваемые сотрудники в основном старше 30 лет, больше половины из них в наиболее трудоспособном возрасте (30–40 лет).

² Бочкарев С.А. Состояние независимости прокуроров в отечественной системе правосудия // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2019. № 4 (19). С. 769–786.

Таблица 1

СУБЪЕКТ РФ, В КОТОРОМ РАБОТАЕТ (РАБОТАЛ) СОТРУДНИК (ВОПРОС 3)

Регион	Кол-во	Регион	Кол-во
Алтайский край	1	Республика Саха — Якутия	1
Брянская область	1	Сахалинская область	1
Республика Дагестан	1	Тюменская область	1
Ивановская область	1	Хабаровский край	1
Калининградская область	1	Ханты-Мансийский АО	1
Калужская область	1	ХМАО — Югра	1
Кировская область	1	ЧАО	1
Костромская область	1	Ямало-Ненецкий АО	1
Ленинградская область	1	Ярославская область	1
Липецкая область	1	Республика Коми	2
Московская область	1	Краснодарский край	2
Мурманская область	1	Курганская область	2
Ямало-Ненецкий автономный округ	1	Новгородская область	2
Новосибирская область	1	Пермский край	2
Омская область	1	Ростовская область	2
Приморский край	1	Свердловская область	2
Республика Калмыкия	1	Чеченская Республика	2
г. Рязань	1	Республика Тыва	3
Самарская область	1	Волгоградская область	4
г. Санкт-Петербург	1	Челябинская область	4
Саратовская область	1	Псковская область	44

Таблица 2

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ (ВОПРОС 2)

Уголовно-правовая	Гражданско-правовая	Административно-правовая	Арбитражно-правовая	Межотраслевая	Иное
30,94%	20,86%	5,04%	2,16%	33,09%	7,92 %

Таблица 3

ВОЗРАСТ ОПРАШИВАЕМЫХ ЛИЦ (ВОПРОС 6)

До 25 лет	1,63%
От 25 до 30 лет	12,20%
От 30 до 40 лет	50,41%
40 и более лет	35,77%

Таблица 4

СТАЖ РАБОТЫ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ (ВОПРОС 4)

До 5 лет	6,56%
От 5 до 10 лет	23,77%
От 10 до 15 лет	22,95%
Свыше 15 лет	46,72%

Таблица 5

СТАЖ РАБОТЫ В ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ (ВОПРОС 5)

До 3 лет	28,10%
От 3 до 5 лет	22,31%
От 5 до 10 лет	27,27%
Свыше 10 лет	22,31%

Стаж работы по юридической специальности представлен в табл. 4.

Стаж работы в занимаемой должности представлен в табл. 5.

Распределение по стажу работы в занимаемой должности наиболее ровное, это дополнительно свидетельствует о релевантности исследования, так как имеется возможность изучить данные опросов работников с разным стажем, что повышает достоверность.

Общие результаты исследования в группе

Рассмотрим наиболее показательные общие результаты ответов в исследуемой статистической группе.

В целом превалирует сдержанное отношение к исследуемой проблеме. 47,6% указывают, что проблема существует, как и во всяком другом обществе, и требует принятия не более чем коррекционных мер. 18,6% считают проблему вообще не существующей. 29,0% полагают ее безусловное существование, что требует оперативного разрешения (рис. 1).

При оценке степени распространенности проблем независимости (рис.2) мы видим, в среде прокуроров она отнюдь не является острой. Повсеместно распространенной ее считают только 16,8% опрошенных, наиболее же часты ответы о локальности проблемы: так как судьи, прокуроры и следователи в основном

Рисунок 1

ОТВЕТЫ НА ВОПРОС О ТОМ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7)

Рисунок 2

СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА, СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 8)

противостоят внешнему влиянию (29,6%) или так как она вызвана редкими случаями несоблюдения руководством независимости и самостоятельности следователей, прокуроров и судей (23,2%), т.е. локальной считают проблему 52,8% опрошенных, более половины. О том, что проблема встречается достаточно часто, отвечают 28%.

Наиболее частый ответ свидетельствует, что проблема в первую очередь лежит в области административно-организационного устройства правоохранительной системы в целом и каждого ее органа (учреждения) в отдельности (рис. 3). Так полагают 42,5% опрошенных прокуроров. Следует отметить совсем небольшой уровень влияния материально-технического обеспечения и размера заработной платы (7,9%).

Рисунок 3

ПОЗИЦИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛЕЖИТ ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ (ВОПРОС 9)

Рисунок 4

ОТВЕТ НА ВОПРОС, КАКИМ ЯВЛЯЕТСЯ СУЩЕСТВУЮЩИЙ УРОВЕНЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 10)

Обратимся к оценке уровня вмешательства вышестоящего руководителя в процессуальную деятельность судьи, прокурора и следователя.

Наиболее частый ответ (45,2%) свидетельствует о высоком уровне вмешательства, так как, несмотря на гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему. 40,3% полагают его приемлемым, так как подчиненные и руководство выполняют одну и ту же работу (рис. 4).

46,0 % опрошенных полагают, что существующий уровень зависимости отягощает процесс объективного рассмотрения (расследования) дел и принятия по ним законных процессуальных решений. 32,3% полагают, что он способствует объективному рассмотрению, и только 14,5% указывают, что никак не сказывается (рис. 5).

Рисунок 5

ОТВЕТ НА ВОПРОС О ТОМ, ЧЕМУ БОЛЬШЕ ВСЕГО СПОСОБСТВУЕТ СУЩЕСТВУЮЩИЙ УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ВОПРОС 11)

Задачей настоящего исследования является в том числе оценка уровня зависимости судьи, прокурора и следователя от общественного мнения при рассмотрении (расследовании) дел и принятии процессуальных решений. Мы хотели установить уровень вмешательства представителей органов государственной власти в процессуальную деятельность следователей, прокуроров и судей, зафиксировать и проанализировать конструктивность влияния средств массовой информации на деятельность системы правосудия. По данным вопросам получены результаты, представленные на рис. 6–8.

Только 4,8% прокуроров полагают, что уровень зависимости от позиции СМИ является высоким, так как позиция следователей, прокуроров и судей зачастую совпадает с мнением СМИ либо они стараются не противопоставлять себя этому мнению (рис. 6).

В целом рис. 6–8 показывают низкий и приемлемый уровень зависимости от общественного мнения и СМИ. Только 7,3% прокуроров отмечают высокий уровень зависимости от общественного мнения, 4,8% — от СМИ.

Рисунок 6

УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ (РАССЛЕДОВАНИИ) ДЕЛ И ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ВОПРОС 12)

Рисунок 7

УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ (РАССЛЕДОВАНИИ) ДЕЛ И ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ ПОЗИЦИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (ВОПРОС 13)

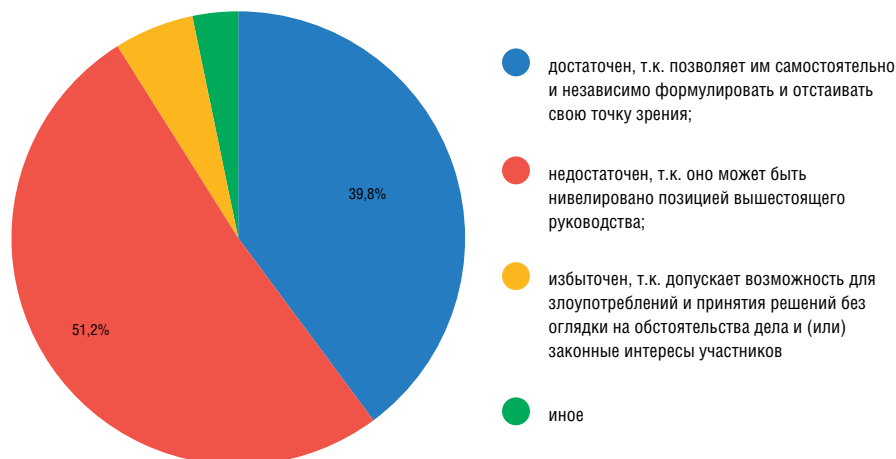
Рисунок 8

УРОВЕНЬ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ МНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УРОВНЕЙ (ВОПРОС 14)

Рисунок 9

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЛИЧНОГО УСМОТРЕНИЯ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ В СВОЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВОПРОС 17)

При ответе на вопрос об оценке уровня личного усмотрения судьи, прокурора и следователя в своей процессуальной деятельности (рис. 9) половина опрошенных (63 чел. или 51,2%) полагают его недостаточным, так как оно — усмотрение — может быть нивелировано позицией вышестоящего руководства. О том, что этот уровень достаточен, утверждают 49 человек (39,8%), и только 7 человек (5,7%) говорят, что существующий уровень личного усмотрения избыточен, так как допускает возможность для злоупотреблений и принятия решения без оглядки на обстоятельства дела и (или) законные интересы участников судопроизводства.

Рисунок 10

ЧАСТОТА НЕДОПУСТИМОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО СТОРОНЫ РУКОВОДСТВА (ВОПРОС 19)

При оценке частоты недопустимого вмешательства (рис. 10) наиболее частый ответ (32,5%) свидетельствует о его крайне редком характере, так как сотрудники стараются прогнозировать позицию руководителя и предлагать устраивающие его варианты процессуальных решений. 29,3% утверждают, что такие случаи периодически бывают, это связано в основном с индивидуальным отношением конкретного руководителя к процессу рассмотрения (расследования) дел. 21,1% свидетельствуют о крайне редком вмешательстве, так как заранее стараются прогнозировать позицию руководителя и предлагать устраивающие его варианты процессуальных решений. 12,2% указали, что случаев недопустимого вмешательства вообще не было.

Применяемые статистические методы

Для выявления парных связей между ответами на вопросы анкетирования был использован статистический критерий для анализа качественных данных Хи-квадрат. Результат применения критерия (значение критерия, p -значение, число степеней свободы) в каждом из случаев указываем в статье. Применением этого критерия к ответам на два вопроса проверялась гипотеза о независимости ответов (нулевая гипотеза). Таким образом, последовательно проверялась взаимозависимость всех возможных пар имеющихся вопросов (примерно 300 пар вопросов). Среди них были выявлены пары как взаимозависимых (нулевая

гипотеза отвергалась), так и взаимонезависимых (нулевая гипотеза не отвергалась) ответов на вопросы с уровнем значимости критерия Хи-квадрат 95%. Следовательно, при превышении p -значения критерия Хи-квадрат величины 0,95 ответы на вопросы выбранной пары более чем в 95% случаев являются независимыми; когда p -значение менее 0,05, ответы на вопросы считаются зависимыми в 95% случаев.

Мы остановимся на анализе зависимых пар. Для наглядности в каждом случае выявленных зависимостей будем представлять их на столбчатых нормированных диаграммах. В каждом случае под диаграммой условимся указывать точное значение критерия, число степеней свободы и точное значение достигнутого уровня статистической значимости (p -значение), с

точностью до трех знаков после запятой. Анализ данных производится с помощью программы Python 3.7, пакет `scipy.stats`.

Статистически значимые различия при ответах на вопросы

Начнем с наиболее статистически значимых различий в ответах на вопросы. Они существуют во взаимосвязях оценки личного усмотрения прокуроров в своей профессиональной деятельности и уровней распространенности проблемы независимости.

Интересно, что только среди тех, кто считает, что проблема распространена повсеместно, 35,0% респондентов указывают, что уровень личного усмотрения избыточен, таких 6,2% от общего числа опрошенных (7 человек). Получается, что именно с избыточным уровнем личного усмотрения они связывают повсеместность распространенности проблемы, которая обусловлена несовершенством структуры органов юстиции и организации их деятельности (рис. 11).

Недостаточность уровня личного усмотрения, так как он может быть нивелирован позицией вышестоящего руководства, констатируют в первую очередь респонденты,

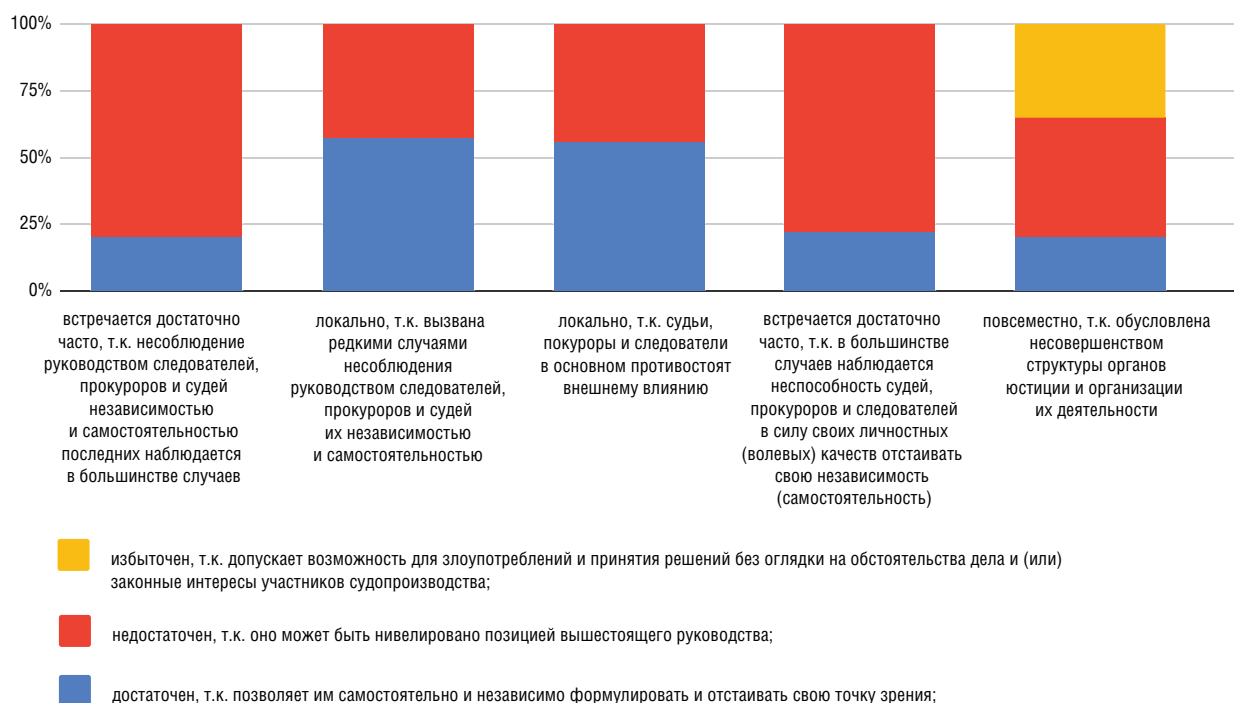
свидетельствующие о достаточно частом и повсеместном распространении проблемы. Таких 80,0% (1-й столбец), 77,8% (4-й столбец) и 45% (5-й столбец) в группах. Можно сделать вывод, что ответы о том, что несоблюдение руководством следователей, прокуроров и судей независимости и самостоятельности последних прослеживается в большинстве случаев, а также то, что в большинстве случаев наблюдается неспособность работников отстаивать свою независимость в силу личных качеств, являются наиболее адекватно отражающими текущую ситуацию в исследуемой области. В остальных ответах о недостаточности личного усмотрения свидетельствуют примерно равная часть респондентов, 42,3% (2-й столбец) и 44,1% (3-й столбец).

Ради интереса попробуем перевернуть график (рис. 12).

Видно, что все прокурорские работники, считающие, что уровень личного усмотрения избыточен, так как допускает возможность злоупотреблений (их достаточно мало, всего 7 из 126 опрошенных), указывают, что проблема независимости распространена повсеместно, она обусловлена несовершенством структуры органов юстиции и организации их деятельности.

Рисунок 11

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) (ВОПРОС 8) И ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЛИЧНОГО УСМОТРЕНИЯ СОТРУДНИКОВ В СВОЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВОПРОС 17)

$$\chi^2 = 47,67, df = 8, p = 0,000$$

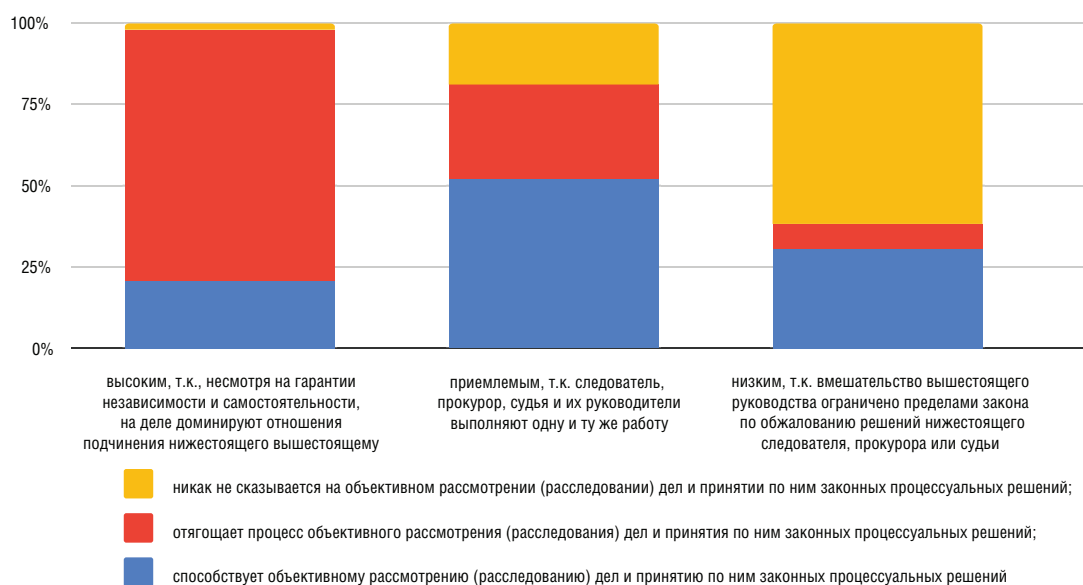
Рисунок 12

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЛИЧНОГО УСМОТРЕНИЯ В СВОЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВОПРОС 17) И СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) (ВОПРОС 8)

Рисунок 13

СООТНОШЕНИЕ УРОВНЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ВОПРОС 10) И ОЦЕНКИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ОТ ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ВОПРОС 11)

$$\chi^2 = 50,05, df = 4, p = 0,000$$

Обратимся к оценке уровня вмешательства вышестоящего руководства (рис. 13-15).

76,9% тех, кто называет уровень вмешательства высоким, так как, несмотря на га-

рантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения, полагают, что он отягощает процесс объективного рассмотрения дел. Среди тех, кто оцени-

вает уровень вмешательства как приемлемый, таких значительно меньше (29,2%), при этом более половины (52,1%) говорят, что уровень зависимости способствует объективному рассмотрению (рис. 13).

Посмотрим на результат, если поменять местами вопросы в диаграмме (рис. 14).

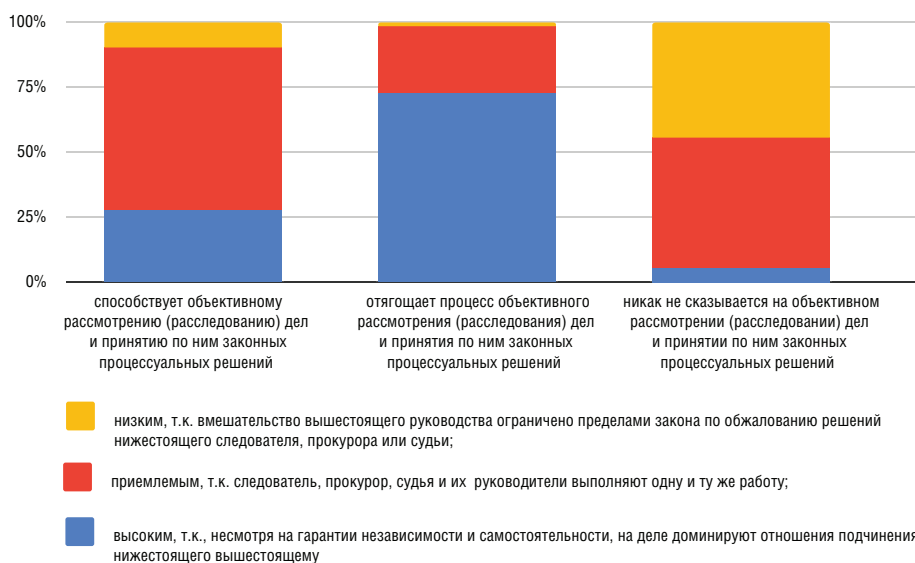
Видно, что большинство тех, кто полагает, что существующий уровень зависимости способствует объективному рассмотрению (рассле-

дованию) дел (62,5%), указывают, что уровень вмешательства приемлемый. Среди прокуроров с противоположной позицией (отягощает процесс) 72,7% указывают, что уровень вмешательства высокий, так как, несмотря на гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему.

На следующей диаграмме (рис. 15) представлена зависимость частоты недопустимого

Рисунок 14

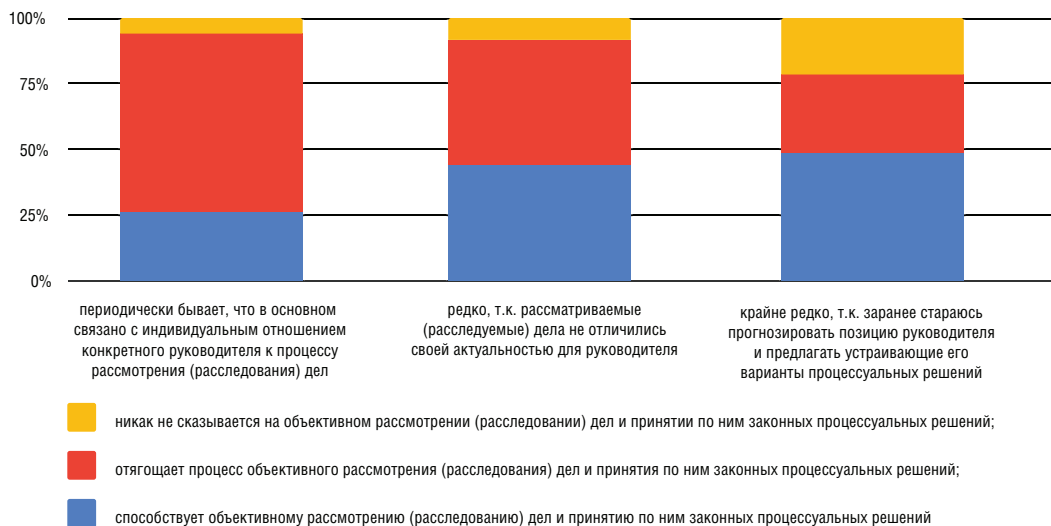
СООТНОШЕНИЕ ОЦЕНКИ СУЩЕСТВУЮЩИХ УРОВНЕЙ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ОТ ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ВОПРОС 11) И ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ВОПРОС 10)

$$\chi^2 = 16,31, df = 6, p = 0,012$$

Рисунок 15

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧАСТОТЫ НЕДОПУСТИМОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО СТОРОНЫ РУКОВОДСТВА (ВОПРОС 19) И ОЦЕНКИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ВОПРОС 11)

$$\chi^2 = 13,31, df = 4, p = 0,010$$

вмешательства и той роли, которую играет существующий уровень зависимости от вышестоящего руководителя.

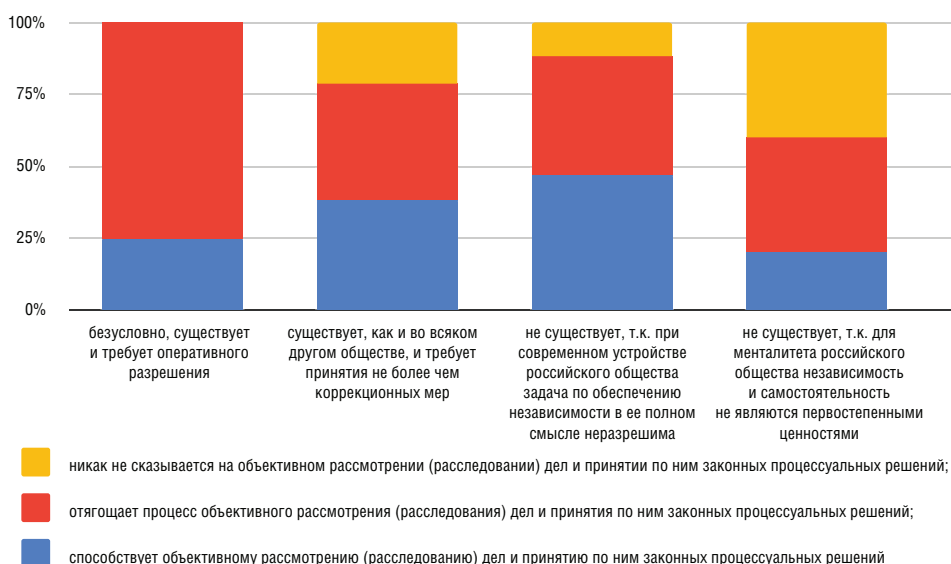
Среди прокуроров, свидетельствующих о периодическом недопустимом вмешательстве, в основном связанном с индивидуальным отношением конкретного руководителя к процессу рассмотрения (расследования) дел, большинство (67,6%) полагает, что существующий уровень зависимости от вышестоящего руководства отягощает процесс объективного рассмотрения (расследования) дел и принятия по ним законных процессуальных решений. Понятно, что те, кто наиболее часто сталкивается с недопустимым вмешательством руководства (т.е. могут квалифицировать вмешательство именно как недопустимое), считают, что оно отягощает процесс расследования и принятия законных решений. Те же, кто свидетельствует о крайне редком или редком недопустимом вмешательстве, указывают, что существующий уровень способствует объективному расследованию (рассмотрению) дел и принятию по ним законных процессуальных решений (47,2 и 29,7% соответственно). Необходимо отметить, что редкость вмешательства обусловлена здесь не позицией руководителя, осознанно принимающего решения не оказывать влияния на подчиненных сотрудников, а обстоятельствами, от руководства не зависящими: рассматри-

ваемые дела не отличались своей актуальностью для руководства; подчиненный сотрудник заранее старается прогнозировать позицию руководителя и предлагать устраивающие его варианты процессуальных решений.

На рис. 16 видно, что из тех опрошенных, кто считает, что проблема независимости (самостоятельности), безусловно, существует и требует оперативного разрешения, 75,0% полагают, что существующий уровень зависимости отягощает процесс объективного рассмотрения (расследования) дел и принятия по ним законных процессуальных решений. Среди остальных так полагают около 40% респондентов в каждой группе. Те, кто говорит, что проблемы не существует, так как для менталитета российского общества независимость и самостоятельность не являются первостепенными ценностями, около 40% полагают, что существующий уровень никак не сказывается на объективном рассмотрении дел, и столько же считают, что отягощает его. Наибольший процент (47,1%) тех, кто полагает, что существующий уровень способствует объективному расследованию (рассмотрению) дел, имеется в группе респондентов, полагающих, что проблема независимости не существует, так как при современном уровне устройства российского общества задача по обеспечению независимости в ее полном смысле неразрешима.

Рисунок 16

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7) И ОТВЕТА НА ВОПРОС ОБ ОЦЕНКЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ОТ ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ (ВОПРОС 11)

На рис. 17 продемонстрировано, что из тех, кто полагает, что проблема независимости, безусловно, существует в современном российском обществе и требует оперативного разрешения, около 44% считают, что она должна решаться введением дополнительных гарантий независимости (самостоятельности), 28,1% полагают, что следует добиваться от руководителей судей, прокуроров и следователей исполнения имеющихся гарантий независимости их подчиненных, и столько же видят решение проблемы в принятии главой государства решения о недопустимости вмешательства в процессуальную деятельность следователей, прокуроров и судей. При этом во введении дополнительных гарантий и вмешательстве президента не видят смысла те, кто полагает, что проблемы независимости вообще не существует, так как для менталитета российского общества независимость и самостоятельность не являются первостепенными ценностями. Большинство (60%) считает, что необходимо добиваться от руководителей исполнения уже имеющихся гарантий, оставшиеся 40% полагают, что вообще ничего менять не нужно. Таким образом, те, кто полагает, что проблема, безусловно, существует, в первую

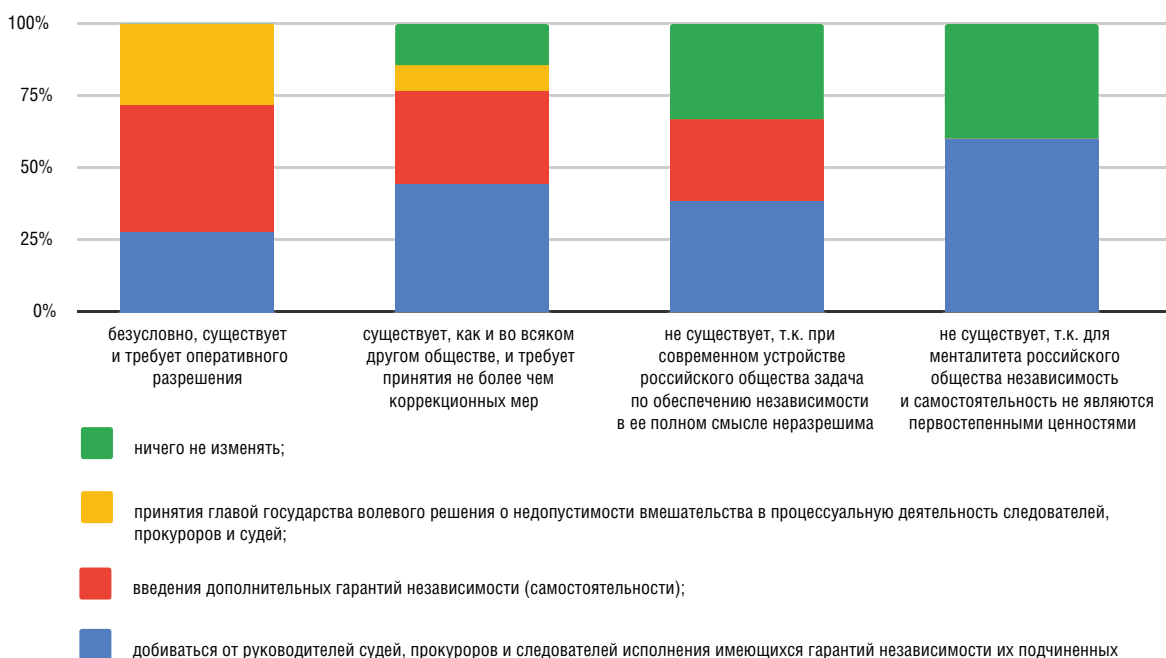
очередь видят ее решение во введении дополнительных гарантий независимости, и это свидетельствует, что имеющиеся гарантии, в основе своей нормативно регламентированные, не позволяют нивелировать исследуемую проблему.

На рис. 18 показано, что среди тех, кто оценивает уровень личного усмотрения как избыточный, большинство (71,4%) полагает уровень вмешательства вышестоящего руководства в процессуальную деятельность высоким (при этом надо учитывать, что в абсолютных цифрах их количество невелико, пять из семи), так как, несмотря на гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего сотрудника вышестоящему. Впрочем, чуть меньше, но также больше половины (59,7%) полагают так и среди тех, кто видит уровень личного усмотрения как недостаточный, так как оно может быть нивелировано позицией вышестоящего руководства. Но в абсолютных цифрах их количество значительно выше, так считают 37 человек из 62.

На рис. 19 видно, что среди опрошенных, которые считают, что уровень зависимости при принятии процессуальных решений от мнения

Рисунок 17

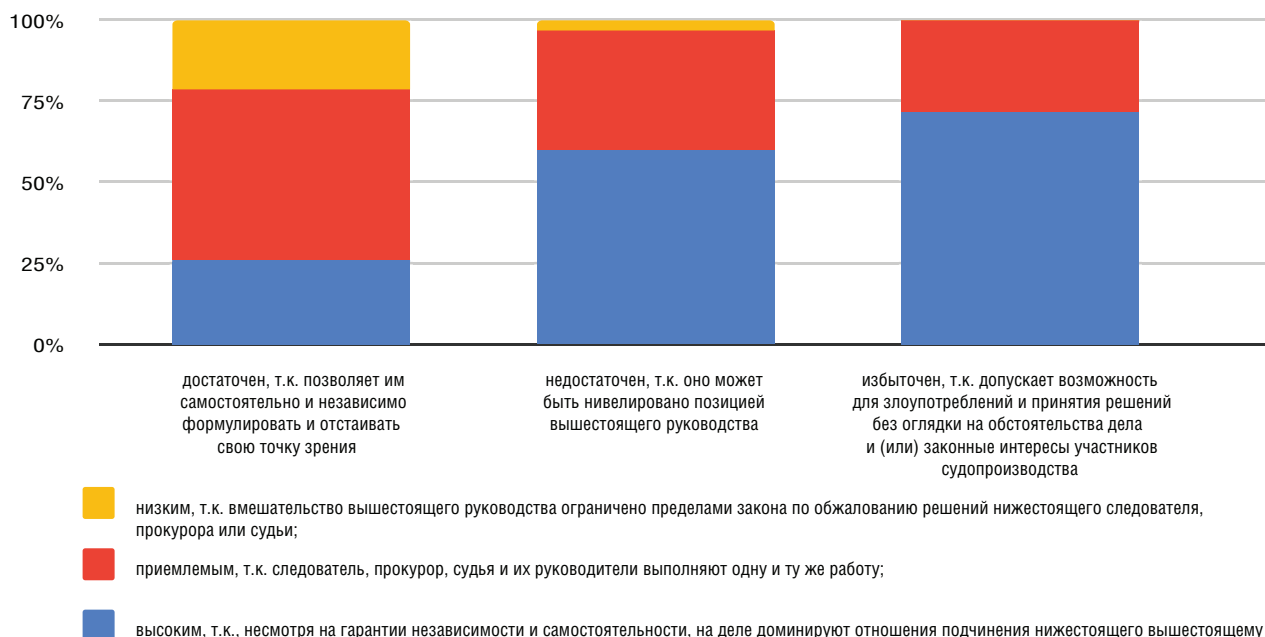
ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7) И ОТВЕТА НА ВОПРОС О НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОМ СПОСОБЕ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 18)

$$\chi^2 = 23,81, df = 9, p = 0,005$$

Рисунок 18

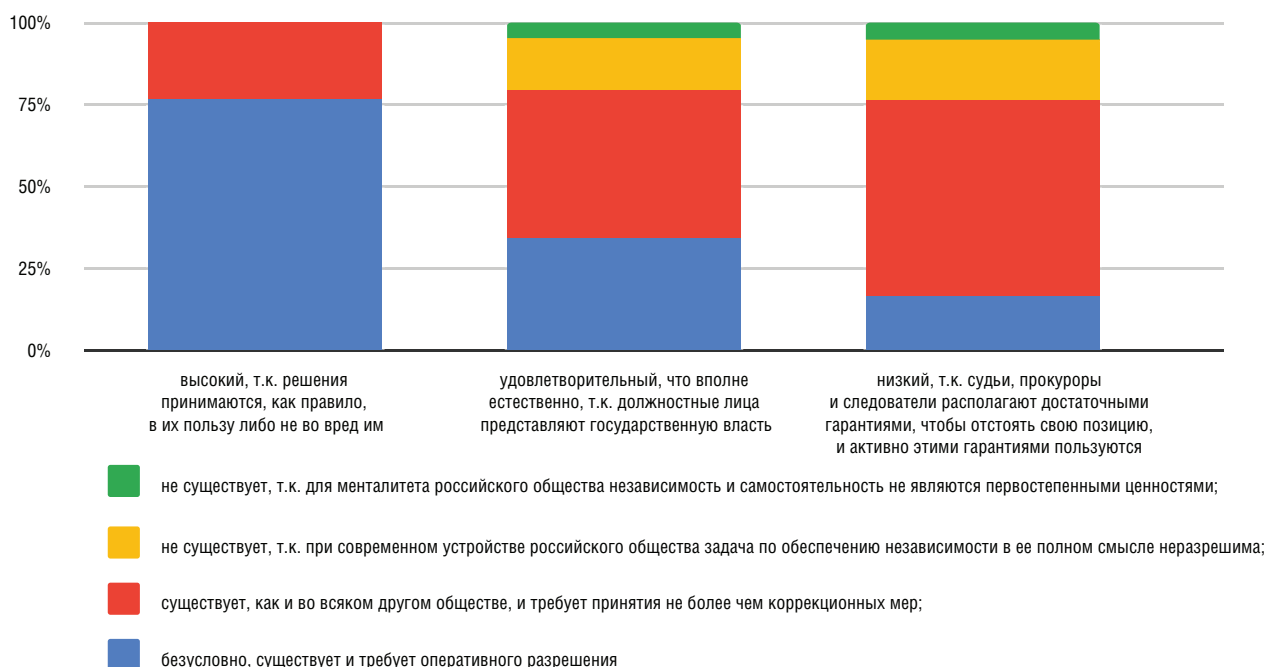
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЛИЧНОГО УСМОТРЕНИЯ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ В СВОЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВОПРОС 17) ОТ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 10)

$$\chi^2 = 20,57, df = 4, p = 0,000$$

Рисунок 19

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ МНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (ВОПРОС 14) С УРОВНЕМ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) (ВОПРОС 7)

$$\chi^2 = 21,76, df = 6, p = 0,001$$

органов и учреждений государственной власти высокий, так как решения принимаются, как правило, в пользу либо не во вред им, 76,9% респондентов полагают, что сама проблема независимости, безусловно, существует и требует оперативного разрешения; 23,1% указывают, что проблема существует, как и во всяком другом обществе, и требует принятия не более чем коррекционных мер. Среди тех, кто считает, что уровень зависимости от государственной власти удовлетворительный или низкий, доля сотрудников, указывающих на безусловное существование проблемы независимости, значительно ниже: 34,1 и 16,9% соответственно.

Поменяем вопросы местами в диаграмме (рис. 20), чтобы посмотреть оценку уровня зависимости от органов власти тех, кто полагает, что проблема, безусловно, существует.

Действительно, те, кто полагает, что проблема, безусловно, существует, гораздо чаще свидетельствуют о высоком уровне зависимости от органов и учреждений государственной власти (27%).

Диаграмма на рис. 21 свидетельствует, что чаще всего о том, что проблема безусловно существует и требует оперативного разрешения, свидетельствуют прокуроры, полагающие, что она а) распространена повсеместно, так как обусловлена несовершенством структуры ор-

ганов юстиции и организации их деятельности (65,0%, 13 чел.); б) встречается достаточно часто, т.к. в большинстве случаев наблюдается неспособность судей прокуроров и следователей в силу личных (волевых) качеств отстаивать свою независимость (самостоятельность) (44,4%, 8 чел.); в) встречается достаточно часто, т.к. несоблюдение руководством следователей, прокуроров и судей независимости и самостоятельности последних наблюдается в большинстве случаев (50,0%, 8 чел.).

Анализируя абсолютные цифры (рис. 21), можно сделать вывод, что большинство полагает, что проблема существует, как и во всяком другом обществе (57 человек); 35 человек указывают, что проблема, безусловно, существует и требует оперативного разрешения; 22 человека полагают, что проблемы не существует. Ряд опрошенных указали свои варианты ответов.

На рис. 22 продемонстрирована взаимосвязь уровня существования в современном российском обществе проблемы независимости (самостоятельности) судьи, прокурора и следователя и ответа на вопрос о том, каким является существующий уровень вмешательства вышестоящего руководителя в процессуальную деятельность судьи, прокурора и следователя. На рис. 23 обратное соотношение.

Рисунок 20

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) (ВОПРОС 7) С УРОВНЕМ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ МНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (ВОПРОС 14)

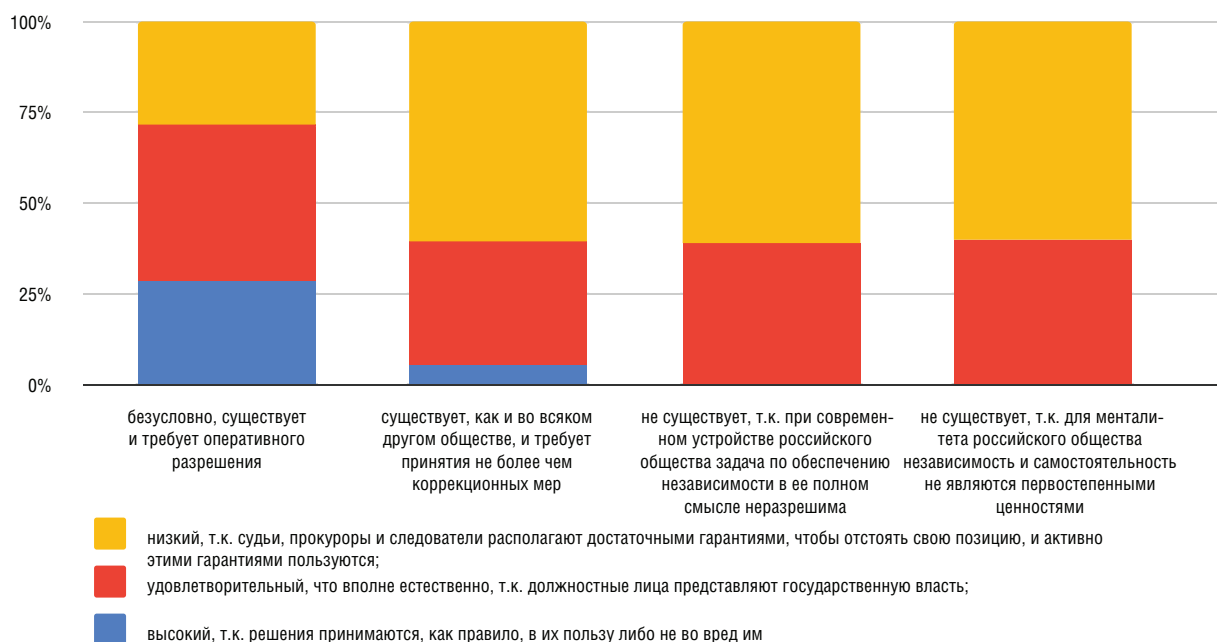
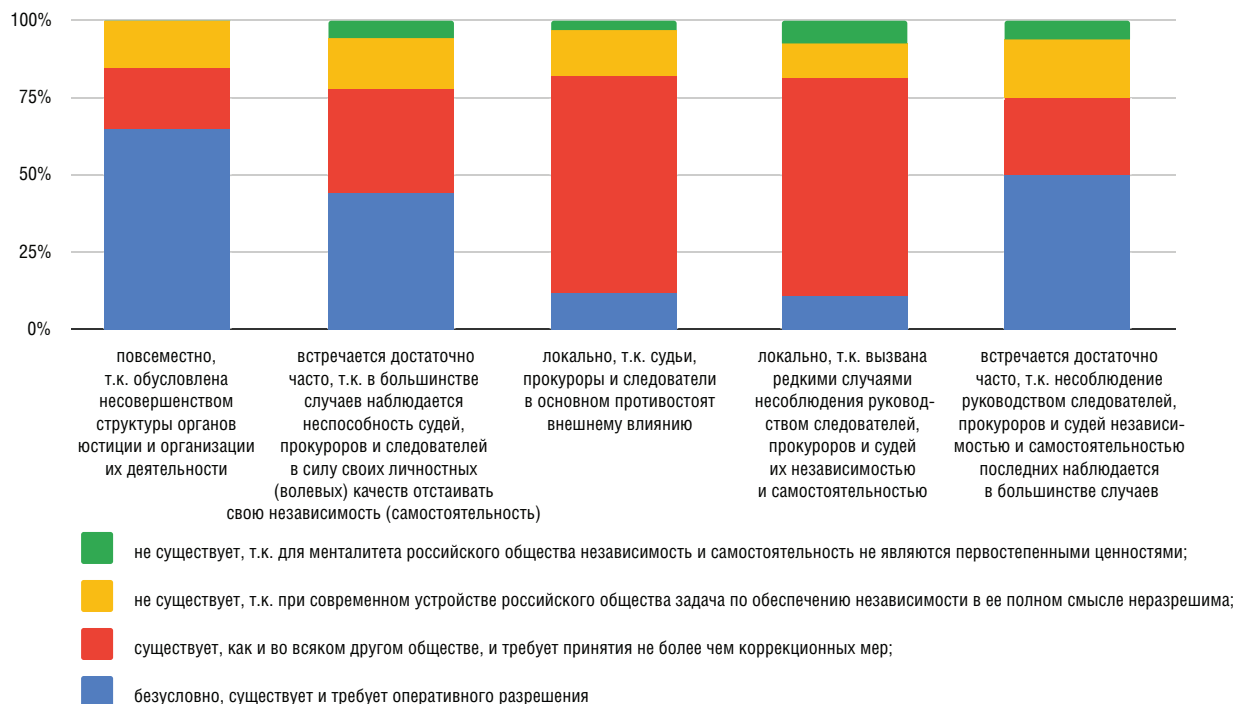

Рисунок 21

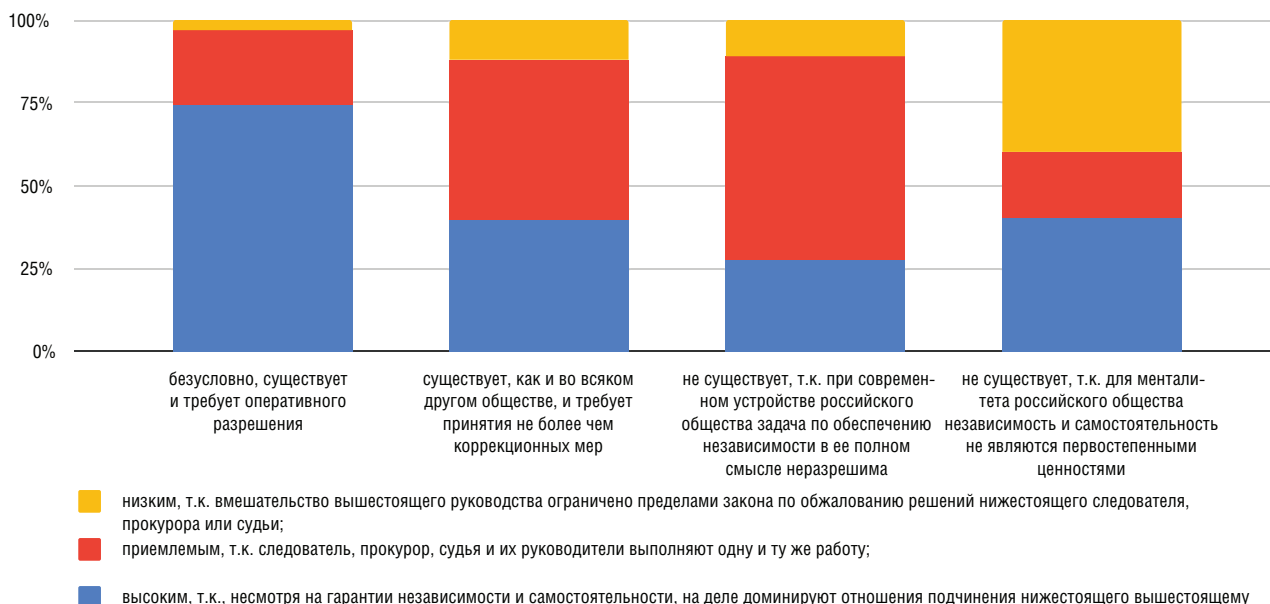
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТА НА ВОПРОС О СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 8) И УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДАННОЙ ПРОБЛЕМЫ (ВОПРОС 7)

$$\chi^2 = 32,31, df = 12, p = 0,001$$

Рисунок 22

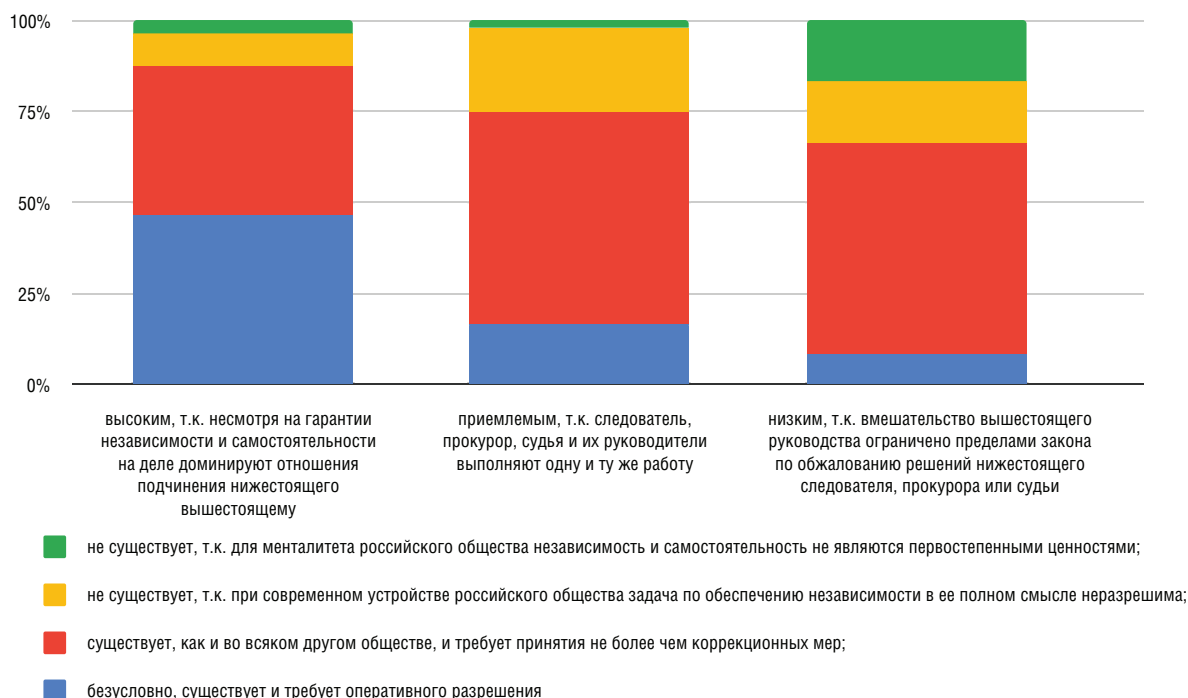
ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7) И ОТВЕТА НА ВОПРОС О ТОМ, КАКИМ ЯВЛЯЕТСЯ СУЩЕСТВУЮЩИЙ УРОВЕНЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 10)

$$\chi^2 = 23,25, df = 6, p = 0,001$$

Рисунок 23

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 10) С ОБЩИМ УРОВНЕМ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7)

В целом понятно, что среди тех, кто считает существующий уровень вмешательства вышестоящего руководителя высоким, большинство (46,4%) полагает, что проблема независимости в современном российском обществе, безусловно, существует и требует оперативного разрешения. Те же, кто полагает, что этот уровень приемлемый или даже низкий (41,4 и 10,3% соответственно), чаще всего отмечают, что проблема существует, как и во всяком другом обществе, и требует принятия не более чем коррекционных мер.

На рис. 24 продемонстрировано, что 72,2% прокуроров, указавших на периодическое вмешательство вышестоящего руководства в процессуальную деятельность, отметили, что существующий уровень вмешательства является высоким. Из тех же, кто полагает вмешательство редким явлением, так считают 42,3% опрошенных, и 35,0% отмечают вмешательство крайне редким. Таким образом, именно те, кто периодически сталкивается с недопустимым вмешательством в процессуальную деятельность со стороны руководства, полагают, что уровень вмешательства является высоким, так как, несмотря на имеющиеся гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему.

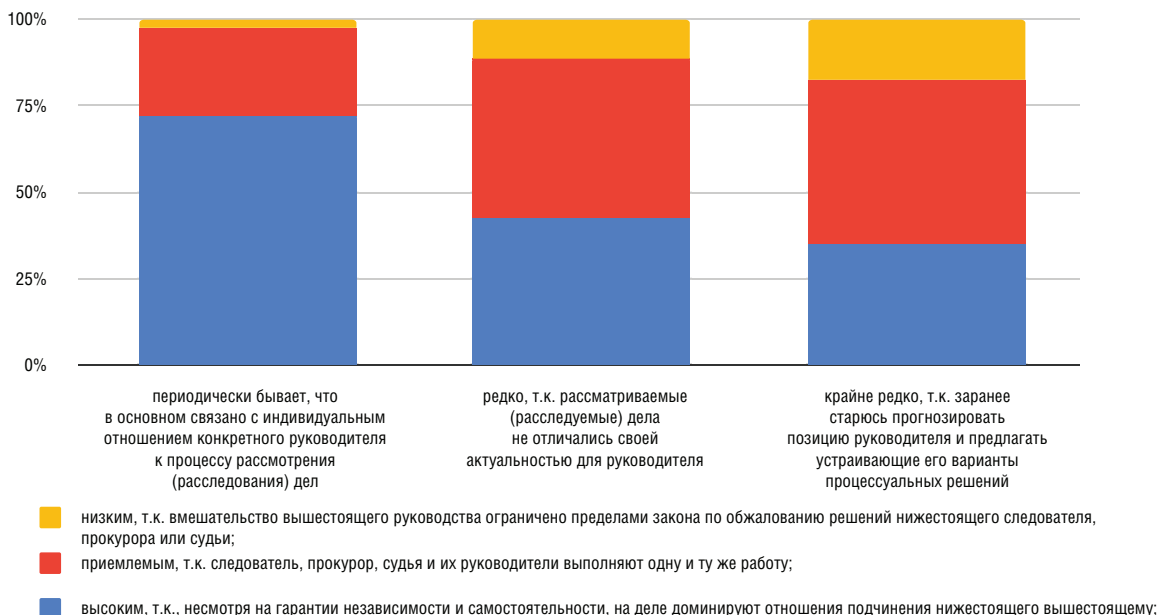
Другие зависимости при ответах на вопросы не показывают значительной статистической значимости, тем не менее привести их уместно.

На независимость и самостоятельность прокурорских работников оказывает существенное влияние их возраст и стаж. Обратим внимание на результаты в зависимости от стажа работы по юридической специальности.

На рис. 25 мы видим, что с увеличением стажа возрастает количество периодического недопустимого вмешательства в процессуальную деятельность прокуроров со стороны руководства, что в основном связано с индивидуальным отношением конкретного руководителя к процессу рассмотрения (расследования) дел. Из сотрудников со стажем работы по юридической специальности до пяти лет так отвечают только 14,3%, а 85,7%, напротив, считают вмешательство крайне редким явлением. Более опытные прокуроры чаще сталкиваются со случаями недопустимого вмешательства: 22,7% — стаж от 5 до 10 лет и 32,0% — стаж от 10 до 15 лет. При этом доля свидетельствующих о крайне редком вмешательстве составляет 40,9 и 36,0% соответственно. Ее столь значительное сокращение от

Рисунок 24

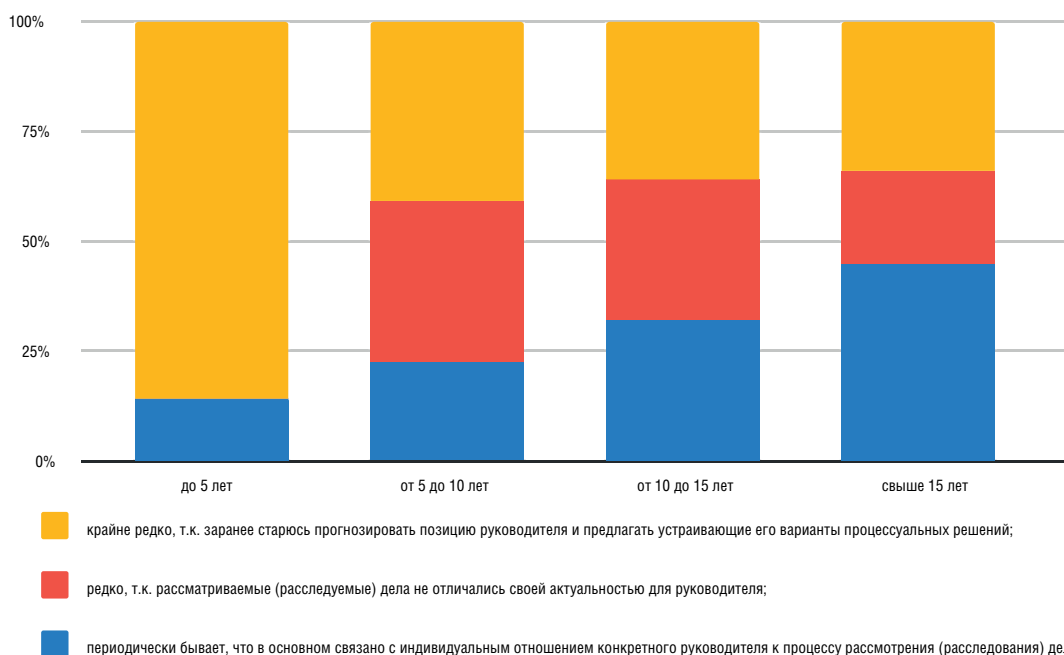
СООТНОШЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО УРОВНЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВЫШЕСТОЯЩЕГО РУКОВОДСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ВОПРОС 10) И ОТВЕТА НА ВОПРОС О ТОМ, КАК ЧАСТО ПРОИСХОДИЛО НЕДОПУСТИМОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО СТОРОНЫ РУКОВОДСТВА (ВОПРОС 19)

$$\chi^2 = 14,30, df = 4, p = 0,006$$

Рисунок 25

ЗАВИСИМОСТЬ ОТВЕТА НА ВОПРОС, КАК ЧАСТО ПРОИСХОДИТ НЕДОПУСТИМОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО РУКОВОДСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ВОПРОС 19) ОТ СТАЖА РАБОТЫ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ (ВОПРОС 4)

$$\chi^2 = 9,99, df = 6, p = 0,125$$

85,7% наименее опытных сотрудников достигается за счет появления большей части ответов о редкости недопустимого вмешательства (36,4

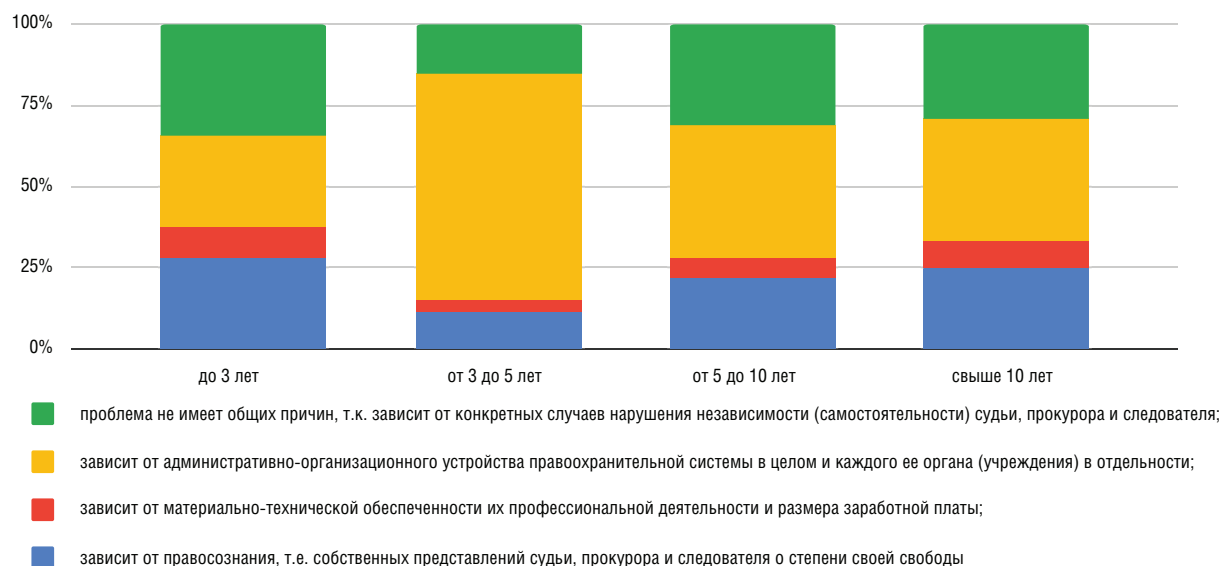
и 32,0%), причем редкость эта связана с тем, что рассматриваемые дела, возможно, не отличались своей актуальностью для руководителя.

Можно сделать вывод, что по наиболее актуальным делам степень недопустимого вмешательства является более значительной. Среди

работников со стажем свыше 15 лет уже 44,7% свидетельствуют о периодическом недопустимом вмешательстве. Таким образом, наиболее

Рисунок 26

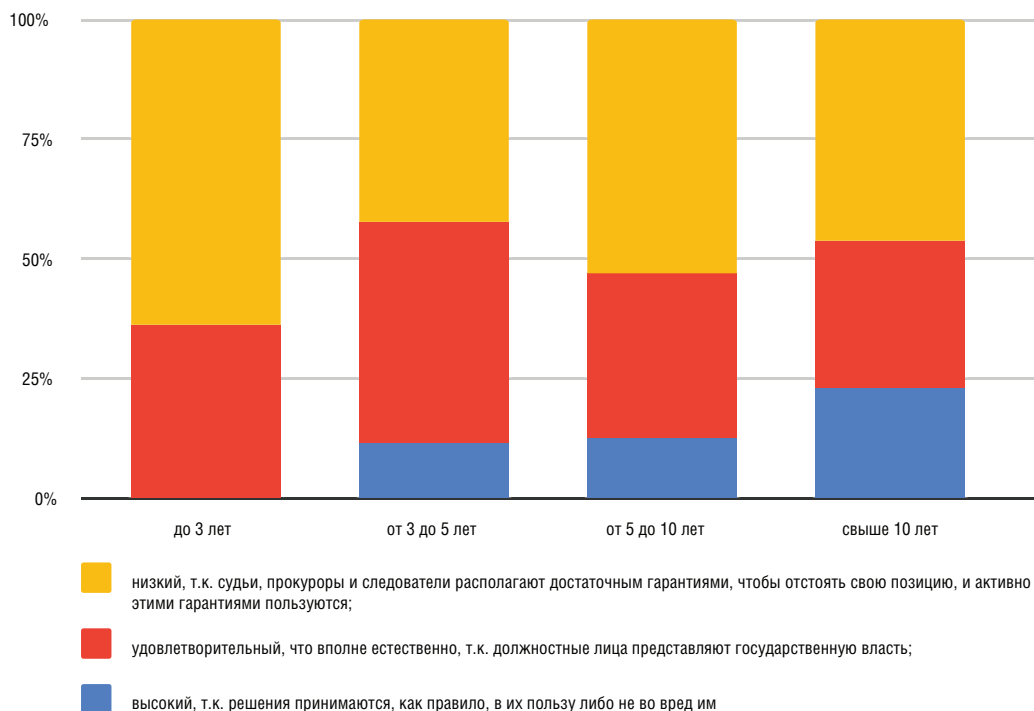
ЗАВИСИМОСТЬ ОТВЕТА НА ВОПРОС О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛЕЖИТ ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ (ВОПРОС 9) ОТ СТАЖА РАБОТЫ В ДОЛЖНОСТИ (ВОПРОС 5)

$$\chi^2 = 9,68, df = 9, p = 0,377$$

Рисунок 27

СООТНОШЕНИЕ СТАЖА РАБОТЫ В ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ (ВОПРОС 5) И ОТВЕТА НА ВОПРОС ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЗАВИСИМОСТИ СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОТ МНЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УРОВНЕЙ (ВОПРОС 14)

$$\chi^2 = 10,26, df = 6, p = 0,114$$

опытные сотрудники выделяют проблему в 3 раза чаще, чем наименее опытные.

Посмотрим на зависимость ответов на вопрос, в какой области лежит проблема независимости и стажа работы в должности (рис. 26).

О том, что проблема в первую очередь лежит в области административно-организационного устройства, наиболее часто говорят все сотрудники, кроме тех, чей стаж работы в должности менее трех лет. Как мы и видели на предыдущем рис. 25, наименее опытные прокуроры отмечают меньшую остроту проблемы. При этом особенно часто (69,2%) на административно-организационное устройство указывают прокурорские работники со стажем работы в должности от 3 до 5 лет. Среди более опытных таких значительно меньше. Подобная ситуация могла возникнуть в связи с тем, что сотрудники со стажем до трех лет в силу малого опыта не осознают проблему, а прокурорские работники со стажем более пяти лет часто переходят на руководящую работу, следовательно, административно-организационное подчинение становится

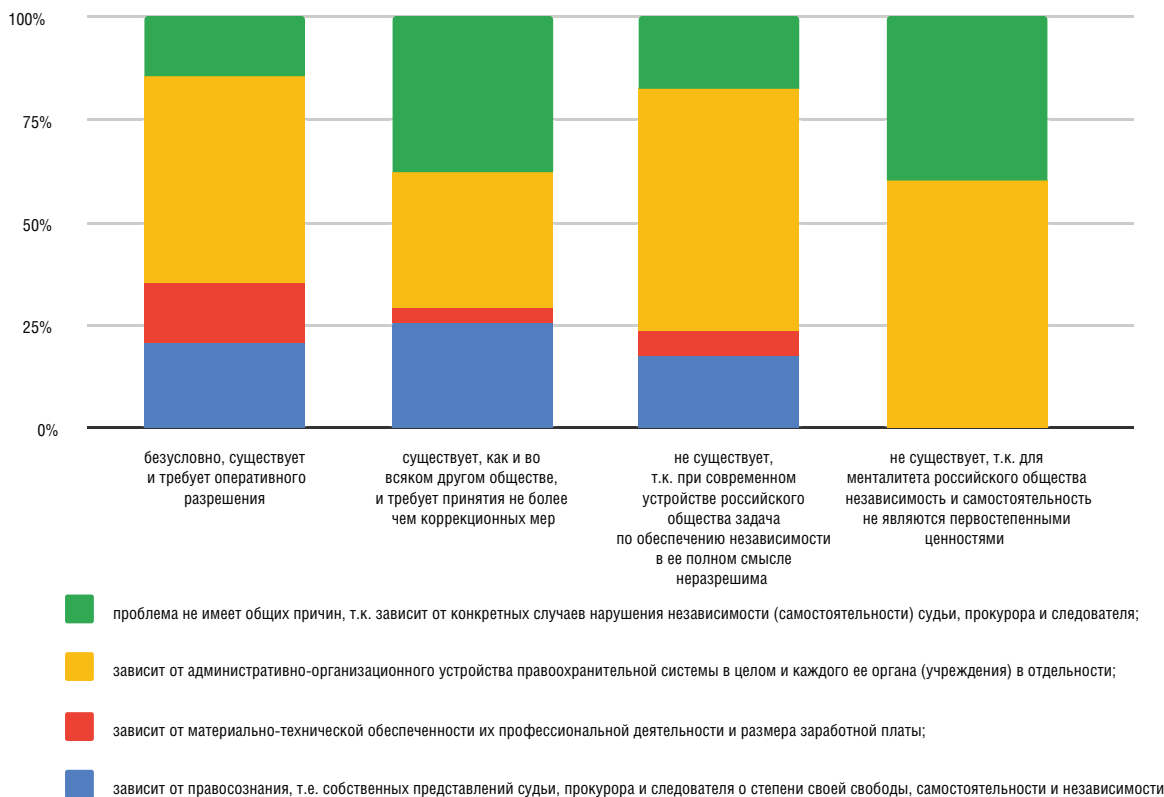
органичным компонентом их деятельности. Они не воспринимают такое подчинение как угрозу независимости, так как сами подобным же образом осуществляют руководство подчиненными.

Стаж работы в должности оказывает влияние и на принятие процессуальных решений со стороны органов государственной власти.

Диаграмма (рис. 27) показывает: с опытом уровень зависимости при принятии процессуальных решений от мнения должностных лиц органов и учреждений государственной власти федерального, регионального и местного уровней несколько увеличивается. Среди сотрудников с минимальным стажем (до трех лет) 63,6% свидетельствуют, что уровень зависимости низкий, так как субъекты правоприменения располагают достаточными гарантиями независимости. Но уже среди сотрудников с опытом работы от 3 до 5 и от 5 до 10 лет таких значительно меньше — 42,3 и 53,1% соответственно, при этом появляются ответы, что уровень зависимости высокий, так как ре-

Рисунок 28

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ (САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ) СУДЬИ, ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ (ВОПРОС 7) И ОТВЕТА НА ВОПРОС О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛЕЖИТ ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ (ВОПРОС 9)

$$\chi^2 = 14,26, df = 9, p = 0,113$$

шения принимаются, как правило, в пользу органов государственной власти. Так полагают 11,5% (стаж от 3 до 5 лет) и 12,5% (стаж от 5 до 10 лет) опрошенных. Среди наиболее опытных работников со стажем свыше 10 лет уже 23,1% свидетельствуют о высоком уровне зависимости. Таким образом, с опытом работы в органах прокуратуры приходит осознание высокого уровня зависимости от органов государственной власти. В общем массиве опрошенных респондентов их доля невелика — 10,5%, но надо сказать, что эта 10-я часть представляет собой наиболее опытных сотрудников, как правило, занимающих руководящие посты и определяющих работу органов прокуратуры, следовательно, фактически уровень зависимости от органов власти является достаточно существенным.

Как следует из диаграммы на рис. 3, 49 человек (42,9%) полагают, что проблема независимости лежит прежде всего в области административно-организационного устройства правоохранительной системы в целом и каждого ее органа (учреждения) в отдельности. Их количество примерно в одинаковой пропорции разделено в ответах, фиксирующих разный уровень существования проблемы (рис. 28), немного меньше среди тех, кто говорит, что проблема существует, как во всяком другом обществе, и требует принятия не более чем коррекционных мер. Восемь человек говорят о материально-технической обеспеченности их профессиональной деятельности и размере заработной платы. Таким образом, материально-техническая обеспеченность находится на достаточно высоком уровне и не является существенным фактором, угрожающим независимости (самостоятельности). Можно предположить, что хорошая материально-техническая обеспеченность и высокий уровень заработной платы гарантируют защиту независимости (самостоятельности) от внешних угроз, однако ослабляет внутреннюю защиту от вышестоящего руководства, приобретающего дополнительные рычаги воздействия на подчиненных сотрудников, о чем свидетельствует наиболее частый ответ — проблема независимости лежит в области административно-организационного устройства.

Выводы

По мнению опрошенных прокуроров, исследуемая проблема независимости и самостоятельности отнюдь не является острой. Общие данные показывают, что наиболее актуальна

проблема независимости и самостоятельности для следователей, а в наименьшей степени для судей¹. Прокурорские работники занимают в этой триаде среднее место, что и подтвердил детальный анализ исследуемых в данной статье групп респондентов. С одной стороны, констатируется наличие проблемы, с другой — прокуроры указывают, что она не носит экстраординарного характера и требует принятия не более чем коррекционных мер (рис. 1). Более половины опрошенных отмечают ее локальный характер, который обусловлен различными причинами, около трети говорят, что она встречается достаточно часто, и только примерно седьмая часть указывает на ее повсеместный характер (рис. 2).

Таким образом, по мнению большинства прокурорских работников, отдельные проблемы с обеспечением самостоятельности, конечно, имеются, при этом для их купирования вполне достаточно коррекционных мер (рис. 1). На вопрос, в какой области в первую очередь лежит проблема независимости, наиболее часто дается ответ, указывающий на административно-организационное устройство правоохранительной системы в целом и каждого ее органа (учреждения) в отдельности (рис. 3). Здесь почти половина респондентов (45,2%) свидетельствуют о высоком уровне вмешательства руководства, так как, несмотря на гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему (рис. 4). Столько же прокуроров (46%), рассуждая о существующем уровне зависимости от руководства, констатируют, что он отягощает процесс объективного рассмотрения (расследования) дел и принятия по ним законных процессуальных решений (рис. 5 и 13). Проблемы материального обеспечения, ранее считавшиеся достаточно актуальными, прокуроров почти не беспокоят и не являются угрозой их независимости (рис. 3). Объяснение такому весьма острому осознанию степени зависимости от руководства, а главное — констатацией его негативного влияния на процесс объективного рассмотрения дел при одновременном в общем-то спокойном отношении к проблеме имеет, с нашей точки зрения, следующее объяснение.

Ключевым фактором, влияющим на осознание уровня независимости и самостоятель-

¹ См. подробнее: Бочкарев С.А. Состояние независимости институтов правосудия в Российской Федерации: социологическое исследование // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 9–24.

ности каждого отдельного прокурора от своего непосредственного руководства, является общая архитектура функционирования прокуратуры в конкретном государстве, отнесение к исполнительной или судебной ветви власти. По сути, в рамках данной дихотомии функционируют органы прокуратуры по всему миру.

В некоторых странах прокуроры относятся к судебной власти (Франция, Италия, Швеция)¹, в других они часть исполнительной ветви правительства. В последнем случае они могут работать в составе Министерства юстиции (Япония), в специальных национальных или государственных органах (Англия и Уэльс, Германия), даже в полицейских департаментах (Дания, Норвегия)². В Италии по Конституции 1947 г. прокуратура выведена из подчинения Министерства юстиции и, согласно ст. 104–108, является частью судебной власти. Каждый итальянский прокурор является членом судебного корпуса и пожизненно назначается Верховным советом судей. Соответственно прокуроры могут быть судьями и, наоборот, судьи могут работать на прокурорских должностях. Отсюда с необходимостью следует отсутствие иерархии в итальянской модели прокуратуры. Между прокуратурами разных уровней не существует какой-либо зависимости, и каждый прокурор в пределах своей компетенции независим и пользуется полной автономией³. В США атторнейская служба не имеет строгой централизации и соподчиненности, а генеральные прокуроры штатов избираются⁴, по крайней мере, в 45 штатах⁵.

В России для органов прокуратуры всегда было характерно жесткое единоначалие⁶, предполагавшее функционирование системы как стройного иерархического целого, действующего под высшим главенством центральной правительственной власти. Еще Н.В. Муравьев, констатируя подчиненность

как неотъемлемый принцип функционирования органов прокуратуры, отмечал, что «подчиненность и есть главная форма служебной дисциплины, образующая, вместе с единством, двойное основание прокурорского института и такой характеристический его признак, которым он, и в устройстве своем, и в деятельности, существенно отличается от других установлений»⁷. Судебная реформа 1864 г. попыталась ограничить прокурорский надзор исключительно судебной областью⁸, однако советский период полностью искоренил всякие попытки приблизить внутреннюю архитектуру прокуратуры к судебной власти. Жестко централизованная структура была последовательно выстроена в 1920-е — 1930-е годы, когда постепенно происходило отмежевание прокуратуры от судебной власти, с выстраиванием четкой вертикали, подчиненной генеральному прокурору Союза ССР⁹. В этот период сотрудники прокуратуры СССР потеряли остатки самостоятельности и независимости от вышестоящего руководства, система трансформировалась по типу классического органа исполнительной власти.

На сегодняшний день прокуратура Российской Федерации является жестко централизованной системой со строгим вертикальным подчинением. Статья 129 Конституции РФ прямо указывает, что прокуратура составляет единую централизованную систему. В прежней редакции ст. 129 было даже специально подчеркнуто подчинение нижестоящих прокуроров вышестоящим и генеральному прокурору РФ. Тем самым на конституционном уровне закреплена жесткая иерархическая подчиненность прокуроров с замкнутостью всей вертикали на президенте РФ. Изменения в Конституцию РФ, принятые в 2020 г., еще более зафиксировали *status quo*. До этого генеральный прокурор и его заместители по представлению президента назначались Советом Федерации. Теперь это прерогатива президента, которая осуществляется после консультаций с сенаторами. Такая консультация не предполагает голосование

¹ Voigt S., Wulf A.J. What makes prosecutors independent? Analysing the institutional determinants of prosecutorial independence // *Journal of Institutional Economics*. 2019. Vol. 15. No. 1. P. 99–120.

² Tonry M. Prosecutors and Politics: A Comparative Perspective // *Crime and Justice*. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 1–33.

³ Органы уголовной юстиции стран Западной Европы: Учеб. пособие / И.А. Кучерков, И.И. Белозерова, Д.А. Ширев. Тула: ТППО, 2015. С. 107.

⁴ Сафонова Т.Ю. К вопросу о правовом положении прокуратуры в зарубежных странах на примере США // *Российский следователь*. 2011. № 10. С. 36–39.

⁵ Perry St.W. Prosecutors in State Courts, 2005. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, 2006.

⁶ Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб., 1867. С. 9.

⁷ Муравьев Н.В. О прокурорском надзоре (1891–1892 гг.) / Из прошлой деятельности. Т. 1. Статьи по судебным вопросам. СПб., 1900. С. 399–564.

⁸ См. подробнее: Бабаев С.Н. Влияние судебной реформы 1864 года на вопросы организации и деятельности прокуратуры России // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2014. № 3. С. 231–238.

⁹ Струков В.Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // *Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина*. 2018. № 4. С. 4–10.

палаты Федерального Собрания и ограничивается аппаратным обменом письмами¹. Существенным образом изменился подход для назначения региональных прокуроров. Ранее они назначались президентом по представлению генпрокурора, согласованному с регионом, сейчас такое согласование не предусмотрено. Регионы Российской Федерации не имеют инструментов влияния на назначение прокуроров на их территории. Изменения в Конституцию подкреплены Федеральным законом № 367-ФЗ от 9 ноября 2020 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре РФ”», закрепившим властную вертикаль². Осознание этой особой роли президента, возглавляющего пирамиду органов исполнительной власти, предопределяют надежду на него как на гаранта независимости среди тех опрошенных нами прокуроров, кто полагает, что исследуемая проблема, безусловно, существует (рис. 17).

Таким образом, исходя из принципов своей деятельности, несмотря на то что ст. 129 Конституции РФ находится в главе 7 «Судебная власть», органы прокуратуры являются классическим органом исполнительной власти, призванным реализовывать приказы и распоряжения руководства. Прокуроры при выполнении служебных действий выступают не от своего имени, а в качестве уполномоченных представителей государства, и ответственность за их действия несут в первую очередь прокуроры-руководители, а в конечном итоге генеральный прокурор РФ как глава всей иерархической системы прокуратуры³. Уместно привести высказывание В.Е. Чиркина: «Для осуществления своих функций исполнительная власть создает государственные управленческие структуры — особые органы, действующие в жесткой иерархии подчинения, в рамках которой вышестоящие органы диктуют нижестоящим свою управленческую волю. Вертикали власти нет ни в законодательной, ни в судебной ветви, хотя и там решения вышестоящих органов могут предписать что-то нижестоящим. Но в других

ветвях власти отсутствует возможность дачи непосредственных указаний, касающихся порядка решения того или иного вопроса»⁴. Иными словами, в отличие от законодательной и судебной власти нижестоящие органы исполнительной власти в большинстве случаев не обладают никакой автономией, что как раз и характерно для органов прокуратуры. Аналогичные суждения встречаются у одного из лучших конституционалистов России XX в. Ф.Ф. Кокошкина, который отмечает: «...когда же мы имеем перед собой такого рода органы, которые состоят из многих физических лиц, но действующих не на равных правах, а так, что получают преобладание воли одного физического лица, то имеем бюрократический орган, таково, например, каждое отдельное министерство в России. Эта организация состоит из многих физических лиц, но решающая роль в ней принадлежит одному физическому лицу, а остальные образуют совещательное при нем учреждение (совет министра) или подготавливают и докладывают ему подлежащие его решению дела (директора департаментов и подчиненные им чиновники)»⁵. Нахождение ст. 129 в главе о судебной власти обусловлено здесь отнюдь не общими с судебной властью принципами организационно-административного устройства, а лишь с традиционным пониманием прокуратуры как органа, способствующего реализации судами функции осуществления правосудия, которое идет от Судебных уставов 1864 г. К исполнительной ветви власти относят органы прокуратуры И.Б. Михайловская⁶ и Ю.В. Деришев⁷.

В целом такое построение характерно для континентальных стран Европы, однако централизация в большинстве из них проявляется в меньшей степени (Германия⁸). Во многих странах (во Франции, в Португалии, Польше, Молдове и др.) ряд вопросов, касающихся статуса прокуроров, решается коллегиальными органами. В Австрии генеральный прокурор не обладает правом осуществления надзора, пра-

¹ См.: Пункт 1.3 ст. 12 Федерального закона «О прокуратуре РФ» с изменениями, внесенными Федеральным законом № 367-ФЗ от 9 ноября 2020 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре РФ”» / СПС «Консультант-Плюс».

² Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024646-7> (дата обращения 25.11.2020).

³ Кобзарев Ф.М. Сочетание принципов независимости и централизации (подотчетности) прокуратуры: институциональный и процессуальные аспекты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 5. С. 100–103.

⁴ Цит. по: Добрынин Н.М. Теория и практика государственного управления: Учебник. Новосибирск: Наука, 2006. С. 333.

⁵ См. подробнее: Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Зерцало, 2004. С. 171.

⁶ Михайловская И.Б. Общая теория судебной власти // Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 27.

⁷ Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С. 323.

⁸ Русакевич С.Г. Организационные и правовые основы деятельности органов прокуратуры Федеративной Республики Германии // Проблемы укрепления законности и правопорядка: Наука, практика, тенденции. Минск, 2009. № 1. С. 230–243.

вом дачи указаний нижестоящему прокурору и не несет ответственности за его деятельность¹. В голландской прокуратуре с 1999 г. не полностью действует принцип иерархии, так как национальная служба прокуратуры не может давать обязательных инструкций территориальным прокурорам, а региональные прокуроры не могут давать указаний районным прокурорам².

Попытки приблизиться к распространенным в Европе принципам построения органов прокуратуры наблюдаются в странах бывшего советского блока Центральной и Восточной Европы, ориентированных на дистанцирование от советских принципов построения правовой системы. Тенденции к децентрализации прокуратуры проявляются достаточно явно (Молдова, Словения и др.)³. На Украине⁴ в 2014 г. был принят закон, вводящий принцип прокурорского самоуправления и отдельные квалификационно-дисциплинарные комиссии, уполномоченные определять уровень профессиональной подготовки лиц, изъявивших намерение занять должность прокурора и решать вопрос о переводе, дисциплинарной ответственности, а также вопросы увольнения прокуроров с должности⁵. Децентрализация и развитие коллегиальности стоит на повестке дня в Европе⁶.

Резюмируя, можно сказать, что результаты настоящего исследования свидетельствуют о реализации в России на практике вышеуказанных нормативных и теоретических конструкций.

Согласно ч. 2 ст. 4 ФЗ «О прокуратуре РФ», органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений. Тем самым закон подчеркивает, что прокурорские работники

обладают независимостью от внешних форм воздействия. Более того, ч. 1 ст. 5 ФЗ «О прокуратуре РФ» подчеркивает, что воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности влечет за собой установленную законом ответственность. Реализацию данных нормативных положений показывают рис. 6–8, фиксируя в целом низкий и приемлемый уровень зависимости от СМИ, общественного мнения и иных органов государственной власти. Да, рис. 27 свидетельствует, что с ростом стажа в занимаемой должности прокурора уровень его зависимости при принятии процессуальных решений от мнения должностных лиц органов и учреждений государственной власти федерального, регионального и местного уровней увеличивается, но все равно большинство опрошенных свидетельствует о низком уровне зависимости от них, так как прокуроры обладают достаточными гарантиями, чтобы отстоять свою позицию перед органами государственной власти, и активно этими гарантиями пользуются. Факторы внесистемного воздействия над прокурорами не довлеют. Однако внутри системы действует жесткий иерархический принцип соподчинения. Именно он осознается самими работниками как основная угроза их независимости и самостоятельности. Рисунок 4 показывает, что наиболее частый (45,2%) ответ свидетельствует о высоком уровне вмешательства, так как, несмотря на гарантии независимости и самостоятельности, на деле доминируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему. Их личное усмотрение всегда может быть нивелировано позицией руководства (рис. 9). При этом особенно часто (69,2%) на угрозу независимости со стороны административно-организационного устройства указывают прокурорские работники со стажем работы в должности от 3 до 5 лет (рис. 26). Такие централизация и иерархичность, как мы видим, являются существенными (существенными) компонентами функционирования системы прокуратуры в Российской Федерации, следовательно, сама постановка проблемы независимости в контексте осуществления процессуальной деятельно-

¹ Органы уголовной юстиции стран Западной Европы: Учеб. пособие / И.А. Кучерков, И.И. Белозерова, Д.А. Ширев. Тула: ТППО, 2015. С. 81.

² Органы уголовной юстиции стран Западной Европы. С. 46.

³ Безкровний С.А. Мета прокурорського самоврядування крізь призму європейського законодавства // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ ім. Е.О. Дідоренка. 2017. Т. 1. № 77. С. 37–44.

⁴ См. подробнее: Подкопаев С.В. Органы прокурорского сообщества: опыт становления на Украине // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 164–172.

⁵ Закон Украины от 14 октября 2014 г. № 1697-VII «О прокуратуре» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.06.2020 г.).

⁶ Ligeti K., Simonato M. The European Public Prosecutor's Office: Towards a Truly European Prosecution Service? // New Journal of European Criminal Law. 2013. No. 4 (1–2). P. 7–21. DOI: 10.1177/203228441300400102.

сти без воздействия со стороны вышестоящего руководства противоречит исполнительному характеру исследуемой социальной системы. С одной стороны, можно сказать, что выдвижение на первый план в качестве угрозы независимости и самостоятельности административно-организационного устройства органов прокуратуры (рис. 3) свидетельствует о внутренней оппозиции краугольному принципу функционирования системы. Здесь мы сталкиваемся с возможностью перевода административной подчиненности следователя, прокурора или судьи в их процессуальную зависимость от воли вышестоящего руководства. Причем с увеличением стажа работы осознание остроты проблемы периодического недопустимого вмешательства в процессуальную деятельность со стороны руководства растет (рис. 25). С другой — недовольство это достаточно латентное, явно не выражаемое (рис. 1 и 2). В большинстве прокуроры принимают правила игры, по которым функционирует система, поступаясь своим убеждением и суверенитетом в отношении вышестоящего руководства, компенсируя это аналогичным давлением на подчиненных. Периодическое недопустимое вмешательство отмечают менее трети опрошенных, большинство же констатирует его редкость, крайнюю редкость или отсутствие (рис. 10). Годы работы в органах прокуратуры, с одной стороны, дают увеличение частоты недопустимого вмешательства (рис. 25), а с другой — постепенно приводят респондентов к мысли о снижении угрозы независимости со стороны административно-организационного устройства (рис. 26).

Необходимо отметить, что редкое и крайне редкое вмешательства (рис. 10 и 14) обусловлены отнюдь не позицией руководителя, предпочитающего не оказывать влияния на подчиненных, а обстоятельствами, от руководства не зависящими: рассматриваемые дела не отличались своей актуальностью для руководства либо подчиненный заранее старался прогнозировать позицию руководителя и предлагать устраивающие его варианты процессуальных решений. Здесь понятно, если бы подчиненный отстаивал свою точку зрения, не обращая внимания на позицию руководителя, или дело было бы достаточно актуальным, чтобы вызвать его внимание, частота вмешательства была бы существенно выше. Чаше всего прокуроры обеспечивают свою независимость путем заблаговременного прогнозирования позиции руководителей и предложения устраивающих

их процессуальных решений, поэтому в процессуальной деятельности они не испытывают существенных неудобств и, как следствие, считают вмешательство в процесс отправления правосудия крайне редким (рис. 10). Вмешательство руководителя в процессуальную деятельность подчиненного является взаимным процессом, обусловленным действиями обеих сторон данного взаимодействия. Следовательно, если подчиненное лицо, осознавая и предугадывая позицию руководителя, последовательно осуществляет свои действия в соответствии с его невыраженным прямо мнением, последнему нет необходимости осуществления какого-либо вмешательства. Однако в таком случае редкость прямого вмешательства отнюдь не свидетельствует о его низком уровне, так как фактически оно постоянно оказывается путем формирования общей концептуальной парадигмы действия (культуры социальной системы). Причем формирование это осуществляется исключительно позицией руководителя, что характерно для классической пирамиды органов исполнительной власти. В качестве примера существования этого образа действий и принятия решений можно привести ординарную для органов прокуратуры ситуацию, когда при наличии подписанного прокурором обвинительного заключения государственный обвинитель в любом случае поддерживает обвинение в суде, зачастую вне собственной позиции по делу. У.Н. Гасанова подчеркивает, что причина такой ситуации — административные факторы, обеспечивающие субординацию в прокуратуре¹. Представляется, что никаких прямых указаний от руководителя в таких случаях может не поступать и государственный обвинитель руководствуется общей моделью действий в ситуации, которая сформирована руководством. Это как раз и объясняет, почему при достаточно высоком уровне вмешательства (рис. 4), при том что уровень зависимости отягощает процесс объективного рассмотрения дел (рис. 5), частота прямого недопустимого вмешательства невелика (рис. 10).

Таким образом, жесткое нормативное закрепление и реализация принципов централизации и иерархичности в деятельности прокуратуры РФ позволяет констатировать, что проблема независимости (самостоятельности)

¹ Гасанова У.Н. Отказ прокурора от обвинения как парадигма беспристрастности и объективности // Законность. 2017. № 8. С. 26–28.

применительно к прокурорам обладает собственной спецификой, обусловленной вышеизложенными концептуальными основами их деятельности, не применимыми к следователям и судьям. Именно от этого напрямую зависит степень самостоятельности прокурорского работника внутри своей социальной системы. Т. Парсонс доказал, что любая социальная система представляет собой систему взаимодействия множества действующих лиц, ориентирующихся на ситуацию, которая включает общепризнанную систему культурных символов, элементов культуры. Последняя представляет собой систему знаков, символов, ценностей, которые приводят к конкретным реактивным действиям. Фактически культура описывает образцы действия, сохраняет эти образцы, причем как должного, так и недолжного характеров¹. В зависимости от построения органов прокуратуры по типу исполнительной или судебной ветвей власти культура существенно различается. Сложившись, такая система является достаточно стабильной, что позволяет говорить и формировании культурной традиции, как бы накладывающейся на реальную ситуацию. Символическая система обладает собственными видами интеграции, которые можно назвать стандартами устойчивости. Как показывает практика, даже самая элементарная коммуникация невозможна без некоторой степени согласия с условностями символической системы. Признание этих стандартов применительно к прокурорам в конечном счете определяет принадлежность к данному профессиональному сообществу. Игнорирование же этих стандартов, противодействие им неминуемо вызывает отторжение, принудительное исключение из профессионального сообщества в связи с нарушением групповой солидарности. Исследование Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге показало, что главным кадровым свойством российской прокуратуры оказывается карьерная замкнутость, туда нельзя попасть извне. Несмотря на разнообразие жизненного опыта и работу на разных прокурорских должностях, все эти люди остаются, как военные, жестко связанными одной структурой². Карьер-

ный путь не выходит за пределы прокурорской системы. Это и создает внутреннее единство прокурорской касты, ориентацию на общие нормы и стандарты.

Однако тотальная ориентация прокуроров на позицию вышестоящего начальства приводит к пренебрежению интересами простого человека, вовлекаемого, зачастую произвольно, в орбиту прокурорской деятельности. Как результат, мы наблюдаем в массовом сознании недоверие к декларируемым сверху переменам в деятельности государственных органов власти, к их социальной эффективности, к повышению правовой защищенности, в особенности для той значительной части российского населения, которая располагает весьма ограниченными социальными ресурсами³.

Список литературы

1. *Бабаев С.Н.* Влияние судебной реформы 1864 года на вопросы организации и деятельности прокуратуры России // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 231–238.
2. *Бочкарев С.А.* Состояние независимости институтов правосудия в Российской Федерации: социологическое исследование // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 9–24.
3. *Бочкарев С.А.* Состояние независимости прокуроров в отечественной системе правосудия // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2019. № 4 (19). С. 769–786.
4. *Буцковский Н.А.* О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб., 1867.
5. *Безкровний Є.А.* Мета прокурорського самоврядування крізь призму європейського законодавства // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ ім. Е.О. Дідоренка. 2017. Т. 1. № 77. С. 37–44.
6. *Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А.* Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4 (118). С. 13–70.
7. *Гасанова У.Н.* Отказ прокурора от обвине-

¹ *Парсонс Т.* Социальная система: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2018. С. 9–15.

² *Титаев К., Кнорре А.* Каста прокуроров // Аналитическая колонка газеты «Ведомости». 2017. 26 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/26/674930-kasta-prokurorov> (дата обращения 15.11.2020).

³ *Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А.* Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4 (118). С. 13–70.

- ния как парадигма беспристрастности и объективности // Законность. 2017. № 8. С. 26–28.
8. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российское общество: правовая и политическая культура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2010. № 4 (106). С. 7–44.
 9. Добрынин Н.М. Теория и практика государственного управления: Учебник. Новосибирск: Наука, 2006.
 10. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004.
 11. Кобзарев Ф.М. Сочетание принципов независимости и централизации (подотчетности) прокуратуры: институциональный и процессуальные аспекты // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 5. С. 100–103.
 12. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Зерцало, 2004.
 13. Михайловская И.Б. Общая теория судебной власти // Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.
 14. Муравьев Н.В. О прокурорском надзоре (1891–1892 гг.) / Из прошлой деятельности. Т. 1. Статьи по судебным вопросам. СПб., 1900. С. 399–564.
 15. Подкопаев С.В. Органы прокурорского общества: опыт становления на Украине // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 164–172.
 16. Русакевич С.Г. Организационные и правовые основы деятельности органов прокуратуры Федеративной Республики Германии // Проблемы укрепления законности и правопорядка: Наука, практика, тенденции. Минск, 2009. № 1. С. 230–243.
 17. Сафонова Т.Ю. К вопросу о правовом положении прокуратуры в зарубежных странах на примере США // Российский следователь. 2011. № 10. С. 36–39.
 18. Струков В.Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2018. № 4. С. 4–10.
 19. Органы уголовной юстиции стран Западной Европы: Учеб. пособие / И.А. Кучерков, И.И. Белозерова, Д.А. Ширев. Тула: ТППО, 2015. 174 с.
 20. Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 3–4 (125). С. 197–248.
 21. Тумаев К., Кнорре А. Каста прокуроров // Аналитическая колонка газеты «Ведомости». 2017. 26 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/01/26/674930-kasta-prokurorov> (дата обращения 22.10.2020).
 22. Парсонс Т. Социальная система: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
 23. Voigt S., Wulf A.J. What makes prosecutors independent? Analysing the institutional determinants of prosecutorial independence // Journal of Institutional Economics. 2019. Vol. 15. No. 1. P. 99–120.
 24. Tonry M. Prosecutors and Politics: A Comparative Perspective // Crime and Justice. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 1–33.
 25. Perry St.W. Prosecutors in State Courts, 2005. Washington, DC: Bureau of Justice Statistics, 2006.
 26. Ligeti K., Simonato M. The European Public Prosecutor's Office: Towards a Truly European Prosecution Service? // New Journal of European Criminal Law. 2013. No. 4 (1–2). P. 7–21. DOI: 10.1177/203228441300400102.

Алексей ЛЕВИНСОН

Волонтерство и протест как феномены экстраповседневности

«Левада-центр» в кооперации с экспертами организации Raams op Rusland («Окно в Россию», Лейденский университет, Нидерланды) провел серию исследований по проблеме гражданского общества в России и сопряженных с этим сюжетов. Исследования проводились методом фокус-групп и личных интервью. В настоящей статье отражены результаты последней волны исследования¹, проведенной в декабре 2020 г. В качестве респондентов выступали участники протестных акций последних лет в Москве и Санкт-Петербурге (условно обозначены как *протест*), участники волонтерских движений и инициатив в этих же городах (*волонтеры*) и эксперты из гражданских организаций (*эксперты*). Ввиду эпидемии все опросные процедуры осуществлялись в режиме онлайн. Дословные высказывания респондентов приводятся в тексте *курсивом*.

Что такое гражданское общество?

Для подхода к этой теме респондентов спрашивали, что такое «гражданское общество». Если говорить о руководителях и активистах НКО, то для них само собой разумеющимся был ответ, что это свободные и самостоятельные организации и объединения людей, желающих заниматься какой-то общественно полезной деятельностью. Некоторые отвечали просто: *«Вот мы и есть гражданское общество!»* Но для социологического определения гражданского общества необходимо выполнение такого условия, как образование из совокупности этих вторичных объединений самостоятельной реальности, позволяющей применять к ней понятие «общество». Попытки выяснить у активистов НКО, чувствуют ли они себя принадлежащими такой особой реальности, и если да, то каковы ее размеры, давали разные результаты.

¹ Ответственный исполнитель: А. Левинсон. Подготовка материалов — С. Королева (отдел социокультурных исследований «Левада-центра»). Полный отчет о проведенном исследовании будет опубликован Raam op Rusland.

Для одних наличие нескольких организаций-партнеров в нескольких городах было основанием ответить положительно. Другие отвечали, что не задумывались:

— *Мы свое дело делаем, а кого, где, сколько, нам некогда считать.*

Некоторые говорили:

— *Слушай, конечно, на такую страну это все равно капля в море. Но что же делать, помогать все равно нужно, если можем хоть кому-то помочь.*

У одного из ведущих экспертов встречается идея о «невидимом» гражданском обществе:

— *Оно, безусловно, есть. Может быть, не настолько, как бы нам хотелось, но нам далеко не все видно. Оно существует такими очагами, что ли, т.е. оно не равномерно и не стопроцентно охватывающее, но этих очагов, во-первых, много, и с каждым годом становится все больше, а во-вторых, мы про многие из них не знаем, потому что они не попадают в медийное поле, за которым следят такие люди, как я.*

У рядовых участников гражданских акций мнения о гражданском обществе устроены близко по смыслу.

— *Ну, на мой взгляд, это объединение ответственных граждан, которые осознают, что от их действий зависит судьба их и судьба их государства и которые предпринимают активные шаги для того, чтобы воплотить то, во что они верят. (СПб., протест)*

— *Я могу дополнить, что гражданское общество — оно основано на принципах демократии и на достаточно высоком уровне образованности его членов. Подлинное гражданское общество — это общество образованных людей. (СПб., протест)*

В общем, эти люди исходят из весьма распространенного в России представления, что гражданское общество — это совокупность граждан как людей, испытывающих гражданские чувства и готовых на гражданские поступки, т.е. на проявления самоотверженно-

сти, бескорыстия. В любом случае гражданское общество воспринимается как источник самостоятельных действий, как нечто отдельное от власти и, возможно, ей противостоящее.

Приходится констатировать, что по строгим социологическим критериям мы не обнаружили существования гражданского общества. Но социологически же важно, что для некоторых деятельных субъектов его существование несомненно, и они исходят из этого как из реально-го обстоятельства.

Добровольная помощь в ситуации бедствия

Замысел данной волны исследования начался с идеи изучить готовность россиян оказывать друг другу помощь в ситуации бедствия, каковым являлась эпидемия COVID-19.

К подобной постановке вопроса вели два обстоятельства. Первым из них были сведения о высокой степени мобилизации гражданских проявлений — помощи и взаимопомощи — в Нидерландах, о чем нам сообщали наши партнеры и коллеги из Raams op Rusland, вторым — наши наблюдения и заключения по сходному вопросу, начатые в 1996 г.¹ и продолжавшиеся вплоть до настоящего времени. Из них мы делали предположение, что экстраординарные обстоятельства запускают латентные программы гражданского поведения, не действующие в обычной повседневности.

Подступом к изучению этой темы были исследования, проведенные в 2020 г. методом массового опроса. В ходе этих опросов «Левада-центр» дважды задавал вопрос россиянам, что они думают насчет своей готовности помогать друг другу в возникших чрезвычайных обстоятельствах. Первый раз вопрос

был задан в марте, когда российское общество лишь готовилось встретить эпидемию (половина населения тогда еще думала, что эпидемии не будет). Второй раз — в августе, когда страна уже испытала, что это такое². Вот основные результаты.

Опрос, проведенный в преддверии неизвестной беды, показал, что версию «все будут всем помогать» чаще всего разделяли люди, рожденные и воспитывавшиеся в советское время, а также люди, приученные уважать власть (частью это они же), но еще и облеченные хоть какой-то властью. Большинство держалось мнения, что люди станут больше заботиться только о себе и о своих. Если кто-нибудь думал, что в сельской глубинке люди крепче связаны друг с другом, его ждали большие разочарования. Именно в российском селе меньше всех (15%, в столице — 20%) ожидали этого и больше всех (53%, в столице — 47%) говорили, что люди будут помогать только себе и своим. Такое же разочарование ждало тех, кто думал, что молодежь первой ринется помогать тем, кто в беде. Опрос показал нарочитое стремление самых молодых максимально игнорировать версию о всеобщей взаимопомощи (11%) и чаще всех напирать на вариант: россияне будут заботиться только о себе и о своих. Среди учащейся молодежи так заявляли почти две трети.

Прошло почти полгода, россияне пережили первую волну эпидемии, и их мнения о себе изменились, но не принципиально. В марте, накануне эпидемии, половина, как говорилось, ожидала, что все будут заботиться только о себе и о своих, а треть — что эпидемия ничего не переменит во взаимоотношениях.

Март 2020 г.		Август 2020 г.	
На ваш взгляд, в ситуации эпидемии, что будет происходить в отношениях между людьми в нашей стране?		На ваш взгляд, в ситуации эпидемии, что происходит в отношениях между людьми в нашей стране?	
Люди станут больше оказывать поддержку друг другу и помощь нуждающимся в ней	17%	Люди стали больше оказывать поддержку друг другу и помощь нуждающимся в ней	23%
Люди станут больше заботиться только о себе и о своих	50%	Люди стали больше заботиться только о себе и о своих	38%
Ничего не изменится в отношениях между людьми	33%	Ничего не изменилось в отношениях между людьми	40%

² Первый опрос проведен по репрезентативной выборке населения России, 1624 человека в возрасте 18 лет и старше, с 19 по 25 марта 2020 г. Второй, также по репрезентативной выборке взрослого населения РФ, проведен с 20 по 26 августа 2020 г. Опросы проведены методом личного интервью по месту жительства респондентов. Результаты показаны в % от числа опрошенных.

¹ См.: Левинсон А. Опыт социографии. М., 2004. С. 316 и след.

В августе, оглядываясь, люди чаще всего (40%) подтверждали, что эпидемия нас никак не изменила, и реже прежнего (38% против бывших 50%) указывали на заботу только о себе и о своих. Говорящие об альтруистическом поведении россиян остались в меньшинстве, но их стало больше: 23% вместо 17%. То есть мнений о собственном социальном эгоизме стало меньше, мнений о собственном альтруизме — больше, но все равно эгоистические установки распространены в обществе в полтора с лишним раза сильнее, чем альтруистические. Приходится констатировать относительно доминирующего типа нашей социальности: мы не столько гражданское общество, сколько общество «своих».

Волонтерство как феномен гражданского поведения или гражданского общества

Приведенные выше данные массовых опросов позволяют сказать, что около четверти взрослого российского населения положительным образом связаны с практикой поведения, которое мы будем называть гражданским.

Волонтерство — готовность делать это вопреки общественному равнодушию.

— *Волонтер — это некий такой пример для окружающих, как должен поступать гражданин. (Москва, волонтеры)*

— *Сейчас разобщенность какая-то, люди каждый сам за себя, нету взаимопомощи в принципе. Не считая волонтерских движений. (СПб., волонтеры)*

— *Ну, я вижу несколько тенденций: некоторую атомизированность, изолированность друг от друга. Но, с другой стороны, есть возможность мобилизации на какие-то социальные проекты среди молодежи, среди людей старшего возраста, есть вот эта дорожка для мобилизованных людей что-то интересное сделать, несмотря на такие вот тенденции. (СПб., волонтеры)*

Из проведенных фокус-групп и интервью мы знаем, что это поведение может не иметь институционализированных форм. Здесь и отдельные акты помощи нуждающимся в ней, и имеющие начала институционализации виды регулярной помощи одних частных лиц другим (например, молодых соседей пожилым). Есть люди, сделавшие определенные виды помощи частью своей жизни, профессионализировавшиеся в этом, но не оформляющие эту деятельность никак и ничем, строящие ее на личных договоренностях. Так, например, уже несколько лет действует человек, регулярно приходя-

щий развлекать детей в детской онкологической больнице.

— *Ну вот сейчас с пандемией очень многие, насколько я знаю, стали волонтерами, особенно когда была первая волна и строгий запрет на посещение магазинов, аптек лицам старше 65, в первой волне очень многие, я знаю, стали волонтерами, помогали с покупкой продуктов, лекарств и т.д. (Москва, протест)*

Разновидностью такого поведения является благотворительность. Известно, что акты пожертвования одними людьми совершаются в виде регулярных отчислений, другими в качестве разовых реакций на призывы, просьбы, обращения, третьими тоже в виде разовых акций, но в связи со спонтанными собственными побуждениями.

— *Благотворительная организация — одна из немногих структур, к которой увеличилось доверие у россиян. Количество денег в секторе за последнее время выросло, это говорит о поступательном развитии. (Эксперт)*

По свидетельствам экспертов, весной 2020 г. взметнулась колоссальная волна пожертвований для организаций, оказывавших помощь и поддержку врачам, работавшим с больными ковидом.

Есть вопрос о внутренних мотивах, побуждающих человека к добродетели, в современном варианте — к гражданской активности, в частности к волонтерской деятельности. Участники дискуссий склонялись к тому, что эффект важнее вызвавшей его причины.

— *Для меня — да, для меня это активная жизненная позиция, я не могу сидеть и ничего не делать, зов души... Ну, может быть, эгоистический мотив... Карма, карма, что-то такое... (СПб., волонтеры)*

— *Цель никогда не оправдывает средства. Поэтому если человек во грехе идет волонтерить ради того, чтобы получить прощение или какую-то индульгенцию, — это базарная сделка. Волонтер, настоящий волонтер всегда делает все бескорыстно. (Москва, волонтеры)*

— *Я бы сказал, что это бескорыстная помощь миру, любому, не только внутри себя, но и наружу. Но если смотреть еще глубже, мне кажется, это такой здоровый эгоизм. То есть мы внутри себя гладим в любом случае. (СПб., волонтеры)*

— *Ну, иногда в волонтерство идут, кроме готовности помочь, еще из-за мотива выглядеть как-то положительно в чьих-то глазах, может быть, даже в своих глазах, для реализации. Или откупиться за что-то. (СПб., волонтеры)*

— Я бы, наверное, все-таки подтвердил не то, что это особые люди, но они, возможно, травмированы. Ну, такой термин есть, психологически травмированы, и это особенность характера. (Москва, волонтеры)

— Это и площадка для общения. Такая часть людей тоже есть. Особенно это касается молодежи, и это не столько желание помочь, сколько вот потусить, «мои друзья — это определенная среда, определенная компания». Я в этом, кстати, плохого ничего не вижу, сразу скажу. Главное — результат, неважно, почему. (СПб., волонтеры)

Волонтерство включено в порядки деятельности госструктур, одна из форм подключения — учет участия в волонтерской деятельности при приеме на работу или выставлении оценок по учебе. Как говорили участники: «Это идет в портфолио».

— Ну, у нас приходили студенты, некоторым из них засчитывали волонтерство в качестве каких-то бонусов при учебе. А кто-то приходил, потому что у него было свободное время. Пожилые люди к нам приходили тоже к нам волонтерить, потому что у них было свободное время тоже, ну и какой-то зов. То есть мотивы могут быть схожи, но у молодых и тех, кто постарше, бывают разные мотивы. (СПб., волонтеры)

— Есть такая часть волонтеров, которым это засчитывается в стаж, которым в резюме засчитывается, с которым на работу... Действительно, есть такая доля, я считаю, что это неплохо, если ради какой-то своей карьеры они приходят и делают какое-то хорошее дело. Небольшая доля таких волонтеров сейчас, да, появилась. (СПб., волонтеры)

Государственные инстанции стремятся поставить волонтерские инициативы под свой контроль и вполне в этом преуспели. Они, в частности, следят за тем, чтобы волонтерские организации были политически стерильны. Но эксперт указывает на возникающий политический эффект:

— Это люди, которые не позиционируют себя как политические активисты... И они могут иметь самые разные политические взгляды, абсолютно любые. Но при этом они занимаются ... инициативным образом реализуют какие-то проекты, которые создают, постепенно меняют среду, формируют какой-то воздух, атмосферу в обществе, которая потом в результате некоторого кумулятивного эффекта все равно предъявляет запрос на политические изменения. Для того чтобы формировать этот воздух, не нужно лично быть политическим активистом. (Эксперт)

Среди волонтеров есть мнение, что волонтером можно называть любого, добровольно осуществляющего гражданскую деятельность, вне зависимости от того, является ли она «организованной» или нет.

— Я не вижу существенного разделения, люди участвуют в волонтерских проектах независимо или зависимо от организаторов. (СПб., волонтеры)

Но сам факт организованности, включения в организацию имеет большое значение. Именно организации, а не люди сами по себе, в совокупности создают гражданское общество — если их количество достаточно, чтобы образовать связный агрегат, и если они обладают автономией от бизнеса и от государства.

Вопрос о независимости гражданских волонтерских организаций от государства оказался остродискуссионным. Остроту ему придавали прежде всего действия государственных инстанций. Известно, что многим НКО, использующим труд волонтеров, со стороны государства были созданы условия, резко затрудняющие их деятельность или делающие ее невозможной. Большинству других были предложены правила, ставящие прежде свободную деятельность под контроль и регуляцию со стороны неких агентов государства.

Кроме того, среди самих волонтеров обсуждение вопроса о взаимоотношениях их инициатив и государства вызывало напряжение и порой раздражение.

— Вы знаете, мне жалко слышать, с одной стороны, что мы противопоставляем себя государству. По сути дела, я всегда считаю, что государство — это мы, как бы мы на него ни смотрели. Мы, наверное, имеем в виду государственные органы власти, а не государство как таковое. (СПб., волонтеры)

— Я считаю, что волонтерство — это состояние души, что не имеет значения, в какой стране ты живешь, развитая экономика, не развитая, каково отношение с правительством. Если человек хочет помогать, он будет это делать и в России, и в Африке, и в любой стране. Я думаю, что сейчас у нас дружественные отношения с правительством, много грантов на это выделено. Я считаю, что у нас, наоборот, сейчас в правительстве развивают вот это направление социальной деятельности, волонтерство. (Москва, волонтеры)

Участники видели различия между типами волонтерской деятельности в зависимости от того, как организованы отношения волонтеров и государства.

— Я думаю, можно дать такую типизацию: да, есть некоммерческие организации, т.е. люди, не связанные непосредственно с государством, с государственными структурами, они объединяются для каких-то целей. А есть такие, которые создаются сверху, типа акции «Мы вместе», «Национальное единство» или «Общественный фронт» как какая-то государственная структура. (СПб., волонтеры)

Но есть мнение, что эти различия поверхностны.

— Смотрите. Верхушка разная, а волонтеры, которые там внутри, в большинстве своем одинаковые. (СПб., волонтеры)

Многочисленны примеры, когда волонтеры рассматривают себя в качестве помощников государственных структур, тех, что заодно с ними делают полезное дело, помогают госструктурам быть эффективнее или дополняют их.

— В волонтерских проектах волонтеры помогают государству, делают чуть больше, чуть лучше. То есть я не вижу каких-то конфликтов... (Москва, волонтеры)

— Мне кажется, волонтеры затыкают такие дыры, которые должны отрабатывать по хорошему органы исполнительной власти. (СПб., волонтеры)

— Ну, если бы наше государство полностью выполняло все свои обязанности, то волонтеров было бы в разы меньше. (Москва, волонтеры)

— Я считаю, что волонтерские движения указывают в том числе государству на какую-то обнажившуюся проблему, возможно, ее государство будет решать, а волонтеры будут уходить искать какую-то новую проблему. (СПб., волонтеры)

— Волонтеры могут быстрее среагировать на какую-то проблему, чем государственные органы. (Москва, волонтеры)

— Мне кажется, волонтеры нужны для того, чтобы взять на себя функцию ... координатора каких-то обязательств органов исполнительной власти перед жителями... (Москва, волонтеры)

Но иногда это оборачивается необходимостью защиты граждан от государства.

— Я считаю, что, к сожалению, не всегда справляются государственные службы, органы и государство в некоторых случаях у нас. И тогда нужны волонтеры для защиты интересов жителей (от государства). (Москва, волонтеры)

Люди с опытом указывали, что государство непременно будет ставить рамки для деятельности организаций гражданского общества.

— У нас есть законы, и когда мы достигаем определенной численности людей, которые нахо-

дятся в организации, то, соответственно, появляется сразу государство, которое начинает регулировать и показывать, какие рамки уже нельзя переходить и насколько свою деятельность надо, ребята, пригасить: «Не лезьте, это не ваше». (СПб., волонтеры)

С учетом того, что некоторые гражданские отправления сделались зоной острого конфликта государства и общества, прикасающиеся к ним добровольцы оказываются в конфликтных отношениях с представителями государства.

— А вот те волонтеры, которые существуют сами, независимо от поддержки государства — они выступают или оппонентами, или даже где-то противниками государства. Я поясню. Если взять волонтерские движения наблюдения за выборами — интересы этих движений и государства прямо противоположны. Они, во всяком случае, не выступают за государство, это минимум. Или даже выступают против. (СПб., волонтеры)

— И я думаю, что оно будет развиваться, потому что относительно него еще пока особенно гаек не закручивают и не будут, скорей всего потому, что такие инициативы в значительной степени смягчают какие-то ошибки государства. В общем, государству выгодно, чтобы они были. Поэтому я не думаю, что вообще любую общественную активность у нас в стране закатают в асфальт. Будут проблемы, и усиливающиеся, думаю, у правозащитного сектора, будут проблемы у экологов, наверное. Насчет градозащитников не очень понимаю, потому что это такая очень точечная история, применительно к каждой ситуации там по-своему формируется конфигурация. А у социальщиков, я думаю, все будет более или менее неплохо, они будут развиваться, несмотря ни на что. И даже будут пользоваться поддержкой государства (Эксперт)

Уличный протест как выражение общественного мнения

Наше качественное исследование методом фокус-групп проводилось среди людей, участвовавших в различных формах публичного протеста в Москве и Санкт-Петербурге.

Уличный протест — одна из форм выражения общественного мнения, которая приобрела в России особую важность ввиду отсутствия институционализированных каналов влияния различных групп общества на власть, ее планы и действия. Имеющиеся институты в лице партий, выборов и выборных органов власти и масс-медиа не выполняют этой роли. Большинство населения принимает этот порядок

вещей как естественный. Однако в российском обществе есть социальные группы и силы, которые недовольны. Выразить недовольство они пытаются посредством коллективных шествий по центральным улицам городов. Максимальное число таких протестных акций проходят в Москве и Санкт-Петербурге.

Есть несколько причин этому.

Первая заключается в том, что именно в столицах существуют социальные ниши (учебные заведения, рабочие места, места общения) для категорий россиян, которые имеют поводы быть постоянно недовольными поведением властей. Инфраструктура других городов в этом отношении гораздо беднее. Соответствующий контингент там представлен в гораздо меньших количествах.

Вторая причина состоит в плотности социального, в частности полицейского, контроля, средств сыска и преследования, которая тем ниже, чем больше город. Так, по крайней мере, обстояло дело до внедрения современных средств видеофиксации и распознавания лиц в толпе. До этого в больших городах участие в акциях протеста могло по преимуществу оставаться анонимным. В городах среднего и малого размера на протестные акции решаются, как правило, индивиды, готовые встретиться с репрессиями со стороны властей.

Впрочем, ситуация в столице меняется.

— *Я с инструментальной точки зрения оцениваю, что да, уличная активность — протестная, классическая — снизилась; власть воспользовалась ситуацией (эпидемия) для принятия большого количества новых технических решений, ограничений, запретов, слежек, камер там понаставляла, всяких пропусков навводила... Ну прям законодательную практику перевела на новый уровень, можно сказать. (Эксперт)*

Тем не менее, полагает респондент, причины, порождающие протесты, не ослабевают, потому уровень протестного потенциала не снижается.

Протест тем не менее ... в целом протестные настроения, скорее всего, выросли, очень высокий уровень недовольства... ощущается. (Москва, протест)

Вопрос о причинах протестов не имеет единого ответа. Нашу версию (относительно отсутствия других легитимных каналов влияния общества на власть) мы изложили. Есть очень популярная версия у тех, кто хотел бы дискредитировать протестные выступления или обосновать свое в них неучастие. На других

фокус-группах, которые были проведены «Левада-центром», это выражали так:

— *Почему выходят на улицы? Известно же, что это все оплачено.*

— *Кем оплачено?*

— *Известно кем.*

— *А все же, кем?*

— *Кем-кем, Америкой, Западом.*

— *И как им платят?*

— *А вот это неизвестно.*

Среди людей, относящихся к протестующим нейтрально, но не желающих выходить и к ним присоединяться, объяснения в основном такие:

— *Господи, ну есть у людей время, вот и выходят. У меня на это времени нет.*

Популярно «психологическое» объяснение:

— *Ну это люди такие, им не сидится. Хотят во всем поучаствовать.*

— *Но они рискуют попасть под дубинки или под арест...*

— *А им этого и надо, хотят и это испытать.*

— *Я не понял, вы таких людей скорее уважаете или скорее не уважаете?*

— *И то, и то.*

Разумеется, есть и сочувственное, понимающее отношение:

— *Кто выходит? Лучшие наши выходят. Самые честные, самые смелые. Что вам сказать, те, кто всегда первыми и гибнут.*

Среди самих участников протестных акций также существуют разные объяснения.

Вот объяснение через цель жизни:

— *Мне кажется, что ... как будто бы у них есть некоторая цель жизни в том, чтобы именно этим заниматься. (СПб., протест)*

Вот фрагмент дискуссии, где обсуждается, что есть главный мотив движения — стремление к свободе или стремление к справедливости.

— *Я думаю, что эта цель — обретение свободы.*

— *Ну вообще, это во всем мире, а у нас в основном люди борются за справедливость. «Свобода, свобода» — это дискуссионный вопрос, кто-то может сказать: «У нас есть свобода, свободы завались». Мне кажется, всегда наш национальный движущий фактор — это справедливость. (СПб., протест)*

Дискуссия о свободе и справедливости началась в российском обществе еще в XIX в. Если брать не трактовки философов, а понимание, которое стало относительно массовым

в кругах разночинной интеллигенции, свобода понималась скорее как разрушение угнетающих порядков, а справедливость — как установление порядков, благоприятных для всех в равной степени.

Но в современных условиях возможны и прямо противоположные трактовки этих понятий.

— Почему выходят? Я думаю, справедливость... Активисты — это те люди, которые хотят что-то изменить, они верят в себя, верят в то, что они могут это сделать, если они будут ходить на протесты, собирать голоса, вытягивать других людей из дома, чтобы изменить ситуацию в стране. (СПб., протест)

— Самый главный их мотив, что они хотят быть участниками, активными участниками жизни государства, в котором живут. (СПб., протест)

— Соглашусь, но я бы еще сказал, наверное, это цель — влиять как-то на ситуацию. (СПб., протест)

Еще один смысл выхода на протестные акции — солидарность. Это одновременно и ее порождение, и ее переживание.

— Выходят затем, что хотят увидеть в других людях, что они такие не одни. И когда люди выходят, они понимают, что их много (СПб., протест)

Выше мы приводили результаты массового опроса, показывающие, что солидарность не является ведущим мотивом взаимодействия. Респонденты фокус-групп подчеркивают, что солидарность становится проблемой ввиду той дисциплинарной политики, которую практиковали власти в обстоятельствах первой волны.

— Людей заставили друг на друга бросаться, писать доносы, штрафовать друг друга — ну о какой солидарности тут речь может идти? (Москва, протест)

— Солидарность, как мне кажется, внутри общества очень-очень снизилась. Сейчас сложное время такое, люди запуганы, отстраняются друг от друга, и поток информации отовсюду жесткий, и людям жить страшно, в них какая-то безнадега, мне так кажется. (СПб., волонтеры)

Наблюдатели отмечают рост репрессивного потенциала, с одной стороны, и падение протестного потенциала — с другой.

— Любое усиление оппозиционное — оно давится в корне, и совершенно жестко. И это видно: сколько, например, у нас стало внутренней полиции, и сколько туда вкладывается денег, и как повышается их зарплата. Это видно по

всем фронтам, по всем. И мне люди конкретно говорят, что они боятся даже по мелочи, даже там, где бояться не надо. И вообще, в принципе, люди пассивнее становятся. (СПб., волонтеры)

— Ох... Ну вы знаете, сейчас, особенно после событий этого года общество такое запуганное, не знает, что будет; тревоги, тревожность... (СПб., волонтеры)

Формируется фон тревожных ожиданий.

— Мне кажется, мы увидим больше ограничений, более жесткая политика внутренняя, мне кажется, будет. Больше нас ограничат во всем — в свободе передвижения, мысли, действий... (СПб., волонтеры)

Но наблюдатели отмечают и мобилизующий эффект возникающей ситуации.

— Я считаю, что за счет ковида у кого-то впервые открылись глаза, и люди увидели, скажем так, реальное отношение государства к ним. И даже те люди, которые вообще политикой не интересовались, они стали ею интересоваться. (Москва, протест)

— Значит, мой прогноз такой: если наша оппозиция в конце концов каким-то образом очухается и начнет говорить о том, что власть не справляется ... вообще ни с чем, в частности с медициной ... то, возможно, каким-то образом коронакризис сработает в плюс оппозиции... (Москва, протест)

Заинтересованные наблюдатели отмечают рост гражданской активности в делах, которые не связаны с эпидемией.

— Я смотрю на Немцов мост, на пикеты — я вижу новых людей. Новые люди появляются. А этого давно не было. (Москва, протест)

Протесты в Беларуси. Их восприятие в России

Контекстом для происходящих в России событий были протесты в Хабаровске и Беларуси. Мы выясняли, как эти процессы воспринимаются в столицах, какое влияние они оказывают на происходящее в РФ.

Власти Хабаровска демонстративно игнорировали волю горожан как граждан, избирателей. В ответ горожане долго и настойчиво демонстрировали в ходе уличных манифестаций и собраний свой протест. По длительности и упорству акции жителей Хабаровска были самыми заметными в России. Вот реакция москвичей — участников московских акций протеста.

— То, что происходит в Хабаровске, — это стратегически правильно. То есть это пробуждение такого ... гражданского сознания, самосо-

знания нации, которого у нас очень не хватает. (Москва, протест)

Однако в обществе в целом поддержка хабаровских протестов была умеренной. Вот данные всероссийских опросов «Левада-центра» см. в таблице.

Протесты в Беларуси вызвали у россиян еще меньше энтузиазма¹.

Возникает вопрос, насколько и как этот моральный и политический опыт «братского народа» воспринят в России.

Данные всероссийского опроса показали, что даже в молодой части российского общества, где сторонников белорусской оппозиции в 2 раза больше, чем сторонников «последнего диктатора Европы», основная часть опрошиваемых устранилась от принятия чьей-либо стороны.

Модельное сходство ситуаций в Беларуси и России не вызвало в России ни волны солидарности, ни подъема аналогичных движений. В Москве у посольства Беларуси состоялись акции в поддержку белорусских демонстрантов, но этим дело ограничилось. Максимум отмечаемой на фокус-группах положительной реакции таков:

— Мне кажется, это вдохновит. (СПб., протест)

Вот мнения российских оппозиционно настроенных граждан о позитивном воздействии белорусского примера.

— Россияне видят это — в прямом эфире, если захотят, могут видеть. Об этом много говорят.

Они обсуждают, думают и примеряют эту ситуацию на себя, на нас, на Россию. Я считаю, это очень важно, чтобы люди видели, что мирный протест может, что он делает, как это сложно, и я надеюсь, что увидят результат. Ну, добьются победы, не добьются — не знаю, но, надеюсь, что результат какой-то увидят. (Москва, протест)

— Идет активная дискуссия: а вообще, мирный протест, как он должен побеждать? Как он будет побеждать в России? Идет поиск методов и путей: что делать в такой ситуации? (Москва, протест)

Но более распространенными оказались другие реакции, учитывающие параллелизм ситуаций в этих двух странах. Возникает род испуга.

— Люди начинают проводить аналогию. А что будет, если такое случится в России? Что будет, если вдруг у нас найдется человек, который реально дойдет там до победы или с какой-то долей вероятности вообще его назовут победителем президентских выборов? (Москва, протест)

(Заметим, это предположение сделано еще до того, как произошла история с А. Навальным, которого теперь многие начинают примерять на место кандидата в президенты и сами же в испуге от этой перспективы.)

Вот монолог респондента, который уверен, что события в Беларуси окажут очень сильное влияние на происходящее в России:

— Там оппозиция консолидировалась, у них там один штаб, все друг другу помогали. А у нас

В Хабаровске с 11 июля продолжаются массовые акции протеста. Как вы относитесь к людям, которые выходят на эти акции протеста?	Август 2020 г.	Октябрь 2020 г.
Скорее положительно	47%	43%
Нейтрально, безразлично	32%	40%
Скорее отрицательно	16%	14%
Затрудняюсь ответить	5%	4%

На чьей стороне ваши симпатии: А. Лукашенко или протестующих?	Сентябрь 2020 г.	Октябрь 2020 г.
На стороне А. Лукашенко	43%	38%
На стороне протестующих	18%	21%
Ни на той, ни на другой стороне	36%	38%
Затрудняюсь ответить	4%	3%

¹ Опросы проведены в августе и октябре 2020 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом около 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных.

оппозиция вообще абсолютно расколотая, нет ни широкого фронта, ни единой кампании — ничего даже близко. Никто из тех, кого я знаю, не верит, что возможна такая консолидация, как в Беларуси. Так что я считаю, что [демотиви-

рующее] влияние очень сильное. (Москва, протест).

Ожидаемое влияние — не вдохновляющее, а угнетающее, демобилизующее, говорящее о невозможности повтора в России «белорусского варианта», причем с точки зрения не властей, а самой оппозиции.

Аналогия ситуаций признается, но действенные выводы из нее предоставляется (хотя бы мысленно) делать властям, а не участникам протестов.

О том, что белорусский пример именно своей относительной успешностью вызывает не вдохновение, а уныние, говорят многие.

— Ну, это может добавить некоторого временного уныния части общества, но глобально это ни на что не повлияет. (СПб., протест)

Многочисленны (вполне резонные) опасения, что успехи белорусской оппозиции будут вызывать усиление давления на оппозицию в России.

— Я думаю, что это ужесточит рамки внутри России и ... начнется закручивание гаек (СПб., протест)

— Я думаю, что наша власть посмотрит на это и будет вести себя так, чтобы у нас этого не произошло. (СПб., протест)

— Ну, это вдохновит. Вдохновит ОМОН, спецслужбы и силовиков. Я вообще не знаю, что будет. Я думаю, это будет ужасно. (СПб., протест)

На белорусских протестантов возлагается ответственность за то, что в России будут усилены репрессии.

— Эти протесты ведут к тому, что у нас быстрее идет ужесточение режима. (Москва, протест)

О том, что большинство россиян гораздо охотнее симпатизируют белорусскому президенту, чем тем, кто выступает против него, свидетельствовали приведенные выше данные массовых опросов. Но и российская оппозиция в такой ситуации внутренне ассоциирует себя скорее с российской властью, чем с белорусской оппозицией. «Имперский синдром» характерен не только для лояльного большинства, но и для оппозиционного меньшинства. Обратим внимание на это «мы».

— Пока мы существуем как, так сказать, империя — мы никого не отпустим. Ни Белорусию, ни Армению, ни Украину толком, никого. Шансов ни у кого нет. (Москва, протест)

Характерно, что часть респондентов прогнозировала отсутствие влияния белорусских событий на российские.

— Я считаю, что [влияния не будет] никакого, потому что то, что происходило в других бывших советских республиках, никак не повлияло, а почему Беларусь [повлияет]? (СПб., протест)

— Я думаю, на самом деле ... не особо оно какое-то влияние окажет. (СПб., протест)

А вот респондент из числа участников российских протестных демонстраций выражает опасение, что пример успешных демонстраций в Беларуси ведет к расколу в российском обществе.

— Ну, во-первых, это раскол ... внутренний раскол нашей страны на тех, кто, соответственно, поддерживает одну силу или другую силу. То есть даже внутри семьи уже начинаются диспуты «ты за кого?» и т.д.

Следует обратить внимание, что такой раскол представляется автору реплики негативным явлением и предпочтительно сохранение единства в семье и обществе. Между тем оно возможно лишь как сохранение нейтрально-лояльного отношения к президентской власти и в Беларуси, и в России. По сути, респондент внутренне выбирает именно это.

Второе, на что заставляет обратить внимание эта реплика, — аналогия с отношением россиян к событиям на Украине в ходе «Оранжевой революции» и «майданов». Не раз в этих обстоятельствах политический расклад в соседнем государстве — противостояние коррумпированной власти и общества, порыв в сторону демократии и его подавление и пр. — напрашивался на параллели с ситуацией в России. Российский истеблишмент сделал все, чтобы скомпрометировать такие параллели. Главный ход в этой игре — операция «Крым»¹. Как известно, отношение к присоединению Крыма тем способом, каким оно было исполнено, произвело в российском обществе острейший раскол, выразившийся в конфликтах в семьях, среди друзей и т.п. Эта травма явно еще не изжита, и «белорусский случай» внушает респондентам опасение повтора этой ситуации. Ясно, что быть на стороне противников Лукашенко означает в перспективе обречь себя на ту же роль маргиналов, какая есть у сохраняющих мнение, что Крым «не наш».

¹ Ясно, что власти опасались за участь режима. Но история последних 70 лет показывает, что политические освободительные импульсы из центра бывшей сталинской империи часто амплифицировались, отдавались мощной реверберацией в ее бывших владениях. Однако аналогичные импульсы от периферии в бывшем центре отзывались лишь в небольших маргинальных группах. Это подтвердилось и реакцией в России на события в Беларуси. К трансформациям в России может привести только логика ее внутренних социальных процессов.

Заключение. Гражданское общество как феномен экстраповседневности

Что между тем происходило в Беларуси с точки зрения интересующих нас процессов формирования и функционирования гражданского общества?

В интервью из Минска наблюдатели и участники событий подчеркивали особую атмосферу единения и гордости за себя как нового единства.

— *Люди как-то почувствовали единство. Какие-то пожертвования, какая-то помощь: это и коронавирус, и какие-то [другие] трудности. Вот это такой момент, что люди начали гордиться, в принципе, друг другом за то, что они отстаивают какое-то дело...*

— *Ну, эмоции! Это ощущение такого драйва и солидарности... Какого-то душевного подъема на фоне именно массовости и ... как бы сказать ... позитивного посыла. Вот ты идешь по городу и видишь людей, с которыми хочется жить вместе.*

Эти состояния — вполне особые (экстраповседневные) — анализирует директор «Левада-центра» Л. Гудков в интервью германскому журналу *Osteuropa*¹.

«Голосовать против диктатора требует больших внутренних усилий, надо преодолевать не столько укоренившийся страх перед полицией, КГБ, неизбежными неприятными последствиями на работе, сколько чувство внутреннего дискомфорта из-за нарушения норм коллективного заложничества, конформизма (сознание собственной нелояльности — “мыслепреступления”, если вспомнить выражение Оруэлла).

Но те, кто решился на такой шаг сломом “железного панциря” пассивного самоустранения из политики и сознания безальтернативности сложившегося порядка, очень повысили уважение себе, а увидев, что подобных людей много, испытали трудно передаваемое чувство коллективной эйфории и воодушевляющей солидарности. Люди поверили в то, что их будет все больше и больше, что они — сила, притягивающая других. Экстраординарная мобилизации противников Лукашенко сама по себе оказалась фактором освобождения от страха. Она ломала привычное состояние “наученной беспомощности”, меняла представление о времени — появлялась надежда на изменение страны в целом, широкая перспектива жизни, свободной от произвола и насилия, а значит — и новые мотивы действия.

Другими словами, часть белорусского общества пришла в состояние возбуждения, в котором меняются знаки ценностных представлений. Повседневный цинизм и глубоко запрятанное хроническое чувство унижения внезапно сменились сознанием своего достоинства и решительностью его защиты. Цинизм не исчез, а был как бы взят в скобки на внеповседневное время протеста. <...>

Именно в таком возбужденном состоянии ... поднимаются или выходят на первый план нормы и регулятивы экстраповседневного характера — то, что составляло как бы крайний, страховой, “неприкосновенный запас” человеческой морали. Все, что было невозможно в обыденных ситуациях пассивного подчинения, в атмосфере праздничного единства, возвышающего ощущения собственного достоинства и свободы, мгновенно распространяется и захватывает все новые и новые группы населения. Разрешение самим себе быть таким, как хочется видеть себя, уважать себя, становится фактором радикального изменения атмосферы, по крайней мере в городах, в зонах массовых акций и манифестаций. Жестокости, демагогии и лживости власти противопоставляется гуманность и порядочность, подчеркнутое соблюдение норм правильного поведения...»

В опыте участников российских акций протеста, в особенности больших митингов на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве зимой 2011–2012 гг., это переживание единства и особого чувства взаимного уважения и достоинства между свободными людьми также периодически возникало. На митингах эта атмосфера — назовем ее атмосферой свободы и гражданского единства — держалась в течение 1–3 часов. На «прогулках» по московским бульварам она могла держаться несколько дольше. Среди участников акции «Оккупай Абай» она поддерживалась несколько дней.

Анализ различных документальных и художественных источников показывает, что состояние свободы и гражданского единства, состояние временного гражданского общества возникает в чрезвычайных обстоятельствах отделения какой-то части общества от остального социума и — ключевое условие — от государства². Ю. Левада, вероятно, был одним из первых в России, кто отмечал феномены фор-

¹ URL: <https://www.levada.ru/2020/09/03/vlast-i-nasilie/>

² Здесь не будут неуместными аналогии с различными вариантами коммун. Можно полагать, что именно подобные варианты социальности представлялись, что объяснимо, идеалом общественного устройства П. Кропоткину и его последователям.

мирования гражданского общества в экстраординарных обстоятельствах в Праге весной 1968 г. и на Майдане в Киеве в 2004 г. Автору довелось наблюдать полноценную форму временно-го гражданского общества как экстраординарного состояния в Междуреченске в 1989 г. в ходе грандиозной шахтерской забастовки. Советские власти бежали, а в городе царил одновременно высочайший духовный подъем и образцовый порядок. Город был под полным строгим контролем шахтерского стачечного комитета, объявившего, в частности, «сухой закон». Однако эти социальные состояния, в терминах Л. Гудкова «экстраповседневности», в наших обстоятельствах имели характер социальных эфемерид, они могли длиться лишь ограниченное время, поскольку не содержали в себе структур, позволяющих их воспроизводство.

В этой связи обратим внимание на мнение белорусских коллег, которые полагают, что состоявшиеся изменения в характере белорусской общественности станут постоянной чертой.

— *Очень хорошо, что ничего не произошло сразу и что за это время вот уже третий месяц происходит формирование гражданского общества, которое просто-напросто гарантирует, что больше лукашенок не будет. Потому что люди, которые говорили: «Что я могу один? Что я могу сделать? Что мы можем изменить?», — они вдруг почувствовали, что каждый из них может что-то решать. Начиная вот тут же, во дворах... Вышли, собрались, что-то сделали. До этого (было невозможно) представить себе, что люди в 20-этажках общаются... Причем не просто один дом, а общаются несколько 20-этажек вокруг, выходят на улицу, пьют чай, пристраивают животных, выносят что-то, друг другу помогают... Сложно было это представить себе еще три месяца назад. Сейчас это происходит, и уже это говорит, что пути назад нет.*

Это фрагмент рассказа о том, как из этих форм внутривдорового, соседского общения вырастали новые для Минска формы уличного протеста. Люди выходили на демонстрации уже не поодиночке и не дружескими группами, а дворами. Двор стал социальной единицей с элементами общины/коммуны. Совместные чаепития задали формы гражданской и политической самоорганизации. Известно, что в событиях в Беларуси особо проявилась роль женщин. Подчеркнем, что и в формировании описываемых гражданских структур виден «женский профиль». И это придает им особую силу.

Стоит вспомнить, что и в России первой организацией, к которой в наибольшей мере применимы мерки «гражданского общества», был Комитет солдатских матерей, созданный в 1989 г. Далее возникшие многочисленные организации взаимопомощи семей, где дети страдают тяжелыми заболеваниями, также создавались по преимуществу женщинами.

В российской (и близкой к ней белорусской) социальной культуре женская роль в экстраординарных обстоятельствах отличается от мужской как подчиненная, пассивная, слабейшая. Но для обстоятельств бедствия есть социальные программы, построенные на противоположных началах. Они позволяют женщинам совершать не только то, на что не решаются мужчины, но и то, что мужчины им не могут не разрешить, в том числе и при исполнении служебных обязанностей начальников, командиров и пр. Это, в частности, позволяло активисткам из числа солдатских матерей пресекать линии фронта, проникать туда, куда мужчинам хода не было. Поэтому же в российскую свободную прессу пришло поколение женщин-журналисток, авторов громких расследований и разоблачений.

Эта не гарантированная ничем, кроме экстраординарной культурной нормы, защита спасала не всех. Осознавшие ситуацию власти имущие начали применять против женщин-активисток жестокие меры репрессий, вплоть до убийств. В мартирологе гражданских активистов в России множество женских имен.

Разумеется, и протест в Беларуси, ярко окрашенный участием женщин, — не «бабий бунт», а полноценное гражданское движение, где гендерные роли суть разновидности ролей граждан. Именно это одушевляет участников.

— *Понимаете, с моей точки зрения, люди, здесь живущие, начинают чем-то себя осознавать и обретать какое-то чувство собственного достоинства. То, чего раньше я, живя в Беларуси и любя ее, откровенно говоря, как-то не сильно-то и наблюдал. Ну а сейчас, когда человек начинает понимать, что он не один и что его мнение вообще что-то значит и что-то решает... Это уже, согласитесь, другой статус. Это изменить очень сложно, что бы там дальше ни было. Это то, что остается навсегда.*

Социологам необходимо пристально наблюдать за этими процессами, чтобы установить, происходит ли в белорусском социуме формирование гражданского общества как постоянной структуры, а не как моментального состояния.

Алексей ЛЕВИНСОН
Любовь БОРУСЯК

Демография и социология

Памяти Анатолия Григорьевича Вишневого

1 апреля 1935 — 15 января 2021

Анатолий Григорьевич Вишневский — не только ученый-демограф, но также и социальный мыслитель. Это вполне проявилось в том, как он подходил к проблемам демографической революции, которыми занимался практически полвека. В СССР он был одним из первых, кто отстаивал теорию, вызывавшую бурные споры. Уже в 1976 г. вышла его книга, которая так и называлась — «Демографическая революция». Постепенно споры затихли, сегодня концепция демографической революции / демографического перехода не вызывает сомнений ни у кого из демографов. В 2014 г. Институт демографии НИУ ВШЭ по инициативе А. Вишневого начал издавать журнал «Демографическое обозрение», который быстро стал ведущим журналом в этой научной сфере и главным редактором которого он был. Первый номер журнала от-

крывался статьей «Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*». Преамбула к этой статье начинается такой ответственной формулой: «Демографическая революция (демографический переход) приводит к изменению репродуктивной стратегии *Homo sapiens*... Этот универсальный переворот имеет исключительное значение для современного этапа человеческой истории».

Слова «крупный ученый» в полной мере применимы к А. Вишневскому уже потому, что проблемы, которыми он занимался, в частности названная проблема «демографической революции», принадлежат к проблемам крупного, если не предельного порядка. Серьезному социальному ученому нашего времени редко приходится оперировать такими категориями, как «человечество», «эволюция жизни». А. Вишнев-

ский брался за решение вопросов именно такого, всемирно-исторического, как некогда говорилось, масштаба. Для социологов (которым давно уже не приходится трактовать проблемы такой размерности) в высшей степени интересно, что демограф Вишневский в обсуждении ключевых проблем демографического перехода обращается к категориальному аппарату социологии и к социологическим способам объяснения феноменов массового поведения. И характерно, что демограф Вишневский свою полемику с демографом же намеренно выносит на страницы социологического журнала¹.

Если для демографа при обсуждении вопросов демографического перехода полезны социологические инструменты, то симметричным порядком для социологов весьма полезны наблюдения демографов над типами воспроизводства населения, характерными для разных фаз демографического перехода. Многодетность и малодетность, как отмечал и А. Вишневский, регулируются по-разному устроенными ценностными системами. В одном случае ведущая социальная ценность — род, народ, коллективное целое, трансляция существования социума, социальное воспроизводство — осуществляется через поддержание существования этого коллективного целого, индивидуальное существование ему, безусловно, subordinировано. В другом случае ведущей социальной ценностью является индивид, социальное воспроизводство реализуется через цепочки воспроизводства индивидов как носителей социальной информации, как агентов социальности.

Нам хорошо знакомо это противопоставление как оппозиция коллективизма и индивидуализма, где первое — атрибут «нашего», а второе — черта «их» общества. Соображение, что и нашему социуму предстоит перейти от одного уклада к другому, такой дискурс вместить не в состоянии.

Для российского ученого с мировым кругозором — а таковым был А. Вишневский — ясна и жгучая актуальность этой оппозиции для множества дискуссий о судьбах отечества, и ее

отнодь не наш местный, из нашей уникальной истории происходящий, характер, а ее принадлежность к универсалиям демографического перехода, который есть судьба всех этносов, всех обществ на Земле. С этих позиций А. Вишневский подходил к анализу демографических процессов и в России, и в мире.

Конечно, его научные интересы не ограничивались только теорией демографического перехода. Он много занимался изучением смертности, коллектив его института в 2017 г. выпустил замечательную книгу «Смертность от внешних причин в России с середины XX века», научным редактором которой он являлся. Это первое полное и подробное исследование непростой тематики в нашей стране.

Анатолию Григорьевичу принадлежит заслуга в сохранении лучшего, что было в отечественной демографии. Несмотря на множество сложностей, ему удалось создать и многие годы руководить сильнейшим в нашей стране коллективом демографов, а с 2007 г., когда был создан Институт демографии НИУ ВШЭ, начать подготовку высококвалифицированных демографов, по уровню профессионализма не уступающих выпускникам лучших университетов мира.

Особо хочется отметить вклад Анатолия Григорьевича и его коллег в популяризацию демографии как науки и в формирование правильных представлений о демографических процессах, в борьбу со спекуляциями в этой сфере. А. Вишневский постоянно выступал в СМИ о происходящем с демографическими процессами в стране и мире, об их причинах и о социально-экономических последствиях. Это была его форма участия в дискуссиях, далеко выходящих за пределы академического поля и попадавших в область властных отношений, например, когда российские власти пытались остановить депопуляцию, стимулировать рождаемость. Были демографы, которые заверяли в успешности этих мер. Говорить обратное в таких обстоятельствах непросто, но А. Вишневский это делал, он был честный ученый.

¹ Вишневский А.Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 93–104.

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

От редакции

Внутренняя «кухня» исследователей — обычная практика обсуждения текущих вопросов организации исследования, влияния выборки, особенностей различных техник и методик опросов — редко когда оказывается в поле внимания специалистов, не говоря уже о широкой публике. Отсутствие интереса не только к различиям в практиках и технологиях эмпирических исследований, но и к используемому теоретическому или концептуальному инструментарию ведет к консервации невежества, недоверия к полученным знаниям, компенсиремых демагогией многочисленных «специалистов», «социологов», дилетантов-«аналитиков», журналистов. Изменить это положение вещей вряд ли возможно, учитывая специфику институциональной организации и обслуживающий, прикладной характер российской социологии.

Но проблемы качества получаемых данных и трудностей интерпретации остаются для тех, кто, как, писал Макс Вебер, служит прежде всего делу. Эти вопросы, включая анализ различных методических экспериментов, являются главными на наших рабочих семинарах в «Левада-центре», хотя результаты подобных обсуждений крайне редко появляются на стра-

ницах нашего журнала. В этом номере мы попробуем сломать эту практику. Предметом обсуждения стали различия в ответах респондентов, полученных путем личного интервью по месту жительства (обычная методика наших исследований) и телефонных опросов (САТИ). В данном случае поводом для обсуждения стало заметное увеличение доли затрудняющих с ответом при телефонных опросах, проведенных во время пандемии. Более ранние сопоставления обеих методик, которые проводила О. Караева, показывали среди прочего, что «телефонники» дают несколько более лояльные ответы по отношению к власти (примерно на 4–6% больше, в сравнении с обычными личными интервью). Опросы 2020 г. показывают иную картину. Расхождения пока трудно объяснить, возможны различные версии и интерпретации, такие как особенности контактов интервьюера во время общения личного или анонимного по телефону. Но, возможно, сказывается и изменения общей ситуации, рост социального раздражения или какие-то другие факторы. Во всяком случае эти вопросы должны стать предметом профессионального обсуждения, к чему мы и приглашаем наших коллег-социологов.

Екатерина КОЗЕРЕНКО

Сравнение социально-демографических характеристик при разных методиках опроса, F2F и CATI

На протяжении многих лет «Левада-центр» ежемесячно проводит исследование «Курьер» — опрос омнибусного типа по четырехступенчатой репрезентативной выборке городского и сельского населения России. Всего в исследовании опрашивается 1600 человек в возрасте 18 лет и старше. Подробное описание методики опроса можно посмотреть на сайте levada.ru. Опрос проводится методом личного интервью (F2F) на дому у респондента. Однако в 2020 г. из-за тяжелой эпидемиологической обстановки «Левада-центр» частично перешел на телефонные опросы (CATI). В итоге стандартным F2F-методом респонденты опрашивались в трех волнах в начале года, с января по март, и в четырех — с августа по ноябрь. В остальные месяцы, с апреля по июль и в декабре 2020 г., а также в январе 2021 г., опросы проводились с применением CATI-технологий. Применение разных методик привело к некоторым изменениям в содержательных вопросах, и тем самым возникла задача сравнения этих методик. Сравнение проводилось по объединенным массивам, в результате объединенный массив данных, полученный с применением F2F-технологий, насчитывает 11 255 респондентов, а массив данных, полученный с применением CATI-технологий, — 9696 респондентов.

Сравнение линейных распределений

Стандартная обработка собранного массива данных включает в себя «взвешивание» по полу, возрасту, образованию и типу населенного пункта (НП). Поэтому линейные распределения по этим характеристикам сравнивать не имеет смысла, так как в результате взвешивания рас-

пределения совпадают при обеих методиках. Но, несмотря на взвешивание, в массивах есть заметные отклонения от данных официальной статистики по уровню образования.

Оба метода по сравнению с официальными данными дают перебор респондентов с профессиональным образованием и недобор респондентов без образования. Я бы объясняла это тем, что официальная статистика по уровню образования сильно устарела (в основе расчетов — данные переписи 2010 г.). Пока не пройдет очередная перепись, а другого источника данных об образовании нет, придется с этим мириться. При анализе — рассматривать две группы: высшее / прочее.

Если смотреть линейные распределения по роду занятий, доходам и материальному положению, то некоторые различия есть:

- По роду занятий в CATI-опросе по сравнению с F2F-опросом:

- ✓ **немного больше** (на 3%) предпринимателей и руководителей;
- ✓ **немного меньше** (на 6%) специалистов и служащих;
- ✓ по остальным группам разница минимальная в пределах 1–2%.

- По доходам в CATI-опросе по сравнению с F2F-опросом:

- ✓ **меньше отказавшихся** или затруднившихся назвать доход (7% в CATI против 11,6% в F2F);
- ✓ **больше с низким доходом**, до 35 тыс. руб. (53,3% в CATI против 43,4% в F2F);
- ✓ **меньше со средним и выше среднего доходом**, от 35 до 100 тыс. руб. (34% в CATI против 41,6% в F2F);

	F2F		CATI		Стат. данные
	Среднее по массиву	Отклонение	Среднее по массиву	Отклонение	
Высшее	29	0	30	0	29
Профессиональное	49	11	49	11	38
Прочее	21	–11	21	–11	33

- ✓ **больше с высоким доходом**, от 100 тыс. руб. (5,8% в САТИ против 3,4% в F2F).
- По материальному положению в **САТИ-опросе по сравнению с F2F-опросе**:
 - ✓ **практически одинаково совсем бедных** («денег хватает только питание» — 18% в САТИ против 16,2% в F2F);
 - ✓ **самая большая разница (на 12,3% меньше)** в группе «хватает на питание и одежду» (36,2% в САТИ против 48,5% в F2F);
 - ✓ **практически одинаково** в группе «хватает на питание, одежду и холодильник» (23,6% в САТИ против 23,9% в F2F);
 - ✓ **больше «богатых»** — «могут купить авто и могут ни в чем не отказывать себе» (12,4% в САТИ против 6,4% в F2F).

Таким образом, складывается впечатление, что **САТИ-опрос** захватывает более широкую группу по доходам, а респонденты **РЕЖЕ** отказываются называть свои доходы.

- По вопросам «одобрения» в **САТИ-опросе по сравнению с F2F-опросе**

- ✓ **Доли З/О устойчиво больше при САТИ-опросе**:
 - по вопросу «в правильном направлении движется страна» (16,1% в САТИ против 9,1% в F2F);
 - по вопросу одобрения В. Путина (6,6% в САТИ против 1,1% в F2F);
 - по вопросу одобрения М. Мишустина (23,6% в САТИ против 7,2% в F2F);
 - по вопросу одобрения губернатора (10,2% в САТИ против 2,9% в F2F).
- ✓ **Доли критически настроенных, «не одобряющих», устойчивы и практически не меняются** при различных методиках опроса:

- по вопросу «в правильном направлении движется страна» (42,2% в САТИ против 40,6% в F2F);
- по вопросу одобрения В. Путина (33,7% в САТИ против 32,2% в F2F);
- по вопросу одобрения губернатора (30,4% в САТИ против 33,3% в F2F).
- ✓ **Доля «одобряющих» устойчиво падает с ростом З/О** при различных методиках опроса:
 - по вопросу «в правильном направлении движется страна» (41,8% в САТИ против 50,3% в F2F);
 - по вопросу одобрения В. Путина (59,6% в САТИ против 66,7% в F2F);
 - по вопросу одобрения губернатора (59,5% в САТИ против 63,7% в F2F).

Исключение составляет вопрос **«Вы в целом одобряете или не одобряете первые действия М. Мишустина на посту председателя правительства России?»**, по которому в САТИ-опросе при большой доле З/О (23,6%) падает и «одобрение» и «не одобрение».

Таким образом, популярная гипотеза о том, что критически настроенные респонденты уходят в З/О из опасений, что опросы могут носить фискальный характер, не подтверждается. Скорее те, кто не следит за политикой, для которых эта проблематика не актуальна, склонны давать социально одобряемые ответы. И этот эффект более отчетливо виден в **F2F-опросе по сравнению с САТИ-опросе**. По всей видимости, когда респондент разговаривает с интервьюером лично, ему сложнее сказать, что вопросы политики его не интересуют и он в них не компетентен, по телефону такой ответ дать проще.

		F2F	САТИ
1. ВВы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или вам кажется, что страна движется по неверному пути?	Затрудняюсь ответить	9,1	16,1
	Дела идут в правильном направлении	50,3	41,8
	Страна движется по неверному пути	40,6	42,2
2А. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента России?	Нет ответа	1,1	6,6
	Одобряю	66,7	59,6
	Не одобряю	32,2	33,7
2D. Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность губернатора вашей области? (президента республики, в Москве нынешнего мэра)	Нет ответа	2,9	10,2
	Одобряю	63,7	59,5
	Не одобряю	33,3	30,4
2В. Вы в целом одобряете или не одобряете первые действия М. Мишустина на посту председателя правительства России?	Нет ответа	7,2	23,6
	Одобряю	54,9	49,0
	Не одобряю	37,9	27,3

Сравнение таблиц

Сопоставление групп за / против / за по вопросу «дела идут в правильном направлении» по социально-демографическим характеристикам при разных методиках опроса, F2F и CATI.

Распределение по полу

✓ В F2F-опросе группы «все правильно» и «все не так» не различаются и воспроизводят структуру взрослого населения. В группе «затруднившихся» доля мужчин меньше, чем в среднем по РФ, а доля женщин больше.

✓ В CATI-опросе картина другая. Группа «затруднившихся» имеет ту же структуру, что и при F2F-опросе, а вот группы «все правильно» и «все неверно» различаются. В группе «все правильно» доля женщин выше, чем в среднем по РФ, а в группе «все неверно» выше доля мужчин.

Непонятно, почему CATI-опрос и F2F-опрос дают разные структуры по полу в вопросе «дела идут...». Любой из вариантов объясним.

Распределение по возрасту

✓ В F2F во всех трех группах есть отличия распределения этих групп по возрасту от возрастной структуры взрослого населения РФ в целом.

➤ В группе «все правильно», по сравнению со средней по РФ, **превышена доля старшей 55+ группы**, в основном за счет группы 25–39, соответственно в группе «все не так» эта группа (55+) **меньше**, чем в среднем по РФ, и тоже в основном за счет группы 25–39.

➤ Среди «затруднившихся», так же как и в группе «все правильно», **превышена доля старшей группы 55+**, однако в этой группе это превышение компенсируется за счет всех остальных групп более или менее равномерно.

✓ В CATI

➤ В двух группах, «все правильно» и «все не так», сохраняется та же тенденция, что и в F2F, с той разницей, что все отклонения от среднего больше. Так, в группе «все правильно» доля старшей группы 55+ превышает среднее по РФ на 12% против 4% в F2F-опросе, а доля группы 25–39 меньше на 6% против 3% в F2F-опросе.

➤ Среди «затруднившихся» в CATI, в отличие от «затруднившихся» в F2F, незначительно (на 3%) превышена доля 40–54-летних за счет всех остальных возрастных групп.

В целом возрастная структура «затруднившихся» больше похожа на структуру группы «все правильно», чем на структуру группы «все не так».

При этом необходимо помнить, что в F2F-опросе ошибка выборки для группы «затруднившихся ответить» составляет 4,5%, а в CATI-опросе — 2,5%. В группах «все правильно» и «все не так» ошибка выборки меньше за счет большего объема этих групп и составляет 2% в F2F-опросе и 1,5% в CATI-опросе.

Распределение по образованию

Структура по образованию во всех рассматриваемых группах близка к среднему по РФ, как при F2F-опросе, так и в CATI-опросе.

✓ При F2F-опросе во всех трех группах — «все правильно», «все не так» и «затруднившиеся» — распределение по образованию такое же, как и в среднем по России. Максимальное отклонение на 2% в группе «затруднившихся» находится в пределах ошибки выборки.

✓ Максимальное отклонение в CATI-опросе в группе «все не так», в ней на 3% больше респондентов с высшим об-

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

	Дела идут в правильном направлении	Отклонение от стат. данных	Страна движется по неверному пути	Отклонение от стат. данных	Затрудняюсь ответить	Отклонение от стат. данных	Стат. данные
F2F							
Мужской	44,9	–0,2	46,7	1,6	38,9	–6,2	45,1
Женский	55,1	0,2	53,3	–1,6	61,1	6,2	54,9
CATI							
Мужской	39,0	–6,2	53,8	8,7	38,5	–6,6	45,1
Женский	61,0	6,2	46,2	–8,7	61,5	6,6	54,9

разованием по сравнению со средним по РФ. В группах «все правильно» и «затруднившихся» доля респондентов с высшим образованием ниже на 2%, т.е. практически такая же, как в среднем по РФ, отклонение на 2% находится в пределах ошибки выборки.

Можно сказать, что ответы на вопрос «дела идут...» от образования не зависят.

Распределение по типу поселения

✓ В F2F-опросе структура расселения в двух группах, «все правильно» и «все не так», с точностью до 1% воспроизводит структуру расселения взрослого населения РФ. Только в группе «затруднившихся» доля москвичей ниже почти на 6%, чем в об-

щем по РФ. Неожиданно то, что в этой группе выше доля жителей крупных городов (500+), чем в среднем по РФ.

✓ В CATI-опросе наоборот:

- группа «затруднившихся» по своей структуре совпадает со структурой расселения РФ в целом;
- в группе «все правильно» меньше на 3% жителей крупных (500+) городов, а жителей сел на 3% больше, чем в среднем по РФ;
- в группе «все не так» зеркальная картина. В этой группе больше на 3% жителей крупных (500+) городов, а жителей сел почти на 4% меньше, чем в среднем по РФ.

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

	Дела идут в правильном направлении	Отклонение от стат. данных	Страна движется по неверному пути	Отклонение от стат. данных	Затрудняюсь ответить	Отклонение от стат. данных	Стат. данные
F2F							
Кол-во респ.	5 657		4 572		1 026		
18–24	8,3	–0,1	9,5	1,1	6,5	–1,9	8,4
25–39	26,5	–3,3	34,9	5,2	27,6	–2,1	29,8
40–54	24,2	–0,9	26,5	1,4	24,1	–1,1	25,1
55+	40,9	4,2	29,1	–7,6	41,9	5,1	36,7
CATI							
Кол-во респ.	4 050		4 088		1 559		
18–24	5,1	–3,3	10,5	2,1	7,0	–1,4	8,4
25–39	24,0	–5,7	37,3	7,5	29,2	–0,5	29,8
40–54	22,0	–3,2	26,9	1,8	28,2	3,1	25,1
55+	48,9	12,2	25,3	–11,4	35,6	–1,2	36,7

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

	Дела идут в правильном направлении	Отклонение от стат. данных	Страна движется по неверному пути	Отклонение от стат. данных	Затрудняюсь ответить	Отклонение от стат. данных	Стат. данные
F2F							
Кол-во респ.	5 657		4 572		1 026		
Высшее	29,32	0,0	30,05	0,7	27,19	–2,1	29,31
Прочее	70,68	0,0	69,95	–0,7	72,81	2,1	70,69
CATI							
Кол-во респ.	4 050		4 088		1 559		
Высшее	27,32	–2,0	32,53	3,2	27,26	–2,1	29,31
Прочее	72,68	2,0	67,47	–3,2	72,74	2,1	70,69

Распределение по доходам

При сравнении групп «все правильно», «все не так» и «затруднившихся» по доходам в рамках каждой методики первое, что обращает на себя внимание, — группы «все правильно» и «все не так» абсолютно идентичны, как в F2F-опросе, так и в CATI-опросе. В этих группах распределение не отличается от линейного распределения по доходам всего массива. Соответственно в этих группах сохраняются те же различия между двумя методиками, что и в линейных распределениях, а именно в CATI-опросе по сравнению с F2F-опросе **больше с низким доходом**, до 35 тыс. руб., и **меньше со средним и выше среднего доходом**, от 35 до 100 тыс. руб.

Немного отличается группа «затруднившихся». В ней и в F2F-опросе, и в CATI-опросе, по сравнению со средним по массиву, выше доля респондентов с низким доходом (до 35 тыс. руб.), ниже доля респондентов со средним и выше среднего доходом (35–100 тыс. руб.) и выше доля не указавших свой доход. В F2F-опросе эти различия более сильно выражены, в CATI-опросе менее, но тенденция со-

храняется.

Распределение по материальному положению

В отличие от распределения по доходам, распределение по материальному положению групп «все правильно», «все не так» и «затруднившихся» различаются.

- ✓ В F2F-опросе в группе «все правильно»:
 - доля «наименее обеспеченных» респондентов ниже, чем в среднем по массиву на 4%;
 - доля «среднеобеспеченных» респондентов, наоборот, выше, чем в среднем по массиву тоже на 4%.
- ✓ В группе «все не так» ситуация противоположная:
 - доля «наименее обеспеченных» респондентов выше, чем в среднем по массиву на 4%;
 - Доля «среднеобеспеченных» респондентов, наоборот, ниже, чем в среднем по массиву тоже на 3%.
 - Интересно, что распределение группы «затруднившихся» по материальному положению больше похоже на

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

	Дела идут в правильном направлении	Отклонение от стат. данных	Страна движется по неверному пути	Отклонение от стат. данных	Затрудняюсь ответить	Отклонение от стат. данных	Стат. данные
	F2F						
Кол-во респ.	5 657		4 572		1 026		
Москва	9,4	0,5	9,4	0,5	3,1	-5,7	8,9
НП более 500 тыс.	22,9	-1,0	24,3	0,4	28,0	4,0	23,9
НП от 100 до 500 тыс.	20,4	0,7	19,0	-0,7	18,7	-1,0	19,7
Город до 100 тыс.	22,2	-0,4	22,9	0,3	23,4	0,8	22,6
Село	25,1	0,2	24,4	-0,5	26,9	1,9	24,9
	CATI						
Кол-во респ.	4 050		4 088		1 559		
Москва	8,1	-0,8	10,1	1,2	7,7	-1,2	8,9
НП более 500 тыс.	20,8	-3,1	27,1	3,2	22,7	-1,3	23,9
НП от 100 до 500 тыс.	19,6	0,0	20,4	0,8	18,6	-1,0	19,7
Город до 100 тыс.	23,8	1,2	20,9	-1,7	23,9	1,3	22,6
Село	27,6	2,7	21,4	-3,5	27,1	2,2	24,9

распределение группы «все не так» с той разницей, что в этой группе отклонения от среднего по массиву несколько больше: доля «наименее обеспеченных» в ней на 7% превышает долю по массиву в целом, а доля «среднеобеспеченных» ниже на 6%.

Доля «наиболее обеспеченных» респондентов в F2F-опросах во всех трех группах неизменна, совпадает со средним значением по массиву в целом и составляет около 6–7%.

В CATI-опросах в группах «все правильно»

и «все не так» сохраняются те же тенденции, но отклонения от среднего значения по массиву немного больше.

✓ В группе «все правильно»:

- доля «наименее обеспеченных» респондентов ниже, чем в среднем по массиву на 6%;
- доля «среднеобеспеченных» респондентов практически такая же, как в среднем по массиву, различие составляет 2%, а ошибка выборки в этой группе составляет 1,5%;

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

Населенный пункт	Среднее по массиву	Дела идут в правильном направлении	Страна движется по неверному пути	Затрудняюсь ответить	Отклонение з/о от среднего
F2F					
До 20 тыс.	19	19	19	24	–5
До 35 тыс.	24	24	24	24	0
До 35 тыс.	43	43	43	48	–5
До 50 тыс.	22	22	23	18	4
До 70 тыс.	11	12	12	8	3
До 100 тыс.	8	9	8	5	3
35–100 тыс.	42	43	42	31	11
До 150 тыс.	2	2	2	1	1
Свыше 150 тыс.	1	1	1	1	1
Свыше 100 тыс.	3	4	3	2	2
Затрудняюсь ответить	7	7	7	13	–5
Отказ от ответа	4	4	4	6	–2
З/о + отказ	12	11	11	19	–8
CATI					
До 20 тыс.	27	26	27	31	–4
До 35 тыс.	26	28	24	26	0
До 35 тыс.	53	54	51	57	–3
До 50 тыс.	18	19	18	16	3
До 70 тыс.	9	9	9	8	1
До 100 тыс.	7	6	8	6	1
35–100 тыс.	34	35	35	30	4
До 150 тыс.	3	2	4	1	2
Свыше 150 тыс.	3	3	3	3	0
Свыше 100 тыс.	6	5	7	4	2
Затрудняюсь ответить	3	3	3	5	–2
Отказ от ответа	4	4	4	5	–1
З/о + отказ	7	6	7	10	–3

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

№ группы		Среднее по мас-сиву	Дела идут в правильном направлении	Страна движется по неверному пути	Затрудняюсь ответить
F2F					
1	Нам не хватает денег даже на питание	5	3	7	6
2	Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	16	14	18	22
	Наименее обеспеченные (1+2)	21	17	25	28
3	Нам хватает денег на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас затруднения	48	49	48	44
4	Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	24	26	21	22
	Среднеобеспеченные (3+4)	72	76	69	66
5	Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	4	4	4	3
6	Мы можем ни в чем себе не отказывать	2	3	2	3
	Наиболее обеспеченные (5+6)	6	7	6	6
7	Затрудняюсь ответить	0	0	0	0
8	Нет ответа	0	0	0	0
CATI					
1	Нам не хватает денег даже на питание	7	5	10	5
2	Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	18	14	22	19
	Наименее обеспеченные (1+2)	25	19	31	24
3	Нам хватает денег на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас затруднения	36	36	36	38
4	Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	24	26	21	23
	Среднеобеспеченные (3+4)	60	62	57	61
5	Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	7	9	7	5
6	Мы можем ни в чем себе не отказывать	5	7	3	4
	Наиболее обеспеченные (5+6)	12	16	10	9
7	Затрудняюсь ответить	2	2	1	4
8	Нет ответа	1	1	1	2

- доля «наиболее обеспеченных» респондентов выше, чем в среднем по массиву на 4%.
- ✓ В группе «все не так»:
 - доля «наименее обеспеченных» респондентов выше, чем в среднем по массиву на 6%;
 - доля «среднеобеспеченных» респондентов ниже, чем в среднем по массиву на 3%;
 - доля «наиболее обеспеченных» респондентов ниже, практически такая же, как в среднем по массиву.

Группа «затруднившихся» в САТИ-опросах по материальному положению по своей структуре практически совпадает — с незначительными отклонениями на 1–3%, что находится в пределах ошибки выборки, — со структурой массива в целом.

Распределение по участию в выборах президента

Сравнение групп «все правильно», «все не так» и «затруднившихся» между собой по участию в выборах президента дает ожидаемый результат. Как в F2F-опросе, так и в САТИ-опросе, респонденты, которые полагают, что «все правильно», чаще участвуют в выборах, чем те, кто считает, что «все не так», однако нельзя сказать, что эта разница принципиальна. В F2F эти различия менее выражены, чем в САТИ, но тенденция сохраняется. Группа «затруднившихся» как в F2F-опросе, так и в САТИ-

опросе, воспроизводит среднее по массиву.

Если сравнивать группы «все правильно» в F2F- и САТИ-опросах, видно, что в САТИ-опросе в этой группе доля принявших участие в выборах президента заметно выше, чем в F2F-опросе (82% в САТИ-опросе против 75% в F2F-опросе).

Структура групп «все не так» по вопросу участия в выборах президента не зависит от метода опроса. В обоих случаях доли принявших участие в голосовании составляют 58–60%. Такая же ситуация в группе «затруднившихся», независимо от метода опроса, доли принявших участие в голосовании практически одинаковые с разницей 3%, что находится в пределах ошибки выборки.

Распределение по голосованию за кандидатов на выборах президента

Сравнивая группы «все правильно», «все не так» и «затруднившихся» по голосованию за конкретных кандидатов, мы видим следующую картину.

- ✓ Среди респондентов, которые полагают, что «**все правильно**», как в F2F-опросе, так и в САТИ-опросе:
 - доля респондентов, проголосовавших за В. Путина, составляет 87%;
 - доли респондентов, проголосовавших за других кандидатов, колеблются от 2 до 5%;
 - наблюдается небольшая разница в доле респондентов, отказавшихся

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

	Среднее по массиву	Дела идут в правильном направлении	Страна движется по неверному пути	Затрудняюсь ответить	Отклонение от среднего			
					F2F			
D1A. Голосовали ли вы на выборах президента России 18 марта 2018 г.?	да	67	75	58	67	8	-10	0
	нет	32	24	41	30	-8	10	-1
	отказ от ответа	1	1	1	2	0	0	1
					САТИ			
D1A. Голосовали ли вы на выборах президента России 18 марта 2018 г.?	да	69	82	56	70	13	-13	1
	нет	30	17	43	28	-13	13	-2
	отказ от ответа	1	1	1	2	0	0	1

отвечать на этот вопрос, 4% в F2F-опросе против 8% в САТИ-опросе.

- ✓ Группы респондентов, которые полагают, что **«все не так»**, и в F2F-опросе, и в САТИ-опросе различаются:
 - доля респондентов, проголосовавших за В. Путина, составляет 47% в F2F-опросе и 38% в САТИ-опросе;
 - заметная разница в доле респондентов, отказавшихся отвечать на этот вопрос: 13% в F2F-опросе против 22% в САТИ-опросе;
 - различия между F2F- и САТИ-опросами в долях респондентов, проголосовавших за других кандидатов (П. Грудина, В. Жириновского и пр.), незначительны и составляют 3–4%.
- ✓ Среди респондентов, **«затруднившихся»** с ответом на вопрос «Дела идут...», картина больше похожа картину в группе **«все правильно»**:
 - доля респондентов, проголосовавших за В. Путина, составляет 73% в F2F-

опросе и 69% в САТИ-опросе, что совпадает со средними значениями по соответствующим массивам;

- различия в долях респондентов, проголосовавших за других кандидатов (П. Грудина, В. Жириновского и пр.), незначительны и составляют 1–2%;
- разница в доле респондентов, отказавшихся отвечать на этот вопрос: 12% в F2F-опросе против 20% в САТИ-опросе.

Таким образом, сравнивая группы «все правильно», «все не так» и «затруднившихся» по вопросу голосования за конкретных кандидатов в президенты, можно увидеть, что, во-первых, как и по другим вопросам, доли отказавшихся отвечать на этот вопрос выше при САТИ-опросе во всех трех группах; во-вторых, как отмечалось выше, различия между группами «все правильно» и «все не так» более выражены в САТИ-опросе; и в-третьих, группа «затруднившихся» по структуре ближе к группе «все правильно», чем к группе «все не так».

ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ СЕГОДНЯ В ЦЕЛОМ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ?

		Среднее по массиву	Дела идут в правильном направлении	Отклонение от среднего по массиву	Страна движется по неверному пути	Отклонение от среднего по массиву	Затрудняюсь ответить	Отклонение от среднего по массиву
F2F								
За кого вы проголосовали на выборах 18 марта 2018 г.?	П. Грудинин	9	3	–6	20	11	7	–2
	В. Жириновский	8	5	–3	13	5	5	–3
	В. Путин	72	87	15	47	–25	73	1
	Прочие	4	1	–3	6	2	3	–1
	Унес(ла), испортил(ла) бюлл. + не хочу отвечать	7	4	–3	13	6	12	5
САТИ								
За кого вы проголосовали на выборах 18 марта 2018 г.?	П. Грудинин	10	2	–8	24	14	6	–4
	В. Жириновский	5	2	–3	10	5	4	–1
	В. Путин	67	87	20	38	–29	69	2
	Прочие	3	1	–2	7	4	1	–
	Унес(ла), испортил(ла) бюлл. + не хочу отвечать	15	8	–7	22	7	20	5

Авторы номера:

Аганбегян Абел Гезович – академик РАН, Председатель Правления Левада-центра

Борусяк Любовь Фридриховна – к.э.наук, ведущий научный сотрудник МГПУ, преподаватель Свободного университета

Воскресенская Екатерина Александровна – к. физ.-мат.наук, аналитик в ООО SmartDec

Воскресенский Федор Александрович – научный сотрудник лаборатории политико-правовых исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант кафедры государственной политики факультета политологии

Гудков Лев Дмитриев – д.филос.наук, директор Левада-Центра

Дмитриев Михаил Эгонович – д.э.наук, Президент Хозяйственного партнерства «Новый экономический рост»

Козеренко Екатерина Владимировна – к.с.н, руководитель отдела Левада-Центра

Красильникова Марина Дмитриевна – к.э.н., ведущий эксперт Института социальной политики (ИСП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Левинсон Алексей Георгиевич – к. иск.н., руководитель отдела Левада Центр

Мареева Светлана Владимировна – к.с.н., заведующая Центром стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Николюк Сергей Александрович – независимый социолог, политолог (Минск)

Никольская Анастасия Всеволодовна – к.психол.наук, научный сотрудник Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина,

Слободенюк Екатерина Дмитриевна – к. с. н., научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

SUMMARY

The new Russia 30 years later. achievements and shortcomings (A socioeconomic analysis) (by Abel Aganbegian)

In its 30 years of socioeconomic development Russia has gone through 3 stages: a period of transformation crisis (1991-1998/1999), a recovery boom (1999-2008) and a third period of crisis and stagnation (2009-2020/21) still in process. The crisis of the New Russia is a continuation of the shortages and external debt crisis of the two last years of the Soviet Union's existence.

It ended with a two year long financial, economic and social crisis of 1998-1999. The recovery boom began thanks to a four-time depreciation of the rouble against the dollar, which led to a decrease of import and the growth of import-substitution industries. Further growth was supported by considerable yearly increase in prices for oil and natural gas which comprise 70% of our exports. Russia's GDP increased 1,9 times and real disposable household income - 2,3 times during this period.

In 2010-2012 major socioeconomic markers have recovered to pre-crisis levels. From 2013 a seven year long stagnation began in Russia, with recession in social markers in 2015. The stagnation snowballed into a deep structural crisis of 2020-2021, due to the global corona virus pandemic as well as the oil and gas crisis.

The beginning of the new, fourth period in Russia's development is possible only in the end of 2021, when 60-70 mln people will have been vaccinated (according to virologists). But that presupposes a sharp increase (2-3 times) of anti-crisis measures financing. Without it recovery to 2019 levels, not to mention 2012-2013 levels, will take not 2 years but 4-5 or more.

A new bout of stagnation awaits the country, and unlike a crisis it doesn't have a built-in "rebound"

mechanism — the post crisis growth. Russia has the financial resources for a large-scale anti-crisis program, that would insure a switch to accelerated socioeconomic growth. For one, it's the bank system assets, which grow by 12-14% (more than GDP).

For two, it's the volume of gold and foreign currency reserves. For three, the possibilities to interest major business, companies and organizations in investing in capital stock and human capital. For four, mass privatization of state-controlled companies and organizations.

For five, raising bonded loans from citizens in need of improved housing conditions, a vehicle or a plot of land at a discount, on conditions mutually profitable for the state, the business and the populace. For six, fund raising via increasing national debt. Increasing the populace's living standards and preserving the people of Russia is of vital importance.

This program should include the following measures: a) increase of minimal wage and unemployment pay in 2021 already b) pension valorization c) reducing the populace's debt under credit d) creating conditions to improve living standards of rural and small town population - the most numerous relatively poor population group e) income tax reform.

The stepped up increase of investment into capital stock and human capital ("knowledge economy") and the rise of residential development will allow to overcome the crisis in a short time frame (in 2022), surpass 2019 levels and resume 3 percent socioeconomic growth starting from 2023.

In order to remove the obstacles in the way of investment and socioeconomic growth, create a friendly environment here - a number of structural reforms needs to take place, including property reform (doing away with excessive state control,

undertake mass privatization, declaring private property the basis of national economy) as well as finance and tax systems reform.

The solution is in switching to national economic planning, in creating the first five-year plan for Russia spanning 2021-2025 with key results set up to 2030.

Back to the future: how the russians' disposition changed due to the pandemic and the economic recession (by Mikhail Dmintriev, Anastassia Nikolskaya)

The article focuses on the changes in the dynamics of sociopolitical mood of the Russian population during the covid-19 pandemic. The study is based on focus-group data and a quantitative survey conducted by Levada Center in September-October 2020 as well as on data from previous rounds of similar surveys that the authors took part in in 2018-2020. The analysis results point to the beginning of reverse changes in public opinion dynamics.

Against the backdrop of accumulating stress and tiredness from the crisis and the pandemic, signs of weakening of civic activism and reactivation of traditional value systems can be detected. The declared demand for change in the country remains strong, however the faith in the possibility of change for the better and the readiness to participate in civic activity for the sake of this change is growing weaker. The excitement regarding the country's development prospects is weakening, and the images of the future get replaced with stereotypes borrowed from historical experience. Unlike the two previous years, the hope for change is once again beginning to associate not so much with the citizens' own activity but with the appearance of a strong political leader capable of proposing development ideas

In search of a booster for the Belarus revolution (by Sergey Nikoliuk)

The sixth prolongation of Alexander Lukashenko's presidential mandate was not a surprise. The Central Election Commission appointed by him registered the standard level of electoral support for post-soviet sultanates — 80,1%.

What was a surprise was the mass nature and running time of protest rallies in Belarus cities and the violence the law enforcers used to try and repress them. By day 100 of the popular resistance campaign 900 criminal cases were filed and the detainees numbered 26 thousand.

The reaction of the Belarus society to the falsified results of the presidential elections was labeled a

“color revolution” by the government propaganda; staff ideologists pinned its causes on the intentional efforts of “western puppeteers”.

In the author's opinion, mass protests (society switching from a state of political apathy to one of excitement) were caused by the disproportion formed within the last quarter century between the culture of the XXI century generation and the sociability which has remained soviet, thanks to the efforts of the authoritarian government.

Belorussian protest, despite its mass nature and unprecedented running time is not aimed at an actual shift in power. Neither on the national scale nor locally no situations that can be viewed as duality of power occur. This doesn't mean, however, that the protesters' efforts were in vain. Belorussian society will never be the same. The accumulated experience of joint actions is the main result of the Belorussian revolution, or rather the initial stage thereof.

In order to prevail the movement for general democratic values needs a “booster”, become.

Sticking in Poverty and Retaining Wealth: Individual Income Mobility in Russia (by Svetlana Mareeva, Ekaterina Slobodenyuk)

The article is devoted to the problem of individual income mobility of Russians in both objective and subjective dimensions. The empirical base for the research is drawn from the Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics (RLMS HSE), waves 2014-2017. Following the logic of the relative (positional) income mobility, used, inter alia, in the recently published OECD report, but adapting it to the realities of modern Russian society, the authors turn to the analysis of the scale and directions of individual mobility between income quintiles over a four-year interval. The composition of the groups that remain steadily in the least and most prosperous income positions (“sticky floor” and “sticky ceiling”) is also in focus. A similar logic of analysis is then applied to subjective income mobility — changes in self-evaluation of one's position on the poverty-wealth scale.

The results show that the scale of income mobility in Russian society is quite high, which is more typical for the countries undergoing periods of transformation. Income mobility opportunities are influenced by factors of both class and non-class nature, and the high importance of ascriptive factors for sustainable well-being or continuous poverty requires the attention of the state. A subjective assessment of the position on the income scale is even more volatile, with subjective income mobility weakly correlating with income mobility. In the

most disadvantaged state in the realm of objective income mobility are families with children, and in the realm of subjective income mobility — pensioners with multiple chronic diseases. At the same time, none of the socio-demographic categories can be unambiguously defined as a zone of localization of immobility by income or self-evaluation, since the situation of individuals belonging to them can qualitatively differ depending on a unique combination of life circumstances.

Changes in the Russian populace's subjective perception of living standards (by Marina Krasilnikova)

Experts consider the dynamics and structure of people's standards of living to be one of the most important factors influencing people's opinions and views on society, their place and role in current social events, notions and evaluation of social institutes and other aspects of subjective perception of one's environment.

The economic conditions during the last five years or so were not very favorable in terms of Russian families' wealth growth dynamics, predominantly due to lack of real income growth. The corona virus pandemic and the implementation of quarantine measures have only aggravated the situation. The article analyses the dynamics of subjective perception of the populace's living standards, its consumer and financial behavior based on three representative all-Russian surveys conducted by Levada Center for NRU HSE in 2016, 2018 and 2020.

Quantitative changes in income are not directly reflected in people's perception and description of their financial status, since people also take changes in their consumption models into consideration when answering. The longstanding negative dynamic of real income has led to a review of consumption models towards curtailment of demand. By the time the economic downturn of 2020 came about, the Russian society had acquired some experience of living in austerity mode, which made said mode an acceptable norm of life. In 2020 subjective perception of Russian families' wealth has not changed much compared to previous years. Moreover, ten years ago much lower subjective evaluations were recorded on the background of the 2008-2009 crisis.

Forced practical implementation of family budget austerity strategy has led to a change in priorities regarding spending increase in case of family income growth. In 2016 consumers' aspirations were noticeably more hedonistic: first of all, people wanted to spend more on vacations, clothing and consumer electronics. In 2020 the first consider-

ation is to increase health and education expenses (for children), as well as food. The growing frequency of food expenses mentions is a new signal, possibly evidencing an exacerbated issue of proper nutrition. It must be pointed out that foodstuff is a popular cost-cutting area, but, it seems, such thrift has already turned unhealthy.

Compared to 2016 changes in financial behaviour have occurred: the share of families with savings has decreased and that of families burdened with debt has grown. Also, families with higher subjective perceptions of their own financial capabilities generally have savings and try to refrain from taking out loans. Overall, the lower the income, the more often families are burdened with debt (while lacking savings).

Worsening economic conditions in the country manifest in a number of ways (unemployment, inflation, drop in production and financial markets crisis). The most painful for the masses is the threat to current income — for most the greatest concerns in 2020 have to do with loss of employment (dismissals, cut downs). The low inflation level maintained during the last several years has mitigated the issue somewhat — price growth for routine shopping has become the second most important form of crisis manifestation. Possible loss of accumulated wealth is a worry for the few (due to lack thereof).

Generational continuity and changes 2002-2020 (by Lev Gudkov)

Strengthening of centralized governmental control over various forms of social life and repressions against civil society organizations have suppressed the Russian society's abilities for innovations. The intellectual and moral degradation that has become noticeable on the background of long term economic stagnation once again brought up the old issues of generational alternation as the condition of change in values and norms. Testing this hypothesis is the goal of a sociological study of the young people marked down as "Putin's generation".

The empiric basis of the study is a representative survey of Russian citizens aged 18-34, conducted in October of 2020 as part of "Soviet Man" program and a number of other Levada Center projects since 1989. Post-soviet generations of young Russians (born in 1986-2002) lacking the experience of living under Socialist conditions are marked with a high self esteem and confidence in the future. These young people were brought up and socialized under the conditions of "Putin's stabilization" and "Sovereign democracy", in the era when censorship in the country increased, while at the same time alter-

native communication systems — Internet, social networks — developed. The youth is better educated, more mobile and has higher income levels than average for Russia.

However no signs of a social-cultural generational gap, or a of separate system of values and symbols among the youth can be found. Propensity for consumer culture expresses the unsatisfied demands and values of the shortage-prone society of the Socialist era. The survey results do not demonstrate a specific generational identity of this youth cohort.

Ideological views formed during the last decades of the soviet system are replicated. The youth's political preferences are preset by the blurred image of Western democracy, but there's no readiness for practical implementation of their ideals and preferences. Unwillingness to participate in politics, in the activities of democratic parties in Russia points to the absence of civil responsibility among the greater part of the youth.

The youth retains the taboo for rationalization of the soviet past. No indications of understanding of the nature of soviet totalitarianism and the reproduction of its institutional components were detected. It's not "generation Z"'s fault, but the result of the work of governmental institutions, blocking the "review of the past" agenda and the formulation of democratic policy regarding history.

A study of independence and self-sufficiency of prosecutors: based on a public opinion survey (by Anastasia Voskresenskaya, Fedor Voskresensky)

The article presents some results of the scientific study "The State of the Domestic Justice System: An Inside Look at its Independence and Self-sufficiency" conducted by the Political and Law Research Laboratory of the Department of Political Science, Moscow State University. The study conducted a large-scale survey of the main subjects of the Russian justice system: judges, prosecutors and investigators. The results showed that guarantees of independence and self-sufficiency are most weakened for prosecutors and investigators, therefore, the article focuses on the results of a survey of three sociological groups of prosecutors. A detailed analysis was made of the questionnaires of prosecutors who studied at the continuing education courses, St. Petersburg branch of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, in the amount of 36 people, prosecutors, who are heads of the anti-corruption departments of prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation in

the amount of 46 people, as well as prosecutors of the prosecutor's office Pskov region in the amount of 44 people. A total of 126 people were analyzed in detail. To identify paired relationships between the answers to the questionnaire, a statistical criterion was used to analyze qualitative Chi-square data, with the help of which statistically significant differences in the answers were revealed. The results show that prosecutors have independence from external forms of influence (from public authorities, the mass media and public opinion). That is, factors of extrasystemic influence do not prevail over them. At the same time, a rigid hierarchical principle of subordination operates within the system of prosecution bodies. It is recognized by the workers themselves as the main threat to their independence and self-sufficiency. It is concluded that such results are due to the normative consolidation of the construction of the system of prosecution bodies reflected in Art. 123 of the Constitution of the Russian Federation, in part 2 of article 4 Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation», which makes up a single centralized system with subordination of lower-level prosecutors to the higher and the General Prosecutor of the Russian Federation. Based on the principles of their activities, the prosecution authorities are a classic executive body, therefore, the prosecutor does not have autonomy and is called upon to implement orders and instructions of the management. For the most part, prosecutors accept the "rules of the game" by which the system operates, sacrificing its internal conviction and sovereignty with respect to the higher management, compensating for this with similar pressure on subordinate employees.

Extraordinary preconditions for civic society phenomena (By Alexsey Levinson)

Focus group discussions with civic volunteers and people who participated in protest manifestations in Moscow, StPetersbourg and Minsk give evidence that main features of the civic society are there while people stay together in the street expressing their common feelings and demands. Shall this phenomenon last after they disperse? Russian experience says rather no, Byelorussian — rather yes.

In memory of Anatoly Vishnevsky (by Alexey Levinson, Lyubov Borusyak)

Social-demographic characteristics comparison using different polling methods — F2F and CATI (by Ekaterina Kozerenko).

Список статей, опубликованных в 2020 году

	№	Стр.
<i>Лев ГУДКОВ, Наталия ЗОРКАЯ, Екатерина КОЧЕРГИНА, Карина ПИПИЯ, Александра РЫСЕВА.</i> «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления	1-2	21-121
<i>Денис ВОЛКОВ.</i> Отличия молодых россиян от представителей старших поколений: результаты социологического мониторинга	1-2	122-129
<i>Анастасия КАРАВАЙ.</i> Досуговая активность российской молодёжи: основные типы и факторы выбора	1-2	130-140
<i>Денис ВОЛКОВ, Степан ГОНЧАРОВ.</i> Российский медиаландшафт — 2020: Телевидение, Интернет, социальные сети и мессенджеры	1-2	141-147
<i>Сергей НИКОЛЮК.</i> Беларусь накануне шестого переутверждения Лукашенко.	1-2	148-153
<i>Денис ВОЛКОВ, Степан ГОНЧАРОВ, Мария СНЕГОВАЯ.</i> Верховенство права: Российское общественное мнение о правовой защищенности и возможности отстоять свои права	1-2	154-165
<i>Федор ВОСКРЕСЕНСКИЙ, Екатерина ВОСКРЕСЕНСКАЯ.</i> Самостоятельность и независимость следователей в системе правосудия (по результатам социологического исследования)	1-2	166-181
<i>Зеэв (Владимир) ХАНИН.</i> Ашкеназские евреи бывшего СССР: религиозная идентичность и религиозно-культурная традиция	1-2	182-190
<i>Любовь БОРУСЯК.</i> Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России, а потом решают вернуться?	1-2	191-205
<i>Абел АГАНБЕГЯН.</i> Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ)	3-4	
<i>Михаил ДМИТРИЕВ, Анастасия НИКОЛЬСКАЯ.</i> Назад в будущее: как изменились настроения россиян под влиянием пандемии и экономического спада	3-4	74-90
<i>Сергей НИКОЛЮК.</i> В поисках разгонного блока белорусской революции	3-4	91-99
<i>Светлана МАРЕЕВА, Екатерина СЛОБОДЕНЮК.</i> Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России	3-4	100-115
<i>Марина КРАСИЛЬНИКОВА.</i> Перемены в субъективном восприятии уровня жизни российским населением	3-4	116-133
<i>Лев ГУДКОВ.</i> Преемственность и изменения в поколении 2002-2020 гг.	3-4	134-179
<i>Анастасия ВОСКРЕСЕНСКАЯ, Федор ВОСКРЕСЕНСКИЙ.</i> Исследование независимости и самостоятельности прокурорских работников: на материалах социологического опроса	3-4	180-206
<i>Алексей ЛЕВИНСОН.</i> Волонтерство и протест как феномены экстраповседневности	3-4	207-217
<i>Алексей ЛЕВИНСОН, Любовь БОРУСЯК.</i> Памяти Анатолия Григорьевича Вишневого.	3-4	218-219
<i>Лев ГУДКОВ.</i> От редакции	3-4	220
<i>Екатерина КОЗЕРЕНКО.</i> Сравнение социально-демографических характеристик при разных методиках опроса, F2F и САТИ	3-4	221-230

List of Publications. 2020

	№	P.
<i>Lev GUDKOV, Ekaterina KOCHERGINA, Karina PIPIIA, Alexandra RYSEVA, Natalija ZORKAYA.</i> «Generation Z». Young people of the Putin era.	1-2	21-121
<i>Denis VOLKOV.</i> How different are young Russians from older generations: the results of sociological monitoring	1-2	122-129
<i>Anastasia V. KARAVAY.</i> Leisure Activity of Russian Youth: the Main Types and Factors of Choice	1-2	130-140
<i>Denis VOLKOV, Stepan GONCHAROV.</i> Russian Media landscape 2020: Television, Social Media and Messengers	1-2	141-147
<i>Sergey NIKOLIUK.</i> Belarus on the eve of Lukashenko's sixth reapproval.	1-2	148-153
<i>Denis VOLKOV, Stepan GONCHAROV, Maria SNEGOVAYA.</i> The Rule of Law: Society's View of Legal Protection in Russia	1-2	154-165
<i>Fedor VOSKRESENSKY, Ekaterina VOSKRESENSKAYA.</i> On the issue of autonomy and independence of the investigators in the Russian justice system (results of sociological research)	1-2	166-181
<i>Vladimir (Ze'ev) KHANIN.</i> Religious Identity and Religious Culture Tradition of Contemporary FSU Ashkenazi Jewry.	1-2	182-190
<i>Lyubov BORUSYAK.</i> Young intellectuals: why do they leave, and then decide to return to Russia?	1-2	191-205
<i>Abel AGANBEGIAN.</i> The new Russia 30 years later. Achievements and shortcomings (a socioeconomic analysis).	3-4	29-73
<i>Mikhail DMINTRIEV, Anastassia NIKOLSKAYA.</i> Back to the future: how the russians' disposition changed due to the pandemic and the economic recession.	3-4	74-90
<i>Sergey NIKOLYUK.</i> In search of a booster for the Belarus revolution.	3-4	91-99
<i>Svetlana MAREEVA, Ekaterina SLOBODENYUK.</i> Stuck in poverty and preserving wealth: individual income mobility in Russia.	3-4	100-115
<i>Marina KRASILNIKOVA.</i> Changes in the Russian populace's subjective perception of living standards	3-4	116-133
<i>Lev GUDKOV.</i> Generational continuity and changes 2002-2020.	3-4	134-179
<i>Anastasia VOSKRESENSKAYA, Fedor VOSKRESENSKY.</i> A study of independence and self-sufficiency of prosecutors: based on a public opinion survey.	3-4	180-206
<i>Alexey LEVINSON.</i> Charity work and protest as extra-mundane phenomena.	3-4	207-217
<i>Alexey LEVINSON, Lyubov BORUSYAK.</i> In memory of Anatoly Vishnevsky.	3-4	218-219
<i>Lev GUDKOV.</i> Editorial note.	3-4	220
<i>Ekaterina KOZERENKO.</i> Social-demographic characteristics comparison using different polling methods - F2F and CATI.	3-4	221-230

